
ИСТОРІЯ
РУССКОЙ
АРМІИ
И
ФЛОТА
КНИГ-ИЗД. Т-ВО «ОБРАЗОВАНІЕ»

ИСТОРІЯ РУССКОЙ АРМІИ И ФЛОТА

Роскошно иллюстрированное изданіе

Моск. Кн-изд. Т-во. „Образованіе"

Москва.

МОСКВА.—1913.
Типографія **Русскаго Товарищества**. Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.
Телефонъ **18—35**.

Его Императорское Высочество Великій Князь Генералъ-Адмиралъ Константинъ Николаевичъ.

Съ портрета въ картинной галлереѣ Морского Корпуса. къ стр. 3.

Флотъ въ царствованіе Императора Александра II.

I. Отъ Парижскаго мира до войны съ Турціей.

1. Работа надъ возстановленіемъ русской морской силы послѣ Парижскаго мира. Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Тяжело было положеніе русскаго флота послѣ Парижскаго мира. Восточная война показала полную его несостоятельность и въ матеріальномъ отношеніи и въ подготовкѣ къ искусству веденія морской войны личнаго состава. И главное заключалось во второмъ, такъ какъ именно изъ него вытекала отсталость и матеріальной части. Конечно не виноватъ былъ въ этомъ самъ личный составъ. Онъ былъ только отраженіемъ, съ одной стороны общаго состоянія государства, его культуры, а съ другой стороны—того значенія, которое придавало государство морской силѣ, и тѣхъ требованій, которыя оно ей ставило. Николаевская эпоха—это расцвѣтъ рутины въ военной русской силѣ, и на сухомъ пути и на морѣ. Армія погрязла въ шагистикѣ и плацъ-парадахъ, флотъ — въ отчетливости и красотѣ рейдовыхъ ученій, въ наведеніи умопомрачительной чистоты, и въ показаніи товара лицомъ на смотрахъ.

«Послѣ успѣшныхъ войнъ начала 19 столѣтія»—говоритъ историкъ [1]) «армія наша, по отношенію къ выучкѣ и вооруженію пошла не впередъ, а назадъ. Аракчеевскій взглядъ на службу глубоко проникъ во всѣ слои арміи. Особенно былъ слабъ старшій начальствующій персоналъ. О томъ, что армія назначается для войны, было забыто. Показная сторона взяла верхъ надъ сущностью. Ружейные пріемы и церемоніальный маршъ поставлены выше всего. Наилучшимъ показателемъ взглядовъ той эпохи на нашу боевую силу служатъ несомнѣнные факты подскобки и подпиливанія, съ разрѣшенія начальства, разныхъ частей въ ружьѣ (гаекъ и шомполовъ), чтобы при ружейныхъ пріемахъ получался особый дружный звонъ тысячи ружей, пріятно ласкавшій ухо начальниковъ того времени... Начавшееся въ Россіи, по почину Императора Александра I, послѣ наполеоновскихъ войнъ, освободительное движеніе, проникшее и въ ряды арміи, смѣнилось административнымъ гнетомъ, тяжело отразившимся на всѣхъ видахъ дѣятельности въ Россіи, на всѣхъ сословіяхъ, въ томъ числѣ и на военномъ.

Вся Россія облеклась какъ бы въ мундиръ, застегнутый на всѣ пуговицы, и вытянулась въ струнку.

---

[1]) Куропаткинъ. «Итоги войны», стр. 8.

Россія, а съ нею и армія могли говорить только: «слушаю», «такъ точно», и «все благополучно»... Всякое проявленіе въ арміи инициативы, не по командѣ, было караемо.

Печать робко молчала. Обсужденіе въ военномъ органѣ даже вопросовъ о формѣ одежды признавалось иногда вреднымъ вольнодумствомъ. Въ результатѣ армія въ духовномъ отношеніи, несмотря на ея многочисленность, не подвинулась впередъ.

Но и въ матеріальномъ отношеніи мы отстали отъ европейскихъ армій. Очевидно, что при взглядѣ на ружье, какъ на средство производить шумные ружейные пріемы, мы не спѣшили съ перевооруженіемъ арміи».

Такова была армія передъ Крымской кампаніей, храбрая, патріотичная, доведшая до умопомрачительной чистоты въ отдѣлкѣ обращеніе съ совершенно устарѣлымъ оружіемъ, погрязшая въ шагистикѣ, руководимая въ большинствѣ бурбонами, презиравшими всякую научность, всякую живую мысль»...

Очевидно тѣ же причины приводили къ тѣмъ же послѣдствіямъ и во флотѣ. И дѣйствительно, таковъ же былъ и флотъ. И потому, что такова была и вся Россія.

И дѣйствительно мы встрѣчаемъ такія характеристики Николаевской эпохи во флотѣ [1]).

«Во главѣ флота оказался сухопутный человѣкъ — Меншиковъ. Хотя онъ не могъ помѣшать успѣхамъ Черноморскаго флота, управлявшагося въ значительной мѣрѣ самостоятельно, но Балтійскій флотъ привелъ къ чисто п о к а з н о м у состоянію. На смотры выводили, на ряду съ эффектными, картинными кораблями, и суда безъ палубъ, не могущія управляться парусами».

«Политическія обстоятельства послѣдующихъ 20 лѣтъ (царствованія Николая I) не потребовали активнаго участія флота, который, совершая обычныя практическія плаванія, преимущественно въ своихъ водахъ, с о в е р ш е н с т в о в а л с я л и ш ь с ъ п о к а з н о й с т о р о н ы. Наружный порядокъ былъ безукоризненъ. Въ такомъ же блестящемъ видѣ представлялъ Государю и всѣ дѣла по управленію морскимъ вѣдомствомъ въ своихъ ежегодныхъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ князь Меншиковъ, предоставленный самостоятельному управленію флотомъ и упоенный сознаніемъ своего собственнаго величія. О н ъ т о л ь к о в о с х в а л я л ъ с у щ е с т в у ю щ і е п о р я д к и и перечислялъ благоволенія, изъявленныя Его Величествомъ при посѣщеніяхъ флота, портовъ и заведеній, гдѣ всегда старались показать лишь наружный блескъ и порядокъ».

При такой системѣ правительство конечно не могло еще въ мирное время уяснить себѣ, что военная сила Россіи и на сухомъ пути и на морѣ чисто м н и м а я, а значитъ, не могло, или энергично ее реформировать, или, считаясь съ этой временной конечно мнимостью, сообразовывать съ этимъ и внѣшнюю политику, которая конечно была бы совсѣмъ другая, если бы она опиралась на сознательное, а не на казовое лишь знакомство со своимъ военнымъ могуществомъ. И вотъ эту «мнимость» показала Восточная война.

---

[1]) Беклемишевъ. „О морской силѣ Россіи", стр. 11. Бѣлавенецъ. „Нуженъ ли намъ флотъ и значеніе его въ исторіи Россіи", стр. 191 и 192.

Но армія послѣ перенесеннаго разгрома имѣла передъ собой широкій просторъ для своего обновленія. Никто извнѣ не мѣшалъ ей усиливаться и совершенствоваться въ какомъ угодно отношеніи, а внутри она могла черпать силы для своего обновленія въ сознаніи, что страна понимаетъ ея значеніе, дорожитъ ею, любитъ ее, и на нее именно кладетъ надежду на выходъ изъ того унизительнаго положенія, въ которое поставилъ Россію Парижскій трактатъ.

Въ другомъ совершенно положеніи былъ флотъ. Единственное теплое, круглый годъ открытое море, было ему заказано—мы потеряли право имѣть флотъ на Черномъ морѣ. Сознаніе важности для страны морской силы отсутствовало и пониманіе ея значенія, не говоря ужъ о народной массѣ, отсутствовало и въ правительствѣ и въ обществѣ и даже... въ личномъ составѣ самого флота. При такихъ условіяхъ нельзя было ожидать крупныхъ денежныхъ жертвъ со стороны государства на возстановленіе флота. А между тѣмъ именно послѣ Восточной войны требовались большія затраты, чтобы имѣть дѣйствительно сильный флотъ. Уже передъ Восточной войной парусный флотъ рѣшительно вступилъ на путь преобразованія въ паровой—и въ этомъ мы уже поспѣли отстать на столько, что въ Балтійскомъ морѣ нашимъ кораблямъ пришлось запереться, а въ Черномъ—затопить себя, для прегражденія входа въ Севастополь, такъ какъ для боевой службы въ морѣ они уже оказались негодны. Во время войны появились у непріятеля въ Черномъ морѣ первые броненосцы, и сейчасъ же послѣ войны наступилъ періодъ полной ломки всей матеріальной части деревяннаго флота.

Быстро, одно за другимъ, слѣдовали — желѣзное судостроеніе, броня, совершенно новые, а потому и быстро видоизмѣнявшіеся, пока они не установились, типы кораблей. Такимъ же быстрымъ темпомъ, вслѣдствіе появленія брони, начала развиваться артиллерія, съ которой броня съ своей стороны, вступила въ жестокую борьбу—и что тоже имѣло послѣдствіемъ быструю смѣняемость системъ бронированія, качествъ броневыхъ плитъ, типовъ орудій, снарядовъ, пороховъ и т. п. Не отставало въ общемъ прогрессѣ и развитіе миннаго оружія, которое тоже было примѣнено впервые во время Восточной войны.

Чтобы поспѣть за этой постоянной смѣняемостью матеріальной части и не отстать при этомъ, ни въ качествѣ, а особенно въ количествѣ кораблей, надо было тратить на флотъ огромныя средства, а ассигнованія такихъ средствъ, какъ указано было выше, ожидать было нельзя.

Это могло бы обойтись нѣсколько дешевле, при покупкѣ кораблей за границей, но, во-первыхъ, и въ западной Европѣ ихъ можно было заказывать только въ Англіи и Франціи, которыя въ этотъ лихорадочный періодъ преобразованія флотовъ сами стремились использовать всѣ средства своей технической промышленности, а во-вторыхъ—тогда былъ бы упущенъ случай дать развиться русской промышленной техникѣ, и такимъ образомъ поставить надолго существованіе русскаго флота въ полную зависимость отъ другихъ странъ. А постройка кораблей у себя, при полной неподготовкѣ къ этому нашей техники, опять-таки влекла за собой огромные расходы, тѣмъ болѣе сильно отзывавшіеся на стоимости каждаго корабля, чѣмъ кораблей этихъ было меньше.

Всѣ эти препоны къ возстановленію русской морской силы, не могли не вліять удручающимъ образомъ на энергію личнаго состава, который, хотя и былъ разбуженъ отъ долгой спячки разгромомъ и болью униженія Парижскаго трактата, но все же это, особенно въ своихъ верхахъ, былъ тотъ же личный составъ, и съ присущими ему недостатками, который оказался совершенно неподготовленнымъ къ войнѣ.

Чтобы возсоздать морскую силу прежде всего нуженъ былъ человѣкъ, свободный отъ рутины, который могъ бы сознать недостатки личнаго состава, нашелъ бы въ себѣ энергію и искусство неуклонно стремиться къ устраненію ихъ, который подвигался бы на это крѣпкой вѣрой, что все исходитъ отъ подготовки личнаго состава, и утѣшался бы тѣмъ, что если, за отсутствіемъ средствъ, ему и не удастся создать могущественный флотъ, то хорошо подготовленный личный составъ, подготовка техники въ странѣ для созданія матеріальной части дадутъ тотъ фундаментъ, на которомъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, т.-е. когда государство найдетъ возможнымъ ассигновать большія средства на созданіе флота, этотъ флотъ можно создать быстро и дать ему необходимую устойчивость—внѣ зависимости отъ иностранцевъ.

Задача, конечно, всегда неблагодарная, такъ какъ такая работа, какъ и всякая подготовительная, не блещетъ казовой стороной «видимой» для всѣхъ силы. Такую работу понимаютъ единицы, а масса видитъ только «число» кораблей, и если такового нѣтъ, а въ данномъ случаѣ его и быть не могло за ограниченностью средствъ, то сейчасъ же поднимаются вопли, что деньги тратятся даромъ, и что «флота нѣтъ». Поэтому за такую дѣятельность могъ взяться только человѣкъ недюжинный, способный пренебречь невѣжественнымъ мнѣніемъ толпы. Такимъ человѣкомъ и явился Великій Князь Константинъ Николаевичъ, второй сынъ императора Николая Павловича.

Онъ родился 9 сентября 1827 г. и съ дѣтства уже былъ предназначенъ Императоромъ къ морской службѣ. Въ 1831 г. онъ уже былъ назначенъ Генералъ-Адмираломъ, и получилъ военно-морское воспитаніе подъ руководствомъ адмирала Ѳ. П. Литке, знаменитаго путешественника (впослѣдствіи графа, президента Императорской академіи наукъ). Большое вліяніе на воспитаніе Генералъ-Адмирала имѣлъ и знаменитый воспитатель его брата — поэтъ В. А. Жуковскій. Въ 1850 г. Константинъ Николаевичъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Комитета для составленія Морского Устава, а въ 1852 г. онъ занялъ постъ товарища начальника Главнаго морского штаба, въ то время свѣтлѣйшаго князя Меншикова, но когда тотъ въ январѣ 1853 г. отправился чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь, Константинъ Николаевичъ вступилъ въ управленіе морскимъ министерствомъ.

Въ первой же своей работѣ онъ проявилъ себя. Онъ рѣшилъ привлечь къ составленію Морского Устава весь флотъ, и помимо того, что это благотворно подѣйствовало на личный составъ флота послѣ высокомѣрнаго къ нему отношенія Меншикова, Великій Князь имѣлъ тутъ полную возможность узнать ближе этотъ личный составъ, всѣ теченія мыслей, имѣвшія въ немъ мѣсто. Уже здѣсь, какъ говоритъ историкъ [1]), «раскрылась пе-

[1]) Адмиралъ П. С. Бурачекъ. «Замѣтки о флотѣ». М. Сб. 1908 г. № 6

редъ нимъ неподкрашенная картина отрицательныхъ сторонъ и крупныхъ недочетовъ морской среды». И первой задачей Великій Князь поставилъ себѣ изучить личный составъ, чтобы знать, что именно предпринять. Онъ сразу понялъ, что именно въ этомъ заключается вся сущность дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ энергично принялся за борьбу съ его недостатками. Требуя отъ начальниковъ учрежденій отчетъ за 1854 г., онъ рѣзко порвалъ съ установившейся традиціей изображать въ этихъ отчетахъ, что «все обстоитъ благополучно». Онъ писалъ циркулярно начальникамъ [1]): «Я желаю, чтобы отчетъ не ограничивался сухимъ разсказомъ того, что сдѣлано, или содержалъ похвалы удивительному порядку и благоустройству; напротивъ—требую въ немъ откровеннаго изложенія тѣхъ несовершенствъ и непорядковъ, которые слѣдуетъ устранить и улучшить. Этотъ отчетъ относится ко времени моего управленія, и потому я буду особенно взыскателенъ за непоказаніе безпорядковъ, и никакихъ не дозволю похвалъ. Нужно, чтобы факты, а не фразы хвалили насъ».

Конечно, Великій Князь Константинъ Николаевичъ уже ничего не могъ сдѣлать во время войны, но когда, послѣ Парижскаго мира, на него легла задача возстановленія флота, планъ выполненія этой задачи былъ для него ясенъ—не гонятьса за «мнимой» силой въ настоящемъ, а подготовить почву для возможности имѣть въ будущемъ силу «дѣйствительную», и главнымъ образомъ—хорошо подготовленный личный составъ.

Этотъ свой планъ Великій Князь очень образно изложилъ въ письмѣ къ намѣстнику Кавказа князю А. И. Барятинскому отъ 24 іюня 1857 г. [2]). «Мы не можемъ далѣе себя обманывать», пишетъ онъ, «и должны сказать, что мы слабѣе и бѣднѣе первостепенныхъ державъ, и что бѣднѣе не только матеріальными способами, но и умственными... приходится по всѣмъ вѣдомствамъ сократить расходы и пожертвовать многими прекрасными надеждами на будущее, чтобы выйти изъ настоящаго положенія... требуютъ скорѣйшаго разрѣшенія важные вопросы внутренней администраціи нашей, а именно: о крѣпостномъ правѣ, о раскольникахъ, о крайней необходимости ускорить судопроизводство и полицію нашу такъ, чтобы народъ находилъ гдѣ-нибудь судъ и расправу, чтобы приказанія правительства исполнялись, и чтобы высшія правительственныя лица не были вынуждены для достиженія благихъ цѣлей къ внѣ-законнымъ средствамъ. Въ то же время необходимо изыскать новые и притомъ колоссальные источники народнаго богатства, дабы Россія сравнялась въ этомъ отношеніи съ другими государствами.... Ты, любезный князь, управляешь, какъ намѣстникъ Государя, цѣлымъ царствомъ; мнѣ предоставлено довѣріемъ Государя создать Россіи флотъ, ибо нѣтъ у насъ флота. Соображая важность той и другой исторической роли, мнѣ кажется, что первая обязанность наша должна состоять въ томъ, чтобы отбросить всякое личное славолюбіе и сказать, что наша жизнь должна пройти въ скромномъ, неблестящемъ трудѣ, не въ подвигахъ, которые могли бы въ настоящемъ возвысить наше имя, но въ работѣ для бу-

[1]) К. Г. Житковъ. «Свѣтлой памяти Великаго Князя Константина Николаевича». М. Сб. 1911 г. № 1.

[2]) Русскій біографическій словарь, т. I.

дущаго, чтобы дѣти наши получили плоды съ той земли, которую мы, при благословеніи Божіемъ, можемъ вспахать, удобрить и засѣять. Посему не о морскихъ побѣдахъ слѣдуетъ думать, не о созданіи вдругъ большого числа судовъ, на что мы рѣшительно не имѣемъ средствъ, но о томъ, чтобы безпрерывными плаваніями небольшого числа хорошихъ судовъ приготовить цѣлое поколѣніе будущихъ опытныхъ и страстныхъ моряковъ»...

Вотъ такъ онъ и дѣлалъ. Суда, хотя и немногочисленныя, строились для нашего флота новѣйшихъ типовъ, сначала за границей, а потомъ и у насъ, при чемъ не жалѣли средствъ на организацію русскаго кораблестроенія и на опыты для осуществленія идей русскихъ кораблестроителей, не смущаясь неизбѣжными при этомъ ошибками. Артиллерія и мины были всегда лучшихъ и новѣйшихъ образцовъ, и тоже изготовленіе ихъ было организовано у себя.

«За время съ 1855 по 1863 г. построено было 132 большихъ и малыхъ винтовыхъ судовъ, изъ коихъ только 5 за границей» [1]—вотъ итогъ энергичной дѣятельности Генералъ-Адмирала.

Но главное—упорно преслѣдовалась идея создать кадръ «опытныхъ и страстныхъ моряковъ» и практическими внутренними плаваніями въ эскадрахъ, на которыхъ создали цѣлую школу такіе выдающіеся адмиралы, какъ И. Ѳ. Лихачевъ и Г. И. Бутаковъ, и постоянной посылкой судовъ въ заграничныя плаванія, и истребленіемъ въ личномъ составѣ вредныхъ традицій и порядковъ, и воспитаніемъ его въ любви къ морю и военно-морскому дѣлу всѣми мѣрами, которыя только могъ придумать энергичный Генералъ-Адмиралъ и тщательно подобранный имъ кружокъ талантливыхъ и молодыхъ совѣтниковъ.

Съ самыхъ первыхъ шаговъ своихъ Великій Князь обратилъ вниманіе на чрезмѣрное преобладаніе во флотѣ береговыхъ и чиновничьихъ должностей и на громоздкость переписки. «Многодѣліе письменное» [2], пишетъ онъ циркулярно всѣмъ директорамъ департаментовъ, «есть лучшее доказательство незначительности умственнаго труда, который одинъ заслуживаетъ уваженія и даетъ значеніе лицу трудящемуся, а многочисленность чиновниковъ и писарей доказываетъ неспособность начальника изворотиться меньшимъ числомъ подчиненныхъ и неумѣнье его привлечь людей способныхъ, въ которыхъ качество замѣняло бы количество. Слѣдуя этимъ началамъ, я твердо рѣшился уменьшить во ввѣренномъ мнѣ министерствѣ количество письменнаго труда и имѣть немного, но отличныхъ чиновниковъ». И дѣйствительно число чиновниковъ, доходившее въ 1853 г. до 1134 ч., было сокращено къ 1861 г. до 508, но сумма на ихъ содержаніе (1.631.847 р.) осталась та же.

На личный составъ Великій Князь рѣшилъ вліять и посредствомъ печати, и для этого обратилъ вниманіе на приспособленіе для этого дѣла «Морского Сборника». Въ 1855 г. онъ пишетъ: [3]) Я желалъ бы видѣть въ «Морскомъ Сборникѣ» рядъ нравственно-философскихъ сужденій, написанныхъ весьма

---

[1]) К. Г. Житковъ. «Свѣтлой памяти Великаго Князя Константина Николаевича». М. Сб. 1912 г. № 1.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

смѣло и сильно, доступнымъ для каждаго языкомъ, съ цѣлью—съ одной стороны — опорочить тѣ недостатки, которые мы принуждены сознавать между морскими офицерами и чиновниками и которые должны быть заклеймены общественнымъ осмѣяніемъ, а съ другой—указать и растолковать какъ слѣдуетъ понимать нѣкоторые предметы и отношенія. Къ первому разряду будутъ принадлежать: порицаніе системы лжи, замашки показать товаръ лицомъ, выказать небывалыя заслуги свои и умалять недостатки, упущенія и ошибки; образъ взгляда на казенное имущество, расчеты съ углемъ и дровами, системы наказанія нижнихъ чиновъ и обращенія съ ними и т. п... Ко второму ряду статей можно отнести объясненіе какъ смотрѣть на награды и производства, отношеніе товарищей и пр. Сюда же можно отнести рядъ статей въ родѣ «характеровъ Лабрюйера». Желательно бы колкою насмѣшкой порицать зло и хвалить добро, но хвалить умно, а не приторно. За подобныя статьи, которыя были бы написаны съ талантомъ и произвели бы нравственное впечатлѣніе, я готовъ вознаградить авторовъ самымъ щедрымъ образомъ».

Всѣ предпринимаемыя въ морскомъ вѣдомствѣ преобразованія гласно обсуждались на страницахъ «Морского Сборника», и въ немъ же начали печататься всѣ ежегодные отчеты.

Вообще Великій Князь добился того, что «Морской Сборникъ» сдѣлался образцомъ для всѣхъ русскихъ журналовъ того времени. Помимо приглашенія въ число сотрудниковъ всѣхъ выдающихся своими познаніями морскихъ офицеровъ, въ число ихъ вошли лучшія научныя и литературныя силы того времени: Афанасьевъ - Чужбинскій, Бёмъ, Даль, Валуевъ, Гречъ, Гончаровъ, Островскій, Пироговъ, Потѣхинъ, Писемскій и др... Чтобы дать имъ темы, полезныя для развитія личнаго состава флота, литераторы [1]) получили отъ морского министерства командировки для изученія Россіи и заграничныхъ государствъ. Гончаровъ пошелъ на фрегатѣ *Паллада* въ кругосвѣтное плаваніе; Григоровичъ плавалъ на *Ретвизанѣ*; для изученія той части населенія Россіи, которая занималась морскими промыслами, ѣздили Михайловъ, Афанасьевъ-Чужбинскій, Писемскій, Островскій, Потѣхинъ и Данилевскій.

Въ инструкціи имъ Великій Князь писалъ: «Морское начальство, не желая стѣснять таланта, вполнѣ предоставляетъ вамъ излагать ваше путешествіе и результаты изслѣдованій въ той формѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, которые вамъ покажутся наиболѣе удобными, ожидая отъ вашего пера произведенія достойнаго какъ по содержанію и изложенію, такъ и по объему». Знаменитые «Вопросы жизни» и «Школа и жизнь» Пирогова появились впервые въ «Морскомъ Сборникѣ».

Интереснымъ содержаніемъ «Морского Сборника» достигалась двойная цѣль—образованіе личнаго состава флота и знакомство страны съ флотомъ, что является необходимымъ условіемъ его процвѣтанія.

«Необходимо» [2]), пишетъ Великій Князь, «чаще печатать объявленіе о продажѣ «Сборника» и открыть подписку во всѣхъ главныхъ городахъ, объявляя, что онъ интересенъ и для не-моряка, предоставивъ книгопродавцамъ-

---

[1]) К. Г. Житковъ. «Свѣтлой памяти Великаго Князя Константина Николаевича». М. Сб. 1912 г. № 1.

[2]) Тамъ же.

комиссіонерамъ значительный барышъ съ каждаго экземпляра. Цѣль наша— не въ томъ, чтобы извлекать денежныя выгоды, но чтобы знакомить Россію съ флотомъ, возбуждать къ нему уваженіе и привязанность».

Чтобы поставить на подобающую высоту учебныя заведенія морского вѣдомства, Великій Князь обратился въ министерства народнаго просвѣщенія и военное съ просьбой поручить опытнымъ педагогамъ обревизовать эти заведенія. Онъ писалъ: «Прошу исполнить это, въ особенное личное для меня одолженіе и сообщить мнѣ замѣчанія свои съ полной откровенностью, не стѣсняясь никакими соображеніями», а морскимъ начальникамъ предписывалъ: «не скрывать никакихъ недостатковъ, а напротивъ того стараться показать оные, дабы впослѣдствіи намъ легче исправить». Среди лицъ, выполнявшихъ эту работу, были академики Ленцъ, Никитенко, профессоры Сомовъ, Вышнеградскій и др.

Великій Князь старался поднять духъ личнаго состава и всевозможными улучшеніями его быта и условій для его развитія. Морскимъ офицерамъ было значительно увеличено жалованье, была установлена выдача имъ пособій на воспитаніе дѣтей, была устроена эмеритальная касса, въ портахъ учреждены были морскія собранія, съ обширными при нихъ библіотеками и т. п. На все это Константинъ Николаевичъ средствъ не жалѣлъ, и провелъ все это впервые въ Россіи. Потомъ уже другія вѣдомства брали примѣръ съ морского. Такъ же было и въ отношеніи нижнихъ чиновъ. Раньше чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи, именно во флотѣ было отмѣнено тѣлесное наказаніе, уменьшенъ срокъ службы, улучшено санитарное состояніе казармъ, началось обученіе всѣхъ рекрутовъ грамотѣ и т. п.

«Поразительно благопріятнымъ послѣдствіемъ всѣхъ сдѣланныхъ улучшеній въ бытѣ нижнихъ чиновъ явилось громадное уменьшеніе между ними смертности: въ 1855 г. изъ 1,000 ч. умирало 88,73, а въ 1878 г. только 11,64. Страшная прежде, почти эпидемическая, болѣзнь цынга уменьшилась до немногихъ отдѣльныхъ случаевъ; въ отдаленныхъ же плаваніяхъ больныхъ почти не было»[1]).

Великій Князь неуклонно проводилъ мысль, что призванный на военную службу долженъ нести только воинскія обязанности, а отнюдь не дѣлать такого дѣла, для котораго могутъ быть наняты люди съ вольнаго найма.

Поэтому онъ стремился къ уменьшенію такъ называемыхъ нестроевыхъ и добился того, что число несшихъ дѣйствительную службу повысилось съ 54,4% въ 1855 г. до 93,5% въ 1879 г. Также въ 1855 г. числилось во флотѣ до полуторы тысячи денщиковъ, а къ 1879 г. ихъ не осталось ни одного. Вмѣстѣ съ тѣмъ именно во флотѣ были сдѣланы первые шаги къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ 1858 г. освобождены были отъ крѣпостной зависимости охтенскіе поселяне, а въ 1860 г. крестьяне черноморскихъ адмиралтейскихъ поселеній, обязанные работать въ адмиралтействахъ. Вообще въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ Великому Князю принадлежала видная и почетная роль: онъ энергично отста-

---

[1]) К. Г. Житковъ. «Свѣтлой памяти В. К. Константина Николаевича». М. Сб. 1912 г. № 1.

ивалъ какъ принципъ освобожденія, такъ и вообще интересы крестьянъ противъ крѣпостнической партіи. Также еще за 2 года до утвержденія основныхъ положеній преобразованія судебной части Россіи, въ морскомъ вѣдомствѣ былъ составленъ проектъ Морского Суднаго Устава, въ основу котораго положены были начала, чуждыя до того времени русскому процессу: самостоятельность судей, состязательный устный процессъ, гласность уголовнаго процесса и обезпеченіе права защиты обвиняемаго. Своимъ проектомъ Великій Князь смѣло поставилъ на очередь общую судебную реформу. Общество поняло значеніе этого шага и большинство его восторженно привѣтствовало этотъ проектъ какъ «зарю прекрасной будущности для Россіи». «Морское вѣдомство», писалъ К. П. Побѣдоносцевъ, «хочетъ положить начало, показать примѣръ на практикѣ. Благослови, Боже, это благое начинаніе» [1]).

Съ 1862 г. дѣятельность Великаго Князя по работѣ его для флота начала нѣсколько ослабѣвать, но не по его винѣ. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ, во время начавшихся уже въ польскихъ губерніяхъ волненій, Намѣстникомъ Царства Польскаго, гдѣ попытался вести примирительную политику, но она не имѣла успѣха. Крайнія партіи среди поляковъ неудержимо стремились къ революціи и на жизнь намѣстника было совершено покушеніе. Съ другой стороны русская реакціонная партія видѣла въ примирительной политикѣ Великаго Князя прямое послабленіе полякамъ. Въ виду этого онъ сложилъ съ себя въ 1863 г. званіе намѣстника. Съ 1865 г. отъ дѣлъ флота Великаго Князя отвлекали многочисленные занятія по званію предсѣдателя государственнаго совѣта.

Наступилъ 1881 г. и произошла катастрофа 1 марта. Вышеописанная дѣятельность Великаго Князя показываетъ,—къ какому лагерю онъ принадлежалъ. Его либеральныя стремленія создали ему массу враговъ, и теперь, когда власть перешла въ руки партіи противоположныхъ взглядовъ, вся громадная и плодотворная его подготовительная работа была забыта, и выдвинуто было противъ него обвиненіе, что въ наличіи нѣтъ могущественнаго флота, *по численности*. Въ расцвѣтѣ лѣтъ, не имѣя еще 54-хъ лѣтъ отъ роду, Великій Князь былъ уволенъ какъ отъ управленія флотомъ и морскимъ вѣдомствомъ, такъ и отъ должности предсѣдателя государственнаго совѣта.

Не былъ созданъ могущественный флотъ и преемникомъ Великаго Князя Константина Николаевича. А личный составъ, съ такой любовью взрощенный и воспитанный имъ, былъ разрушенъ въ корнѣ знаменитымъ закономъ о «морскомъ цензѣ».

А затѣмъ русско-японская война доказала все ту же вѣчную и неизмѣнную истину о томъ, что все зависитъ отъ качествъ личнаго состава, и опять пришлось снова браться за работу возсозданія могущества русской морской силы. А для такого дѣла нуженъ былъ бы опять человѣкъ, подобный покойному Великому Князю Константину Николаевичу. Но такіе люди

---

[1]) К. Г. Житковъ. «Свѣтлой памяти В. К. Константина Николаевича». М. Сб. 1912 г. № 3.

являются рѣдко, и единственнымъ выходомъ могло бы быть слѣдованіе ихъ завѣтамъ.

Но для этого надо понимать эти завѣты, сочувствовать имъ, любить ихъ. Будетъ ли это такъ, Богъ вѣсть...

Скончался Великій Князь Константинъ Николаевичъ 13 января 1892 г.

2. Американская экспедиція 1863—1864 г.г.

Вспыхнувшее въ 1863 г. польское возстаніе опиралось также и на сочувствіе общественнаго мнѣнія во Франціи, Англіи, Австріи и Пруссіи, которое задолго было еще подготовлено польскими эмигрантами. Во Франціи сочувствовалъ Польшѣ и Наполеонъ III, которому удалось склонить къ совмѣстнымъ выступленіямъ противъ Россіи, Англію и Австрію. Хотѣлъ онъ втянуть въ это дѣло и Пруссію, но на это не пошелъ дальновидный Бисмаркъ, и, несмотря на протесты даже ландтага, прусское правительство заявило о своей солидарности съ Россіей, вплоть до готовности помочь ей подавить возстаніе вооруженной силой. Заручившись поддержкой Англіи и Австріи, Наполеонъ отправилъ русскому Государю письмо съ приглашеніемъ возстановить польское королевство.

Конечно на это послѣдовалъ рѣшительный отказъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это грозило намъ опять войной съ Австріей, и съ двумя сильнѣйшими морскими державами, противъ флотовъ которыхъ наши морскія силы, находившіяся къ тому же въ періодѣ преобразованія, были совершенно ничтожны, и значитъ побережья всѣхъ нашихъ морей были совершенно открыты для блокады, разоренія и вторженія десантныхъ армій.

Наполеонъ хотѣлъ сразу же, послѣ полученія отказа Россіи выполнить его требованія, объявить ей войну, но союзники его колебались и хотѣли испробовать сначала путь дипломатическаго воздѣйствія. Въ апрѣлѣ союзники представили Россіи свои соображенія, которыя давали имъ право на вмѣшательство, но Россія отвѣтила, что считаетъ возстаніе и его усмиреніе не выходящимъ изъ предѣловъ внутренней политики, и что заинтересованность державъ въ польскомъ вопросѣ Россія могла бы понять только въ томъ смыслѣ, что это возстаніе осуществилось при поддержкѣ революціонныхъ круговъ этихъ державъ. Въ отвѣтъ союзники предъявили въ іюнѣ требованіе реформъ въ Царствѣ Польскомъ, на что Россія опять отвѣтила, что до подавленія мятежа никакихъ реформъ не будетъ, но, въ виду явно угрожающаго содержанія ноты союзниковъ, Россія признала право на извѣстное участіе въ польскомъ вопросѣ за Австріей и Пруссіей, какъ за державами, участвовавшими въ раздѣлѣ Польши. На это въ августѣ послѣдовала новая нота со стороны союзниковъ, въ которой они, отказываясь отъ всякихъ компромиссовъ съ Россіей по польскимъ дѣламъ, возлагали всю отвѣтственность за могущія быть послѣдствія на Россію.

Значитъ, надо было намъ готовиться къ войнѣ, имѣя на шеѣ подавленіе возстанія на западной границѣ, и возможность такихъ же возстаній въ Финляндіи и на Кавказѣ, которые готовы были при благопріятной обстановкѣ послѣдовать примѣру Польши, а такая обстановка легко могла бы со-

здаться при направленіи въ Балтійское и Черное моря союзныхъ эскадръ и десантныхъ армій.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ въ это время въ Польшѣ. Во главѣ морского вѣдомства его замѣщалъ въ это время ближайшій помощникъ его адмиралъ Н. К. Краббе. И вотъ ему пришла смѣлая, простая и вмѣстѣ съ тѣмъ прямо геніальная мысль — использовать нашъ, хотя бы и слабый флотъ, для принужденія союзниковъ отступиться отъ своихъ требованій. Достаточно было заставить отпасть отъ коалиціи Англію. Тогда Франціи и Австріи пришлось бы стать лицомъ къ лицу съ Россіей и Пруссіей, и одному французскому флоту уже трудно было бы справиться съ задачей оперировать противъ всѣхъ русскихъ побережій, а это было необходимо, чтобы заставить разбросаться многочисленную русскую армію. Англіи же можно было грозить дѣйствіями противъ ея морской торговли. Подвиги Алабамы только что показали огромную опасность парового преслѣдователя торговли противъ парусного торговаго флота — а такимъ еще въ огромномъ большинствѣ былъ англійскій торговый флотъ. Для этого Краббе предложилъ сосредоточить въ портахъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки въ Тихомъ и въ Атлантическомъ океанахъ всѣ наличныя русскія военныя суда, способныя къ крейсерскимъ операціямъ. Выборъ этихъ портовъ давалъ еще ту выгоду, что это имѣло видъ дружественной манифестаціи по отношенію къ федеральному правительству Соединенныхъ Штатовъ, которое вело въ это время борьбу съ отложившимися отъ союза южными штатами, и тоже настаивало на той точкѣ зрѣнія, что это внутреннее его дѣло, и что другія державы не имѣютъ права вмѣшиваться, а между тѣмъ именно наши противники — Франція и Англія признали конфедератовъ воюющей стороной. Почва для такой русской демонстраціи въ сѣверныхъ штатахъ была подготовлена и тѣмъ, что съ самаго возникновенія междоусобной войны Россія стала на точку зрѣнія сѣверянъ. Къ тому же она только что освободила крестьянъ, а сѣверные штаты боролись за уничтоженіе невольничества.

Но для того, чтобы рѣшиться на выполненіе такого плана, надо было имѣть флотъ, хотя бы численно и слабый — и самый планъ вытекалъ изъ численной его слабости — но исправный въ матеріальномъ отношеніи, и главное — съ хорошо подготовленнымъ личнымъ составомъ, готовымъ къ самостоятельнымъ смѣлымъ операціямъ на океанскихъ просторахъ. Надо было сосредоточить наши силы на выбранныхъ пунктахъ в н е з а п н о, а для этого суда должны были выйти быстро и скрытно. Въ особенности это необходимо было для отряда, идущаго къ восточнымъ берегамъ сѣверныхъ штатовъ, такъ какъ при натянутыхъ отношеніяхъ съ Англіей и Франціей, наши суда легко могли бы быть не выпущены изъ Балтійскаго и Средиземнаго морей. И вотъ такая морская сила, благодаря Великому Князю Константину Николаевичу, оказалась у Россіи на лицо, и потому Краббе и могъ преложить свой смѣлый планъ, и на него согласился и Императоръ Александръ II.

Въ составъ эскадры Атлантическаго океана, подъ начальствомъ контръ-адмирала Лесовскаго, вошли фрегаты *Александръ Невскій*, *Пересвѣтъ* и *Ослябя* (находившіеся въ то время въ Средиземномъ морѣ), и корветы *Варягъ*, *Витязь* и клиперъ *Алмазъ*. Эта эскадра должна была сосредоточиться въ Нью-

Іоркѣ, выходя изъ Кронштадта по одиночкѣ, какъ бы для смѣны отряда судовъ, крейсеровавшаго у береговъ Курляндіи. У о-ва Борнгольма ждали эскадру два угольщика, и уже отсюда она должна была идти прямо въ Нью-Іоркъ, проходя для скрытности Малымъ Бельтомъ и обходя Англію съ сѣвера. Со стороны Тихаго океана была назначена эскадра въ составѣ корветовъ *Богатырь, Калевала, Рында, Новикъ* и клиперовъ *Абрекъ* и *Гайдамакъ*, подъ начальствомъ контръ-адмирала Попова, которая должна была совершить переходъ прямо изъ Владивостока въ С.-Франциско. Тайна экспедицій была обезпечена тѣмъ, что о назначеніи ея знали только начальники эскадръ, и только передъ самымъ выходомъ сообщено было объ этомъ командирамъ судовъ, когда уже не предполагалось заходить въ какіе-либо порты, и когда надо было дать имъ возможность дѣйствовать самостоятельно, въ случаѣ возможнаго разлученія судовъ. Весь личный составъ эскадръ былъ подобранъ холостой.

Суда въ Балтійскомъ морѣ были изготовлены меньше чѣмъ въ мѣсяцъ къ переходу прямо изъ этого моря въ Нью-Іоркъ. Также подготовленной оказалась и эскадра Попова во Владивостокѣ. Удалось также сохранить и тайну экспедиціи.

И вотъ, совершенно внезапно, изъ пришедшихъ американскихъ газетъ, Европа узнала о томъ, что 24 сентября эскадра Лесовскаго стала на якорь въ Нью-Іоркѣ, а черезъ 3 дня (27 сентября) въ С.-Франциско появилась эскадра Попова. Вмѣстѣ съ тѣмъ газеты сообщали о восторженномъ пріемѣ русскихъ эскадръ со стороны американцевъ.

Впечатлѣніе этихъ событій на правительства и общественное мнѣніе нашихъ противниковъ было потрясающее. Оказалось, что въ то время, какъ двѣ сильнѣйшія морскія державы угрожали нашимъ незащищеннымъ берегамъ, нашъ флотъ угрожалъ имъ съ тыла. Обманувшій ихъ бдительность, онъ занялъ въ отношеніи ихъ тыла, и въ особенности въ отношеніи тыла Англіи, такую командующую и трудноуязвимую позицію, что предположенія о выгодахъ возможныхъ дѣйствій у русскихъ незащищенныхъ береговъ, мгновенно потускнѣли передъ возможностью тѣхъ колоссальныхъ убытковъ, которые могли быть нанесены русскими морской торговлѣ и колоніямъ союзниковъ.

Игра была выиграна. Россія была спасена.

Первая почуяла шаткость положенія (возможность отложенія Англіи) Австрія; она не только пошла на соглашеніе съ Россіей, но была готова содѣйствовать усмиренію польскаго мятежа. Посланная Англіей Россіи рѣзкая нота была спѣшно задержана въ Берлинѣ, и скоро Англія совсѣмъ отказалась отъ вмѣшательства. Оставшись въ одиночествѣ, Наполеонъ предложилъ было, для «сохраненія лица», конгрессъ для обсужденія польскаго вопроса, но теперь и эта попытка не встрѣтила сочувствія ни въ Австріи, ни въ Англіи. А черезъ три недѣли послѣ прибытія русскихъ эскадръ въ Америку, Императоръ Александръ II могъ въ рескриптѣ на имя Вел. Кн. Константина Николаевича назвать Польшу страной «находящейся подъ гнетомъ крамолы и пагубнымъ вліяніемъ иноземныхъ возмутителей». До прибытія нашихъ эскадръ въ Нью-Іоркъ и С.-Франциско такія выраженія послужили бы поводомъ къ началу войны, а теперь это было встрѣчено нашими противниками молчаливо, какъ заслуженный урокъ.

Наши эскадры пробыли на своихъ позиціяхъ почти годъ, и были отозваны только тогда, когда съ одной стороны было окончательно подавлено польское возстаніе, а съ другой — когда окончательно опредѣлился успѣхъ сѣверянъ и отпадала возможность вмѣшательства Англіи въ эту борьбу.

По окончаніи войны, американское правительство, получивши извѣстіе о покушеніи на жизнь Императора Александра II, отправило въ Россію особый отрядъ (мониторъ *Міантономо* и пароходъ *Августа*) и депутацію, чтобы поздравить Императора съ избавленіемъ отъ опасности и выразить Россіи признательность сохранившихъ единство Соединенныхъ Штатовъ за помощь въ видѣ присылки русскихъ эскадръ.

Таково было значеніе флота при усмиреніи польскаго возстанія, и возможность сыграть эту сложную роль въ моментъ огромной опасности, переживавшейся въ это время Россіей, русскій флотъ цѣликомъ былъ обязанъ самоотверженной и разумной работѣ своего Генералъ-Адмирала.

II. Очеркъ военно-морскихъ дѣйствій въ Турецкую кампанію 1877—1878 г.г.

Ординарнаго профессора Николаевской Морской Академіи, генералъ-лейтенанта по Адмиралтейству **Е. И. Аренса.**

1. Военно-морская обстановка передъ войной.

Географическое положеніе Россіи и Турціи. Парижскій трактатъ.—Политическія осложненія.—Предположенія объ операціяхъ въ Средиземномъ морѣ и въ Атлантическомъ океанѣ. Отказъ отъ нихъ.—Стратегическое положеніе.

Военно-морская обстановка передъ кампаніей 1877—1878 годовъ была для Россіи весьма неблагопріятна; для Турціи же она представляла значительныя преимущества.

Географическое положеніе морей, къ берегамъ которыхъ Россіи удалось пробиться съ такими усиліями, не представляло для нея особенныхъ выгодъ. До нѣкоторой степени могли бы помочь бѣдѣ желѣзныя дороги и особенно водяные пути сообщенія, искусственно связавъ разбросанные и удаленные другъ отъ друга бассейны. Но, къ несчастію, состояніе тѣхъ и другихъ наканунѣ войны не давало права возлагать на нихъ большія надежды.

Иначе обстояло дѣло въ Турціи. Занимая центральное положеніе между двумя европейскими морями и владѣя соединяющими ихъ проливами, она въ то же время располагала весьма удобными морскими сообщеніями и со своими вассальными владѣніями, Египтомъ и Аравіей, какъ со стороны Средиземнаго моря, такъ и при посредствѣ Суецкаго канала и Краснаго моря. Сосредоточенная на такой сравнительно небольшой и выгодной во многихъ отношеніяхъ позиціи, Оттоманская имперія имѣла въ военно-морскомъ смыслѣ значительныя преимущества передъ Россіей.

По условіямъ Парижскаго мира, Черное море объявлено было нейтральнымъ и Россіи предоставлялось держать на немъ не болѣе 10-ти незначительныхъ судовъ, а имѣть какіе бы то ни было военно-морскіе арсеналы вовсе воспрещалось. Только въ 1871 году, воспользовавшись благопріятнымъ политическимъ моментомъ, Россія рѣшилась наконецъ отвергнуть столь невыгодныя и унизительныя для нея требованія.

Въ Средиземномъ морѣ, несмотря на безспорное право Россіи прибѣгнуть къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Египта и Суецкаго канала, наша дипломатія, изъ опасенія конфликта съ Англіей, отказалась отъ этого весьма

важнаго въ военно-морскомъ отношеніи преимущества [1]). Если уже обстоятельства дѣйствительно требовали отъ насъ такого самоотреченія, то, казалось бы, можно было бы, по крайней мѣрѣ, хотя до нѣкоторой степени вознаградить себя, добившись нейтрализаціи этой исключительной по своему положенію непріятельской территоріи. Тогда султанъ лишился бы поддержки своего вассала, а русскій архипелажскій отрядъ получилъ бы прекрасное сообщеніе съ эскадрою Тихаго океана. Во всякомъ случаѣ естественнѣе всего было бы, казалось, ожидать, что главнымъ театромъ военно-морскихъ дѣйствій явится Средиземное море.

Къ операціямъ съ этой стороны противъ Турціи флотъ нашъ, какъ извѣстно, прибѣгалъ неоднократно. Теперь же посылка Балтійскаго флота въ Архипелагъ вызывалась прямо необходимостью, такъ какъ только отсюда мы могли сломить морское могущество Турціи и оказать нашей сухопутной арміи дѣйствительныя услуги.

Съ приближеніемъ же арміи къ Адріанополю, она получила бы возможность войти въ общеніе съ флотомъ и въ дальнѣйшихъ своихъ рѣшительныхъ операціяхъ на линіи Галлиполи—Константинополь пользоваться его незамѣнимымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ содѣйствіемъ.

На первыхъ порахъ наше правительство, повидимому, такъ и смотрѣло на задачу флота, и въ мартѣ 1876 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ усиленіи нашей эскадры въ Средиземномъ морѣ [2]). Порта спѣшила принять всевозможныя мѣры обороны и приступила къ минированію портовъ Эгейскаго моря и Дарданеллъ [3]). Однако послѣ нѣкоторыхъ колебаній рѣшено было не только отказаться отъ первоначальнаго плана, но и бывшія уже раньше въ Средиземномъ морѣ суда частью отозвать въ Кронштадтъ [4]), частью отправить къ берегамъ С. Америки.

Послѣднія составили затѣмъ небольшой крейсерскій отрядъ Атлантическаго океана. Онъ имѣлъ главнымъ своимъ назначеніемъ захватъ турецкой контрабанды, отправлявшейся изъ американскихъ портовъ на нейтральныхъ судахъ. Но осуществить своего назначенія ему такъ и не довелось, вслѣдствіе нерѣшительности нашего правительства и опасенія его лишиться гостепріимства американскихъ портовъ и права вывозить изъ нихъ заказанное имъ оружіе [5]).

Такимъ образомъ, дальнѣйшее пребываніе этой эскадры у береговъ Америки потеряло свой смыслъ и 29-го апрѣля она была отозвана въ Крон-

---

[1]) Письмо кн. Горчакова къ гр. Шувалову отъ 18/30 мая 1877 г.

[2]) Морск. Арх. секр. д. канц. М. М., распор. отд. № 38. Письмо г.-а. Лесовскаго къ кн. Горчакову, 22 марта 1876 г., № 1896.

[3]) Сб. тур. докум. «Зебдетуль-Хакаикъ», стр. 12.

[4]) Собственно, одинъ только бр. фрегатъ *Петропавловскъ*, т. к. отъ посылки въ Средиземное море осенью 1876 года бр. корабля *Петръ-Великій*, за неготовностью его, пришлось отказаться. Здѣсь не лишнее будетъ привести нѣкоторыя цифры, дающія, хотя и поверхностное только, представленіе о сравнительной силѣ нашего броненосца и турецкой эскадры въ Средиземномъ морѣ. Послѣдняя состояла въ 1876 г. изъ 8 броненосцевъ съ водоизмѣщеніемъ въ 23698 тоннъ и 70 тяжелыми орудіями, вѣсомъ 689 т.; а вся тяжелая артиллерія *Петропавловска* вѣсила 187 т. (М. Сб. 1876 г., № 10).

[5]) М. Арх. секр. д. канц. М. М. 1877 г., расп. № 34. Тамъ же письмо ст. секр. Гирса къ г.-а. Лесовскому.

штадтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Генералъ-Адмиралъ предложилъ сдѣлать американскому правительству энергичное представленіе о необходимости воспретить вывозъ изъ портовъ Америки военной контрабанды.

Не пришлось, къ сожалѣнію, и единственному за границей нашему броненосцу *Петропавловскъ* завладѣть тѣми цѣнными призами, которые, казалось, предназначались для него судьбой.

Итакъ, въ самомъ началѣ борьбы съ Турціей, когда русскій флотъ своимъ вмѣшательствомъ могъ оказать весьма серьезное содѣйствіе арміи, онъ самъ очутился въ очень затруднительномъ положеніи. Поспѣшное отозваніе нашихъ судовъ изъ Атлантическаго океана и, особенно, изъ Средиземнаго моря, въ видахъ успокоенія лондонскаго кабинета, несмотря на стараніе замаскировать такой образъ дѣйствій различными объясненіями, имѣло видъ отступленія. Сама же Англія прочно утвердилась въ Безикѣ, одномъ изъ важнѣйшихъ, по своей близости къ Дарданелламъ, стратегическомъ пунктѣ предполагаемаго русско-турецкаго театра войны въ Архипелагѣ, гдѣ между тѣмъ не осталось уже ни одного русскаго судна.

Турецкій флотъ не замедлилъ, конечно, воспользоваться такой исключительно благопріятной для него обстановкой и уже въ концѣ 1876 года (когда русскія суда начали уходить въ Америку) приступилъ къ наиболѣе нужнымъ для него десантнымъ операціямъ.

Между тѣмъ, весь почти русскій флотъ сосредоточился въ это время въ Балтійскомъ морѣ, т.-е. на самой невыгодной при тогдашнихъ обстоятельствахъ стратегической позиціи какъ вслѣдствіе весьма значительнаго удаленія ея отъ театра войны, такъ и въ виду трудности выхода въ океанъ, при враждебномъ отношеніи къ намъ Англіи.

Отказавшись не только отъ какихъ бы то ни было военно-морскихъ операцій въ Средиземномъ морѣ, но даже и отъ океанскаго крейсерства, съ цѣлью захвата непріятельской контрабанды, Россія ограничилась лишь дипломатическими протестами противъ нарушенія своихъ интересовъ, что, при подобныхъ условіяхъ, могло, конечно, имѣть лишь чисто платоническое значеніе.

Въ концѣ концовъ Россіи волею-неволею пришлось обратиться къ военно-морскимъ дѣйствіямъ противъ турокъ на самыхъ невыгодныхъ для нея въ этомъ отношеніи театрахъ войны, на Дунаѣ и на Черномъ морѣ, гдѣ она могла противопоставить значительнымъ морскимъ силамъ Турціи только самыя ничтожныя, и притомъ наскоро импровизированныя передъ самой войной средства.

---

2. Морскія силы Россіи и Турціи.

Переворотъ въ судостроеніи.—Условія созданія броненоснаго флота.—Кораблестроительныя тенденціи.—Судовой составъ обоихъ флотовъ.—Минное дѣло.—Организація и личный составъ.—Сравнительная оцѣнка обоихъ флотовъ — Ихъ стратегическія задачи.

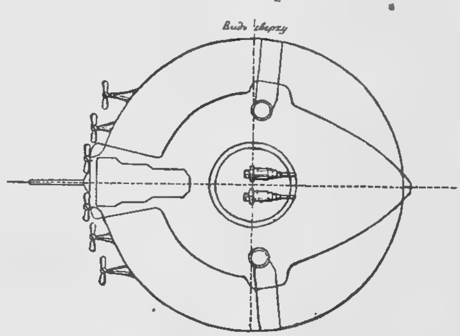
Для созданія парусного деревяннаго флота Россія располагала всѣми необходимыми средствами у себя дома, но съ изобрѣтеніемъ винтоваго дви-

тателя, а затѣмъ брони и нарѣзной артиллеріи, дѣло приняло совершенно другой оборотъ. Реорганизація флота на этихъ новыхъ началахъ требовала массу времени, еще болѣе денегъ, значительнаго усовершенствованія судостроительной техники и, наконецъ, извѣстной устойчивости въ идеяхъ.

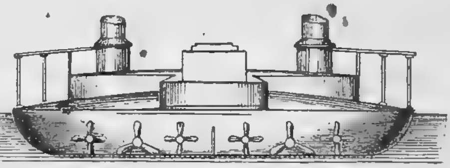
Времени было немного: надо было спѣшить, памятуя севастопольскую катастрофу и избѣгая ея возможнаго повторенія. Денегъ у насъ было мало, да и ассигнованія ихъ на флотъ не соотвѣтствовали вовсе новымъ требованіямъ [1]). Техническая отсталость наша и недостатокъ въ деньгахъ больше всего угнетали морское министерство въ эту тяжелую переходную эпоху и разстраивали самыя скромныя требованія кораблестроительной программы. Суда строились и вооружались неимовѣрно продолжительное время и нерѣдко такъ плохо, что, плавая за границей, весьма часто нуждались въ капитальныхъ исправленіяхъ и пользованіи иностранными доками.

Созиданіе броненоснаго флота происходило, повидимому, подъ давленіемъ слѣдующихъ, особенно популярныхъ въ тѣ времена у насъ, но совершенно ложныхъ принциповъ: 1) Россія страна континентальная и, слѣдовательно, флотъ для нея является въ нѣкоторомъ родѣ роскошью; 2) наиболѣе цѣлесообразнымъ для нея въ такомъ случаѣ будетъ флотъ оборонительный по преимуществу, и 3) въ Черномъ морѣ слѣдуетъ ограничиться пока постройкою лишь пловучихъ батарей, по указаніямъ сухопутнаго вѣдомства [2]).

Поповка Вице-Адмиралъ Поповъ.

Черт. № 1.

Черт. № 2.

Къ этому необходимо прибавить, что морское министерство, стѣсняя такимъ образомъ донельзя свою кораблестроительную программу, въ то же время находило возможнымъ тратить крупныя суммы на производство различныхъ весьма сомнительныхъ опытовъ, въ родѣ, напримѣръ, постройки поповокъ. (Черт. 1 и 2).

Изъ числа 29 броненосцевъ, имѣвшихся въ русскомъ флотѣ передъ войной, 20 принадлежали къ категоріи башенныхъ броненосцевъ и 9 къ категоріи рангоутныхъ судовъ (т.-е. снабженнымъ мачтами и прочими принадлежностями для плаванія подъ парусами), что и объясняется всецѣло нашей склонностью къ оборонительнымъ типамъ. Представителями послѣднихъ были въ Балтійскомъ морѣ мониторы, башенныя лодки, батареи и ба-

---

[1]) Нехватило ихъ и на покупку двухъ турецкихъ броненосцевъ, продававшихся съ большой скидкой наканунѣ войны (М. Арх. секр. д. к. М. М. 1877 г. № 1).

[2]) Даже самъ Августѣйшій Генералъ-Адмиралъ не считалъ Россію морской державой, хотя и находилъ для нея нужнымъ имѣть все же такой флотъ, который бы рѣшительно преобладалъ надъ флотами сосѣднихъ второстепенныхъ государствъ и внушалъ бы уваженіе великимъ державамъ. (Всепод. отч. за 1855—1880 гг., стр. 162).

шенные фрегаты; въ Черномъ—поповки. Всего русскій флотъ насчитывалъ ко времени войны до 56 вымпеловъ, разбросанныхъ по шести различнымъ морямъ.

Численность личнаго состава достигала къ 1-му января 1877 года 25,076 чел., но съ открытіемъ военныхъ дѣйствій явились значительныя затрудненія въ укомплектованіи всѣхъ находившихся въ кампаніи судовъ и морскихъ отрядовъ дѣйствующей арміи. Въ орудіяхъ крупнаго калибра и въ зарядахъ для нихъ тоже ощущался недостатокъ, устраненіе котораго въ горячее военное время хотя и было отчасти возможно, но конечно съ большимъ рискомъ и громадными жертвами.

Турецкій флотъ пользовался особеннымъ вниманіемъ султана Абдулъ-Азиса, и къ началу войны оказался въ сравнительно удовлетворительномъ состояніи. Справился онъ съ такой крутой эволюціей военно-морского дѣла, сверхъ ожиданія, довольно благополучно. Правда, Турція въ этомъ отношеніи находилась въ лучшихъ чѣмъ Россія условіяхъ. Она могла тотчасъ же послѣ Крымской кампаніи приступить къ постройкѣ броненосныхъ судовъ, чтобы затѣмъ, въ случаѣ войны съ Россіей, вести ихъ немедленно въ Черное море [1]). Кромѣ того, Россія въ Севастополѣ потеряла весь свой Черноморскій флотъ, тогда какъ Турція въ Синопѣ только незначительную эскадру; остальной же уцѣлѣвшій флотъ ея продолжалъ плавать въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Чернымъ моремъ.

Несмотря на хроническое оскудѣніе своего казначейства и болѣе чѣмъ скромный морской бюджетъ, Порта ухитрилась выстроить весьма приличный броненосный флотъ, и только уже наканунѣ войны вынуждена была офиціально сознаться въ своемъ банкротствѣ.

Оно выразилось, между прочимъ, въ томъ, что оттоманское правительство не только поставлено было въ необходимость отказаться отъ заказанныхъ въ Англіи трехъ броненосцевъ, но и рѣшиться на продажу двухъ броненосцевъ, строившихся въ Константинополѣ, такъ какъ не на что было докончить работы [2]).

Большинство судовъ строилось за границей, въ Англіи и Франціи. Турецкое правительство стремилось, повидимому, прежде всего, къ созданію наступательнаго броненоснаго флота и къ возможной передѣлкѣ старыхъ судовъ для новыхъ потребностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ обращено было должное вниманіе на развитіе транспортнаго флота и спеціальной флотиліи для обороны Дуная. Въ число броненосцевъ входило 6 фрегатовъ, 9 корветовъ 2 монитора и 5 канонерскихъ лодокъ.

Миннаго вооруженія на судахъ не имѣлось вовсе. Личный составъ достигалъ 23,000 чел. [3]).

---

[1]) Въ 1872 г., т.-е. всего годъ спустя послѣ обнародованія Лондонскаго трактата, Турція имѣла уже 10 броненосцевъ, а мы, даже въ Балтикѣ, приступили къ брон. судостроенію лишь въ 1861 г., несмотря на заявленія о необходимости этого въ смѣтахъ министерства, начиная съ 1858 года.

[2]) М. Арх. Секр. д. к. м. м. № 1; донесеніе посла Игнатьева, 3-го іюня 1876 г., № 162.

[3]) Газенкампфъ. «Очеркъ современнаго состоянія вооруженныхъ силъ Турціи». СПБ. 1876 г.

Въ общемъ, Турція могла считаться довольно сильною морскою державою, но развитію ея флота мѣшали: 1) хаотическое состояніе администраціи и неспособность лицъ, стоявшихъ во главѣ морского управленія; 2) пренебреженіе къ минному дѣлу, и, главнымъ образомъ, 3) неудовлетворительность личнаго состава. Россія же въ этомъ отношеніи находилась въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Особенно посчастливилось у насъ минному дѣлу. Основанныя въ 1874 году минный офицерскій классъ и школа при немъ для нижнихъ чиновъ, дали флоту въ скоромъ времени небольшое число отлично подготовленныхъ спеціалистовъ, оказавшихъ весьма значительныя услуги во время войны. Въ ихъ рукахъ мина, оружіе слабаго противъ сильнаго, оказалась какъ нельзя болѣе кстати именно на Дунаѣ и Черномъ морѣ, гдѣ мы были въ военно-морскомъ отношеніи гораздо слабѣе нашего противника.

Личный составъ турецкаго флота не блисталъ образованіемъ и знаніемъ своего дѣла. Броненосныя суда большую часть времени проводили на якорѣ противъ султанскаго дворца; о практическихъ плаваніяхъ, а, тѣмъ болѣе, объ организаціи эволюціонной эскадры, не было и рѣчи. Все это въ связи съ нерасположеніемъ турокъ къ морской профессіи и ихъ восточною апатіею, должно было неизбѣжно низвести весьма недурной по своему судовому составу флотъ на степень дорого стоящей игрушки, употребленіе которой не было извѣстно ея хозяину.

Русскіе моряки стояли несравненно выше своихъ противниковъ какъ по спеціальному образованію, такъ и по боевой подготовкѣ.

Такимъ образомъ, благодаря своей кораблестроительной программѣ, чуждой узкихъ тенденцій и экспериментальныхъ фантазій, а также и другимъ преимуществамъ, Турція успѣла въ 1877 году создать сильный мореходный флотъ [1]). Къ тому же времени у Россіи, какъ уже было упомянуто, оказались: на Черномъ морѣ двѣ пловучія батареи (поповки) съ неиспытанными боевыми и сомнительными морскими качествами, а на Балтійскомъ — два съ лишнимъ десятка посредственныхъ броненосцевъ береговой обороны. Только превосходство нашего личнаго состава и знакомства его съ минным искусствомъ до нѣкоторой степени могли уравновѣсить шансы обоихъ флотовъ.

Турецкому флоту предстояло блокировать наши Черноморскіе порты, конвоировать транспорты съ войсками и припасами, препятствовать переправѣ нашей арміи черезъ Дунай, и т. п. На обязанности же русскаго флота лежало не только пассивное противодѣйствіе турецкимъ планамъ, но и переходъ въ наступленіе на доступныхъ для него пунктахъ, въ Средиземномъ

---

[1]) О дѣйств. боевой силѣ тур. флота можно, между прочимъ, судить по слѣдующимъ словамъ всепод. отчета Г.-Адмирала: «На Черномъ морѣ намъ нуженъ флотъ, по силѣ своей по крайней мѣрѣ равный турецкому. Такъ какъ тамъ мы вовсе не имѣемъ морск. броненосцевъ, то такой флотъ нужно создать совершенно вновь. Броненосцевъ типа *Петръ В.*, для достиженья указанныхъ только что результатовъ, потребуется не менѣе десятка, стоимостью до 60 мл. По ограниченности техническихъ средствъ на югѣ Россіи, постройка этого флота займетъ до 20-ти лѣтъ».

морѣ и Атлантическомъ океанѣ. Для успѣшныхъ операцій въ первомъ изъ нихъ намъ нужно было послать туда изъ Балтійскаго моря сильную броненосную эскадру, но, къ сожалѣнію, подходящихъ для этого судовъ не оказалось. Къ тому же, Россія и по политическимъ обстоятельствамъ вскорѣ отказалась отъ всякихъ военныхъ дѣйствій въ Средиземномъ морѣ и даже крейсерства въ океанѣ, хотя послѣднее врядъ ли могло считаться невыполнимымъ для достаточно сильныхъ и прекрасныхъ въ морскомъ отношеніи неброненосныхъ судовъ того времени.

Такимъ образомъ, русскій флотъ обрекъ себя заранѣе на строго оборонительное положеніе, и только минныя шлюпки давали ему возможность изрѣдка переходить въ наступленіе.

---

3. Морскія команды въ дѣйствующей арміи.

Назначеніе морскихъ командъ и ихъ организація.—Подготовка къ борьбѣ съ рѣчными флотиліями. — Суда и мины.

Итакъ, главнымъ оружіемъ нашимъ въ борьбѣ съ турецкимъ флотомъ должна была, по необходимости, стать мина. Ее и рѣшено было использовать возможно шире.

Переправа черезъ большія рѣки всегда считалась операціею весьма трудною и чрезвычайно рискованною. Тѣмъ болѣе это было справедливо теперь, когда, въ силу Парижскаго договора, наши придунайскія владѣнія перешли къ вассальному турецкому княжеству — Румыніи, а на Дунаѣ, гдѣ мы уже лишены были такимъ образомъ права содержать свою флотилію, появился сильный турецкій флотъ. Безусловное господство его на рѣкѣ донельзя осложняло и затрудняло переправу черезъ нее русской арміи.

Чтобы хотя отчасти парализовать это господство, рѣшено было снабдить дѣйствующую армію паровыми и гребными шлюпками для устройства минныхъ загражденій на Дунаѣ и уничтоженія непріятельскихъ судовъ.

Съ этою цѣлью изъ Николаева и, главнымъ образомъ, изъ Кронштадта были доставлены въ Кишиневъ четырнадцать паровыхъ катеровъ и до двадцати гребныхъ шлюпокъ, взятыхъ преимущественно съ судовъ флота. Перевозка ихъ по желѣзнымъ дорогамъ требовала особыхъ приспособленій и представляла не мало затрудненій.

Вмѣстѣ со шлюпками прибывали въ армію и морскія команды. Въ видахъ единства и правильной организаціи состоявшихъ при арміи моряковъ, саперъ и гальванеровъ, главнокомандующій приказалъ сформировать изъ этихъ чиновъ, связанныхъ между собой общей имъ всѣмъ минною спеціальностью, два отдѣльныхъ отряда: 1) Отрядъ Гвардейскаго экипажа [1]), подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Тудера, и 2) Черномор-

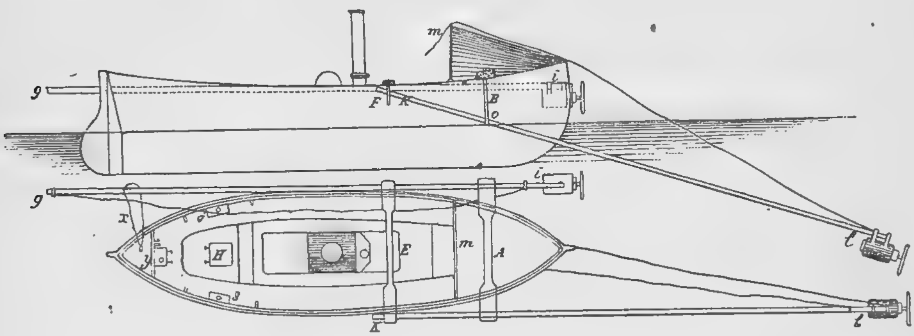
---

[1]) Гв. эк. 327 н. ч., 13 оф. и 1 врачъ; св. саперно-гальван. роты 100 н. ч. и 5 оф. фл. катерн. команды 39 н. ч. и 5 оф. А всего 490 человѣкъ.

скій флотскій отрядъ [1]), подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Беклешова. Оба отряда подчинены были начальнику инженеровъ дѣйствующей арміи генералъ-маіору Деппу.

Во время стоянки въ Кишиневѣ, а затѣмъ и въ с. Парканахъ на Днѣстрѣ, они занимались теоретической и практической подготовкой къ предстоявшей имъ боевой дѣятельности, подъ руководствомъ завѣдывавшаго минною частью въ арміи полковника Борескова и его помощниковъ.

На другомъ берегу Днѣстра, въ Бендерахъ, устроенъ былъ минный складъ, куда присылались мины и ихъ принадлежности изъ портовъ Чернаго моря и изъ Петербурга какъ отъ морского, такъ и отъ инженернаго вѣдомствъ. Мины снаряжались пушечнымъ порохомъ и частью динамитомъ; пироксилинъ представлялъ тогда еще большую рѣдкость. Для минныхъ загражденій употреблялись двоякаго рода мины: гальваноударныя и гальваническія. Первыя взрывались только автоматически, и, разъ поставленныя, становились одинаково опасными какъ для непріятеля, такъ и для своихъ. Вторыя, соединенныя сѣтью проводниковъ съ берегомъ, могли быть

Черт. 3.

г—мина; *kl*—шестъ выдвинутъ; *gi*—шестъ на мѣстѣ; *m*—козырекъ (для защиты отъ волны); *A*—передняя накидная банка (доска); *E*—задняя накидная банка; *BO*—желѣзн. рама передней банки (для сообщенія шесту извѣстнаго углубленія) и *F*—желѣзн. бугель (обухъ) задней банки; *X*—шестовая оттяжка; *H*—гальван. батарея; *jj*—коммутаторы, и *y*—повѣрочный приборъ.

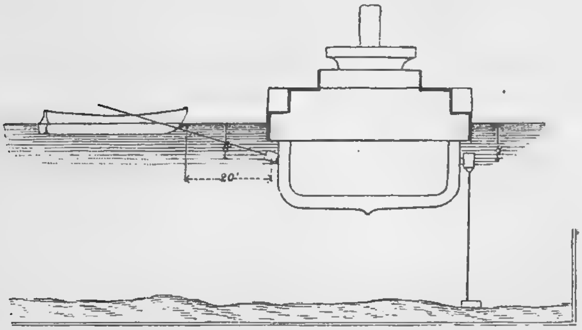
взорваны и автоматически, при ударѣ непріятельскаго судна, и по желанію съ наблюдательной станціи, въ подходящій моментъ.

Обѣ мины принадлежали къ типу плавучихъ и устанавливались на глубинѣ около 3-хъ футъ (въ зависимости отъ углубленія непріятельскихъ судовъ, съ которыми приходились имѣть дѣло) отъ поверхности воды, при помощи чугунныхъ якорей, въ нѣсколько линій, въ шахматномъ порядкѣ.

Наиболѣе употребительной изъ шлюпочныхъ минъ была шестовая. Она представляла мѣдный цилиндръ, прикрѣпленный помощью бугелей (обуховъ) къ деревянному шесту и снабженный приспособленіями для взрыва автоматическаго и по желанію. На двухъ быстроходныхъ катерахъ *Шутка* и *Мина* деревянные шесты замѣнены были однимъ желѣзнымъ на носу. На этихъ же судахъ имѣлись, такъ называемыя, крылатыя буксирныя мины. Для

[1]) 200 н. ч., 8 оф. и 2 врача. А всего 210 человѣкъ.

подведенія ихъ подъ непріятельское судно требовался довольно сложный маневръ, при чемъ выбрасываемый за бортъ въ критическую минуту атаки буекъ съ подвѣшенной къ нему миной (сама она не имѣла плавучести), еще увеличивали затруднительность этого маневра, отнимая у катера ходъ и чувствительность къ рулю. Подъ конецъ кампаніи стали вооружать паровыя катера и самодвижущимися минами Уайтхеда. Къ сожалѣнію, число паровыхъ катеровъ было весьма ограничено и большинство изъ нихъ не отвѣчало своему назначенію. (Черт. 3 и 4).

Черт. 4.

За исключеніемъ *Шутки* и *Мины* [1]), всѣ остальныя представляли обыкновенныя судовыя шлюпки около 30 ф. длиною и 7 ф. шириною, съ 5-сильными машинами и съ ходомъ до 6 узловъ. Каждый паровой катеръ снабженъ былъ деревянными минными шестами.

Для защиты отъ ружейнаго огня катера имѣли желѣзные блиндажи въ $\frac{1}{16}$ дюйма, которые покрывались еще угольными мѣшками. Команда (5—8 человѣкъ) вооружена была ружьями и револьверами.

Гребныя шлюпки служили минными транспортами и сами принимали участіе въ устройствѣ загражденій.

Съ такими-то ничтожными средствами предстояло русскимъ морякамъ приступить къ борьбѣ за Дунай.

---

4. Борьба за Дунай.

Дунай и его стратегическое значеніе.—Положеніе турокъ на этой рѣкѣ и распредѣленіе по ней ихъ судовъ. — Операціи на нижнемъ и среднемъ Дунаѣ. — Обезпеченіе переправы.—Сулинская экспедиція.

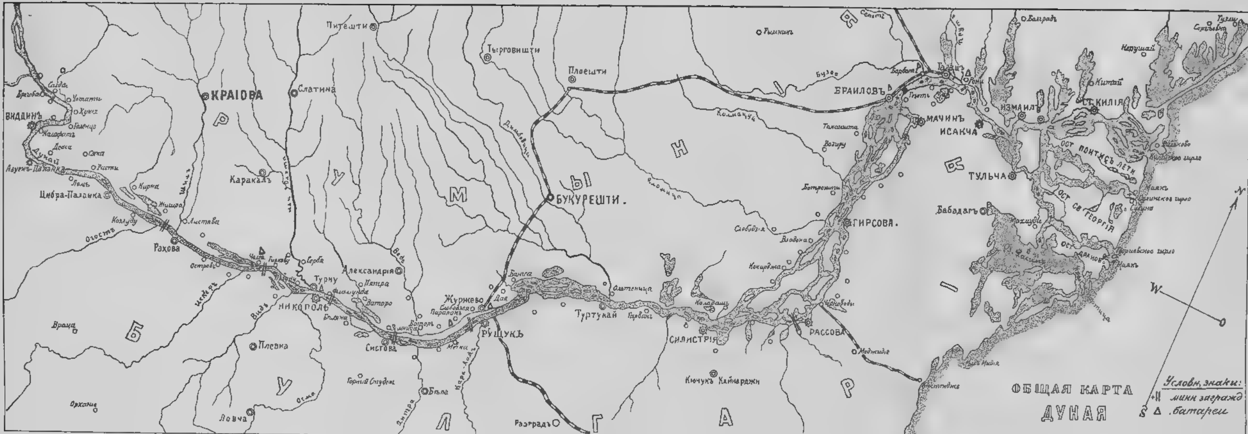
Дунай во время войны имѣлъ для русской арміи весьма важное значеніе, обусловленное какъ естественными свойствами этой исполинской рѣки, такъ и ея стратегическимъ положеніемъ.

Занимая командующія высоты, обороняемыя цѣлымъ рядомъ сильныхъ крѣпостей и господствуя на Дунаѣ, турки имѣли полное право надѣяться отстоять свою территорію отъ непріятельскаго вторженія или, по крайней мѣрѣ, дорого продать противнику такой успѣхъ.

По сосредоточеніи арміи въ Румыніи, главною цѣлью дѣйствій являлась переправа черезъ Дунай. Для успѣшнаго выполненія этой операціи, необходимо было прежде всего обезпечить намѣченные пункты отъ покушеній непріятельскихъ судовъ.

---

[1]) Они имѣли машины въ 8—10 силъ и скорость въ 14—16 узловъ (узелъ или морская миля равняется 1,75 версты).

ОБЩАЯ КАРТА
ДУНАЯ
Условн. знаки:
минн загражд
батареи
КРАIОВА
БУКУРЕШТИ.
Питешти
Тырговишти
Плоешти
Слатина
Каракалъ
Александрія
Журжево
Турну
Рущукъ
Никополь
Систова
Плевна
Ловча
Рахова
Виддинъ
Цибра-Паланка
Туртукай
Силистрія
Рассова
Гирсова.
Браиловъ
Галацъ
Мачинъ
Исакча
Измаилъ
Ст. Килія
Тульча
Бабадагъ
Кючукъ Кайнарджи
Разградъ
Врацa
Орхание
Р
У
М
Ы
Н
I
Я
Б
У
Л
Г
А
Р
I
Я

Приблизительное расположеніе послѣднихъ по Дунаю къ этому времени было слѣдующее:

Въ Сулинѣ—2 монитора.

Въ Тульчѣ—2 брон. корвета и 1 брон. канонерка.

Въ Мачинѣ—2 колесныхъ парохода.

Въ Гирсово—1 брон. канонерка, 1 дерев. канонерка и 1 колесный пароходъ.

Въ Силистріи—1 колесный пароходъ.

Въ Рущукѣ—2 брон. канонерки, 2 дерев. канонерки и 2 баркаса.

Въ Виддинѣ—1 брон. канонерка, 1 желѣзн. канонерка и 1 колесный пароходъ.

Кромѣ перечисленныхъ боевыхъ судовъ, въ составъ турецкой флотиліи входило еще 9 транспорныхъ пароходовъ и 17 другихъ мелкихъ судовъ, а всего 46 судовъ съ 77-ю орудіями и 946 ч. экипажа, подъ начальствомъ Гуссейна-паши, разбросанныхъ по всей рѣкѣ, отъ Сулина до Виддина.

Борьба за обладаніе Дунаемъ сводилась, слѣдовательно, къ ограниченію раіона дѣйствій этихъ судовъ, а, при удобномъ случаѣ, и къ истребленію ихъ. Первое могло быть достигнуто рядомъ минныхъ загражденій, защищенныхъ береговыми батареями и миноносными шлюпками, а второе — минными атаками или артиллерійскимъ огнемъ.

На нижнемъ Дунаѣ и его притокахъ, Серетѣ и Прутѣ, имѣлось достаточное количество гребныхъ судовъ, а пріобрѣтеніе пароходовъ не представляло особыхъ затрудненій. Совершенно иначе обстояло въ этомъ отношеніи дѣло на среднемъ Дунаѣ, почему туда и направлено было большинство состоявшихъ при арміи судовъ. Число ихъ вскорѣ было увеличено купленными у частныхъ лицъ пароходами и захваченными на мѣстахъ лодками.

Купленнымъ въ Пештѣ буксирнымъ пароходамъ *Ада* и *Клотильда* не посчастливилось однако дойти по назначенію. Первому изъ нихъ удалось благополучно добраться до Виддина и миновать крѣпость Флорентинъ, но затѣмъ онъ возбудилъ подозрѣніе турокъ и они, воспользовавшись постановкой его на мель близъ румынской деревни Бокетъ, разгромили его своей полевой артиллеріей. Такая же участь постигла и *Клотильду*. Она подверглась перекрестному огню съ обоихъ береговъ (по недоразумѣнію, румыны тоже принимали ее за непріятельское судно), а затѣмъ, достигнувъ Рахова, была зажжена и утоплена огнемъ турецкой батареи [1]).

Въ періодъ занятія нашими войсками Румыніи, ими захвачены были у с. Фламунды пароходъ *Аннета*, подъ англійскимъ флагомъ, и нѣсколько грузовыхъ судовъ, весьма пригодившихся намъ впослѣдствіи во время переправы. Въ командованіе пароходомъ вступилъ капитанъ-лейтенантъ Тудеръ и къ вечеру 14-го іюня онъ былъ уже въ полной готовности для слѣдованія по назначенію.

Къ загражденію Дуная минами рѣшено было приступить вслѣдъ за объявленіемъ войны. Но особенной спѣшности требовало загражденіе рѣки

[1]) Впослѣдствіи, послѣ отступленія турокъ отъ Дуная, удалось однако *Клотильду* поднять и исправить. Переименованный въ *Карабію*, пароходъ этотъ поступилъ затѣмъ въ командованіе лейт. Скрыдлова.

Серетъ, для защиты единственнаго на ней Барбошскаго ж.-д. моста, въ 150 саженъ длиною, занятаго русскими войсками 13-го апрѣля, отъ покушеній турецкихъ броненосцевъ. Вотъ почему еще до перехода арміи черезъ границу была произведена попытка поставить ниже его минное загражденіе. Но она не увѣнчалась успѣхомъ, главнымъ образомъ благодаря стремительности теченія и отсутствію другихъ повучихъ средствъ, кромѣ непрочныхъ и валкихъ рыбачьихъ челноковъ.

Тѣмъ временемъ, въ силу принятыхъ главнокомандующимъ мѣръ, съ 16-го апрѣля совершенно прекратилось движеніе коммерческихъ судовъ на нижнемъ Дунаѣ, и съ прибытіемъ сюда Черноморскаго флотскаго отряда началась установка минныхъ загражденій въ наиболѣе важныхъ пунктахъ. Вблизи Рени поставлены были на Дунаѣ 17—18 апрѣля 2 линіи минъ, отрѣзавшія находившуюся выше этого пункта турецкую флотилію отъ сообщенія съ Чернымъ моремъ и тѣмъ лишившія ее возможности какъ получать оттуда подкрѣпленія, такъ и дѣйствовать на низовьяхъ Дуная. Барбошское же загражденіе было окончено лишь 21-го апрѣля. Такимъ образомъ уже самыя первыя минныя операціи на Дунаѣ принесли арміи очевидныя и весьма существенныя услуги.

Безъ артиллерійскаго прикрытія минныя загражденія не могли однако представлять надежной преграды для мало-мальски предпріимчиваго противника, такъ какъ ихъ легко можно было бы въ такомъ случаѣ выловить или уничтожить такъ называемыми контръ-минами. Поэтому, по мѣрѣ сосредоточенія войскъ на лѣвомъ берегу Дуная, приступлено было къ сооруженію береговыхъ батарей въ заранѣе избранныхъ для этого начальникомъ инженеровъ мѣстахъ. Всѣхъ батарей было девять: у Рени — 4, у Барбоша — 1 и у Браилова—4. До прибытія осадной артиллеріи онѣ были временно вооружены полевыми орудіями и расположеніе ихъ позволяло обстрѣливать устье Серета, главное русло Дуная и Мачинскій рукавъ.

Упустивъ самые удобные моменты для дѣйствій противъ русскихъ войскъ во время приближенія ихъ къ рѣкѣ и первыхъ попытокъ къ ея загражденію, турецкіе броненосцы рѣшились, повидимому, наверстать потерянное и съ 21-го апрѣля принялись усиленно крейсеровать по Дунаю и обстрѣливать русскія позиціи. Перестрѣлки происходили почти каждый день, но турки не могли похвастать особымъ успѣхомъ и даже суда ихъ неоднократно получали поврежденія.

Подъ охраною береговыхъ батарей приступили 27-го апрѣля кь устройству миннаго загражденія ниже Браилова, но, за недостаткомъ минъ, пришлось временно отложить окончаніе этой трудной работы.

Между тѣмъ изъ Мачинскаго рукава 29-го апрѣля вышла цѣлая турецкая эскадра изъ 4-хъ судовъ и расположилась противъ Браилова. Изъ нихъ броненосный корветъ *Лютфи-Джелиль* былъ вскорѣ уничтоженъ двумя удачными выстрѣлами съ батареи № 4 [1]).

---

[1]) Флагъ съ него былъ безпрепятственно снятъ со шлюпки лейтенантомъ Дубасовымъ и хранится теперь въ Морскомъ музеѣ имени Петра Великаго.

Дѣло это поучительно какъ первый въ военно-морской исторіи случай потопленія броненосца сравнительно незначительными снарядами (24-фунтовой пушки и 6-дюйм. мортиры), и какъ наглядное доказательство беззащитности броненосцевъ, не имѣющихъ броневой палубы, отъ навѣснаго огня.

Въ виду необходимости защитить Браиловъ отъ бомбардировки остальныхъ укрывшихся въ Мачинскомъ рукавѣ турецкихъ броненосцевъ, генералъ Бoресковъ осмотрѣлъ нижнюю часть его и выбралъ нѣсколько ниже затонувшаго броненосца *Лютфи-Джелиль* мѣсто для новаго загражденія. Оно было окончено 5-го мая и состояло изъ трехъ линій гальваническихъ минъ.

Новымъ загражденіемъ такого же рода, устроеннымъ затѣмъ къ 7-му мая выше Браилова, въ главномъ руслѣ Дуная, достигнуто было обезпеченіе Браилова отъ покушеній турецкой флотиліи и сверху, со стороны Гирсова. Вмѣстѣ съ тѣмъ явилась возможность на изолированномъ такимъ образомъ участкѣ Дуная, между Браиловымъ и Рени, установить правильное пароходное сообщеніе, представлявшее, въ виду порчи залитыхъ половодьемъ сухопутныхъ дорогъ, особенную важность.

Несмотря на потерю лучшаго своего броненосца и закрытіе сѣвернаго выхода изъ Мачинскаго рукава, находившаяся въ немъ турецкая эскадра Делаваръ-паши не сознавала опасности своего положенія и продолжала попрежнему безпечно относиться къ дѣятельности русскихъ моряковъ.

Явилась мысль воспользоваться такой апатіей турокъ и запереть ихъ окончательно въ этой западнѣ, на что еще 4-го мая послѣдовало приказаніе главнокомандующаго. Это было бы, очевидно, наиболѣе выгоднымъ рѣшеніемъ мачинской задачи, но осуществленіе ея встрѣтило различныя затрудненія.

Исполненіе этой операціи возложено было на флотилію капитана 1-го ранга Рогули, подъ прикрытіемъ сухопутнаго отряда.

За неимѣніемъ при себѣ минъ, моряки пока могли ограничиться лишь производствомъ демонстраціи миннаго загражденія (фальшивое загражденіе), съ цѣлью ввести въ заблужденіе наблюдавшія за ними турецкія суда. Это и удалось сдѣлать 12 мая какъ въ Дунаѣ, такъ и въ Мачинскомъ рукавѣ.

Такимъ образомъ попытка заградить рукавъ сверху на этотъ разъ не удалась. Между тѣмъ турецкія суда, пользуясь имъ, какъ убѣжищемъ, являлись постоянною угрозою русскимъ войскамъ, батареямъ и катерамъ. Для перехода къ активнымъ операціямъ наступало, повидимому, подходящее время. Къ этому особенно склонялся лейтенантъ Дубасовъ, руководствуясь слѣдующими соображеніями: 1) пассивное отношеніе турецкаго флота къ миннымъ работамъ могло имѣть цѣлью сбереженіе силъ для самаго важнаго момента—переправы; 2) въ случаѣ прохода черезъ минныя загражденія, турки получили бы увѣренность въ недѣйствительности минъ; 3) полагаться на одни минныя загражденія—неосторожно; для уравненія силъ необходимо перейти въ наступленіе, и 4) непріятельскія суда могутъ уйти изъ Мачинскаго рукава.

Въ виду этого, рѣшено было безотлагательно предпринять противъ Мачинскаго отряда экспедицію и начальство надъ нею поручить лейтенанту Дубасову.

Въ ночь съ 12-го на 13-е мая Дубасовъ со всѣми четырьмя катерами, назначенными въ экспедицію, произвелъ рекогносцировку Мачинскаго ру-

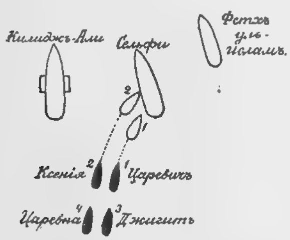
кава и убѣдился въ томъ, что турецкія суда не покинули еще своей излюбленной стоянки. Слѣдующая ночь была поэтому избрана для нападенія.

Катера вступили въ Мачинскій рукавъ въ строѣ одной кильватерной колонны, занимая въ ней слѣдующія мѣста:

1) *Царевичъ* (лейтенантъ Дубасовъ).
2) *Ксенія* (лейтенантъ Шестаковъ).
3) *Джигитъ* (мичманъ Персинъ).
4) *Царевна* (мичманъ Баль).

Предполагалось при благопріятныхъ обстоятельствахъ уничтожить послѣдовательно всѣ три судна эскадры, въ какомъ смыслѣ и даны были командирамъ самыя точныя инструкціи.

Ночь была лунная, но облачная. Дулъ легкій NW, относя производимый катерами шумъ въ сторону непріятеля. Опознавъ его около $2^1/_2$ часовъ пополуночи, катера перестроились въ двѣ колонны: *Царевичъ* и *Ксенія* впереди, а остальные сзади (черт. 5). Турецкія суда расположились такимъ образомъ, что посерединѣ рукава стоялъ однобашенный мониторъ *Сельфи*, влѣво отъ него—колесный пароходъ *Килиджъ-Али*, а немного правѣе и впереди, подъ берегомъ, броненосная лодка *Фетхъ-уль-Исламъ*.

Черт. № 5.

Съ разстоянія приблизительно въ 60 саженъ катера перешли въ рѣшительное наступленіе, избравъ для своей атаки мониторъ. Онъ стоялъ подъ парами и, повидимому, ожидалъ нападенія. Часовой окликнулъ передовой катеръ и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, поднялъ тревогу. Изъ кормового орудія сдѣлано по нападающимъ три выстрѣла, но всѣ они сопровождались осѣчками. Дубасовъ рѣшился нанести ударъ въ корму монитора, чтобы одновременно лишить его расположенныхъ здѣсь орудій, наиболѣе опасныхъ для катеровъ въ данномъ случаѣ, и двигателя. Это и было исполнено, при чемъ *Царевичъ* ударилъ своей правой шестовой миной въ лѣвый бортъ монитора, нѣсколько выше кормовой раковины. Мина взорвалась отъ удара, т.-е. автоматически, и мониторъ значительно осѣлъ кормой, почему вся команда его бросилась на носъ. Катеръ *Царевичъ* залило наполовину водой и засыпало обломками, но все же онъ уцѣлѣлъ и успѣлъ отойти заднимъ ходомъ, очищая дорогу *Ксеніи*. Въ это время раздался выстрѣлъ одного изъ башенныхъ орудій.

Получивъ приказаніе Дубасова, Шестаковъ подошелъ на своемъ катерѣ вплотную къ лѣвому же борту монитора и взорвалъ мину «по желанію» почти противъ самой башни, одновременно съ послѣдовавшимъ изъ нея вторымъ и послѣднимъ выстрѣломъ. Осыпая затѣмъ катеръ ружейнымъ огнемъ, *Сельфи* быстро пошелъ ко дну. *Ксенія* запутала свой винтъ въ обломкахъ, и его удалось очистить только послѣ продолжительныхъ усилій. Несмотря на это, Шестаковъ поддерживалъ все время самый дѣятельный ружейный огонь противъ команды тонувшаго монитора, которому помогали въ обстрѣливаніи нашихъ катеровъ остальныя турецкія суда.

Царевичъ же не могъ принять участіе въ этой перестрѣлкѣ, такъ какъ команда его всецѣло была занята откачиваніемъ воды ведрами.

Все дѣло продолжалось около получаса и не стоило намъ никакихъ потерь въ людяхъ. Въ виду, однако, начавшагося разсвѣта и усилившагося огня съ прочихъ турецкихъ судовъ, атаковывать ихъ было бы неблагоразумно, а потому катера возвратились въ Браиловъ. Флагъ съ потопленнаго броненосца былъ снятъ моряками въ тотъ же день утромъ.

«Сердце мое радуется за нашихъ молодцовъ моряковъ»—выразился Государь въ телеграммѣ своей отъ 14-го мая къ Генералъ-Адмиралу. А при представленіи Дубасова и Шестакова въ Браиловѣ обнялъ ихъ и сказалъ: «Я горжусь вами и въ лицѣ вашемъ всѣмъ моимъ флотомъ».

Потеря второго броненосца привела въ такое отчаяніе Делаваръ-пашу, что онъ бѣжалъ въ Рущукъ, покинувъ свою эскадру. Но, по приказанію Гобарта-паши, главный въ то время начальникъ Дунайской флотиліи Арифи-паша лично провелъ со всѣми предосторожностями оставшіяся суда Мачинскаго отряда через наши минныя загражденія и, такимъ образомъ, спасъ отъ ожидавшаго ихъ позорнаго плѣна или истребленія.

Атака 14-го мая представляетъ первый, въ эту кампанію, и притомъ вполнѣ удачный опытъ уничтоженія непріятельскаго броненосца минными шлюпками. Она не только отняла у турокъ одно изъ лучшихъ судовъ Дунайской флотиліи, но и убила въ нихъ всякую инициативу и смѣлость. Гибель *Сельфи* парализовала и безъ того непредпріимчивыхъ турецкихъ моряковъ въ самый важный періодъ подготовки переправы и рѣзко отразилась на всѣхъ ихъ дальнѣйшихъ операціяхъ.

Это блестящее дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ явилось для насъ до нѣкоторой степени компенсаціей неудавшейся попытки запереть въ Мачинскомъ рукавѣ весь турецкій отрядъ. Для сдачи его русскимъ пришлось бы во всякомъ случаѣ ожидать спада воды, т.-е. до іюля мѣсяца, а слѣдовательно, затянуть и самую переправу, что вовсе не входило въ расчеты главнокомандующаго.

Съ другой стороны, для обезпеченія переправы на нижнемъ Дунаѣ необходимо было оттянуть отъ Мачина державшуюся близъ него эскадру Делаваръ-паши, что косвенно и было достигнуто экспедиціей Дубасова. Для того же, чтобы турецкія суда не могли вернуться сюда обратно, нужно было, воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, заградить минами верхнюю часть Мачинскаго рукава и главное русло Дуная у Гура-Яломицы, что и удалось сдѣлать къ 28-му мая.

Этимъ и закончились минныя работы по обезпеченію избраннаго участка нижняго Дуная отъ покушеній непріятельскихъ судовъ.

«Къ концу апрѣля мы,—доносилъ главнокомандующій въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 18-го іюня,—не имѣя флота, отняли у непріятеля Дунай отъ Рени до Браилова; а къ концу мая весь нижній Дунай отъ Рени до Гирсова былъ свободенъ отъ турецкаго флота и вполнѣ въ нашихъ рукахъ. Благодаря этому, мостъ изъ Браилова въ Гичетъ былъ устроенъ совершенно безпрепятственно».

Переправа русскихъ войскъ на нижнемъ Дунаѣ должна была служить диверсіей для главной переправы и, слѣдовательно, состояться раньше послѣдней.

Съ такимъ же расчетомъ велась борьба съ турецкимъ флотомъ на различныхъ участкахъ Дуная.

Войска нижне-дунайскаго отряда переправились на турецкій берегъ 10-го іюня изъ Галаца и 11-го іюня изъ Браилова, на судахъ, такъ какъ построеннымъ въ послѣднемъ пунктѣ мостомъ нельзя было воспользоваться, благодаря громадному разливу, затопившему почти весь берегъ отъ Гичета до Мачина.

Моряки участвовали въ подготовкѣ и осуществленіи этихъ операцій.

Генералъ-лейтенантъ Циммерманъ остался очень доволенъ всѣми дѣйствіями моряковъ и въ телеграммѣ на имя генералъ-адмирала отозвался о нихъ въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ: «не нахожу словъ, чтобы достаточно похвалить моряковъ за ихъ отличную во всѣхъ отношеніяхъ дѣятельность. Моряки удивительно способны на всякое военное дѣло».

Для обезпеченія своего лѣваго фланга отъ нападеній турецкихъ судовъ со стороны Сулина, генералъ Циммерманъ приказалъ устроить въ Сулинскомъ рукавѣ, на 43-й милѣ отъ устья, загражденіе изъ затопленныхъ судовъ, наполненныхъ камнями.

Для переправы главныхъ силъ русской арміи былъ избранъ участокъ средняго Дуная между Систовымъ и Никополемъ, требовавшій для своего обезпеченія отъ покушеній турецкихъ судовъ такихъ же точно операцій, какія произведены были съ этою же цѣлью на нижнемъ Дунаѣ.

Переправа на среднемъ Дунаѣ представляла особенныя затрудненія, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимало сосредоточеніе на этомъ участкѣ рѣки почти всѣхъ турецкихъ броненосцевъ, вытѣсненныхъ снизу цѣлымъ рядомъ минныхъ загражденій.

Для огражденія избраннаго пункта отъ нападеній этихъ судовъ рѣшено было, прежде всего, поставить мины у о. Мечки (противъ д. Парапанъ) и у д. Карабіи (выше впаденія въ Дунай р. Ольты), а затѣмъ, по мѣрѣ возможности, усилить ихъ новыми линіями и такимъ образомъ еще болѣе стѣснить раіонъ крейсерства турецкой флотиліи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено было къ возведенію береговыхъ осадныхъ батарей у Журжева, Парапана, Турну-Магурелли и Карабіи.

Всѣ работы по устройству минныхъ загражденій на среднемъ Дунаѣ поручены были капитану 1-го ранга Новикову, въ распоряженіе котораго поступили суда отряда гвардейскаго экипажа.

Этотъ отрядъ въ полномъ составѣ прибылъ въ Бухарестъ 23-го мая и здѣсь раздѣлился на двѣ части; главныя силы (въ томъ числѣ всѣ 10 паровыхъ катеровъ), прослѣдовали подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Тудера въ д. Мало-де-Жосъ на берегу Дуная; 2) остальныя суда отправились въ г. Слатину (на р. Ольтѣ).

Такое раздѣленіе флотиліи имѣло цѣлью: во-первыхъ, достигнуть одновременной постановки минныхъ загражденій у Мечки и у Карабіи, что, какъ видно будетъ дальше, не удалось; и во-вторыхъ, доставить людей и средства для заготовленія и спуска въ Дунай мостовыхъ плотовъ.

Окончивъ всѣ сборы, первый отрядъ вечеромъ 7-го іюня вышелъ изъ Мало-де-Жосъ по назначенію.

Паровые катера вели на буксирѣ гребныя суда съ минами и ихъ принадлежностями.

Чтобы добраться до о. Мечки, флотиліи предстояло пройти 14 верстъ по рѣкѣ Камѣ и 2 версты по Дунаю. Между тѣмъ нанятый заблаговременно лоцманъ сбѣжалъ. Несмотря на предварительныя развѣдки, большинству командировъ фарватеръ остался совершенно незнакомъ.

Это важное обстоятельство отразилось крайне неблагопріятно на исходѣ всей операціи, такъ какъ вслѣдствіе частыхъ остановокъ въ пути, отрядъ подошелъ къ назначенному мѣсту не ночью, какъ это нужно было, а совсѣмъ засвѣтло, въ ясное солнечное утро. По мѣрѣ выхода изъ Камы катера попадали подъ учащенный ружейный огонь съ возвышеннаго турецкаго берега и занимали свои мѣста по диспозиціи между о. Мечкой и полузатопленнымъ румынскимъ берегомъ. На бѣду еще, отрядъ лишился во время перехода двухъ паровыхъ катеровъ, которые должны были вернуться въ Мало-де-Жосъ для исправленій, что, конечно, въ свою очередь, не могло не повліять на результатъ предпринятой операціи.

Для прикрытія минныхъ работъ отъ непріятельскихъ покушеній выслана была еще наканунѣ на о. Мечку команда 15-го стрѣлковаго батальона и взводъ уральскихъ казаковъ, подъ начальствомъ лейтенанта Подъяпольскаго; быстроходнымъ же катерамъ *Шутка* и *Мина* Новиковъ приказалъ находиться внѣ линіи и держаться у нижней оконечности о. Мечки, въ полной готовности къ отраженію непріятельскихъ судовъ.

Обѣ эти мѣры оказались весьма полезными. Изъ Рущука появился вскорѣ турецкій колесный пароходъ и, видимо, не рѣшаясь прямо напасть на стоявшіе неподвижно и занятые своей работой катера, прошелъ сначала въ правый рукавъ Дуная. Здѣсь его встрѣтилъ Подъяпольскій дружнымъ залпомъ, заставившимъ его попятиться и заднимъ ходомъ выйти изъ-за острова. Наступилъ удобный моментъ для акаки парохода минными катерами. Къ сожалѣнію, у *Мины* испортилась машина и выручить отрядъ выпало на долю одной *Шутки*.

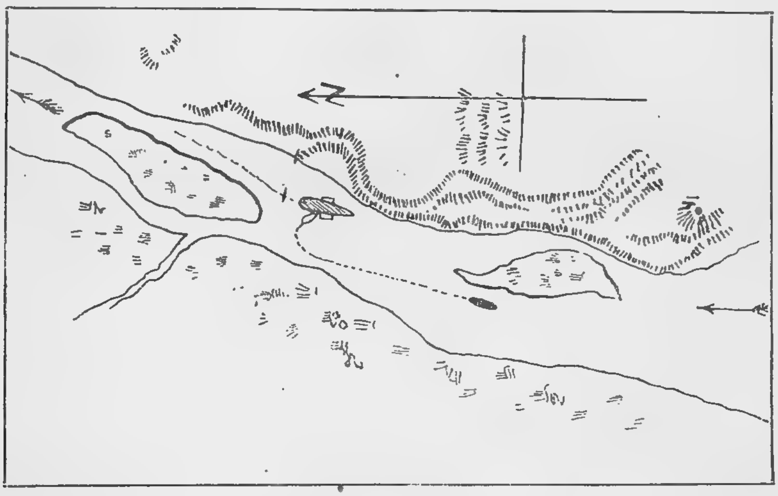
Въ 8 часовъ утра она выскочила изъ своей засады и дала полный ходъ. Нѣсколько минутъ спустя, она подошла къ пароходу и ударила его своимъ носовымъ шестомъ близъ праваго кожуха. Взрыва однако не послѣдовало, такъ какъ проводники оказались перебитыми. Между тѣмъ положеніе беззащитной и прижимаемой теченіемъ къ пароходу *Шутки* становилось крайне опаснымъ, тѣмъ болѣе, что въ носовой части катера обнаружилась сильная течь, паръ въ котлѣ сталъ замѣтно падать, а командиръ, инженеръ-механикъ Болеславскій и бывшій охотникомъ художникъ Верещагинъ оказались ранеными. Но, наконецъ, *Шуткѣ* удалось дать ходъ и отойти отъ своего перепуганнаго врага. (Черт. 6).

Пароходъ поспѣшно направился къ Рущуку, откуда между тѣмъ шелъ ему на помощь мониторъ. Дѣло могло принять для всей нашей флотиліи весьма дурной оборотъ. Однако мониторъ, допустивъ пробитую во многихъ

мѣстахъ *Шутку* безнаказанно проскочить у него подъ носомъ, самъ поспѣшилъ уйти обратно къ Рущуку.

Этимъ и закончилась собственно первая половина такъ называемаго Парапанскаго дѣла. Лихая атака лейтенанта Скрыдлова, раненаго въ этомъ дѣлѣ, несмотря на свою неудачу въ смыслѣ уничтоженія противника, защитила все же флотилію отъ нападенія турецкихъ судовъ и дала ей возможность выполнить свою опасную и трудную работу. Всего было поставлено на главномъ фарватерѣ 5 грушевидныхъ минъ. Послѣ этого отрядъ собрался у румынскаго берега для отдыха.

Затѣмъ рѣшено было приступить къ самой опасной операціи постановки минъ по ту сторону о. Мечки. Съ этой цѣлью туда отправлены были 5 катеровъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ поставить одну мину. Но турки заняли весь берегъ густою цѣпью и открыли по нашимъ шлюпкамъ такой убійственный огонь съ самой близкой дистанціи, что о загражденіи рукава

Черт. № 6.

при такихъ условіяхъ нечего было и думать; съ трудомъ удалось поставить только одну мину, и то съ потерей двухъ человѣкъ.

Пришлось, такимъ образомъ, поневолѣ отложить эту операцію до наступленія ночи, тѣмъ болѣе, что непріятель сталъ, повидимому, готовиться къ серьезному отпору.

Со стороны Рущука шелъ къ Мечкѣ турецкій отрядъ изъ 2-хъ батальоновъ пѣхоты и нѣсколькихъ полевыхъ батарей, что было хорошо видно съ возвышенной Парапанской батареи.

Терять времени не приходилось и флотилія, раздѣлившись на двѣ части, разошлась въ противоположныя стороны. Новиковъ съ 5-ю катерами ушелъ вверхъ, для устройства загражденія у Карабіи; а Тудеръ съ остальными двумя—внизъ, въ Мало-де-Жосъ, для дальнѣйшихъ затѣмъ работъ у Мечки.

Часть гребныхъ судовъ, стѣснявшихъ движеніе паровыхъ катеровъ, была вытащена поспѣшно на берегъ; остальныя были уничтожены выстрѣлами показавшейся на гребнѣ турецкой батареи.

Взрывъ турецкаго монитора „Сельфи“ въ Мачинскомъ рукавѣ на дунаѣ, лейтенантами Шестаковымъ и Дубасовымъ, 14 мая 1877 г.

Съ картины профессора Боголюбова въ галлереѣ Зимняго Дворца. къ стр. 28.

Атака лейтенанта Скрыдлова турецкаго парохода у о-ва Мечки на Дунаѣ 8 го іюня 1877 г.

Съ картины профессора Боголюбова въ галлереѣ Зимняго Дворца. съ стр. 31·

Итакъ, первая попытка заградить Дунай ниже намѣченнаго для переправы пункта оказалась не особенно удачной.

Винить въ этомъ одного непріятеля было бы несправедливо, такъ какъ онъ, въ сущности, весьма вяло противодѣйствовалъ русской флотиліи и только отчасти воспользовался сдѣланными ею промахами.

Послѣдніе должны были, конечно, отразиться на безопасности переправы, что, какъ увидимъ ниже, и случилось въ дѣйствительности.

Между тѣмъ такъ называемое Парапанское минное загражденіе должно было служить единственнымъ серьезнымъ препятствіемъ для находившихся въ Рущукѣ или ниже его турецкихъ судовъ, которыя вздумали бы помѣшать нашей переправѣ у Зимницы. Однако съ такимъ важнымъ значеніемъ этой операціи не были достаточно сообразованы принятыя для ея осуществленія мѣры. А именно:

1) Фарватеръ отъ д. Мало-де-Жосъ до о. Мечки не былъ должнымъ образомъ изслѣдованъ и обставленъ предостерегательными знаками, на что двухнедѣльнаго пребыванія отряда въ этомъ пунктѣ было достаточно. Полагаться же на лоцмановъ въ военное время было дѣломъ, во всякомъ случаѣ, весьма рискованнымъ.

2) Незнакомство съ очень капризнымъ фарватеромъ, замаскированнымъ къ тому сильнѣйшимъ розливомъ, повело къ чувствительнымъ задержкамъ въ пути и создало для предстоявшей операціи крайне неблагопріятную обстановку (выгода внезапности была упущена; не была использована темнота ночи, и т. п.).

3) Предвидя такую перемѣну еще во время слѣдованія по р. Камѣ, нужно было отказаться на этотъ разъ отъ своего намѣренія, и, вернувшись въ Мало-де-Жосъ, ожидать тамъ наступленія сумерокъ.

4) Если же рѣшено было пренебречь измѣнившимися обстоятельствами и во что бы то ни стало осуществить первоначальный планъ, то слѣдовало начать съ болѣе опасной и трудной его части, т.-е. съ загражденія ближайшаго къ турецкому берегу рукава Дуная. И во всякомъ случаѣ, эту работу необходимо было произвести тотчасъ же послѣ загражденія главнаго русла, а не терять напрасно ни одной минуты на несвоевременный перерывъ, стоившій отряду потери двухъ человѣкъ ранеными, нѣсколькихъ разбитыхъ шлюпокъ и, самое главное, неудачнаго исхода всей операціи.

Для довершенія послѣдней пришлось впослѣдствіи употребить еще цѣлыхъ 9 дней, или, вѣрнѣе, ночей, и только съ 16-го на 17-е іюня, т.-е. уже п о с л ѣ   п е р е п р а в ы, это минное загражденіе было приведено въ соотвѣтствовавшій его назначенію видъ, при содѣйствіи 2-хъ паровыхъ катеровъ и 5 гребныхъ судовъ.

Послѣ двухсуточнаго плаванія, полнаго всякихъ тревогъ и столкновенія съ непріятельскими судами, отрядъ Новикова благополучно прибылъ вечеромъ 10-го іюня къ острову Волчьему, противъ с. Фламунды, и расположился подъ его лѣвымъ берегомъ.

Оставивъ тутъ свой отрядъ и поручивъ мичману Нилову и гардемарину Аренсу атаковать всякое непріятельское судно, которое пыталось бы пройти мимо Фламунды вверхъ и могло бы такимъ образомъ помѣшать устройству

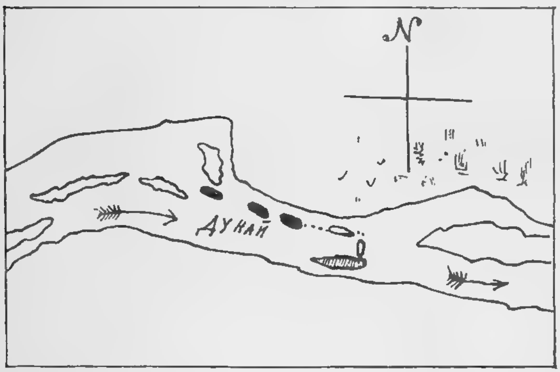
верхняго миннаго загражденія, кап. 1 ранга Новиковъ съ нѣсколькими офицерами отправился въ Карабію и въ эту же ночь поставилъ тамъ первую линію минъ.

Тѣмъ временемъ, 11-го іюня произошелъ у Фламунды бой между оставшимися здѣсь катерами и турецкимъ броненосцемъ.

Въ 5-мъ часу пополудни показалось со стороны Систова непріятельское судно. Оно шло среднимъ ходомъ почти вплотную къ правому берегу, пробираясь вверхъ. Когда оно приблизилось къ нашему отряду на 500—600 саженъ и крайнее лѣвое орудіе 15-й конной батареи, поставленное для его прикрытія, сдѣлало первый выстрѣлъ, катера выскочили изъ-за острова и бросились въ атаку.

Первымъ шелъ катеръ *Мина*, подъ командой гардемарина Аренса, какъ имѣвшій, кромѣ двухъ буксирныхъ минъ, и шестовую мину. (Черт. 7).

За нимъ слѣдовалъ катеръ *Шутка*, подъ командой мичмана Нилова, съ однѣми буксирными минами [1]), и, наконецъ, въ резервѣ находился катеръ *Первенецъ*, подъ командой унтеръ-офицера Иванова, съ обыкновеннымъ шестовымъ вооруженіемъ.

Черт. № 7.

Мина, приблизившись къ непріятельскому судну настолько, что можно было ясно различать лица перепуганныхъ и суетившихся турокъ, замѣтила у него съ правой стороны какой-то подозрительный шестъ и, принявъ его за минный, немного приспустилась, чтобы нанести ударъ выше правой кормовой раковины. Въ это время катеръ успѣлъ уже получить шесть картечныхъ пробоинъ съ лѣваго борта, потерять одного человѣка раненымъ и, что самое важное, лишиться своего главнаго оружія— носовой мины. Тяжелый желѣзный шестъ съ цѣлою сѣтью добавочныхъ укрѣпленій былъ сбитъ снарядомъ, рухнулъ въ воду и тотчасъ же очутился, конечно, подъ днищемъ катера. Это обстоятельство едва не погубило его и, во всякомъ случаѣ, крайне неблагопріятно отразилось на его дальнѣйшихъ маневрахъ.

Освободиться отъ этой страшной обузы, отнимавшей ходъ и поворотливость у катера, подъ сосредоточеннымъ огнемъ непріятеля было немыслимо. А между тѣмъ паръ въ котлѣ упалъ съ 160 до 24 фунтовъ и выброшенная съ лѣваго борта буксирная мина заворачивала носъ катера влѣво, ставя его поперекъ теченія. Въ такомъ состояніи катеръ *Мина* не имѣлъ уже возможности нагнать противника и долженъ былъ уступить свое мѣсто *Шуткѣ*.

Мичманъ Ниловъ тотчасъ же подошелъ къ носу броненосца съ цѣлью

---

[1]) Потерянный въ бою 8-го іюня носовой желѣзный шестъ представлялъ настолько сложный аппаратъ, что замѣнить его своими средствами не было возможности.

подвести подъ него свою лѣвую буксирную мину, но, замѣтивъ и здѣсь такой же подозрительный шестъ, спустился по правому борту и обрѣзалъ корму [1]) броненосца въ такомъ близкомъ разстояніи, что правая буксирная мина прошла отъ нея очень близко. Было бы, однако, совершенно безполезно взрывать ее при такихъ обстоятельствахъ, такъ какъ дѣйствительность взрыва, прежде всего, достигается непосредственнымъ соприкосновеніемъ мины съ корпусомъ судна, и даже взрывъ вплотную у прямостѣннаго борта или кормового подзора даетъ весьма незначительный эфектъ. Неудача же *Шутки* объясняется, главнымъ образомъ, трудностью маневрированія съ буксирными минами на такомъ сильномъ теченіи, при чемъ въ данномъ случаѣ весьма неповоротливый катеръ стѣсненъ былъ еще непріятельскими минными шестами и близостью турецкаго броненосца отъ своего берега. Послѣднее обстоятельство даже едва не погубило *Шутки*, такъ какъ она, не успѣвъ извернуться, съ полнаго хода вылетѣла на берегъ за кормой броненосца. И только съ большими усиліями, подъ прикрытіемъ мѣткаго ружейнаго огня съ *Мины*, ей удалось сняться съ мели, послѣ чего оба катера, съ необходимыми предосторожностями, вернулись на прежнее мѣсто стоянки. Къ сожалѣнію, *Первенецъ* не поддержалъ своевременно остальныхъ катеровъ, что объясняется отчасти его сравнительной тихоходностью, отчасти же отсутствіемъ на немъ офицера.

Напуганное атакой и поврежденное нѣсколькими удачными выстрѣлами нашей батареи, турецкое судно, оказавшееся впослѣдствіи броненосной канонеркой *Подгорицей*, изо всѣхъ силъ (даже паръ валилъ изъ предохранительныхъ клапановъ) спѣшило въ Никополь. При сдачѣ этой крѣпости русскимъ войскамъ 4-го іюля *Подгорица* и другая однотипная съ ней канонерка *Шкодра* попали въ плѣнъ, и исправленныя и переименованныя въ *Никополь* и *Систово*, съ большою пользою служили затѣмъ на Дунаѣ подъ русскимъ военнымъ флагомъ.

Такимъ образомъ, минная атака 11-го іюня, не уничтоживъ непріятельскій броненосецъ, заставила его, однако, искать убѣжища подъ защитой никопольскихъ батарей и тѣмъ самымъ не только способствовала его захвату русскими войсками, но и значительно облегчила нашимъ минерамъ установку минъ у Карабіи и Фламунды.

Послѣдняя операція производилась уже всѣми судами отряда, собравшимися у Фламунды 13-го іюня.

Итакъ, ко времени переправы, избранный для нея участокъ Дуная былъ огражденъ съ обѣихъ сторонъ минами, но при этомъ не было принято, повидимому, во вниманіе различіе обстановки. Сверху, откуда могли угрожать переправѣ всего 6 непріятельскихъ судовъ, внизу же, между Гирсовскимъ и Парапанскимъ минными загражденіями, держалась цѣлая турецкая флотилія изъ 11-ти судовъ. Казалось бы, что такому неравномѣрному распредѣленію морскихъ силъ непріятеля должны были бы соотвѣтствовать и направленныя противъ нихъ оборонительныя мѣры. Въ дѣйствительности же, на верху поставлено

[1]) Обрѣзать корму или носъ судна—пройти отъ него въ очень близкомъ разстояніи, вплотную.

было два загражденія (у Карабіи и Фламунды) изъ 69 минъ, а внизу только одно (у Парапана), изъ вдвое меньшаго числа минъ.

Слѣдовательно, въ самый критическій моментъ этой важной операціи она не была вполнѣ обезпечена снизу отъ нападенія 11-ти турецкихъ судовъ.

Въ переправѣ нашихъ главныхъ силъ у Зимницы моряки принимали дѣятельное участіе, соразмѣрное, впрочемъ, съ ихъ скудными средствами [1]).

Пароходъ *Аннета* съ двумя баржами на буксирѣ прибылъ въ Зимницу 15-го іюня около 6 ч. утра. Грекъ лоцманъ, какъ и слѣдовало ожидать, бѣжалъ, и кап.-лейт. Тудеру пришлось самому вести свое судно по малоизвѣстному фарватеру.

Пароходъ съ двумя баржами перевозилъ въ одинъ рейсъ 2 батальона пѣхоты; а всего 15-го іюня онъ перевезъ болѣе 20 тысячъ человѣкъ.

Первое время транспортировка шла подъ огнемъ Систовской батареи, при чемъ двѣ гранаты разорвались на одной изъ баржъ и зажгли ее; другая баржа тоже была пробита, а осколкомъ гранаты поврежденъ правый кожухъ парохода и контужено 3 человѣка.

Нѣсколько позже, къ пароходу присоединились 3 паровыхъ катера. Они перевозили раненыхъ, передавали приказанія и буксировали понтоны; ночью же занимали брандвахтные посты выше и ниже пункта переправы, оберегая ее отъ покушеній непріятельскихъ судовъ.

Такое покушеніе и произошло дѣйствительно 16-го іюня.

Едва катера вернулись на утро къ мѣсту переправы, для необходимыхъ исправленій и пополненія запасовъ, какъ изъ-за острова Вардена (верстахъ въ 6-ти ниже Зимницы) показались подозрительные дымки и поднялась тревога. Катера посланы были немедленно навстрѣчу непріятелю. Это были: *Петръ Великій* (мичманъ Феодосьевъ), *Опытъ* (мичманъ Персинъ) и *Генералъ-Адмиралъ* (гардемаринъ Аренсъ). Они встрѣтили въ правомъ рукавѣ Дуная, между остр. Варденомъ и турецкимъ берегомъ, колесный пароходъ и мониторъ, которые, несмотря на сильный артиллерійскій и ружейный огонь, открытый съ берега нашими войсками, продолжали среднимъ ходомъ подниматься вверхъ по рѣкѣ. Внезапное же появленіе изъ-за мыса минныхъ катеровъ и рѣшительное наступленіе ихъ привело, очевидно, въ замѣшательство турецкихъ командировъ. Сдѣлавъ по шлюпкамъ нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ, непріятельскія суда повернули назадъ и вскорѣ скрылись изъ виду.

По счастью, на этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось. Но если бы турки рискнули прорваться къ мѣсту переправы, то они могли бы надѣлать намъ не мало хлопотъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, что вѣсть о появленіи монитора съ быстротою молніи облетѣла армію и произвела на нее удручающее впе-

---

[1]) Первоначально сформированный въ Кишиневѣ отрядъ Гв. экипажа признанъ былъ недостаточнымъ и въ подкрѣпленіе ему прислано было изъ Петербурга: 1) 27-го мая—852 н. чина и 28 офицеровъ, подъ командою фл.-адъют. капитана 1-го ранга Шмидта, и 2) 4-го іюня—остальной Гв. экипажъ, 504 н. ч. и 28 офицеровъ, подъ командой фл.-адъют. капитана 1-го ранга Головачева. Въ составѣ послѣдняго отряда находился Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Для сформированія этихъ отрядовъ пришлось разоружить фрегаты *Севастополь* и *Свѣтлану* и яхты Гв. экипажа.

чатлѣніе. Немедленно были приняты мѣры для отраженія непріятельскихъ судовъ, въ случаѣ прорыва ихъ къ мѣсту переправы.

Къ сожалѣнію, на единственномъ здѣсь нашемъ пароходѣ не было даже никакого артиллерійскаго вооруженія.

Этою же безпечностью, главнымъ образомъ, объясняется и самый фактъ появленія турецкихъ судовъ у Вардена. Пароходъ, по всей вѣроятности, скрывался между Парапанскимъ загражденіемъ и Зимницей. По крайней мѣрѣ, онъ еще утромъ 15-го іюня принималъ дѣятельное участіе въ перестрѣлкѣ съ нашими войсками, о чемъ въ свое время и доносилъ командиръ Брянскаго полка. Но на такой важный фактъ не было обращено должнаго вниманія, и начальство, узнавъ изъ этого донесенія, что наши артиллеристы «заставили непріятельскій мониторъ отойти вглубь Варденскаго рукава», очевидно вполнѣ успокоилось, и не приняло никакихъ мѣръ для разысканія и уничтоженія этого «монитора», какъ тогда обыкновенно называли на Дунаѣ всякое военное судно.

Настоящій же мониторъ *Хизберъ* вышелъ изъ Рущука вечеромъ 15-го іюня и, пользуясь недостаточнымъ загражденіемъ праваго рукава Дуная у Мечки, пробрался черезъ него и на слѣдующій день утромъ вмѣстѣ съ пароходомъ появился у Вардена.

Въ тотъ же день 16-го іюня было приступлено къ наводкѣ перваго или нижняго моста. Матеріалы какъ для него, такъ и для устроеннаго впослѣдствіи верхняго моста заготовлялись въ Слатинѣ, спускались по р. Ольтѣ въ Дунай и проводились мимо никопольскихъ батарей къ Зимницѣ.

Сплавъ и проводка всѣхъ этихъ мостовыхъ принадлежностей возложены были на капитана 1-го ранга Новосильскаго, въ распоряженіе котораго поступили: одна рота Гв. экипажа, подъ начальствомъ лейтенанта Глазенапа, и команда брон. фрегата *Севастополь*, подъ начальствомъ кап.-лейт. Зубова.

Для большаго удобства и безопасности, собранные въ устьѣ Ольты понтоны и плоты были раздѣлены на нѣсколько эшелоновъ. Первый изъ нихъ, достигнувъ Фламунды, поступилъ подъ начальство Великаго Князя Алексѣя Александровича, которому съ 20-го іюня были подчинены всѣ морскія команды на Дунаѣ, съ оставленіемъ ихъ въ непосредственномъ завѣдываніи командира XIV корпуса, генералъ-лейтенанта Циммермана,—на нижнемъ Дунаѣ, и начальника инженеровъ арміи, генералъ-маіора Деппа—на среднемъ Дунаѣ.

Вскорѣ затѣмъ началась доставка принадлежностей для второго, верхняго моста. Проводка ихъ къ Зимницѣ, подобно первой операціи, происходила подъ огнемъ непріятеля.

Второй мостъ былъ готовъ 28-го іюля. При постройкѣ мостовъ моряки оказывали саперамъ и понтонерамъ свое посильное содѣйствіе, но вскорѣ имъ пришлось принять болѣе самостоятельное участіе въ переправѣ черезъ Дунай румынскихъ войскъ. Операція эта производилась верхне-дунайскимъ отрядомъ капитанъ-лейтенанта Зубова, подъ общимъ руководствомъ капитана 1-го ранга Новосильскаго. Пловучія средства отряда заключались въ 2 паромахъ, 2 ботахъ и 2 паровыхъ катерахъ, на которыхъ было перевезено на правый берегъ Дуная около 22 т. пѣхоты и 8 батарей, съ соотвѣтствующими обозами

и парками. Для удобства сообщенія, у конечныхъ пунктовъ переправы, въ Турнъ-Магурелли и въ Никополѣ, были устроены морскими командами пристани. Форсированная дѣятельность русскихъ моряковъ на верхнемъ Дунаѣ окончилась лишь въ сентябрѣ, съ наводкой румынскаго моста.

Затѣмъ здѣсь наступило какъ бы нѣкоторое затишье, но въ это самое время на нижнемъ Дунаѣ уже затѣвалась смѣлая экспедиція противъ Сулина.

Для совмѣстныхъ дѣствій съ Нижне-Дунайскимъ отрядомъ ген.-лейт. Веревкина противъ Сулина сформирована была особая флотилія изъ двухъ шкунъ, одного парохода, двухъ плавучихъ мортирныхъ батарей и четырехъ минныхъ катеровъ, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Дикова. Для конвоированія ея назначена была эскадра изъ обѣихъ поповокъ и четырехъ пароходовъ активной обороны, подъ флагомъ свиты Его Величества контръ-адмирала Чихачева.

При исполненіи этой задачи предстояло много затрудненій, изъ которыхъ главными были: 1) подысканіе подходящихъ судовъ съ незначительной осадкой, допускающей проводку ихъ въ одно изъ дунайскихъ гирлъ, и 2) доставленіе туда флотиліи по Черному морю, при безусловномъ господствѣ на немъ турецкаго флота.

Отрядъ прибылъ къ мѣсту назначенія 28-го іюля. Замѣченные нашими крейсерами у Сулинскаго устья 3 броненосца не помѣшали экспедиціи. Въ случаѣ промедленія ея на однѣ сутки, она могла бы совершенно разстроиться и стоить большихъ жертвъ, такъ какъ по возвращеніи эскадры въ Одессу разразился сильнѣйшій штормъ.

По прибытіи въ Килійскій рукавъ Дуная, кап.-лейт. Диковъ расположился со своимъ отрядомъ въ протокѣ Чернява, близъ с. Переправа (на островѣ Лети), оградивъ себя снизу бономъ. Произведенная затѣмъ рекогносцировка выяснила, что турецкія суда могли угрожать отряду лишь со стороны Сулинскаго гирла (18 футъ глубины) и Георгіевскаго (6 футъ), такъ какъ остальныя были слишкомъ мелководны. Поэтому рѣшено было заградить минами оба: Сулинскій рукавъ—на 12-й милѣ, а Георгіевскій—у с. Махмудіе. (Черт. 8).

Далѣе оказалось, что: 1) подступъ войскъ къ Сулину по берегамъ обоихъ этихъ рукавовъ, вслѣдствіе узкости прибрежной полосы и топкости грунта, невозможенъ; 2) по той же причинѣ нельзя было устроить здѣсь батареи; 3) слѣдовательно, главная роль въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ должна принадлежать флотиліи, и, наконецъ, 4) безъ содѣйствія сухопутныхъ войскъ флотилія не въ состояніи овладѣть Сулиномъ.

Отрядъ капит.-лейт. Дикова окончательно изготовился къ 23-му сентября[1]).

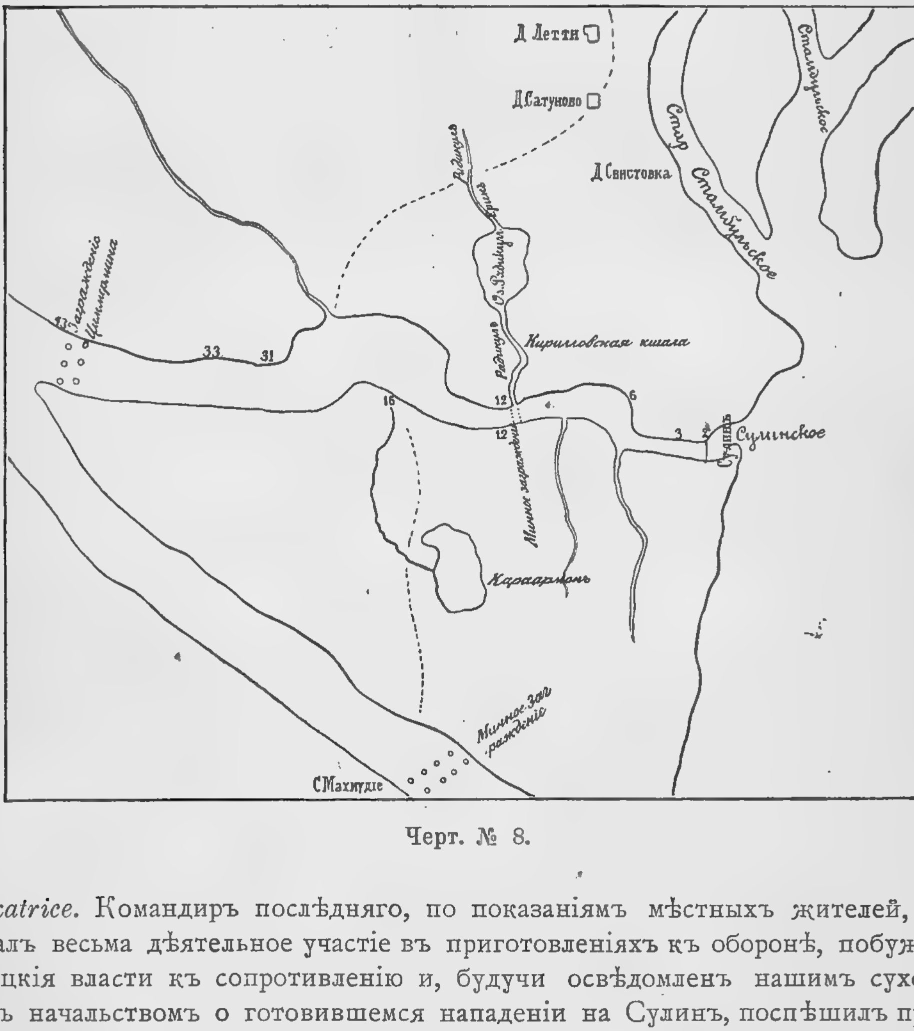
---

[1]) Онъ состоялъ изъ слѣдующихъ судовъ:

Шхунъ *Воронъ* (к.-л. Юнгъ), *Утка* (к.-л. Феодосьевъ 1-й) и *Лебедь* (к.-л. Сѣрковъ 3-й); плавучей мортирной батареи (к.-л. Стронскій); колесныхъ пароходовъ *Опытъ* (к.-л. Агищевъ) и *Сестрица* (к.-л. Киткинъ 2-й); катера съ поповки (л. Фридрихсъ), катера главнаго командира (л. Лощинскій), катера таможеннаго (л. Скрягинъ), катера № 8 графа Строганова (л. Крускопфъ), катера *Свѣтлана* (м. Радецкій), катера *Лейтенантъ Пущинъ* (м. Азаровъ), катера *Вихрь* (гардем. гр. Строгановъ); при отрядѣ имѣлось 75 пироксилиновыхъ ракетъ.

Къ тому времени Сулинъ располагалъ слѣдующими оборонительными средствами: 1) четырьмя береговыми батареями для защиты подступа къ городу со стороны моря и Дуная (около 20 орудій); 2) броненосцами *Хивзи-Рахманъ* и *Мукадемъ-Хаиръ*, расположенными на якорѣ выше города; 3) охранявшимъ ихъ сверху цѣпнымъ и бревенчатымъ бономъ; 4) поставленными въ помощь ему подводными минами и камнеметными фугасами [1]); 5) броненосцами *Неджели-Шефкетъ* и *Муни-Зафръ*, стоявшими ниже города и 6) такимъ же бономъ, преграждавшимъ входъ въ устье Дуная съ моря.

Кромѣ броненосцевъ въ Сулинѣ находилось еще нѣсколько пароходовъ, подъ общимъ начальствомъ адмирала Гассана-паши, и англійскій станціонеръ

Черт. № 8.

Cockatrice. Командиръ послѣдняго, по показаніямъ мѣстныхъ жителей, принималъ весьма дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ оборонѣ, побуждалъ турецкія власти къ сопротивленію и, будучи освѣдомленъ нашимъ сухопутнымъ начальствомъ о готовившемся нападеніи на Сулинъ, поспѣшилъ предупредить объ этомъ своихъ друзей-турокъ. Вслѣдствіе этого вскорѣ сюда прибылъ самъ Гобартъ-паша съ броненосной эскадрой.

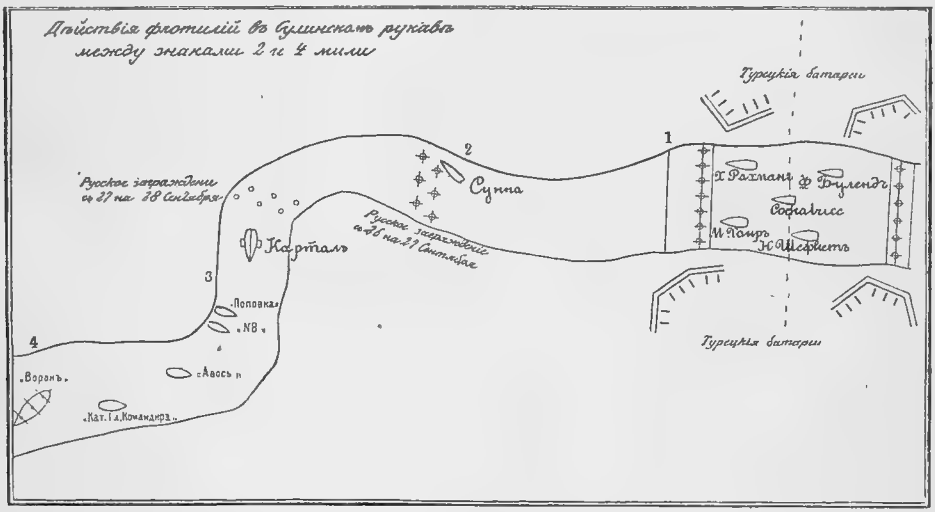
---

[1]) Этою работою руководилъ бывшій англійскій офицеръ, лейтенантъ Слимэнъ.

Международная дунайская комиссія не протестовала противъ обращенія Сулина въ укрѣпленный пунктъ и пребыванія на его рейдѣ турецкой эскадры, а потому мы имѣли безусловное право предпринимать противъ него военныя дѣйствія, но бороться съ такими превосходными непріятельскими силами мы не имѣли возможности, и нападеніе на Сулинъ пришлось отложить до того времени, когда Гобартъ, усумнившись въ серьезности нашихъ намѣреній, ушелъ съ остальными 5-ю броненосцами въ море.

Послѣ неизбѣжныхъ колебаній и измѣненій выработанъ былъ для дѣйствій флотиліи слѣдующій планъ:

Провести ее черезъ загражденіе генерала Циммермана, считавшееся, повидимому, турками непроходимымъ, въ Сулинскій рукавъ и устроить новое минное загражденіе настолько близко къ Сулину, чтобы, прикрываясь этимъ загражденіемъ отъ нападеній броненосцевъ, наши суда могли бы дѣйствовать

Черт. № 9.

по нимъ изъ своихъ мортиръ. Если же бомбардировкой нельзя будетъ принудить непріятеля къ оставленію города, то сухопутными войсками занять оба берега и батареи, съ находившеюся на одной изъ нихъ (по словамъ лазутчиковъ) минной станціей, а катерамъ взорвать верхній бонъ и произвести минную атаку на рейдѣ.

25-го сентября отрядъ безпрепятственно пробрался черезъ сильно размытое уже въ это время загражденіе Циммермана и остановился на ночь близъ знака 33-й мили. (Черт. 9).

26-го сентября отрядъ подвинулся къ 16-й милѣ и высадилъ здѣсь на правый берегъ роту Дорогобужскаго полка, предназначавшуюся для захвата батарей праваго берега и минной станціи съ тылу, со стороны д. Караорманъ.

Того же числа, съ наступленіемъ темноты, кап.-лейт. Диковъ приблизился со своими судами къ мѣсту загражденія 12-й мили, и черезъ очищенный проходъ спустился внизъ; а въ ночь на 27-е сентября поставлено было нашими катерами на 2-й милѣ минное загражденіе.

Взрывъ на нашемъ минномъ загражденіи турецкаго парохода въ Сулинѣ 27 сентября 1877 г.

Съ картины профессора Айвазовскаго въ Морскомъ музеѣ имени Императора Петра Великаго.

Къ стр. 41.

Сулинское дѣло парохода «Вел. Кн. Константинъ» въ ночь на 29 мая 1877 г.

Съ картины профессора Лагоріо въ Морскомъ музеѣ имени Императора Петра Великаго.

Къ стр. 48.

Во время этой работы у одного изъ катеровъ лопнулъ буксиръ, и плотъ съ матросомъ и двумя минами понесся внизъ по теченію. Матроса удалось спасти, а мины попали въ руки непріятеля.

Получивъ донесеніе объ окончаніи новаго загражденія, кап.-лейт. Диковъ 27-го сентября подошелъ къ 6-й милѣ и увидѣлъ, что броненосецъ *Хивзи-Рахманъ* готовится къ съемкѣ съ якоря, а навстрѣчу нашему отряду вышли изъ Сулина пароходъ *Карталъ* и канонерка *Сунна*. Наша флотилія, изъ опасенія турецкихъ минъ, подвигалась медленно, имѣя впереди пароходъ *Опытъ*, снабженный приспособленіемъ для взрыванія ихъ на безопасномъ для себя разстояніи.

Замѣтивъ критическое положеніи своихъ катеровъ и охотниковъ на обоихъ берегахъ, беззащитныхъ противъ огня непріятельскихъ судовъ, кап.-лейт. Диковъ отозвалъ *Опытъ* и самъ на шхунѣ *Воронъ* пошелъ полнымъ ходомъ впередъ. За нимъ слѣдовали *Утка* и *Лебедь*.

Завязалась перестрѣлка, въ началѣ которой *Карталъ* повернулъ назадъ, а глубже сидѣвшая въ водѣ *Сунна* наскочила на одну изъ недавно поставленныхъ минъ и пошла ко дну [1]).

Этотъ удачный взрывъ, доказавъ дѣйствительность нашего загражденія, удержалъ непріятельскіе броненосцы отъ перехода въ наступленіе, которое при другихъ обстоятельствахъ могло кончиться для слабосильной русской флотиліи довольно прискорбно.

Между тѣмъ кап.-лейт. Диковъ подвинулся почти къ 3 милѣ и вступилъ въ перестрѣлку съ броненосцами *Хивзи-Рахманъ* и *Мукадемъ-Хаиръ*. Возобновленная 28-го сентября, она увѣнчалась успѣхомъ: оба броненосца получили довольно серьезныя поврежденія. Теперь, для довершенія дѣла, предстояло разобрать собственныя минныя загражденія, уничтожить турецкія мины и боны, сбить батареи и произвести минную атаку на рейдѣ.

Но для такихъ рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій флотилія наша не располагала достаточными средствами. Устранивъ единственную грозную преграду, отдѣлявшую ее отъ турецкихъ броненосцевъ, она рисковала безъ особенной пользы погибнуть подъ ихъ ударами.

Къ тому же, и отъ бомбардировки пришлось отказаться, по соображеніямъ международнаго характера.

Очевидно, что послѣ этого ничего другого не оставалось, какъ отступить, и притомъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, такъ какъ это было удобнѣе всего сдѣлать подъ покровомъ одержаннаго успѣха. Съ разсвѣтомъ, 30-го сентября, флотилія покинула свою боевую позицію и отошла отъ Сулина.

Такъ закончилась эта своеобразная и поучительная экспедиція. Правда, она не достигла конечной цѣли, и отъ овладѣнія Сулиномъ пришлось на этотъ разъ отказаться, но и то, что было сдѣлано кап.-лейт. Диковымъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Онъ употребилъ здѣсь мины загражденія, оружіе по самому существу своему чисто-оборонительное, какъ средство активное: во-первыхъ, для того, чтобы запереть непріятельскій флотъ въ его соб-

---

[1]) Это было небольшое судно въ 200 тоннъ, съ машиной въ 60 номинальныхъ силъ и 4-мя орудіями.

ственной гавани, и дѣйствовать по немъ со своихъ мелкихъ судовъ съ выгодной для себя позиціи, и, во-вторыхъ,—заманивъ его на загражденіе, нанести ему возможный вредъ. И то и другое вполнѣ удалось [1]).

Почти одновремено съ операціею противъ Сулина происходили дѣйствія нашихъ моряковъ близъ Силистріи, гдѣ турки, намѣреваясь переправиться на лѣвый берегъ Дуная, собрали довольно значительное количество судовъ. Истребленіе послѣднихъ при помощи брандеровъ возложено было на лейтенанта Дубасова, по соглашенію съ начальникомъ каларашскаго отряда. Но отрядъ этотъ получилъ внезапно другое назначеніе и морякамъ пришлось дѣйствовать однимъ.

2-го октября отрядъ изъ 4-хъ судовъ и 6-ти брандеровъ поднялся по р. Борчѣ до острова Гоппо, близъ котораго держался подъ парами непріятельскій пароходъ. Лейтенантъ Дубасовъ попытался прогнать его при помощи брандера. Взявъ его на буксиръ, паровой катеръ *Птичка* подошелъ довольно близко къ мѣсту стоянки парохода около 4-хъ часовъ ночи.

Находившійся на катерѣ мичманъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ спустилъ свой брандеръ вдоль берега о. Гоппо внизъ по теченію. Брандеръ воспламенился черезъ 5 минутъ и вызвалъ, конечно, у непріятеля большой переполохъ и усиленную пальбу. Вскорѣ турки стали замѣтно пристрѣливаться и близился разсвѣтъ, а потому пришлось отказаться отъ дальнѣйшаго спуска брандеровъ.

Дѣло это заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, какъ единственная попытка въ эту кампанію употребленія брандеровъ, когда-то очень популярнаго въ нашемъ флотѣ оружія.

Опасаясь покушеній находившихся у Силистріи турецкихъ судовъ на Черноводы, генералъ-лейтенантъ Циммерманъ приказалъ лейтенанту Дубасову поставить для защиты этого пункта минныя загражденія. Таковыя были устроены въ двухъ миляхъ выше Черноводъ, затѣмъ немного выше д. Россовати и наконецъ у входа въ протокъ Гура-Бали, соединяющій Дунай съ р. Борчей.

Послѣ сдачи Плевны Сулейманъ-паша бросился 30-го ноября со всѣми своими силами на сравнительно слабый Рущукскій отрядъ. Въ помощь последнему были вызваны и нѣкоторыя спеціальныя части, охранявшія Батинскій мостъ, въ томъ числѣ и Гвардейскій экипажъ, которому, однако, участвовать въ бою не пришлось, такъ какъ ко времени прибытія моряковъ на позиціи побѣда уже явно склонилась на сторону нашихъ войскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было бр. лодкѣ *Никополь*, подъ командою лейтенанта Мякинина, съ нѣсколькими паровыми катерами подойти къ о. Мечкѣ, гдѣ были усмотрѣны турецкія суда: мониторъ и 2 парохода. Обмѣнявшись съ ними нѣсколькими выстрѣлами съ разстоянія въ 8 кабельтовыхъ [2]) и убѣдившись

---

[1]) 14-го января 1878 года предпринята была вторичная попытка овладѣть Сулиномъ, одновременно съ моря и съ Дуная. Но туманъ и значительная зыбь вынудили эскадру контръ-адмирала Чихачева (2 поповки, яхта *Ливадія*, шхуна *Коршунъ* и 5 мин. катеровъ) поспѣшить возвращеніемъ въ Одессу.

[2]) Кабельтовъ=100 шестифутовымъ саженямъ.

въ томъ, что непріятельская флотилія не стрѣляетъ по нашимъ войскамъ, Мякининъ повернулъ и пошелъ вверхъ, дѣйствуя изъ своихъ орудій по отступавшему уже правому флангу турокъ. Несмотря на значительную дистанцію (14-18 кабельтовыхъ), огонь лодки оказался достаточно мѣткимъ.

Этимъ сраженіемъ, въ которомъ участвовалъ съ нашей стороны бывшій турецкій броненосецъ, закончилась собственно боевая дѣятельность русскихъ моряковъ на Дунаѣ.

Наступило время для менѣе видной, но не менѣе тяжелой тыловой службы.

Разбросанныя по всему Дунаю, отъ Турнъ-Магурелли до Сулина, морскія команды, подъ общимъ начальствомъ Свиты Его Величества контръ-адмирала Великаго Князя Алексѣя Александровича[1]), исполняли, смотря по обстоятельствамъ, самыя разнообразныя обязанности.

Всего къ 1-му января 1878 года на Дунаѣ у насъ было: 2 брон. лодки, 3 шхуны, 8 пароходовъ, 5 миноносокъ, 24 миноносныхъ катера, 1 канонерская лодка, 2 мортирныя пловучія батареи, 4 баржи, 9 желѣзныхъ шлюпокъ и нѣсколько гребныхъ судовъ. Во всѣхъ морскихъ отрядахъ, между которыми распредѣлены были эти суда, имѣлось 158 офицеровъ, 14 чиновниковъ, 2,422 н. чиновъ и 52 вольнонаемныхъ (машинистовъ, кочегаровъ, лоцмановъ и пр.).

Когда послѣ заключенія перемирія съ турками отношенія Англіи къ Россіи настолько ухудшились, что пришлось подумать о прегражденіи англійскому флоту входа въ Черное море и минировать Босфоръ, то главнокомандующій вытребовалъ къ себѣ Гвард. экипажъ, который выступилъ изъ Петрошанъ 8-го февраля, подъ командою капитанъ-лейтенанта Дейбнера, въ составѣ 34 офицеровъ и 883 нижнихъ чиновъ[2]). Слѣдуя походнымъ порядкомъ на Абланово, Обертеникъ, Бѣлу, Тырновъ, Елену и Твардицу, и по желѣзной дорогѣ отъ Іени-Загры на Адріанополь, экипажъ прибылъ 28-го февраля въ С.-Стефано.

Отъ попытки захватить съ собой хотя бы нѣсколько штукъ грушевидныхъ минъ пришлось, изъ-за трудности доставки ихъ, отказаться.

---

5. Черноморскій театръ войны.

Стратегическое значеніе Чернаго моря.—Организація береговой и морской обороны.—Суда активной обороны.—Роль Русскаго Общества пароходства и торговли.

Въ борьбѣ Россіи съ Турціею Черное море играло всегда весьма важную роль. Въ военномъ отношеніи она опредѣлялась прежде всего его цен-

---

[1]) Въ видахъ объединенія въ однѣхъ рукахъ всѣхъ средствъ сообщеній на Дунаѣ, съ 22-го ноября завѣдываніе ими (въ томъ числѣ и переправами) было возложено на В. К., съ оставленіемъ Его Высочества въ подчиненіи начальнику инженеровъ арміи.

[2]) Генералъ-адмиралъ телеграфировалъ 1-го февраля 1878 г. главнокомандующему: «Государь приказываетъ Тебѣ передать, что Онъ желалъ бы, чтобы Гв. экипажъ былъ тобою употребленъ при оборонѣ Босфора. Тебѣ предоставлено направить его или сухимъ путемъ или черезъ Одессу моремъ, если оно свободно отъ непріятеля, какъ признаешь удобнѣе» (М. Арх. секр. дѣло к. м. м. № 1, регистрат.)

тральнымъ положеніемъ между обоими театрами войны и тѣми выгодами, какія отсюда вытекали для господствовавшей на этомъ морѣ стороны.

Ко времени послѣдней русско-турецкой войны Черное море находилось въ рукахъ турецкаго флота. Это обстоятельство должно было, конечно, крайне вредно отразиться на ходѣ всей кампаніи. Мы не только лишились тѣхъ преимуществъ, которыми располагали въ прежнія кампаніи, но и вынуждены были отдѣлить для обороны черноморскаго побережья цѣлыхъ два корпуса (VII и X); кавказская же армія не могла быть надежно обезпечена продовольствіемъ и постоянно страдала отъ этого.

Первыя мѣры по оборонѣ береговъ Чернаго моря были приняты по указанію самого Государя, проводившаго осень 1876 года въ Ливадіи.

Мѣры эти, проектированныя главнымъ образомъ генералъ-адъютантомъ Тотлебеномъ, еще раньше обсуждались въ особомъ совѣщаніи, состоявшемъ изъ командующаго войсками Одесскаго военнаго округа Семеки, главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ Аркаса, и директора Русскаго Общества пароходства и торговли Чихачева, при участіи завѣдывавшаго минною частью Черноморскаго флота Дикова, и послужили основаніемъ для организаціи черноморской береговой обороны.

Въ общихъ чертахъ она состояла въ слѣдующемъ.

Вслѣдствіе слабости нашего черноморскаго флота, располагавшаго кромѣ двухъ поповокъ только нѣсколькими устарѣвшими военными судами и двумя десятками пароходовъ, пришлось, по необходимости, отвести первое мѣсто обезпеченію прибрежья инженерными и артиллерійскими средствами. Наученное опытомъ войны 1853—1856 гг., военное вѣдомство на этотъ разъ отказалось отъ безполезной и весьма рискованной разброски силъ по всей береговой линіи, а рѣшило сосредоточить оборону въ четырехъ важнѣйшихъ пунктахъ: Очаковѣ, Одессѣ, Севастополѣ и Керчи.

Главнымъ начальникомъ всей обороны назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Семека, а у него въ подчиненіи состояли частные начальники въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ: контръ-адмиралы Баженовъ, Чихачевъ, Никоновъ и генералъ-маіоръ Седерхольмъ. Имъ ввѣрены были не только береговыя батареи и минныя загражденія, но и находившіяся въ портахъ суда, а также предназначенныя для обороны войска.

Для службы на морскихъ батареяхъ въ этихъ пунктахъ, за исключеніемъ Керчи, были командированы офицеры и нижніе чины и черноморскихъ флотскихъ экипажей. Это распоряженіе вызывалось, конечно, прежде всего, совершеннымъ незнакомствомъ сухопутныхъ артиллеристовъ со своимъ будущимъ противникомъ—непріятельскимъ флотомъ [1]).

[1]) Въ программу артиллерійской обороны, представленную генералъ-адъютанту Семекѣ 7-го апрѣля 1877 года и испещренную его замѣчаніями, включенъ былъ между прочимъ слѣдующій 8-й пунктъ: „Современное состояніе броневаго турецкаго флота. Его вооруженіе; то же англійскаго; толщина и расположеніе бортовой и палубной брони каждаго типа такихъ судовъ; углубленіе въ водѣ; скорость движенія и число орудій каждаго типа судовъ. Наружные признаки для распознаванія каждаго типа броненосныхъ судовъ на дальнія дистанціи. Рисунки красками непріятельскихъ флаговъ. Всѣ эти свѣдѣнія можно получить отъ моряковъ; они же могутъ указать наивыгоднѣйшія позиціи, какія можетъ занять флотъ для артиллерійскаго состязанія, и способъ дѣйствія при данной обстановкѣ“.

Къ сожалѣнію, эта мѣра принята была слишкомъ поздно, всего за пять дней до объявленія войны, несмотря на выраженную въ первыхъ строкахъ той же программы совершенно вѣрную мысль, что «чтобы быть готовымъ на случай войны, необходимо еще въ мирное время изучить всѣ, могущія встрѣтиться, обстоятельства». А между тѣмъ, для подробнаго изученія типичныхъ представителей непріятельскаго флота, а тѣмъ болѣе, умѣнія на практикѣ пользоваться пріобрѣтенными познаніями, требовалось не мало времени и труда. Конечно, въ данномъ случаѣ могли выручить сами же инструкторы-моряки, но флотъ далеко не всегда имѣетъ возможность такъ щедро снабжать берегъ своимъ личнымъ составомъ.

Оборона черноморскихъ портовъ подраздѣлялась на собственно береговую (батареи) и морскую (минныя загражденія, плавучія батареи и военныя суда).

Батарей было: въ Одессѣ—13, въ Очаковѣ—7, въ Севастополѣ—9, въ Балаклавѣ — 2.

Морская оборона, оставаясь въ вѣдѣніи частныхъ начальниковъ, въ то же время ввѣрена была общему надзору главнаго командира черноморскаго флота, на обязанность котораго возложены были: 1) защита минныхъ загражденій, и 2) активная оборона портовъ. По этой должности Аркасъ не былъ подчиненъ Семекѣ и лишь обязанъ былъ оказывать послѣднему полное содѣйствіе.

Такая сложная и смѣшанная организація обороны, дающая достаточный просторъ для всевозможныхъ недоразумѣній, въ данномъ случаѣ до нѣкоторой степени оправдывалась обстоятельствами.

На Черномъ морѣ почти не было флота и довѣрять поэтому всю береговую оборону исключительно морякамъ казалось неудобнымъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ обойтись вовсе безъ ихъ помощи тоже никакъ нельзя было.

Для обезпеченія минныхъ загражденій отъ непріятельскихъ покушеній всѣ мелкосидящія суда, имѣвшіяся въ распоряженіи Аркаса, были распредѣлены по портамъ.

Техническая часть минной обороны находилась въ рукахъ военнаго вѣдомства. Моряки участвовали въ постановкѣ минныхъ загражденій и охраняли ихъ отъ непріятельскаго флота.

Входы въ порты ограждались бонами и освѣщались электрическими прожекторами, на маякахъ учреждены были наблюдательные посты, соединенные съ общею телеграфною сѣтью и ближайшими къ нимъ портами.

Для объединенія всѣхъ разбросанныхъ по портамъ морскихъ средствъ, они были ввѣрены особымъ отряднымъ начальникамъ, состоявшимъ одновременно въ подчиненіи мѣстныхъ начальниковъ обороны и главнаго командира черноморскаго флота и портовъ.

Осенью 1876 года береговая оборона получила настолько законченный видъ, что 2-го ноября можно было уже объявить офиціально о воспрещеніи судамъ входить на минированные рейды Одессы, Очакова, Севастополя и Керчи, безъ помощи брандвахтъ.

О дѣйствительности всѣхъ этихъ оборонительныхъ сооруженій судить трудно, такъ какъ они не подвергались боевому испытанію—ни на одинъ изъ

упомянутыхъ портовъ не было произведено нападенія. Но уже самый фактъ этотъ является отчасти какъ бы косвеннымъ подтвержденіемъ цѣлесообразности принятыхъ мѣръ.

Однако ограничиться одной пассивной обороной, какъ бы она хороша ни была, значило безпрекословно признать турецкое господство на Черномъ морѣ и отказаться отъ попытокъ поколебать его, даже когда къ тому представлялись бы удобные случаи.

«Чѣмъ подвижнѣе обороняющійся,—говоритъ фонъ-деръ-Гольцъ,—чѣмъ менѣе остается онъ прикованнымъ къ одному мѣсту, тѣмъ онъ сильнѣе. Подвижность и дѣятельность замѣняютъ на войнѣ силу».

Такъ понимали свою задачу и черноморскіе моряки. Но перейти въ наступленіе они, за неимѣніемъ броненоснаго флота, очевидно, не могли, а потому имъ пришлось на этотъ разъ прибѣгнуть къ созданію такъ называемой активной обороны. Для надобностей ея черноморскій флотъ и Русское Общество могли доставить 15 болѣе или менѣе подходящихъ судовъ, съ ходомъ въ 12—14 узловъ. Эта операція, благодаря тяжелымъ условіямъ контракта, заключеннаго съ Русскимъ Обществомъ, была весьма невыгодна для интересовъ казны.

Такова была естественная расплата за невниманіе правительства къ черноморскому флоту и уклоненіе названной пароходной кампаніи отъ своего прямого назначенія [1]).

По мѣрѣ передачи пароходовъ въ морское вѣдомство, они вооружались артиллеріей и минами, комплектовались военными командами и поступали подъ общее начальство главнаго командира.

Не мало затрудненій было съ личнымъ составомъ, котораго не хватало на всѣ потребности. Особенно чувствительнымъ являлся недостатокъ въ спеціалистахъ: минерахъ и машинистахъ. Послѣднихъ набирали по вольному найму изъ Русскаго Общества; оттуда же переводились во флотъ и нѣкоторые офицеры. Но всѣ эти и тому подобныя мѣры только до нѣкоторой степени пополняли недочетъ; остальное приходилось заимствовать у Балтійскаго флота, безпощадное обираніе котораго могло однако грозитъ намъ настоящей катастрофой, въ случаѣ весьма возможнаго разрыва съ Англіей.

---

6. Операціи на Черномъ морѣ.

Бомбардировка и блокада русскихъ портовъ. — Дѣятельность нашихъ крейсеровъ. — Идея лейтенанта Макарова. — Минныя атаки.

Между тѣмъ турецкій флотъ уже на другой день послѣ объявленія войны напалъ на пограничный постъ св. Николая и затѣмъ приступилъ къ

---

[1]) Покойный адмиралъ С. О. Макаровъ, какъ видно изъ письма его къ автору настоящаго изслѣдованія, отъ 10 октября 1903 года, не раздѣлялъ такого отрицательнаго отношенія къ дѣятельности названнаго общества и находилъ, что «все, чѣмъ располагали мы на Черномъ морѣ, было отъ него».

бомбардированію Поти, Гадаутъ, Очемчиры, Сухума и другихъ прибрежныхъ пунктовъ.

Сухумъ пришлось даже уступить непріятелю за невозможностью защищать его безъ содѣйствія флота подъ огнемъ непріятельскихъ броненосцевъ.

Наконецъ, 23-го апрѣля (5-го мая) 1877 года послѣдовало объявленіе Порты о блокадѣ нашихъ черноморскихъ портовъ. Въ скоромъ времени, однако, стало для всѣхъ очевиднымъ, что турки не въ состояніи будутъ сдѣлать свою блокаду дѣйствительной, безъ чего, согласно условіямъ Парижскаго трактата, она не могла быть признаваема подписавшими его державами. Одна Англія продолжала упорно признавать турецкую блокаду дѣйствительною, несмотря даже на возобновленіе сначала каботажной торговли, а затѣмъ (съ 19-го мая) и срочнаго пароходства между Одессою и Николаевымъ.

Съ появленіемъ пароходовъ активной обороны положеніе наше на Черномъ морѣ еще болѣе улучшилось.

Употребленіе минныхъ шлюпокъ для нападенія на непріятельскія суда на Дунаѣ оказалось весьма удачнымъ. Но то, что было хорошо для рѣчной борьбы, не годилось для дѣйствій въ открытомъ морѣ, противъ быстроходныхъ броненосцевъ. Минные катера и даже первыя тогдашнія миноноски имѣли весьма незначительный ходъ и запасъ топлива и, къ тому же, не обладали необходимыми для самостоятельнаго плаванія морскими качествами, а потому нужно было придумать средство для устраненія столь важныхъ недостатковъ. Это и сдѣлалъ лейтенантъ Макаровъ.

Онъ предложилъ главному командиру устроить на одномъ изъ судовъ такія приспособленія, посредствомъ которыхъ можно было бы переносить минные катера съ одного берега моря на другой и дѣлать съ катерами нападенія прямо на непріятельскихъ рейдахъ. Адмиралъ Аркасъ сочувственно отнесся къ проекту молодого лейтенанта и предоставилъ въ его распоряженіе пароходъ *Великій Князь Константинъ* [1]).

Выйдя 28-го апрѣля 1877 года изъ Севастополя, пароходъ *В. К. Константинъ* рѣшилъ пробраться къ Батуму, до котораго было двое сутокъ ходу. Предпріятіе это являлось весьма рискованнымъ, такъ какъ на такомъ длинномъ переходѣ встрѣча съ непріятельскими броненосцами представлялась очень вѣроятною, и легко могла, особенно днемъ, окончиться гибелью парохода. Дѣйствительно, на другой же день послѣ его ухода въ Севастополѣ получено было извѣстіе, что навстрѣчу ему двигается эскадра изъ шести броненосцевъ.

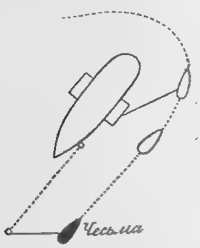
[1]) Онъ былъ вооруженъ буксирными и другими минными шестами, а нарѣзная артиллерія его состояла изъ одной 6-дюймовой мортиры и четырехъ 9-фунтовыхъ орудій. Но главная боевая сила его заключалась въ четырехъ паровыхъ минныхъ катерахъ, поднимавшихся на шлюпъ - балкахъ вмѣстѣ со своими котлами и машинами, что являлось для того времени довольно смѣлымъ новаторствомъ. Кромѣ того, благодаря различнымъ остроумнымъ приспособленіямъ, можно было подымать пары на катерахъ въ какихъ-нибудь 5 минутъ. Обыкновенно на это требовалось $1^1/_2$—2 часа. Такимъ образомъ, нужно было всего 5—10 минутъ для того, чтобы приготовить катера къ бою. Только при такомъ условіи и можно было разсчитывать на успѣхъ при встрѣчѣ, иногда неожиданной, съ гораздо сильнѣйшимъ непріятелемъ.

По счастливой случайности, они разминулись и *Константинъ* 30-го апрѣля въ 10 часовъ вечера подошелъ къ Батуму. Остановившись въ 7-ми миляхъ отъ входа на рейдъ, лейтенантъ Макаровъ спустилъ катера на воду и, сдавъ командованіе пароходомъ своему старшему офицеру, самъ принялъ начальство надъ минной флотиліей, имѣвшей слѣдующій составъ:

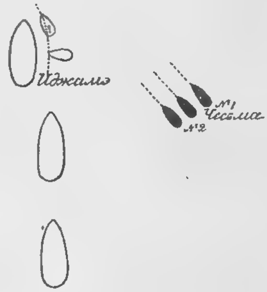
Наваринъ (лейтенантъ Макаровъ), *Чесма* (лейтенантъ Зацаренный), *Синопъ* (лейтенантъ Писаревскій), *Минеръ* (мичманъ Подъяпольскій).

Предполагалось напасть на стоявшіе въ глубинѣ рейда броненосцы, но на пути катерамъ попался сторожевой пароходъ. (Черт. 10).

Обойти его и оставить у себя въ тылу, гдѣ онъ могъ бы къ тому же наткнуться на ожидавшій безъ катеровъ и офицеровъ *Константинъ*, было бы рискованно, а потому лейтенантъ Макаровъ отдѣлилъ лучшаго ходока *Чесму* и приказалъ ему взорвать турецкій пароходъ. Лейтенантъ Зацаренный подвелъ свою лѣвую буксирную мину подъ лѣвый бортъ парохода и замкнулъ токъ; мина не взорвалась по причинамъ техническаго свойства. Мало того, попавъ подъ колесо парохода, она чуть не потопила катеръ и для спасенія его пришлось обрубить буксиръ, который затѣмъ попалъ въ винтъ *Чесмы* и въ свою очередь надѣлалъ ей не мало хлопотъ.

Черт. № 10.

Черт. № 11.

Въ это время къ ней подошелъ *Синопъ*, но такъ какъ пароходъ сталъ полнымъ ходомъ уходить въ глубину рейда, производя тревогу, то оба катера бросились къ берегу и взяли курсъ на Поти, куда и прибыли благополучно. Остальные катера вернулись къ *Константину*.

Такимъ образомъ, первая попытка осуществить новую идею оказалась не особенно удачной и, быть можетъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка единства въ дѣйствіяхъ и взаимной выручки. Этому обстоятельству обязанъ былъ своимъ спасеніемъ турецкій пароходъ, очутившійся въ самую критическую минуту своего маневрированія между случайно раздѣлившимися попарно катерами.

Лейтенантъ Макаровъ рѣшилъ попробовать счастья на Сулинскомъ рейдѣ, гдѣ *Аргонавтъ* еще въ началѣ мая обнаружилъ присутствіе четырехъ броненосцевъ. Онъ 28-го мая вышелъ изъ Одессы, имѣя на буксирѣ двѣ миноноски, вооруженныя однимъ миннымъ шестомъ каждая. Катера же имѣли попрежнему буксирныя мины. Въ 5-ти миляхъ отъ входа на Сулинскій рейдъ *Константинъ* остановился и спустилъ свои катера. Вмѣстѣ съ миноносками они составили двѣ кильватерныя колонны, при чемъ въ каждой изъ нихъ, во избѣжаніе разъединенія, суда шли другъ у друга на буксирѣ.

Незадолго до встрѣчи съ непріятелемъ, они отдали буксиры и двинулись на рейдъ въ строѣ двойного фронта, занявъ въ немъ слѣдующія мѣста въ такомъ порядкѣ: миноноска № 2 (лейт. Рождественскій), *Чесма* (лейт. Зацаренный) и миноноска № 1 (лейт. Пущинъ) впереди; *Наваринъ* (лейт. Вишневецкій), *Синопъ* (лейт. Писаревскій) и *Минеръ* (мичм. Нельсонъ-Гирстъ)—сзади. (Черт. 11).

Бой парохода „Веста“ съ турецкимъ броненосцемъ „Фетхи-Булендъ,“ 11 іюля 1877 г.
(Съ картины профессора Боголюбова въ галлереѣ Зимняго дворца). къ стр. 50

Уничтоженіе пароходомъ „Вел. Кн. Константинъ“ турецкихъ коммерческихъ судовъ у входа въ Босфоръ 22 іюля 1877 г. къ стр. 49.

Помощь парохода „Вел. Кн. Константинъ“ отряду полковника Шелковникова у Гагринскаго ущелья 8 августа 1877 г.

(Съ картины профессора Лагоріо въ Морскомъ музеѣ имени Императора Петра Великаго). къ стр. 51.

Сухумская атака катеровъ парохода „Вел. Кн. Константинъ“ въ ночь на 12 августа 1877 г.

(Съ картины профессора Лагоріо въ Морскомъ музеѣ имени Императора Петра Великаго). къ стр. 52.

На рейдѣ стояло 3 броненосца и 1 сторожевой пароходъ. Эскадра находилась подъ парами и окружена была, по требованію Гобарта-паши, бонами.

Первымъ замѣтилъ непріятеля катеръ *Чесма* и приготовился атаковать своей крылаткой, но буксиръ ея попалъ въ винтъ и катеръ выбылъ изъ строя.

Не дождавшись *Чесмы*, миноноска № 2 направилась къ броненосцу *Иджаліэ* и взорвала своею мину, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ борта, послѣ чего Рождественскій вынужденъ былъ уходить отъ преслѣдованія другого броненосца. Вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ второй такой же неудачный взрывъ съ миноноски № 1, которая запуталась своимъ винтомъ въ тросовомъ концѣ и потерпѣла довольно серіозныя аваріи: перебило штуръ-тросъ [1]), разбилась водомѣрная трубка, паръ наполнилъ все машинное отдѣленіе и стало заливать топку. Въ это время съ правой стороны показался другой броненосецъ, и миноноска съ остановившеюся машиной очутилась въ весьма критическомъ положеніи.

Опасаясь, чтобы она не попала въ руки непріятеля, лейтенантъ Пущинъ затопилъ ее, а самъ съ командой бросился въ воду, облачившись предварительно въ спасательные пояса. Весь личный составъ миноноски № 1 захваченъ былъ въ плѣнъ.

Броненосецъ *Иджаліэ* мало пострадалъ, что объясняется, конечно, недѣйствительностью взрывовъ, произведенныхъ не подъ днищемъ судна и даже не вплотную у борта, а на извѣстномъ разстояніи отъ него. Ближайшею причиною неудачи явились боны—преграда серіозная, но не непреодолимая. Справиться съ нею нашей минной флотиліи помѣшали: 1) отсутствіе общаго начальника и руководителя, 2) невыгодное сочетаніе нападающихъ судовъ, вслѣдствіе рѣзкаго различія въ ходѣ и вооруженіи миноносокъ и катеровъ, и 3) неоказаніе поддержки атакующимъ остальными тремя катерами.

Въ іюнѣ пароходы активной обороны производили неоднократно поиски у непріятельскихъ береговъ, при чемъ потопили нѣсколько коммерческихъ судовъ.

Не оставался въ бездѣйствіи и турецкій флотъ, но онъ попрежнему ограничивался безплодными бомбардировками незначительныхъ прибрежныхъ пунктовъ, не отваживаясь на операціи болѣе рѣшительныя.

Наконецъ 11-го іюля, благодаря случайной встрѣчѣ, произошелъ жестокій бой между пароходомъ *Веста* [2]) и турецкимъ броненосцемъ.

Кромѣ командира, капитанъ-лейтенанта Баранова, на пароходѣ было 16 офицеровъ [3]) и 118 человѣкъ команды, въ томъ числѣ 30 охотниковъ.

---

[1]) Цѣпь для управленія рулемъ.

[2]) *Веста* построена была еще въ 1858 году и представляла изъ себя небольшое судно въ 1,800 строевыхъ тоннъ, съ машиной въ 130 номинальныхъ силъ. На ней сдѣлали необходимыя приспособленія и поставили довольно сильную артиллерію: пять 6-дюйм. мортиръ, два 9-фунт. и одно 4-фунт. орудія, двѣ скорострѣльныя пушки Энгстрема и двѣ такія же Гатлинга. Для сосредоточенной автоматической стрѣльбы имѣлся аппаратъ Давыдова. Кромѣ того пароходъ и два его паровые катера вооружены были минами.

[3]) Старшій офицеръ, лейтенантъ кн. Голицынъ-Головкинъ; лейтенанты: В. Перелешинъ М. Перелешинъ, Жеребко-Ротмистренко, Кротковъ, З. Рожественскій; мичманы: Петровъ и Рогуля; артиллеристы: подполковникъ Черновъ и прапорщикъ Яковлевъ; штурманъ шт.-кап. Корольковъ; инж.-мех. поручикъ Плигинскій; врачъ Франковскій; гардемарины: Барковскій и Казнаковъ.

Барановъ отправился 10-го іюля въ крейсерство къ румелійскому берегу. Характеръ предстоявшаго крейсерства опредѣлялся данной адм. Аркасомъ инструкціей, въ которой командиру рекомендовалось уничтоженіе непріятельскихъ военныхъ и комерческихъ судовъ, осмотръ другихъ подозрительныхъ судовъ и испытаніе аппаратовъ Давыдова, при чемъ, однако, слѣдовало избѣгать открытыхъ встрѣчъ съ броненосцами и рѣшаться на атаку боевыхъ судовъ лишь въ случаѣ увѣренности въ успѣхѣ.

На другой день въ восьмомъ часу утра, въ 35-ти миляхъ отъ Кюстенджи, *Веста* замѣтила на горизонтѣ дымъ.

Барановъ рѣшилъ сблизиться съ неизвѣстнымъ судномъ и, если оно будетъ ему по силамъ, то отрѣзать его отъ берега, для чего и измѣнилъ соотвѣтственно курсъ. Немного времени спустя уже можно было съ достаточною ясностью разглядѣть очертанія рангоутнаго турецкаго броненосца, оказавшагося впослѣдствіи корветомъ *Фетхи-Булендъ*. Турки подняли флагъ и сдѣлали выстрѣлъ. *Веста* отвѣтила залпомъ изъ носовыхъ орудій и повернула назадъ.

Несмотря на 12-узловой ходъ парохода, броненосецъ замѣтно нагонялъ его и своими снарядами разрушилъ капитанскій вельботъ, пробилъ верхнюю палубу, уничтожилъ одну мортиру, перебилъ всѣ проводники отъ аппарата Давыдова и положилъ на мѣстѣ двухъ артиллерійскихъ офицеровъ.

Въ довершеніе всего лопнувшая въ жилой палубѣ бомба произвела пожаръ надъ самой крюйтъ-камерой (пороховымъ погребомъ). Заподозривъ своего противника въ намѣреніи таранить *Весту*, Барановъ рѣшился свалиться съ нимъ на абордажъ или взорвать его кормовыми минами. Явилось даже предположеніе объ атакѣ броненосца минными катерами, но осуществить его, вслѣдствіе крупной зыби, оказалось невозможнымъ. У инціатора этого смѣлаго плана, миннаго офицера лейт. М. Перелешина, вскорѣ оторвало ногу.

Между тѣмъ, убитыхъ артиллеристовъ замѣнили лейтенанты Кротковъ, вскорѣ затѣмъ раненый и опаленый, и Рожественскій. Послѣдній, наводя лично мортиры, попалъ бомбой въ башню броненосца и тѣмъ произвелъ на немъ замѣтное смятеніе. Воспользоваться имъ, однако, не удалось, за невозможностью управляться: штуръ-тросъ былъ перебитъ.

Черезъ нѣкоторое время броненосецъ сталъ замѣтно отставать и, измѣнивъ курсъ, скоро скрылся изъ вида. Бой продолжался 5 часовъ и стоилъ *Вестѣ* большихъ потерь: убитыми—3 офицера и 9 н. чиновъ и ранеными—4 офицера и 17 н. чиновъ. Но, по отзыву адмирала Аркаса, «начиная отъ командира и кончая послѣднимъ матросомъ всѣ покрылись славой». Донесеніе Баранова объ этомъ исключительномъ по своей обстановкѣ дѣлѣ вызвало возраженія со стороны турецкихъ моряковъ. Тѣмъ не менѣе и они не рѣшались умалить храбрость командующаго *Весты* и отрицать нанесенныя ею броненосцу кое-какія поврежденія.

Не оспаривая справедливости этихъ возраженій, мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что большинство ихъ не имѣетъ для дѣла существеннаго значенія. Ошибки и промахи въ оцѣнкѣ вооруженія и дѣйствій своего противника всегда возможны въ разгарѣ боя. Только одинъ пунктъ представляетъ исключеніе: довольно мудрено согласовать утвержденіе Монторнъ-бея [1]) о

[1]) Англичанинъ, начальникъ штаба турецкой черноморской эскадры.

прекращенiи турками «безнадежной погони» съ донесенiемъ Баранова, что, въ виду тяжкихъ потерь, онъ «не рѣшился энергично преслѣдовать убѣгавшаго довольно быстроходнаго врага» [1]).

Вскорѣ послѣ этого боя пароходу *Константинъ* пришлось оказать довольно важную услугу нашимъ кавказскимъ войскамъ.

Въ прежнiя войны съ нами Турцiя всегда пользовалась Абхазiей какъ удобной базой для дѣйствiй во флангъ нашей кавказской армiи. Съ этою цѣлью и теперь къ абхазскимъ берегамъ отправлена была еще въ началѣ войны особая эскадра, которая послѣ бомбардировки Гадаута и Бомборъ высадила здѣсь значительный десантъ.

Русскiй гарнизонъ вынужденъ былъ покинуть Сухумъ и отступить.

Въ iюнѣ въ рукахъ турокъ находилась узкая полоса берега между Гадаутомъ и Адлеромъ. Для нападенiя на нихъ съ сѣвера отрядъ Шелковникова подошелъ 3-го августа къ Гаграмъ, но дальше двигаться не могъ, такъ какъ путь лежалъ вдоль берега, по узкой тропинкѣ, обстрѣливаемой находившимся здѣсь броненосцемъ *Ассари-Шевкетъ*. Начальникъ отряда обратился по телеграфу въ Севастополь за помощью, и ночью 6-го августа *В. К. Константинъ* держался уже у Гагръ, спустивъ свои катера для нападенiя на броненосецъ, котораго они, однако, за темнотою и туманомъ, не могли найти.

Между тѣмъ Шелковниковъ, выбивъ засѣвшихъ въ развалинахъ гагринскаго укрѣпленiя горцевъ, къ разсвѣту былъ уже внѣ выстрѣловъ зазѣвавшагося броненосца. Но вторая колонна его отряда, кн. Аргутинскаго, съ артиллерiей и тяжестями подошедшая въ это время къ ущелью, не могла рѣшиться на такой рискованный прорывъ. Такимъ образомъ отрядъ оказался разрѣзаннымъ на двѣ части.

Чтобы выручить его изъ бѣды, лейтенантъ Макаровъ рѣшился во что бы то ни стало отвлечь вниманiе броненосца на себя. Разсчитывая на свое предполагаемое преимущество въ ходѣ, *Константинъ* съ разсвѣтомъ 7-го августа смѣло направился къ броненосцу. Турки не устояли отъ соблазна овладѣть уже пользовавшимся нѣкоторою извѣстностью русскимъ пароходомъ и, забывъ о колоннѣ Аргутинскаго и о своемъ назначенiи, пустились въ погоню. Лейтенантъ Макаровъ, уменьшая по временамъ умышленно ходъ, искусно ее поддерживалъ цѣлыхъ $2^1/_2$ часа.

Наконецъ, налетѣвшiй внезапно шквалъ съ дождемъ разлучилъ противниковъ, и *Ассари-Шевкетъ*, потерявъ изъ вида добычу, вернулся на свой постъ. Но уже было поздно: кн. Аргутинскiй успѣлъ соединиться съ Шелковниковымъ [2]).

Не довольствуясь результатами столь удачно произведенной диверсiи, лейтенантъ Макаровъ задумалъ возможно шире воспользоваться успѣхомъ и

---

[1]) Рапортъ к.-л. Баранова гл. ком. черном. флота и портовъ, отъ 12 iюля 1877 г.

[2]) Впослѣдствiи это дѣло получило, благодаря признанiю самого же Макарова, нѣсколько иное освѣщенiе: Шелковниковъ предполагалъ, что его отрядъ такъ же хорошо виденъ съ броненосца, какъ былъ виденъ броненосецъ съ берега, а потому естественно нѣсколько переоцѣнилъ услугу *Константина*, имѣвшую чисто случайный характеръ.

(М. Сб. 1911 г. № 2, «Отрывки изъ бiографiи С. О. Макарова», бар. Врангеля, стр. 46-47).

нанести своему сконфуженному противнику болѣе тяжкій ударъ. Въ этихъ видахъ и произведена была въ ночь на 12-е августа минная атака на Сухумскомъ рейдѣ, гдѣ въ числѣ другихъ судовъ находился и *Ассари-Шевкетъ*.

Миляхъ въ 6-ти отъ Сухума катера были спущены и въ строѣ двухъ колоннъ направились къ этому броненосцу, стоявшему ближе другихъ и занятому принятіемъ съ берега десанта. Въ моментъ полнаго луннаго затменія (2 ч. 45 м.) катера находились уже на рейдѣ, ярко освѣщенномъ пожаромъ въ городѣ и разведеннымъ на берегу костромъ. (Черт. 12).

Атаку начали катера лѣвой колонны: *Синопъ* (Писаревскій) и *Наваринъ* (Вишневецкій), взорвавшіе свои правыя крылатыя мины у праваго же борта *Ассари-Шевкета*.

Вслѣдъ за ними взорвалъ такимъ же образомъ, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ борта, свою мину *Минеръ* (Нельсонъ-Гирстъ); *Чесма* же (Зацаренный), запутавъ свой минный буксиръ въ обломкахъ разбитаго трапа, вынужденъ былъ обрубить его и дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ не принималъ. Первый моментъ атаки осложнился столкновеніемъ *Синопа* съ державшимся у борта броненосца турецкимъ катеромъ, причемъ произошла рукопашная схватка на веслахъ и крючкахъ.

Черт. № 12.

Броненосецъ *Ассари-Шевкетъ* не былъ потопленъ и получилъ настолько легкія поврежденія, что уже 20-го августа могъ отправиться въ Константинополь.

Неудача объясняется опять-таки характеромъ взрывовъ и слишкомъ значительнымъ углубленіемъ минъ. Да и турки, видимо, ожидали нападенія и готовились къ нему.

Эта атака еще разъ подтвердила, между прочимъ, неудовлетворительность буксирныхъ крылатыхъ минъ, выяснивъ ихъ важнѣйшіе недостатки: 1) значительную трудность маневрированія и подведенія мины подъ днище непріятельскаго судна, и 2) запутываніе минъ и буксировъ въ обломкахъ послѣ перваго взрыва [1]). А потому рѣшено было замѣнить ихъ самодвижущимися минами Уайтхеда.

Тѣмъ временемъ флигель-адъютанту Баранову удалось, крейсеруя вблизи Анатолійскаго берега на пароходѣ *Россія*, 13-го декабря захватить весьма цѣнный призъ. Это былъ пакетъ-ботъ *Мерсина*, поддерживавшій почтовое сообщеніе между Константинополемъ и Батумомъ и перевозившій въ этотъ рейсъ 1 батальонъ низама при 22 офицерахъ и 1 таборъ новобранцевъ, преимущественно баши-бузуковъ и черкесовъ, а всего около 800 чел., не считая пассажировъ. На транспортѣ имѣлось нѣкоторое количество провіанта и денегъ, а въ числѣ корреспонденціи оказалась весьма важная переписка Мухтара-паши.

Къ тому же времени пароходы *В. К. Константинъ* и *Владиміръ* уже успѣли доставить для надобностей кавказской арміи до 5,200 четвертей

---

[1]) Эти мины были спроектированы лейт. Макаровымъ спеціально для своихъ подъемныхъ катеровъ, такъ какъ послѣдніе не были въ состояніи носить слишкомъ громоздкое шестовое вооруженіе.

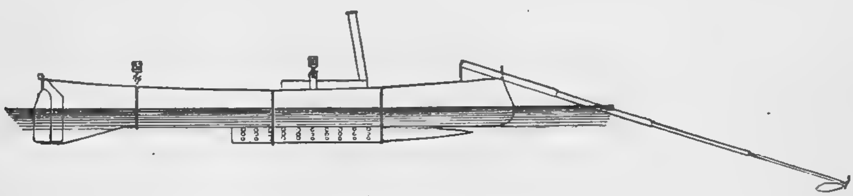
провіанта и фуража въ Сочи и Туапсе. Весьма рискованная при господствѣ непріятельскаго флота на морѣ операція эта потребовала двѣ недѣли и совершилась вполнѣ благополучно.

Впрочемъ, это былъ уже не первый случай транспортной службы нашихъ пароходовъ. Они неоднократно и съ большимъ успѣхомъ перевозили, по просьбѣ сухопутныхъ начальниковъ какъ различные грузы, такъ и больныхъ и раненыхъ.

Выполнивъ эту рискованную операцію, лейтенантъ Макаровъ 14-го декабря отправился къ Поти, гдѣ узналъ о нахожденіи въ Батумѣ турецкихъ броненосцевъ. Подойдя къ этому городу вечеромъ 15-го декабря, онъ въ одной милѣ отъ берега спустилъ катера *Чесма* (лейт. Зацаренный), *Синопъ* (лейт. Щешинскій), *Сухумъ-Кале* (мичм. Нельсонъ-Гирстъ), *Наваринъ* (лейт. Вишневецкій).

Первые два катера имѣли по одной минѣ Уайтхеда: *Чесма* подъ килемъ (черт. 13) и *Синопъ*—на особомъ плотикѣ. Остальные вооружены были попрежнему крылатками.

Ночь была темная. Для нападенія избранъ былъ ближайшій броненосецъ *Махмудіэ*, оказавшійся адмиральскимъ.

Черт. № 13.

Въ первомъ часу ночи *Чесма*, а затѣмъ *Синопъ* послѣдовательно спустили свои мины, цѣлясь на средину броненосца. Поднялась тревога и пальба. Броненосецъ однако не пострадалъ: первая мина, задѣвъ вѣроятно цѣпные швартовы (цѣпи, поданныя на берегъ), отбила свою зарядную камеру, взорвавшуюся затѣмъ при ударѣ о грунтъ, остальной корпусъ мины выскочилъ на берегъ; вторая же мина, не встрѣтивъ на своемъ пути никакихъ препятствій, выскочила на берегъ цѣликомъ.

Не нужно забывать, однако, что это былъ первый опытъ употребленія въ бою новаго и весьма своеобразнаго оружія, съ которымъ и въ мирное-то время не успѣли еще какъ слѣдуетъ ознакомиться. Къ тому же, по собраннымъ справкамъ, непріятельскія суда стояли въ эту ночь кормою къ берегу и носомъ къ срединѣ рейда, что, благодаря царившей вокругъ темнотѣ, и ввело въ заблужденіе нашихъ офицеровъ.

Всѣ эти атаки и поиски нашихъ пароходовъ активной обороны не столько наносили ущербъ матеріальнымъ интересамъ непріятеля, сколько раздражали турецкихъ моряковъ, держа ихъ все время въ самомъ угнетенномъ и напряженномъ состояніи духа. Трудно было мириться съ такимъ положеніемъ господствующей на театрѣ войны морской силы. И вотъ броненосная эскадра, подъ флагомъ Монторнъ-бея, предприняла рядъ бомбардировокъ беззащитныхъ городовъ: Евпаторіи, Ѳеодосіи, Анапы и др.

Но едва непріятельская эскадра вернулась къ своимъ портамъ, какъ пароходы *Россія*, *Владиміръ* и *Веста* снова вышли въ море для крейсерства у румелійскихъ береговъ.

Для отвлеченія отъ нихъ вниманія турецкаго флота пароходъ *В. К. Константинъ* отправился 10-го января къ кавказскому берегу. Узнавъ въ Поти, что на батумскомъ рейдѣ стоитъ эскадра Гобарта-паши, лейтенантъ Макаровъ рѣшилъ напасть на нее, и въ ночь съ 13-го на 14-е января, не доходя 4—5 миль до этого порта, спустилъ на воду *Чесму* (лейт. Зацаренный) и *Синопъ* (лейт. Щешинскій), подчинивъ ихъ первому изъ командировъ. Лунный свѣтъ, отражавшійся отъ покрытыхъ снѣгомъ горъ, хорошо освѣщалъ рейдъ, на которомъ нетрудно было различить 7 судовъ, стоявшихъ какъ и прежде ошвартовавшись кормою къ берегу. Правѣе маяка, на сторожевомъ посту, держался подъ парами большой двухмачтовый пароходъ. Катера подошли къ нему незамѣченными саженъ на 30—40 и одновременно выпустили свои мины. Обѣ онѣ взорвались удачно и черезъ 1—2 минуты пароходъ *Интибахъ* изчезъ подъ водой почти со всей своей командой.

Этимъ дѣломъ и завершились военно-морскія операціи на Черномъ морѣ.

7. На Босфорѣ.

Дипломатическія осложненія.—Разладъ политики со стратегіей.—Вторженіе англійской эскадры въ Мраморное море.—Мѣры для обороны черноморскихъ портовъ и загражденія Босфора.

Несмотря на заключенное 19-го января 1878 года перемиріе, Турція, подстрекаемая Англіею, затягивала переговоры о мирѣ и опасность разрыва съ одной изъ этихъ державъ или съ обѣими вмѣстѣ становилась весьма вѣроятною. Непосредственное же вмѣшательство Лондонскаго кабинета въ переговоры Россіи съ Портой завершилось посылкой въ Мраморное море, вопреки официальному протесту султана [1]), броненосной эскадры адмирала Горнби, подъ благовиднымъ предлогомъ защиты британскихъ подданныхъ въ Константинополѣ. Необходимо было безотлагательно принять самыя энергичныя мѣры для недопущенія этого флота въ Черное море и для защиты, на случай новой войны съ однимъ или двумя противниками, занятыхъ нами на румелійскомъ берегу пунктовъ, доступныхъ для высадки непріятельскихъ десантовъ (Кюстенджи, Мангалія, Коварна, Махлабей, Балчикъ и Тескіой).

Осуществленіе этихъ мѣръ возложено было на генералъ-адъютанта в.-а. Попова, въ распоряженіе котораго назначенъ былъ капитанъ 2-го ранга Верховскій.

---

[1]) Для характеристики поведенія Турціи въ этомъ дѣлѣ можетъ служить слѣдующее официальное сообщеніе Саида турецкимъ министрамъ, отъ 11-го сентября 1877 г.: „Такъ какъ Галиполи совершенно открытъ съ сухопутнаго пути, то, если непріятель овладѣетъ проливами, помощь, которую какое-либо государство захотѣло бы оказать Турціи, пользуясь морскимъ путемъ, сдѣлается невозможною. На этомъ основаніи, необходимо немедленно возвести тамъ укрѣпленія, чтобы русскіе, отъ чего Боже упаси, не могли овладѣть Галиполи, такъ какъ въ такомъ случаѣ мы потеряемъ и столицу“. (Сб. турецк. докум. „Зубдетуль-Хакаикъ“, стр. 38).

Поповъ со своимъ штабомъ имѣлъ постоянное пребываніе въ С.-Стефано. Присутствіе его здѣсь вызывалось необходимостью прежде всего разработать проектъ загражденія Босфора и подготовить все потребное для выполненія этого дѣла первостепеннаго стратегическаго значенія и чрезвычайной трудности.

При общей длинѣ въ 16 морскихъ миль, ширинѣ отъ 2 миль до 3 кабельтовыхъ и глубинѣ по серединѣ въ 25—55 морскихъ саженъ, Босфоръ представляетъ весьма извилистый каналъ, плаваніе по которому еще затрудняется весьма капризнымъ и быстрымъ (4—6 м.) теченіемъ.

Проливъ съ давнихъ поръ защищался значительнымъ количествомъ фортовъ и батарей, расположенныхъ на обоихъ его берегахъ. Правда, многіе изъ нихъ ко времени войны значительно уже устарѣли, но рядомъ съ ними возникали новые.

Принимая во вниманіе всѣ мѣстныя условія, адмиралъ Поповъ пришелъ первоначально къ заключенію о необходимости располагать для загражденія Босфора 240 сфероконическими и 80 гальваническими минами [1]), для которыхъ требовалось 780 пуд. пироксилину и весьма значительное количество проволочнаго троса. Миннаго запаса не было, и ничего другого не оставалось, какъ брать мины изъ поставленныхъ загражденій въ черноморскихъ портахъ, въ надеждѣ что быть можетъ успѣшная защита Босфора сдѣлаетъ послѣднія совершенно излишними. Въ случаѣ же прорыва англійскаго флота въ Черное море или возобновленія враждебныхъ дѣйствій со стороны турецкаго флота, порты эти очутились бы конечно въ критическомъ положеніи. Съ пироксилиномъ дѣло обстояло не лучше и его приходилось спѣшно выписывать кружнымъ путемъ изъ Германіи, а пока что, разряжать мины балтійской обороны и отправлять полученный такимъ путемъ пироксилинъ въ Черное море [2]). Между тѣмъ самый вопросъ о загражденіи Босфора не былъ еще окончательно рѣшенъ въ главной квартирѣ. По прибытіи туда 14-го февраля, Поповъ нашелъ почву не особенно благопріятной для «немедленнаго занятія нашими войсками верхней части Босфора и загражденія его минами» [3]). А «заключеніе мира,— доносилъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ своемъ управляющему морскимъ министерствомъ,—повидимому утвердило Его Высочество въ мнѣніи, что минное загражденіе вовсе не надобно» [4]).

Дѣйствительно, съ момента подписанія С.-Стефанскаго трактата, вопросъ о загражденіи Босфора, превратившись изъ русско-турецкаго въ общеевропейскій, значительно осложнился.

Переставъ пользоваться симпатіями главной квартиры, онъ сталъ въ то же время замѣтно привлекать къ себѣ вниманіе нашего правительства. «Ты уже знаешь,—написалъ Государь 3-го марта на докладѣ генералъ-адмирала,—

---

[1]) Впослѣдствіи этотъ предварительный расчетъ измѣнялся въ зависимости отъ различныхъ обстоятельствъ.

[2]) Но и въ Петербугѣ, въ половинѣ февраля, уже всѣ запасы пироксилина изсякли. (М. Арх. секр. дѣл. к. м. м., регистр. № 1).

[3]) М. Арх. секр. дѣл. канц. морск. мин., регистр. № 1.

[4]) Тамъ же.

что загражденіе Босфора я считаю необходимымъ и потому одобряю всѣ мѣры, предложенныя Поповымъ» [1]).

А три дня спустя, генералъ-адъютантъ Лесовскій, по Высочайшему повелѣнію, уже запросилъ Попова, можетъ ли онъ съ имѣющимися у него средствами приступить къ загражденію Босфора, на что получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Готово восемьдесятъ минъ, но это слишкомъ мало; ожидаю изъ Севастополя пироксилинъ для двухсотъ. Обстоятельства не дозволяютъ судамъ стоять въ Буюкдере; главнокомандующій приказалъ держать въ Царьградѣ» [2]).

Неблагопріятныя обстоятельства эти заключались въ новой и весьма чувствительной неудачѣ, испытанной русской дипломатіей въ переговорахъ съ Портою объ амбаркаціи нашихъ войскъ въ Буюкдере. Правда, отъ предположенной въ половинѣ марта отправки войскъ въ Россію все равно пришлось на время отказаться, въ виду различныхъ политическихъ осложненій, но Буюкдере могъ быть намъ весьма полезенъ и въ другомъ отношеніи. По справедливому замѣчанію адмирала Попова, посадка войскъ въ этомъ пунктѣ (хотя бы только для виду) дала бы имъ благовидный предлогъ для владѣнія верхнею частью Босфора, что при тогдашнихъ условіяхъ явилось бы весьма цѣннымъ залогомъ успѣшности всей операціи по загражденію пролива [3]).

Послѣ обычныхъ проволочекъ, Турція, ссылаясь на угрозы Англіи занять своей эскадрой Босфоръ, въ случаѣ посадки тамъ русскихъ войскъ, 6-го марта категорически отказала въ разрѣшеніи воспользоваться для этого Буюкдере.

При разработкѣ всевозможныхъ проектовъ и комбинацій, касающихся загражденія Босфора, возникъ, между прочимъ, весьма интересный вопросъ по международному праву: могутъ ли русскія суда, въ случаѣ войны съ Англіей и нейтралитета Турціи, воспользоваться 24-часовой стоянкой въ портахъ послѣдней, дозволяемой трактатами, для того, «чтобы набросать минъ въ Босфорѣ?» Ставя этотъ вопросъ управляющему морскимъ министерствомъ, адм. Поповъ добавляетъ: «Если война случится внезапно, то я, конечно, не затруднюсь отдать по этому предмету самыя положительныя наставленія, но, если есть еще время, то покорнѣйше прошу немедленно увѣдомить меня по телеграфу о вашемъ рѣшеніи этого вопроса».

«Воспользоваться 24-часовымъ срокомъ такъ, какъ вы предполагаете,— послѣдовалъ отвѣтъ, — Генералъ-Адмиралъ не считаетъ возможнымъ допустить. Но рѣшеніе этого вопроса зависитъ для васъ единственно отъ Главнокомандующаго».

Главнокомандующій разрѣшилъ: «24-часовой срокъ по международному праву употребить на загражденіе [4])».

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

[3]) М. Арх. секр. д. к. м. м. регистр. № 1, зап. Попова, предст. главнокомандующему 26-го февраля 1878 г. Въ ней адмиралъ мотивируетъ свое предложеніе еще и тѣмъ соображеніемъ, что, благодаря посадкѣ въ Буюкдере, мы избѣжали бы движенія войскъ мимо столицы и получили бы такимъ образомъ возможность оказать уваженіе къ національному чувству турокъ. Но, какъ мы видѣли, сами турки меньше всего объ этомъ заботились.

[4]) М. Арх. секр. д. к. м. м. регистр. № 1.

Взятіе пароходомъ «Россія» турецкаго парохода «Мерсина», въ виду Пендеракліи, 13 декабря 1877 г.
Съ картины профессора Боголюбова въ галлереѣ Зимняго Дворца.

Къ стр. 52.

Потопленіе катерами парохода «Вел. Кн. Константинъ» сторожевого парохода «Интибахъ» у Батума, въ ночь на 14 января 1878 г.
Съ картины профессора Лагоріо въ Морскомъ музеѣ имени Императора Петра Великаго.

Къ стр. 54.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, справедливо опасаясь помѣхи со стороны англійскаго флота постановкѣ минъ съ судовъ, Поповъ 18-го марта представилъ главнокомандующему подробныя соображенія объ устройствѣ загражденія съ берега, подъ прикрытіемъ осадной артиллеріи и при помощи тѣхъ перевозочныхъ средствъ, которыми удастся завладѣть войскамъ на мѣстахъ ихъ расположенія въ моментъ разрыва. Обѣ поповки еще раньше получили приказаніе быть въ полной готовности явиться въ Босфоръ по первому требованію.

Мины къ этому времени были готовы и ихъ имѣлось достаточное количество. Предположенія адмирала Попова удостоились одобренія главнокомандующаго и Государя, но къ исполненію ихъ безъ приказанія не разрѣшалось приступать даже въ концѣ марта [1]). А время между тѣмъ шло, съ каждымъ днемъ росли препятствія и дѣло донельзя усложнялось. «Резюмируя все сказанное, — писалъ главнокомандующій во всеподданѣйшемъ донесеніи своемъ отъ 21-го марта,—я могу обрисовать положеніе такъ:

«Занятіе европейскаго берега Босфора почти обезпечено. Быстрое занятіе его можетъ совершиться только полевыми войсками и полевыми орудіями.

Привозка моремъ и постановка на берегу орудій большого калибра подвержена сомнѣнію. Привозка таковыхъ орудій сухимъ путемъ еще болѣе затруднительна.

На загражденіе пролива минами, несмотря на всѣ наши усилія, вполнѣ разсчитывать нельзя было.

На связанное съ этимъ утвержденіе на азіатскомъ берегу — еще того менѣе.

Въ случаѣ разрыва съ Англіей нельзя считать Турцію нашей союзницей. Она по всей вѣроятности будетъ нейтральною [2])».

Успѣхъ загражденія, такимъ образомъ, зависѣлъ, прежде всего, отъ того, удастся ли его сдѣлать до прибытія англійскихъ броненосцевъ, подъ огнемъ которыхъ производить работы было бы, по справедливому замѣчанію Великаго Князя, немыслимо. По примѣрному расчету, сдѣланному 28-го марта Лесовскимъ для доклада Государю, англійскому флоту потребовалось бы около 20-ти часовъ для нефорсированнаго перехода при благопріятныхъ обстоятельствахъ изъ Безика въ Терапію [3]). Для надежнаго загражденія Босфора, т.-е. такой установки минъ, которая бы гарантировала ихъ дѣйствительность, этого было слишкомъ недостаточно. Къ тому же не надо забывать, что стоявшій у Принцевыхъ острововъ авангардъ англійской эскадры могъ явиться къ мѣсту дѣйствія всего черезъ какихъ-нибудь 3—4 часа.

Съ другой стороны, въ вопросѣ о загражденіи Босфора должна была играть первостепенную роль Турція. Но она продолжала попрежнему вести свою двойную игру и столковаться съ нею не было, очевидно, никакой возможности. Не входя въ разборъ производившихся по этому поводу диплома-

---

[1]) Телегр. упр. м. м. адмиралу Попову отъ 28-го марта № 65 (М. Арх. секр. д. к. м. м. регистр. № 1).

[2]) Приб. къ «Описанію войны», вып. II.

[3]) Безикъ—Дарданеллы = 24 мили, Дарданеллы=33 мили, Дарданеллы—Константинополь=114 м., Константинополь—Терапія=10 м. Всего около 181 м. мили (М. Арх. секр. д. к. м. м. регистр. № 1).

тическихъ сношеній, необходимо отмѣтить лишь значеніе турецкаго флота въ предстоявшемъ столь важномъ дѣлѣ. Еще въ телеграммѣ своей къ главнокомандующему, отъ 18 марта, Государь приказалъ потребовать отъ Порты категорическаго отвѣта: какъ она намѣрена дѣйствовать въ случаѣ разрыва нашего съ Англіей. Союзъ или нейтралитетъ? Въ обоихъ случаяхъ рекомендовалось потребовать отъ Турціи немедленной передачи русскимъ войскамъ укрѣпленій Босфора, по крайней мѣрѣ на европейскомъ берегу. Въ качествѣ союзниковъ, турки должны были бы, конечно, помогать намъ, для чего необходимо было войти съ ними въ соглашеніе относительно распредѣленія ихъ военныхъ и морскихъ силъ. Въ случаѣ же нейтралитета, ихъ слѣдовало заставить «разоружить» остающіяся въ Черномъ морѣ суда и поставить ихъ въ тѣ порты, которые нами будутъ указаны, и воспретить своимъ подданнымъ всякое участіе во враждебныхъ дѣйствіяхъ»[1]).

Но на заключеніе союза съ Турціей давно уже не было никакой надежды, а на нейтралитетъ ея разсчитывать тоже немного имѣлось основаній. Слѣдовательно, разрывъ съ Англіей повлекъ бы за собой, по всей вѣроятности, и разрывъ съ Турціею. А какую роль сыгралъ бы тогда турецкій флотъ? Русскіе моряки очутились бы въ такомъ случаѣ въ самомъ безвыходномъ положеніи и, находясь, подъ перекрестнымъ огнемъ съ англійскихъ и турецкихъ судовъ и береговыхъ укрѣпленій, не въ состояніи были бы поставить ни одной мины. Да и какой смыслъ могло имѣть въ этомъ случаѣ загражденіе, если бы и удалось его устроить? Развѣ только какъ преграда для сношенія морскихъ силъ Англіи и Турціи и то временная, такъ какъ минное загражденіе, безъ соотвѣтствующаго артиллерійскаго прикрытія и сильной флотиліи сторожевыхъ минныхъ судовъ, было бы, конечно, весьма скоро уничтожено. Но и до этого турецкій флотъ, обезпеченный съ тыла, англійскимъ, получилъ бы возможность нанести Россіи на Черномъ морѣ жестокіе удары.

Отвратить эту опасность въ свое время было возможно лишь настоявъ на уступкѣ намъ по С.-Стефанскому договору турецкаго броненоснаго флота. Укомплектованіе его русскими командами и безотлагательное изготовленіе къ бою не могло представить особыхъ затрудненій. Но благопріятное для этого время было, по собственному сознанію главнокомандующаго, упущено «безвозвратно».

Къ такому же неутѣшительному выводу пришелъ въ концѣ концовъ и новый главнокомандующій, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ. Въ письмѣ своемъ къ Государю отъ 27-го апрѣля онъ излагаетъ по этому поводу слѣдующія любопытныя соображенія:

1) Приступить къ загражденію можно лишь тогда, когда инціатива открытія военныхъ дѣйствій будетъ у насъ. Только при этомъ условіи возможно прибытіе нашихъ миноносныхъ судовъ въ Босфоръ ранѣе англійскаго флота.

2) Но и этого мало. Англійскій флотъ можетъ явиться черезъ 3—4 часа, но даже, если бы онъ далъ намъ цѣлую ночь, то мы успѣли бы только

[1]) Прилож. къ «Описанію войны», вып. II.

выбросить (но не установить, какъ слѣдуетъ) до 150 минъ. Такое минное загражденіе легко могло бы быть уничтожено.

3) Если бы у насъ оставался кромѣ ночи еще цѣлый день, то воспользоваться имъ было бы въ виду непріятельскаго броненоснаго флота почти невозможно.

4) Турки занимаютъ оба берега пролива. Артиллерійскимъ и пѣхотнымъ огнемъ они легко могутъ разрушить всю работу и потопить суда.

5) Нѣкоторые шансы на успѣхъ возможны лишь при нейтралитетѣ Турціи, на который разсчитывать невозможно.

6) Для занятія Босфора силою, необходимо войскамъ 5 дней, а загражденіе должно быть окончено не позже какъ черезъ день послѣ разрыва.

Принимая все это во вниманіе и основываясь на мнѣніяхъ морскихъ и сухопутныхъ спеціалистовъ, Тотлебенъ пришелъ къ убѣжденію, что «загражденіе Босфора минами при настоящихъ обстоятельствахъ есть дѣло немыслимое» [1]).

Съ этимъ въ концѣ концовъ вынужденъ былъ согласиться и главный руководитель дѣла, генералъ-адъютантъ Поповъ.

Судя по значительному количеству весьма энергичныхъ и настойчивыхъ представленій адмирала, надо полагать, что ему не легко было присоединиться къ такому заключенію. Во время своей почти 3-мѣсячной напряженной работы, при самой неустойчивой политической обстановкѣ и другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, онъ, между прочимъ, близко сошелся съ генераломъ М. Д. Скобелевымъ. Случай поставилъ ихъ рядомъ на самомъ передовомъ и опасномъ посту, и скоро они поняли и оцѣнили другъ друга.

Съ этимъ-то генераломъ, который, по выраженію одного хроникера, «въ состояніи сдѣлаться глухимъ и слѣпымъ даже въ то время, когда ему прикажутъ остановиться и не идти дальше» [2]), адм. Поповъ надѣялся даже еще въ концѣ марта овладѣть Босфоромъ. Тѣмъ удобнѣе было, конечно, сдѣлать это въ то «невозвратное время», о потерѣ котораго такъ горько сокрушался Великій Князь. Но тогда не было подъ рукой всѣхъ нужныхъ средствъ и, что важнѣе всего, не было яснаго сознанія въ необходимости смѣлаго и быстраго овладѣнія проливомъ. Впослѣдствіи явились средства, хотя и не вполнѣ удовлетворительныя; но постоянное, и притомъ капризное, вмѣшательство политики разрушало наилучшія стратегическія комбинаціи и ставило нашу армію подъ стѣнами Константинополя въ самыя тяжелыя и невыгодныя для нея условія. Послѣ подписанія Берлинскаго трактата, когда до нѣкоторой степени опасность новой войны была устранена, послѣдовало 7-го августа Высочайшее повелѣніе о разоруженіи Черноморскихъ портовъ и снятія въ нихъ минныхъ загражденій.

---

8. Заключеніе.

Въ русско-турецкую войну 1877—1878 г.г. нашъ флотъ игралъ роль весьма незначительную.

---

[1]) Тоже, вып. 3.

[2]) Черевансҡій. «Подъ боевымъ огнемъ», СПБ. 1896 г., стр. 208.

Въ этомъ не столько повиненъ личный составъ флота, сколько характеръ нашей морской политики. Моряки сдѣлали больше, чѣмъ можно было отъ нихъ требовать при тогдашнихъ средствахъ. Флотъ же въ его цѣломъ, какъ морская сила государства, далеко не выполнилъ своего назначенія. Важнѣйшими причинами такой неустойки въ критическій моментъ слѣдуетъ признать, на основаніи всего изложеннаго:

1) Собственную слабость флота, обусловленную отчасти стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, главнымъ же образомъ, недостаточнымъ вниманіемъ къ нему. Это сказалось прежде всего въ систематическомъ сокращеніи и безъ того ничтожнаго морского бюджета, и, ко времени войны, дало уже весьма печальные результаты. На важнѣйшемъ черноморскомъ театрѣ войны вмѣсто хотя бы нѣсколькихъ мореходныхъ броненосцевъ мы имѣли лишь плавучія батареи для защиты того, что не требовало вовсе защиты. Портовыя средства здѣсь были недостаточны даже для исправленія легкихъ пароходовъ активной обороны. Отсутствіе мелкосидящихъ грузовыхъ судовъ вынудило насъ отказаться отъ снабженія арміи продовольствіемъ и боевыми припасами черезъ дунайскіе гирла, когда это допускалось обстоятельствами. На первостепенной важности вопросъ о проливахъ не было обращено должнаго вниманія и къ загражденію Босфора заблаговременно не готовились, почему оно и не могло быть исполнено въ началѣ 1877 г. независимо отъ препятствій политическаго и стратегическаго характера. Недостатокъ на Черномъ морѣ военнаго флота могъ бы быть отчасти возмѣщенъ содѣйствіемъ Русскаго Общества пароходства и торговли, благостояніе котораго вполнѣ обезпечивалось казенными субсидіями и различными льготами, именно въ этихъ видахъ. Но правительству суждено было обмануться въ своихъ ожиданіяхъ [1]).

Боевую силу Балтійскаго флота составляли броненосцы береговой обороны, непригодные для отдаленныхъ плаваній. Остальная часть флота состояла изъ прекрасныхъ по своимъ морскимъ качествамъ, но значительно устарѣвшихъ въ боевомъ отношеніи, деревянныхъ судовъ. Въ общемъ выводѣ, однако, часть русскаго флота, несмотря на всѣ недочеты его, могла все же дѣйствовать противъ турецкаго, если бы благопріятствовали этому другія обстоятельства.

2) Политическую обстановку. Политика не только ничего не сдѣлала для предоставленія флоту возможности воспользоваться доступными ему операціями, но и помѣшала ихъ осуществленію въ самомъ началѣ, какъ, напримѣръ, въ Средиземномъ морѣ—въ 1876 г. и въ Антлантическомъ океанѣ въ 1877 году. Наконецъ, въ въ 1878 г., когда генералъ Игнатьевъ потребовалъ отъ Порты уступки намъ турецкихъ броненосцевъ, что сразу значительно улучшило бы наше положеніе на Черномъ морѣ и Босфорѣ, то дипломатія наша не могла ни оцѣнить, ни отстоять столь важнаго требованія.

3) Стратегическое положеніе. Морская сила болѣе сухопутной нуждается въ покровительствѣ государства, и всякая страна, владѣющая морскими берегами и флотомъ, должна слѣдовать принципамъ наиболѣе вы-

---

[1]) Кази. «Добровольный флотъ и Русск. Общ. пароход. и торговли передъ государствомъ», стр. 22 (постановленіе комитета министровъ).

годной для нея морской политики. Пренебреженіе къ ея требованіямъ сказалось въ отсутствіи у насъ необходимыхъ морскихъ станцій, надежныхъ коммуникаціонныхъ линій и наступательнаго флота, а больше всего—въ неимѣніи вполнѣ отчетливаго представленія о его боевыхъ задачахъ, что и поставило его передъ войной въ самое невыгодное стратегическое положеніе.

Итакъ, ограниченный въ самыхъ насущныхъ своихъ потребностяхъ, низведенный на степень плавучихъ батарей, поставленный въ самыя невозможныя политическія и стратегическія условія,—нашъ флотъ въ кампанію 1877—1878 г.г. принесъ намъ одно лишь горькое, но и вполнѣ заслуженное, разочарованіе.

Это отнюдь, однако, не можетъ служить доказательствомъ безполезности вообще морской силы для Россіи, какъ стараются внушить намъ это наши враги и свои же собственные радѣтели, а лишь является новымъ подтвержденіемъ справедливости русской пословицы: «что посѣешь, то и пожнешь». Между тѣмъ, необходимость для насъ сильнаго флота, быть можетъ, нагляднѣе всего доказывается именно этой самой кампаніей и сравненіемъ ея съ кампаніей 1828—1829 г.г., когда господство на Черномъ морѣ безусловно принадлежало Россіи, а въ Средиземномъ морѣ она сумѣла обезпечить себѣ свободу дѣйствій. Исключительно благодаря этой благопріятной обстановкѣ наша армія получила тогда возможность избрать для своего наступленія наиболѣе выгодную операціонную линію на нижній Дунай, Варну и Адріанополь. Сосредоточившись же въ послѣднемъ и опираясь своими крыльями на оба флота, она смогла, не достигнувъ даже Царьграда, добиться сравнительно выгоднаго и почетнаго мира. Къ тому же теперь, по справедливому замѣчанію одного автора,—«флотъ сталъ потребностью всякаго культурнаго государства, служа живымъ воплощеніемъ его государственной мощи въ международной обстановкѣ» [1]). Въ такомъ же смыслѣ высказываются всѣ передовые государственные люди за границей, какъ, напр., извѣстный германскій генералъ фонъ-деръ-Гольцъ, громогласно заявившій, что «народъ, который пренебрегаетъ своимъ флотомъ, не заслуживаетъ болѣе, чтобы его принимали въ расчетъ».

Мы, русскіе, никогда не должны забывать этихъ золотыхъ словъ, вырвавшихся у сухопутнаго офицера сосѣдней имперіи, которая, считаясь долгое время, подобно Россіи, континентальной, на нашихъ глазахъ стала одной изъ могущественнѣйшихъ морскихъ державъ міра. Обошлись бы мы конечно и безъ нѣмцевъ, если бы почаще заглядывали въ свою собственную исторію: «Всѣ наши дѣла,—писалъ Петръ Меншикову 21-го декабря 1716 года,—ниспровергнутся, ежели флотъ истратится». Это еще болѣе справедливо теперь.

---

[1]) Гр. А. Гейденъ. „Армія и флотъ въ совр. обстановкѣ“. Спб. 1900 г.

Завоеваніе Средней Азіи.

Очеркъ полковника **Д. Н. Логофетъ.**

1. Краткій очеркъ военныхъ дѣйствій отъ начала русскаго движенія до 1839 года.

Послѣ сверженія татарскаго владычества, постепенно усиливаясь, Русскіе Государи обратили свое вниманіе на Востокъ, гдѣ разстилались безконечныя равнины, занятыя ордами монголовъ, а за ними страшно далеко находилось сказочно-богатое Индійское царство, откуда шли караваны съ товарами, привозившіе рѣдкости, шелковыя ткани, слоновую кость, оружіе, золото и драгоцѣнные камни. Въ этой таинственной странѣ, подъ яркими лучами круглый годъ свѣтившаго солнца, плескались волны огромнаго синяго моря, въ которое впадали многоводныя рѣки, протекавшія по плодороднымъ землямъ со сказочными урожаями.

Русскіе люди, частью попадавшіе въ полонъ и уводимые въ далекіе города Средней Азіи, откуда имъ иногда удавалось возвращаться, приносили съ собою много интересныхъ свѣдѣній о тѣхъ мѣстахъ, и среди нашего народа находились люди, увлекавшіеся мыслью посѣтить новыя мѣста благословеннаго, далекаго, но и загадочнаго юга.

И эти искатели, отправляясь самъ-другъ, долго бродили по бѣлу-свѣту, проникая въ сопредѣльныя теперешнія среднеазіатскія владѣнія, испытывая зачастую страшныя невзгоды, подвергая свою жизнь опасности, а иногда и оканчивая ее въ чужой странѣ, въ тяжеломъ рабствѣ и въ оковахъ. Возвращаясь же на Русь, они могли повѣдать много интереснаго о далекихъ, неизвѣстныхъ странахъ и о жизни ихъ народовъ, темнокожихъ язычниковъ, такъ мало похожихъ на подданныхъ Великаго Бѣлаго Царя.

Попадая во дворцы царей и палаты вельможъ, разсказывали эти искатели о посѣщенныхъ ими земляхъ, о богатствѣ и о чудесахъ природы. Записи же о ихъ странствіяхъ или такъ называемыя сказки съ жадностью читались всѣми грамотными людьми.

Отрывочныя, а иногда баснословныя свѣдѣнія невольно стали привлекать вниманіе къ Средней Азіи и правительства и являлись причиною отправки особыхъ посольствъ, вступившихъ въ непосредственныя сношенія съ среднеазіатскими государствами, въ цѣляхъ установленія торговыхъ и дружескихъ отношеній.

Благодаря этому стремленіе на Востокъ въ Среднюю Азію, а за ней въ далекую полную чудесъ Индію сдѣлалось на Руси завѣтнымъ, вызваннымъ желаніемъ утвердиться на берегахъ теплаго Индійскаго моря, въ странѣ, присылавшей въ Европу всѣ азіатскіе товары и съ глубокой древности являв-

шейся постояннымъ центромъ мiровой торговли. Но оно не могло быть осуществлено сразу, а потребовало сначала покоренiе сопредѣльныхъ государствъ.

Лишь постепенно покоренiемъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго царства и Большой Орды киргизовъ, съ двухъ сторонъ отъ Волги и изъ Сибири начало выполняться дальнѣйшее завоеванiе среднеазiатскихъ земель.

Шагъ за шагомъ, завоевывая каждую пядь земли, подвигалась Россiя въ глубь прикаспiйскихъ степей, покоряя отдѣльныя племена кочевниковъ, строя крѣпости для огражденiя своихъ новыхъ границъ, а затѣмъ, прочно утвердившись на новой линiи, продолжала завоеванiя, вновь перенося линiи крѣпостей все дальше и дальше, пока не продвинулась до южной части Уральскаго хребта, сдѣлавшагося на долгое время границею русскаго государства.

Предпрiимчивые русскiе люди шли во главѣ этого движенiя и, поселившись по рѣкѣ Яику, образовали укрѣпленныя поселенiя казаковъ; эти поселенiя явились первымъ оплотомъ Россiи противъ кочевниковъ, въ связи съ постройкой крѣпостей и учрежденiемъ вначалѣ Яицкаго, а впослѣдствiи Уральскаго и Оренбургскаго казачьихъ войскъ, образованныхъ для защиты восточныхъ владѣнiй.

Россiя утвердилась въ новомъ краѣ, населенiе котораго стало жить особою своеобразною жизнью земледѣльцевъ, скотоводовъ, могущихъ ежеминутно превратиться въ казаковъ-воиновъ для отраженiя налетовъ своихъ воинственныхъ сосѣдей; киргизы, кочевавшiе по всей сѣверной части Средней Азiи, враждуя между собою почти постоянно, причиняли много безпокойства своимъ русскимъ сосѣдямъ, въ областяхъ которыхъ ихъ сородичи, волнуясь, производили большiе безпорядки.

Въ то же время казачья вольница, осѣвшая по рѣкѣ Яику, по своему жизненному укладу не была въ состоянiи спокойно ожидать, когда русскiя власти признаютъ своевременнымъ продвинуться снова далѣе вглубь Азiи, объявивъ приказъ о новомъ походѣ.

А поэтому предпрiимчивые смѣлые казачьи атаманы, помня Ермака Тимофеевича, на свой страхъ задумывали и предпринимали походы, собирая къ себѣ шайки удальцовъ, готовыхъ идти за ними во всякое время на край свѣта за славою и добычею.

Налетая на киргизовъ и хивинцевъ, партiи эти отбивали стада и, нагруженныя добычей, возвращались къ себѣ домой. Память народная сохранила имена яицкихъ атамановъ Нечая и Шамая, ходившихъ походомъ въ далекую Хиву съ сильными отрядами казаковъ.

Первый изъ нихъ съ 1000 казаковъ, въ началѣ XVII столѣтiя перейдя со страшной быстротой о-двуконь безводныя пустыни, внезапно, какъ снѣгъ на голову, напалъ на хивинскiй городъ Ургенчъ и разграбилъ его. Съ огромнымъ обозомъ добычи двинулся атаманъ Нечай со своимъ отрядомъ обратно.

Но видно не въ добрый часъ вышли въ походъ казаки. Успѣлъ хивинскiй ханъ спѣшно собрать войска и настигъ казаковъ, которые шли медленно, обремененные тяжелымъ обозомъ.

Окруженный хивинцами, семь дней отбивался Нечай отъ нападенiй многочисленныхъ ханскихъ войскъ, но отсутствiе воды и неравенство силъ

все же привело къ печальному концу. Съѣвъ всѣ продовольственные запасы и утоляя нестерпимую жажду кровью послѣднихъ лошадей, въ жестокой сѣчѣ погибли всѣ казаки, за исключеніемъ немногихъ, обезсиленныхъ ранами, взятыхъ въ плѣнъ и проданныхъ въ рабство.

Но эта неудача не остановила удальцовъ-атамановъ; въ 1605 г. атаманъ Шамай вновь кликнулъ кличъ и съ 500 собравшимися къ нему казаками, какъ вихрь урагана, полетѣлъ на Хиву и разгромилъ городъ, наведя страхъ на хивинцевъ.

Но такъ же, какъ и первый разъ, удачно начатый набѣгъ окончился неудачею. Задержался Шамай изъ-за гульбы на нѣсколько дней въ Хивѣ и не успѣлъ во-время уйти. Выйдя изъ города, преслѣдуемые хивинцами, сбились казаки съ дороги, по которой ходилъ атаманъ Нечай, и угодили обратно къ Аральскому морю, гдѣ у нихъ не стало провіанта; въ отрядѣ голодъ дошелъ до того, что казаки въ началѣ убивали другъ друга и пожирали трупы убитыхъ, а затѣмъ стали уже умирать отъ голода.

Остатки отряда, обезсилѣвшіе, больные, были захвачены въ плѣнъ хивинцами и окончили жизнь невольниками въ Хивѣ. Самъ же Шамай спустя нѣсколько лѣтъ былъ привезенъ калмыками на Яикъ для полученія за него выкупа.

Послѣ этихъ походовъ хивинцы, убѣжденные, что они защищены совершенно достаточно съ сѣвера безводными пустынями, задумали обезпечить себя отъ внезапныхъ нападеній и съ запада, со стороны Каспійскаго моря, куда изъ Хивы текла рѣка Аму-Дарья. Для этого рѣшили они уничтожить рѣку, превративъ всѣ мѣста отъ Хивы до морского берега также въ безводную пустыню. Огромныя плотины, возведенныя поперекъ рѣки, заставили ея воды обратиться въ Аральское море, а на мѣсто многоводной рѣки осталась огромная песчаная пустыня.

Россія продолжала свое поступательное движеніе въ глубь Средней Азіи медленно, но постоянно, при чемъ особенно ясно оно обозначилось при Петрѣ, когда Великій Царь, въ стремленіи своемъ завязать скорѣе торговыя сношенія съ далекой Индіей, сдѣлалъ попытку проникнуть возможно ближе къ этой странѣ; въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ, онъ съ удивительною прозорливостью предуказалъ пути будущаго движенія отъ Сибири и отъ Каспійскаго моря. Для осуществленія своего плана онъ приказалъ въ 1715 году выслать изъ Сибири въ степи со стороны рѣки Иртыша отрядъ полковника Бухгольца, который достигъ озера Балхашъ и построилъ на его берегу крѣпость; но утвердиться сразу русскіе здѣсь не смогли; лишь въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ Бухгольцу удалось покорить кочующія племена киргизовъ и закрѣпить всю долину рѣки Иртыша больше чѣмъ на тысячу верстъ окончательно за Россіей постройкою крѣпостей: Омской, Ямышевской, Желѣзинской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской. Почти одновременно съ движеніемъ Бухгольца со стороны Каспійскаго моря былъ посланъ другой отрядъ князя Бековича-Черкасскаго между прочимъ съ инструкціей устроить новый водный путь въ глубь Средней Азіи, пустивъ воды рѣки Аму-Дарьи, впадавшей въ Каспійское море, по ея старому руслу, загороженному плотинами сто лѣтъ тому назадъ хивинцами.

У крѣпостной стѣны. «Пусть войдутъ».
Съ картины В. В. Верещагина въ Третьяковской галлереѣ.

„Плотину разобрать и воду Аму-Дарьи—рѣки паки обратить въ сторону... въ Каспійское море... понеже зѣло нужно"... какъ будто звучатъ до сихъ поръ надъ Средней Азіей историческія слова царскаго наказа, и 27 іюня 1717 года отрядъ князя Бековича-Черкасскаго (3,727 пѣхотинцевъ, 617 драгунъ, 2,000 казаковъ, 230 моряковъ и 22 орудія) двинулся на Хиву черезъ песчаныя, безводныя пустыни, терпя страшныя лишенія отъ недостатка воды и палящихъ лучей южнаго солнца, выдерживая почти ежедневно стычки съ хивинцами и усѣивая своими костями пройденный путь. Но несмотря на всѣ эти преграды, спустя два мѣсяца, Бековичъ уже достигъ Хивы, главнаго города Хивинскихъ владѣній.

Собравъ свои войска въ послѣдній разъ, хивинцы преградили русскому отряду дорогу, окруживъ его со всѣхъ сторонъ у Карагача. Четыре дня отбивался князь Бековичъ, пока смѣлымъ натискомъ не нанесъ полнаго пораженія хивинцамъ.

Выразивъ притворно покорность, Хивинскій ханъ впустилъ русскихъ въ городъ, а затѣмъ убѣдилъ довѣрчиваго князя Бековича раздѣлить отрядъ на мелкія части и отправить ихъ въ другіе города для удобнѣйшаго ихъ размѣщенія, послѣ чего измѣннически неожиданно напалъ на нихъ, разбивъ и уничтоживъ каждую часть отдѣльно. Не удался задуманный походъ. Сложилъ свою голову князь Бековичъ-Черкасскій въ Хивѣ; погибли его соратники въ тяжелой неволѣ, проданные въ рабство на хивинскихъ базарахъ, но память о немъ съ особенною горечью сохранилась въ Россіи, вызывая при воспоминаніи объ этомъ неудачномъ походѣ невольное чувство обиды, оставшееся въ народной памяти.

„Погибъ, какъ Бековичъ подъ Хивою",—повторялась фраза каждымъ русскимъ, желавшимъ выразить безполезность какой-нибудь утраты.

И эта неудача на сто лѣтъ отдалила выполненіе грандіознаго замысла Великаго Русскаго Царя, хотя въ то же время первая попытка, окончившаяся такъ трагически, не остановила русскихъ и въ слѣдующія царствованія. Дальнѣйшее наступленіе продолжалось по тѣмъ же двумъ путямъ, намѣченнымъ Петромъ I: западнымъ—отъ рѣки Яика (Урала) и восточнымъ—со стороны Западной Сибири.

Будто огромныя щупальцы съ двухъ сторонъ протянулись въ глубину степей русскія крѣпости, выдвигаясь все дальше и дальше впередъ, пока не утвердились крѣпко на берегахъ Аральскаго моря и въ Сибирской степи, образовавъ Оренбургскую и Сибирскую линіи; впослѣдствіи передвинутыя впередъ до Ташкента, онѣ заключили три киргизскія орды въ крѣпкое желѣзное кольцо.

Степныя военныя власти и историческій рокъ въ дѣлѣ завоеванія Средней Азіи находились всегда въ согласіи, идя рука объ руку все впередъ и впередъ, понуждая лишь дипломатію къ признанію совершившихся иногда помимо ея видовъ новыхъ завоеваній. Позже, при Императрицѣ Екатеринѣ II мысль о походѣ въ глубь Средней Азіи не была забыта, но осуществить ее не удалось, хотя великій Суворовъ прожилъ почти два года въ Астрахани, работая надъ организаціей этого похода.

Въ 1735 году, построивъ крѣпость Оренбургъ, явившуюся базою для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, Россія утвердилась въ этомъ отдаленномъ краю, населенномъ киргизскимъ и башкирскимъ племенами; для прекращенія ихъ набѣговъ спустя 19 лѣтъ (въ 1754 г.) уже понадобилось построить новый аванпостъ—крѣпость Илецкъ; она получила вскорѣ особое значеніе, благодаря огромнымъ залежамъ соли, разработка которой начата была правительствомъ при помощи каторжниковъ съ вывозомъ ея во внутреннія губерніи Россіи.

Крѣпость эта съ основавшимся около нея русскимъ поселеніемъ позднѣе названа Илецкою защитою, образовавъ вмѣстѣ съ построенною въ 1773 году Орскою крѣпостью Оренбургскую линію; отъ нея постепенно началось дальнѣйшее движеніе впередъ въ глубь Средней Азіи, продолжавшееся непрерывно до 1799 года, когда, раздѣляя замыслы Наполеона I и признавая наступившій политическій моментъ удобнымъ для выполненія завѣтной мысли завоевать Индію, Императоръ Павелъ I, заключивъ соглашеніе съ Франціей, двинулъ донскихъ и уральскихъ казаковъ въ Среднюю Азію, отдавъ свой знаменитый приказъ: „Войску собраться въ полки — идти въ Индію и завоевать оную“.

Трудная задача выпала тогда на долю уральцевъ. Собравшись наспѣхъ въ походъ по царскому приказу, плохо снаряженные, безъ достаточнаго запаса продовольствія, они понесли большія потери и людьми и лошадьми.

Лишь нагнавшее отрядъ Высочайшее повелѣніе вступившаго на престолъ Александра I вернуло обратно казаковъ, не досчитавшихся по возвращеніи многихъ изъ своихъ товарищей.

Въ этотъ періодъ Сибирская и Оренбургская оборонительныя линіи, ограждавшія русскіе предѣлы отъ набѣговъ кочевниковъ, были связаны между собою рядомъ небольшихъ укрѣпленій, выдвинутыхъ впередъ въ степь. Такимъ образомъ Россія подвинулась еще ближе къ Хивинскимъ владѣніямъ, а на новой линіи все время происходили мелкія стычки съ киргизами и хивинцами, производившими внезапные набѣги съ угономъ скота, уводомъ людей въ плѣнъ и продажею ихъ на хивинскихъ базарахъ въ неволю.

Въ отвѣтъ на такіе налеты небольшіе отряды удальцовъ на свой страхъ пускались въ погоню за разбойниками и въ свою очередь захватывали при первой возможности скотъ въ киргизскихъ кочевьяхъ; иногда же для наказанія киргизовъ посылались и небольшіе отряды войскъ.

Порою слишкомъ участившіеся набѣги киргизовъ привлекали къ себѣ вниманіе высшей власти въ краѣ, и тогда посылались уже болѣе крупные военные отряды. Они проходили значительныя разстоянія по степямъ, захватывали заложниковъ изъ знатныхъ киргизовъ, налагали контрибуціи и отбивали скотъ у тѣхъ родовъ, которые производили набѣги на русскую линію. Но въ этотъ періодъ наступательное движеніе на время прекратилось почти до 1833 года, когда, въ цѣляхъ воспрепятствованія набѣгамъ хивинцевъ на наши сѣверо-восточные предѣлы побережья Каспійскаго моря, по повелѣнію Императора Николая I, было построено укрѣпленіе Ново-Александровское.

2. Военныя дѣйствія въ Средней Азіи съ 1839 по 1877 г.

Къ концу 30-хъ годовъ по всей Киргизской степи начались большія волненія, вызывавшія неотложную необходимость въ принятіи мѣръ къ ихъ успокоенію и водворенію среди киргизовъ нѣкотораго порядка. Назначенный съ особыми полномочіями Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ и командиромъ Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса генералъ-маіоръ Перовскій, прибывъ въ Оренбургъ, засталъ неурядицу среди киргизъ въ полномъ разгарѣ.

Уже давно тѣснимые русскими отрядами, пригpаничные киргизы стали отходить отъ русской линіи въ глубь степей, а вмѣстѣ съ тѣмъ среди русскихъ подданныхъ киргизовъ и башкировъ Оренбургскаго края сторонники прежней вольности производили смуту, подстрекая ихъ также къ выселенію изъ русскихъ предѣловъ.

Во главѣ киргизскихъ родовъ, кочевавшихъ въ Семирѣчьѣ и на Сибирской линіи, сталъ султанъ Кейнесары-Ханъ-Касымовъ, принадлежавшій по происхожденію къ одному изъ самыхъ знатныхъ и вліятельныхъ киргизскихъ родовъ, быстро подчинившій себѣ всѣхъ остальныхъ киргизовъ. Подъ вліяніемъ подговоровъ русскіе киргизы задумали уйти изъ Россіи, но, двинувшись со своихъ мѣстъ, были силою задержаны на пограничной линіи и большею частью возвращены обратно; лишь небольшое число ихъ успѣло прорваться и соединиться съ передовыми шайками Кейнесары-Хана, уже объявившаго себя независимымъ владѣтелемъ киргизскихъ степей и угрожавшаго русскимъ поселеніямъ по Сибирской линіи.

Въ виду разраставшихся тогда все больше и больше волненій, для усмиренія возмутившихся былъ отправленъ въ 1839 году изъ Сибири отрядъ, подъ командою полковника Горскаго, въ составѣ $^1/_2$ полка Сибирскихъ казаковъ при 2 орудіяхъ; отрядъ этотъ, встрѣтивъ скопища киргизовъ около Дженизъ-Агача, частью ихъ разсѣялъ, занявъ этотъ пунктъ.

Со стороны же Оренбурга, въ цѣляхъ положить предѣлъ грабежамъ киргизовъ и освободить большое число русскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ ими и хивинцами разновременно и находившихся въ рабствѣ въ хивинскихъ предѣлахъ, сформированъ былъ большой отрядъ, подъ командою генерала Перовскаго, въ составѣ 15 ротъ пѣхоты, 3 полковъ казаковъ и 16 орудій; отрядъ долженъ былъ, дойдя до самой Хивы, наказать хивинцевъ и освободить русскихъ плѣнниковъ изъ неволи.

Къ сожалѣнію, при обсужденіи вопроса объ этомъ новомъ походѣ были уже накрѣпко забыты уроки прошлаго и прежніе неудачные походы вглубь Средней Азіи.

Построивъ предварительно укрѣпленія на рѣкѣ Эмбѣ и въ Чушка-Кулѣ и желая избѣжать лѣтнихъ жаръ, генералъ Перовскій выступилъ изъ Оренбурга зимою 1839 года и углубился въ степь, держа направленіе на Хиву, къ рѣкѣ Эмбѣ. Проводниками служили казаки, побывавшіе въ плѣну въ хивинскихъ владѣніяхъ, и мирные киргизы, ходившіе раньше въ Хиву съ караванами. Съ большимъ вьючнымъ и колеснымъ обозомъ, обезпеченныя значительными запасами продовольствія и снаряженныя по зимнему, бодро

двинулись войска по степямъ, покрытымъ въ этотъ годъ огромными сугробами снѣга. Но съ самаго выхода въ походъ сама природа какъ будто бы встала противъ русскихъ войскъ. Снѣжные бураны и вьюги завыли кругомъ отряда, а глубокіе снѣга и жестокіе морозы мѣшали его движенію, утомляя страшно людей, даже при небольшихъ переходахъ. Выбившіеся изъ силъ пѣхотинцы падали и, тотчасъ же заносимые снѣжной мятелью, засыпали вѣчнымъ сномъ подъ пушистымъ ледянымъ покровомъ. Леденящее дыханіе зимы одинаково неблагопріятно отражалось и на людяхъ и на конскомъ составѣ. Цынга и тифъ вмѣстѣ съ морозами пришли на помощь хивинцамъ, и русскій отрядъ сталъ быстро уменьшаться, устилая свой путь погибшими. Сознаніе необходимости выполнить свой долгъ передъ Государемъ и родиной и глубокая вѣра въ успѣхъ предпріятія подвигали Перовскаго впередъ, и эта вѣра передавалась людямъ, несмотря на трудности похода, бодро шедшимъ по безконечнымъ снѣжнымъ равнинамъ.

Но вскорѣ уже выяснилось, что запасы продовольствія и топлива недостаточны, и отрядъ сталъ еще быстрѣе ежедневно таять на глазахъ своего вождя.

Въ безконечно длинныя зимнія ночи подъ вой бури, на ночлегахъ въ кибиткѣ, оставаясь самъ съ собою, терзался генералъ Перовскій видимою уже ясно невозможностью достигнуть поставленной цѣли. Лишь его сила воли спасла отрядъ отъ окончательной гибели и, послѣ отдыха въ раньше построенномъ въ Чушка-Кулѣ укрѣпленіи, ему удалось вывести остатки войскъ изъ степи и вернуться весною 1840 года въ Оренбургъ. Здѣсь совершенно больного Перовскаго преслѣдовала мысль о погибшихъ соратникахъ, костями которыхъ была усѣяна песчаная негостепріимная пустыня, и о необходимости предпринять новый походъ для завоеванія Хивы. Это и было имъ частью исполнено много лѣтъ спустя. И долго затѣмъ въ казачьихъ станицахъ по Уралу слышались разсказы стариковъ объ этомъ тяжеломъ походѣ, а молодежь, слушая воспоминанія участниковъ, училась ихъ горькимъ опытомъ и въ свою очередь, неся постоянную службу на линіи, въ мелкихъ стычкахъ съ киргизами и въ набѣгахъ на киргизскіе разбойничьи аулы готовилась къ слѣдующимъ походамъ въ степь.

Неудачный походъ 1839—40 года вновь наглядно показалъ, что летучія экспедиціи вглубь азіатскихъ степей безъ прочнаго закрѣпленія пройденнаго пространства постройкою опорныхъ пунктовъ не могутъ дать полезныхъ результатовъ. Въ виду этого былъ выработанъ новый планъ завоеванія, по которому началось снова медленное постепенное движеніе впередъ въ степь, съ устройствомъ въ ней этаповъ, въ видѣ новыхъ укрѣпленій. Послѣднія въ особенности вызывались необходимостью принять мѣры противъ султана Кейнесары-Хана, уже объединившаго подъ своею властью всѣ киргизскіе роды и постоянно угрожавшаго мирной жизни русскихъ поселенцевъ на нашихъ линіяхъ

Въ 1843 году рѣшено было разъ навсегда покончить съ султаномъ Кейнесары-Ханомъ, производившимъ постоянные набѣги на нашу линію и даже подъ стѣнами русскихъ укрѣпленій захватывавшимъ поселенцевъ въ неволю.

Для выполненія этой задачи изъ крѣпости Орской были посланы два отряда: войскового старшины Лобова (2 сотни и 1 орудіе) и полковника Баланова (1 рота, 1 сотня и 1 орудіе), совмѣстными дѣйствіями которыхъ и удалось разсѣять скопища киргизовъ и взять съ бою самого султана Кейнесары-Хана, казненнаго впослѣдствіи.

Въ то же время оказалось уже возможнымъ выдвинуть русскія укрѣпленія по линіи рѣкъ Иргизъ и Тургай, гдѣ были въ 1845 году построены крѣпости: на первой—Уральское, а на второй—Оренбургское, и одновременно съ этимъ укрѣпленіе Ново-Александровское перенесено на Мангишлакскій полуостровъ съ наименованіемъ его Ново-Петровскимъ; благодаря этому почти половина западнаго побережья Каспійскаго моря стала фактически принадлежать Россіи.

Спустя два года былъ двинутъ отрядъ генерала Обручева (4 роты, 3 сотни и 4 орудія) для занятія сѣверо-восточнаго побережья Аральскаго моря и устьевъ рѣки Сыръ-Дарьи; Обручевъ, дойдя до этой рѣки, построилъ укрѣпленіе Раимское. Въ то же время была учреждена Аральская военная флотилія и пароходы ея «Николай» и «Константинъ» начали крейсеровать по этому морю, присоединивъ его тѣмъ самымъ къ русскимъ владѣніямъ; позднѣе они несли транспортную службу, перевозя военные грузы и войска вверхъ по Сыръ-Дарьѣ.

Одновременно съ этимъ вся Киргизская степь до передовыхъ укрѣпленій въ отношеніи управленія была раздѣлена на 54 дистанціи, во главѣ которыхъ были поставлены русскіе начальники, а для рѣшенія спорныхъ дѣлъ, возникавшихъ между отдѣльными родами, учреждены были съѣзды киргизскихъ старшинъ, чѣмъ и упорядочено управленіе кочевниками.

Между тѣмъ занятіе русскими войсками устьевъ рѣки Сыръ-Дарьи, по которой плавали туземныя суда между Хивинскимъ и Кокандскимъ ханствами, еще болѣе приблизили Россію къ Хивѣ, а позже стали возникать постоянныя столкновенія и съ новымъ врагомъ—Кокандскимъ ханствомъ, по владѣніямъ котораго въ большей своей части протекала эта огромная среднеазіатская рѣка.

Хивинцы и кокандцы не могли спокойно относиться къ усиленію русскихъ, мѣшавшихъ имъ разбойничать и грабить караваны на дорогахъ къ Оренбургу, а потому они начали дѣлать постоянные набѣги на русскихъ. Это заставило для болѣе прочнаго закрѣпленія вновь присоединенныхъ къ Россіи мѣстъ, въ цѣляхъ очистить край отъ бродившихъ всюду шаекъ хивинцевъ, выслать особые отряды; изъ нихъ отрядъ полковника Ерофеева (200 казаковъ и солдатъ при двухъ орудіяхъ), настигнувъ скопища хивинцевъ, разбилъ ихъ и 23 августа занялъ хивинскую крѣпость Джакъ-Ходжа, а въ слѣдующемъ 1848 году было взято съ бою и разрушено хивинское же укрѣпленіе Ходжа-Ніазъ.

Постепенно заселяя земли около степныхъ укрѣпленій казаками и поселенцами, Россія должна была принять мѣры къ ихъ защитѣ, а также и къ воспрепятствованію прорывовъ хивинскихъ шаекъ внутрь Оренбургской степи, гдѣ отъ ихъ набѣговъ страдало киргизское населеніе; для этого необходимо

было продвинуться еще южнѣе и оттѣснить кокандцевъ и хивинцевъ, нанеся имъ основательное пораженіе.

Планъ наступленія былъ разработанъ, и съ 1850 года началось правильное и одновременное движеніе русскихъ войскъ съ Сибирской и Оренбургской линій. Со стороны первой былъ двинутъ противъ кокандцевъ изъ Копала отрядъ на рѣку Или, въ цѣляхъ устройства переправъ, постройки укрѣпленій и рекогносцировки кокандской крѣпости Таучубекъ. Въ то же время на Оренбургской линіи отрядъ маіора Энгмана (1 рота, 1 сотня и 1 орудіе), выступивъ изъ Раимскаго укрѣпленія, разсѣялъ скопища кокандцевъ, взявъ съ бою крѣпость Кашъ-Курганъ; а въ слѣдующемъ году уже сильный отрядъ полковника Карбашева (5 ротъ, 5 сотенъ, 6 конныхъ орудій и 1 ракетный станокъ) вновь перешелъ рѣку Или, разбилъ кокандцевъ и совершенно разрушилъ крѣпость Таучубекъ.

Отрядъ же маіора Энгмана (175 казаковъ кон. стрѣлковъ и 1 единорогъ), встрѣтивъ около Акчи-Булака кокандскія войска подъ начальствомъ Якубъ-Бека, на-голову разбилъ ихъ, обративъ въ бѣгство.

Одновременно для окончательнаго закрѣпленія за Россіей всей степи, примыкавшей къ Сибирской линіи, начато было устройство казачьихъ станицъ и учреждена казачья линія, на которой за Анчузомъ (Сергіополемъ) къ китайскому городу Чугучаку былъ выдвинутъ отрядъ и поселены въ укрѣпленныхъ станицахъ двѣ сотни Сибирскаго казачьяго войска; изъ нихъ впослѣдствіи образовалось новое Семирѣченское казачье войско.

Назначенный снова Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ Перовскій, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ, убѣдился, что главнымъ опорнымъ пунктомъ кокандцевъ являлась сильная кокандская крѣпость Акъ-Мечеть, въ которой за ея крѣпкими стѣнами постоянно находили убѣжище скопища кокандцевъ и откуда высылались шайки разбойниковъ, дѣлавшихъ набѣги на наши укрѣпленія; въ виду этого въ 1852 году былъ высланъ отрядъ полковника Бларамберга ($1^1/_2$ роты, 2 сотни и 5 орудій) для производства рекогносцировки Акъ-Мечети.

Отрядъ, пройдя значительное пространство и выдержавъ нѣсколько натисковъ кокандцевъ, разрушилъ кокандскія укрѣпленія: Кумышъ-Курганъ, Чимъ-Курганъ и Кашъ-Курганъ, произведя развѣдку крѣпости Акъ-Мечети. Благодаря этому въ слѣдующемъ году уже представилась возможность направить на крѣпость значительныя силы ($4^1/_2$ роты, $12^1/_2$ сотенъ и 36 орудій) подъ общею командою самого генерала Перовскаго.

Пройдя съ отрядомъ около 900 верстъ въ 24 дня во время большихъ жаровъ, отбивъ нѣсколько нападеній хивинцевъ, генералъ Перовскій подошелъ къ стѣнамъ Акъ-Мечети, считавшейся неприступной, и послалъ коменданту предложеніе сдать крѣпость. Но кокандцы встрѣтили парламентеровъ выстрѣлами, а потому пришлось отказаться отъ переговоровъ и брать ее съ бою.

Высокія стѣны и сильный гарнизонъ Акъ-Мечети представляли собою настолько внушительную силу, что рѣшено было взорвать сначала часть стѣнъ. Произведены были осадныя работы, продолжившіяся 7 дней, а затѣмъ послѣ взрыва 27 іюня, сдѣлавшаго большія разрушенія, былъ начатъ штурмъ, продолжавшійся съ 3 часовъ утра до $4^1/_2$ дня. Во время штурма храбрый комен-

дантъ Акъ-Мечети, Мухаметъ-Вали-Ханъ, былъ убитъ, а кокандцы, послѣ отчаянной защиты обвала и затѣмъ стѣнъ и башенъ, принуждены были сдаться. Акъ-Мечеть была переименована въ фортъ Перовскій.

Тяжелый походъ, имѣвшій результатомъ взятіе Акъ-Мечети, былъ оцѣненъ Государемъ, и генералъ Перовскій за взятіе этого важнаго пункта, уже выдержавшаго раньше нѣсколько осадъ, возведенъ былъ въ графское достоинство, а войска щедро награждены.

Одновременно съ этимъ учреждена новая Сыръ-Дарьинская линія изъ укрѣпленій: Аральскаго (Раимское), форта № 1, форта № 2, форта Перовскаго и форта № 3 (Кумышъ-Курганъ). Такимъ образомъ окончательно закрѣплена за Россіей вся степь отъ Оренбурга до Аральскаго моря и рѣки Сыръ-Дарьи, а укрѣпленія прежней Оренбургской линіи, утративъ значеніе передовыхъ, превратились въ опорные и этапные пункты и укрѣпленныя торговыя факторіи, подъ защиту которыхъ стали прибывать новые переселенцы.

Кокандцы, потерявъ Акъ-Мечеть, считавшуюся неприступною и выдержавшую цѣлый рядъ осадъ въ прошломъ, не могли примириться съ совершимся фактомъ. Огромныя скопища ихъ, числомъ до 12,000 при 17 орудіяхъ, внезапно 18 декабря подошли къ форту Перовскій, въ которомъ находился русскій гарнизонъ въ числѣ 1,055 человѣкъ при 14 орудіяхъ и 5 мортирахъ; хотя самый фортъ въ это время достроенъ не былъ, но начальникъ лѣваго фланга Сыръ-Дарьинской линіи подполковникъ Огаревъ, находившійся въ немъ, сознавая невыгоду осады, рѣшилъ, несмотря на неравенство силъ, самъ встрѣтить кокандцевъ Съ этой цѣлью онъ выслалъ навстрѣчу кокандцамъ отрядъ въ числѣ 350 ч. пѣхоты, 190 казаковъ при 4 орудіяхъ и 2 ракетныхъ станкахъ подъ командою капитана Шкупь. Пользуясь туманомъ и безпечностью кокандцевъ, русскіе подошли на разсвѣтѣ къ кокандскому лагерю на разстояніе 400 саженъ, занявъ песчаные холмы, и въ 6 часовъ утра открыли по немъ канонаду.

Послѣ непродолжительной суматохи, вызванной неожиданностью, кокандцы скоро опомнились и сначала стали отвѣчать орудійными выстрѣлами, а затѣмъ, перейдя въ наступленіе, окружили отрядъ и произвели нѣсколько атакъ съ фронта и съ фланговъ.

Но всѣ эти атаки съ большимъ урономъ были отбиты картечью и ружейнымъ огнемъ. Тогда, рѣшивъ отрѣзать отрядъ отъ крѣпости, кокандцы выслали часть войскъ своего центра и резервы въ обходъ.

Къ счастью, подполковникъ Огаревъ, замѣтивъ охватъ непріятелемъ фланговъ, послалъ въ подкрѣпленіе двѣ команды, по 80 человѣкъ и 10 орудій въ каждой, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Погурскаго и прапорщика Алексѣева. Въ это время капитанъ Шкупь, выяснивъ значительное ослабленіе непріятельскихъ войскъ при артиллеріи и въ лагерѣ и видя подходившія наши подкрѣпленія, прикрывавшія его тылъ, оставилъ на позиціи 3 взвода пѣхоты и сотню казаковъ, а самъ съ одной сотней и 6 взводами пѣхоты стремительно бросился впередъ, опрокинулъ непріятельскихъ стрѣлковъ и захватилъ всю кокандскую артиллерію и лагерь.

Хотя оставшіеся три взвода выдержали сильный натискъ, но кокандцы были окончательно сбиты атакою Погурскаго и Алексѣева, вслѣдствіе чего

они въ безпорядкѣ отступили, потерявъ въ этомъ бою до 2,000 человѣкъ убитыми, преслѣдуемые четырьмя сотнями казаковъ и башкиръ.

Наши же потери выразились всего 18 убитыми и 44 ч. ранеными. Трофеями были 4 бунчука, 7 знаменъ, 17 орудій и 130 пуд. пороху. Подполковникъ Огаревъ за это славное дѣло произведенъ былъ прямо въ генералъ-маіоры, а капитанъ Шкупь въ слѣдующій чинъ.

Несмотря на такое страшное пораженіе и потерю артиллеріи, кокандцы почти сейчасъ же въ г. Туркестанѣ приступили къ отливкѣ новыхъ артиллерійскихъ орудій, собравъ для этого всю мѣдную посуду у жителей, а въ Кокандѣ стали сосредочиваться новыя войска.

3. Покореніе Заилійскаго края (Семирѣчья).

Движеніе со стороны Сибири велось все время съ большимъ успѣхомъ, и въ 1854 году въ урочищѣ Алматы на рѣкѣ Алматикѣ было построено укрѣпленіе Вѣрный и занята вмѣстѣ съ тѣмъ долина рѣки Или съ учрежденіемъ для административнаго управленія населеніемъ этого края Заилійскаго отдѣла. Вѣрный сдѣлался базою для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, начатыхъ въ слѣдующемъ же году, для защиты киргизовъ, подчинявшихся Россіи, высылкою особыхъ отрядовъ въ степь, имѣвшихъ цѣлый рядъ стычекъ съ кокандскими шайками.

Въ царствованіе Императора Александра II движеніе Россіи впередъ вглубь Средней Азіи пошло какъ бы ускореннымъ шагомъ, благодаря тому, что во главѣ русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ на этой окраинѣ, оказались даровитые, сильные духомъ вожди—Колпаковскій и Черняевъ. Дѣятельность подполковника Колпаковскаго была чрезвычайно плодотворна въ смыслѣ закрѣпленія завоеваній Россіи въ предѣлахъ нынѣшняго Семирѣчья, гдѣ русскія войска подъ его начальствомъ покорили киргизовъ, кочевавшихъ въ областяхъ, соприкасавшихся своими границами съ Китаемъ. Самое же положеніе русскихъ въ Средней Азіи къ срединѣ 60-хъ годовъ было особенно выгодно для довершенія завѣтовъ Петра Великаго: такъ, со стороны Оренбурга русскія войска продвинулись до Перовска, а отъ Сибири выдвинулись до Вѣрнаго, прочно закрѣпивъ за собою все пройденное пространство рядомъ укрѣпленій. Но между крайними пунктами этой пограничной линіи оставалось еще значительное пространство, представлявшее собою какъ бы открытыя ворота для вооруженія черезъ нихъ кочевниковъ.

На этомъ большомъ участкѣ еще прочно держались кокандцы, опираясь на рядъ своихъ сильныхъ крѣпостей: Азретъ, Чимкентъ, Ауліэата, Пишпекъ и Токмакъ, постоянно возбуждая кочующихъ киргизовъ въ пограничной полосѣ къ враждебнымъ противъ русскихъ дѣйствіямъ. Въ силу этого положеніе всего фронта настоятельно требовало сомкнуть южнѣе наши передовыя линіи и такимъ способомъ окончательно отрѣзать подвластныхъ Россіи киргизовъ отъ вліянія Коканда.

Неотложность исполненія этого плана была Высочайше одобрена и съ 1856 года вновь началось безостановочное движеніе русскихъ войскъ впередъ, направленное противъ кокандцевъ и хивинцевъ одновременно, для занятія наивыгоднѣйшихъ мѣстъ, могущихъ дать возможность сомкнуть Сыръ-

Дарьинскую и Сибирскую линіи съ устройствомъ вмѣсто нихъ одной общей линіи крѣпостей. Для этого въ 1856 году отрядомъ полковника Хоментовскаго (1 рота, 1 сотня и 1 ракетный станокъ) были покорены киргизы Большой Орды рода Топай и въ то же время начальникомъ Сыръ-Дарьинской линіи генералъ-маіоромъ Фитингофъ (съ 320 ч. пѣхоты, 300 казаковъ, 3 орудіями и 2 ракетными станками) взято было съ бою хивинское укрѣпленіе Ходжа-Ніазъ, а затѣмъ 26 февраля разбиты скопища хивинцевъ, поддерживаемыя отложившимися отъ Россіи киргизами.

Въ слѣдующемъ году начальникъ Заилійскаго края подполковникъ Перемышльскій, съ отрядомъ въ 1 роту, 1 сотню и 2 конныхъ орудія, покорилъ всѣ остальные роды кошенныхъ киргизовъ и отбросилъ отрядъ кокандцевъ въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ за рѣку Чу.

Въ 1859 году произведены были рекогносцировки верховьевъ рѣки Чу и кокандскихъ крѣпостей Токмакъ и Пишпекъ, а на Сыръ-Дарьинской линіи—Яни-Дарьи (рукавъ Сыръ-Дарьи). Отрядъ полковника Дандевиля произвелъ рекогносцировку восточнаго берега Каспійскаго моря и изслѣдованіе путей отъ моря къ Хивѣ. Въ этомъ же году управленіе киргизами Оренбургской степи было окончательно устроено и передано въ завѣдываніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Весь же Заилійскій край вошелъ въ составъ вновь учрежденнаго Алатавскаго округа, имѣвшаго границами съ сѣвера: рѣки Курту и Или (системы озера Балхаша); съ запада рѣки Чу и Курдай (системы озера Иссыкъ-Куля); на югѣ же и на востокѣ опредѣленной границы установлено не было, такъ какъ военныя дѣйствія съ Кокандомъ, Хивою и Бухарою продолжались.

Между владѣніями этихъ ханствъ и русскими никакихъ разграниченій не производилось, равно какъ не были опредѣлены границы съ пограничными областями западнаго Китая, съ которымъ въ то время въ этомъ отношеніи ни договоровъ, ни трактатовъ не заключалось.

Населеніе новаго Алатавскаго округа и Заилійскаго края состояло изъ кочевыхъ киргизовъ различныхъ родовъ, въ числѣ около 150 т. человѣкъ, офиціально считавшихся русскими подданными, и небольшого числа казаковъ, русскихъ поселенцевъ и сартовъ, составлявшихъ осѣдлую часть населенія края, въ которомъ административнымъ центромъ было укрѣпленіе Вѣрный.

Желая избѣгнуть притѣсненій кокандскихъ чиновниковъ, признававшіе надъ собою власть Россіи киргизы хотя и кочевали преимущественно въ русскихъ предѣлахъ, но также часто переходили и на кокандскую территорію, главнымъ образомъ благодаря тому, что граница ея была опредѣлена лишь приблизительно вдоль теченія рѣки Чу по отрогамъ Тянь-Шаня.

Кокандскія же власти, лишившіяся съ переходомъ зажиточнаго киргизскаго населенія въ русское подданство значительныхъ доходовъ, не желали признавать этого перехода, вслѣдствіе чего кокандцы, внезапно являясь въ киргизскія кочевки, силою собирали съ нихъ подати, а кокандскіе эмиссары, преимущественно принадлежавшіе къ представителямъ знатныхъ киргизскихъ родовъ, всѣми силами подстрекали киргизовъ къ возстанію противъ русскихъ, организуя нападенія и набѣги. Для борьбы съ ними и защиты своихъ новыхъ подданныхъ, русскимъ властямъ приходилось все время высы-

лать экспедиціи въ кокандскія владѣнія, имѣвшія характеръ рекогносцировокъ.

Постепенно, благодаря сосредоточенію вблизи русской линіи кокандскихъ войскъ, положеніе на этомъ фронтѣ сдѣлалось довольно труднымъ, въ особенности къ 1860 году, когда кокандцы, усилившись за счетъ Бухары, помимо сбора дани съ киргизовъ—русскихъ подданныхъ, приступили къ приготовленіямъ для вторженія въ предѣлы Заилійскаго края въ направленіи на укрѣпленіе Вѣрный. Они разсчитывали, произведя возмущеніе среди киргизовъ, пресѣчь сообщеніе края съ Копаломъ, единственнымъ пунктомъ, связывавшимъ его съ Россіей, и уничтожить вмѣстѣ съ тѣмъ въ краѣ всѣ русскія поселенія.

Для воспрепятствованія осуществленію замысловъ кокандцевъ въ Вѣрномъ, былъ сформированъ отрядъ, въ составѣ 6 ротъ, 6 сот. казаковъ, 2 сот. киргизовъ, 12 орудій, 4 ракетныхъ станковъ и 8 мортиръ, а къ озеру Иссыкъ-Кулю высланы два небольшіе отряда подъ командою подполковника Шайтанова и сотника Жеребятьева, заставившіе кокандцевъ послѣ нѣсколькихъ стычекъ отступить отъ озера въ предгорья Тянь-Шаня.

Одновременно съ этимъ отрядъ полковника Цимермана, двинувшись къ Костекскому перевалу у укрѣпленія Костекъ, разбилъ на-голову войска кокандцевъ, вторгнувшихся въ числѣ 5,000 человѣкъ въ русскіе предѣлы. Перейдя затѣмъ перевалъ въ августѣ и сентябрѣ того же года, отрядъ занялъ и разрушилъ кокандскія крѣпости Токмакъ и Пишпекъ, служившія главными опорными пунктами при вторженіяхъ кокандцевъ въ русскіе предѣлы. Но кокандцы стали вновь сосредоточивать свои силы, возобновивъ вскорѣ укрѣпленія Пишпека, а въ началѣ октября ихъ скопища уже приблизились къ рѣкѣ Чу.

Въ это время начальникомъ Алатавскаго округа и командующимъ войсками Заилійскаго края былъ назначенъ подполковникъ Колпаковскій—человѣкъ рѣдкой силы воли, трудоспособности и энергіи.

Быстро сдѣлавъ оцѣнку положенія и признавъ его въ высшей степени серьезнымъ, онъ немедленно же принялъ рядъ мѣръ къ подготовкѣ края противъ вторженія кокандцевъ. Усиливъ вездѣ гарнизоны укрѣпленій, онъ достроилъ нѣкоторыя изъ нихъ, а затѣмъ вооружилъ всѣхъ русскихъ поселенцевъ и благонадежныхъ туземцевъ.

Общее количество войскъ, находившихся подъ его командою, едва достигало до 2,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были преимущественно сибирскіе казаки, не отличавшіеся въ то время особыми боевыми качествами, а собранное имъ изъ мѣстныхъ жителей ополченіе состояло изъ совершенно необученныхъ поселенцевъ.

Волненія среди нашихъ киргизовъ приняли уже настолько серьезные размѣры, что, большею частью отложившись отъ Россіи, они перешли на сторону кокандцевъ, силы которыхъ исчислялись до 22,000 человѣкъ.

Въ виду этихъ причинъ, положеніе русскихъ въ Заилійскомъ краѣ надо было признать критическимъ.

Къ счастью, войска кокандцевъ состояли изъ небольшого числа регулярныхъ сарбазовъ, а остальныя представляли собою милицію. Главнымъ на-

чальникомъ былъ Ташкентскій бекъ Канаатъ-Ша, пользовавшійся извѣстностью, благодаря своимъ успѣшнымъ дѣйствіямъ противъ бухарцевъ. Перейдя въ наступленіе, кокандцы двинулись отъ Пишпека по долинѣ рѣки Курдай къ рѣкѣ Дутринъ-Айгиръ, держа направленіе на Вѣрный, пользуясь при этомъ поддержкою киргизовъ русскихъ подданныхъ, начавшихъ массами переходить на ихъ сторону.

Спѣшно выдвинувшись навстрѣчу кокандцевъ, Колпаковскій поставилъ въ Костекѣ 8-й линейный батальонъ, 4 сотни и 7 орудій (маіоръ Экебладъ); на курганѣ Скурукъ—1 роту съ ракетнымъ станкомъ (поручикъ Сярковскій); у Узунъ-Агача—1 роту, 1 сотню и 2 орудія (поручикъ Соболевъ); въ Кескеленѣ—$^1/_2$ сотни; въ Вѣрномъ—2 роты и $^1/_2$ сотни, и наконецъ остальные—въ Илійскомъ и Заилійскомъ укрѣпленіяхъ.

Первое наступленіе кокандцевъ 19 апрѣля въ числѣ 10,000 человѣкъ подъ начальствомъ Алимъ-Бека въ обходъ Узунъ-Агача окончилось для нихъ неудачно, и они были отбиты съ большимъ урономъ, отступивъ подъ сильнымъ огнемъ русскихъ, но затѣмъ сейчасъ же предприняли новое наступленіе по долинѣ Кара-Костекъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, подполковникъ Колпаковскій успѣлъ къ вечеру 20 октября собрать большую часть своихъ силъ (3 роты, 2 сотни, 6 орудій и 2 ракетныхъ станка), подошедшихъ налегкѣ, а 21 октября, не ожидая атаки кокандцевъ, русскій отрядъ быстро вышелъ навстрѣчу непріятеля, двигавшагося по мѣстности, изрѣзанной оврагами и цѣлымъ рядомъ параллельныхъ высотъ. Едва показались кокандскія войска, какъ выѣхавшія впередъ 4 орудія, опередивъ казаковъ, картечнымъ огнемъ заставили кокандскія войска отступить за слѣдующую гряду. Тѣсня непріятеля, отрядъ дошелъ до Кара-Костека, гдѣ неожиданно былъ атакованъ съ фланговъ и тыла конными скопищами кокандцевъ, при чемъ рота поручика Сярковскаго едва не взята была въ плѣнъ, но къ счастью ее успѣли выручить посланныя Колпаковскимъ двѣ роты.

Не выдержавъ залповъ, кокандцы отхлынули и въ это время были атакованы всѣмъ отрядомъ: съ лѣваго фланга—ротой Шанявскаго, съ правой—ротой Соболева, а въ центрѣ открыла огонь артилерія, поражая картечью. Рота же Сярковскаго съ сотней и ракетнымъ станкомъ, занявъ позицію подъ угломъ, охраняла правый флангъ и тылъ отряда.

Бросившись въ атаку, рота Шанявскаго штыками опрокинула сарбазовъ, а за ними, послѣ нѣсколькихъ попытокъ перейти въ наступленіе, повернули и всѣ силы кокандцевъ. Несмотря на усталость, отрядъ преслѣдовалъ непріятеля на пространствѣ слишкомъ двухъ верстъ, отбиваясь въ то же время отъ шаекъ киргизовъ, бросившихся на отрядъ съ тылу и фланговъ и безпокоившихъ наши войска до поздняго вечера. За весь день отрядъ сдѣлалъ 44 версты, выдержавъ при этомъ жестокій восьмичасовой бой. Кокандцы же потеряли при Узунъ-Агачѣ до 1,000 чел. убитыми и ранеными и поспѣшно отступили за рѣку Чу.

По общему заключенію во всѣ войны наши въ Средней Азіи до 1865 года ни разу интересы Россіи не подвергались такому страшному риску, какъ передъ боемъ при Узунъ-Агачѣ, когда вся будущность нашихъ успѣховъ и сохраненіе достигнутыхъ результатовъ было поставлено на карту. Если бы

Колпаковскій не принялъ рѣшительныхъ мѣръ и не взялъ бы почина наступленія въ свои руки, трудно было бы сказать, чѣмъ кончилось бы нападеніе 20,000 массы кокандцевъ; особенно, если принять во вниманіе, что малѣйшій ихъ успѣхъ могъ привлечь на ихъ сторону всѣхъ киргизовъ Заилійскаго и Илійскаго края. Россія очутилась бы въ необходимости, потерявъ уже пріобрѣтенное, начать вторично завоеваніе края. Моральное значеніе этой побѣды было огромное.—Бой у Узунъ-Агача совершенно успокоилъ край и кочевниковъ, наглядно показавъ имъ силу русскаго оружія и слабость кокандцевъ.

Императоръ Александръ II оцѣнилъ значеніе Узунъ-Агачскаго боя и написалъ на реляціи: «Славное дѣло. Подполковника Колпаковскаго произвести въ полковники и дать Георгія 4 степени. Объ отличившихся войти съ представленіемъ и всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ объявить благоволеніе, знаки отличія Военнаго Ордена выслать Гасфорду, согласно его желанію».

Въ 1862 году полковникъ Колпаковскій, установивъ порядокъ по управленію киргизскими кочевьями, произвелъ новую рекогносцировку, перейдя рѣку Чу (отрядъ 4 роты, 2 сотни и 4 орудія), и взялъ кокандскую крѣпость Мерке. Получивъ затѣмъ подкрѣпленіе, 24 октября, уже съ отрядомъ въ составѣ 8 ротъ, 1 сотни и 8 орудій, вторично взялъ возобновленную кокандцами крѣпость Пишпекъ.

На Сыръ-Дарьинской линіи военныя дѣйствія продолжались, и въ 1861 году отрядомъ генерала Дебу (1,000 ниж. чиновъ, 9 орудій и 3 ракетныхъ станка) были взяты и разрушены кокандскія крѣпости Яни-Курганъ и Динь-Курганъ.

Такимъ образомъ наступленіе русскихъ войскъ на кокандскія владѣнія продолжалось безостановочно, и одновременно съ этимъ въ Заилійскомъ краѣ производилось выясненіе нашихъ границъ съ Китаемъ на востокѣ, а въ 1863 году были заняты Берухудзиръ, Кошмурухъ и Алтынь-Эмельскій перевалъ, при чемъ отрядъ капитана Проценко (2 роты, 1 сотня и 2 горн. орудія) нанесъ сильныя пораженія китайцамъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ, почти одновременно съ военными дѣйствіями противъ Бухары, продолжалось движеніе по направленію къ Китайскому Туркестану и покореніе Заилійскаго края.

Безпокойное кочевое населеніе Китайскаго Туркестана, состоявшее изъ калмыковъ, уже давно сильно тревожило своими постоянными набѣгами наши границы, разоряя аулы русскихъ подданныхъ киргизовъ. Въ то же время китайскіе подданные дунчане (мусульманскіе китайцы) поднялись противъ китайцевъ, которые, видя полную невозможность справиться своими силами, обратились за помощью къ русскимъ властямъ.

Считая такое положеніе на границахъ недавно завоеваннаго края недопустимымъ и опаснымъ и находя необходимымъ принять мѣры къ умиротворенію населенія прилегающихъ къ нему китайскихъ областей, генералъ Колпаковскій, съ отрядомъ изъ 3 ротъ, 3 сотенъ и 4 орудій, двинулся въ 1869 году въ западно-китайскія владѣнія. Здѣсь около озера Сайрамъ-Норъ, встрѣтивъ огромныя скопища таранчинцевъ, онъ вступилъ съ ними въ бой и разсѣялъ ихъ, а затѣмъ 7 августа взялъ съ бою крѣпость Каптагай.

Но таранчинцы и калмыки начали вновь собираться въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ у Борахудзира, вслѣдствіе чего русскій отрядъ направился къ этому пункту и, нанеся страшное пораженіе этимъ скопищамъ, занялъ укрѣпленіе Мазоръ и Хоргосъ. Впрочемъ первое изъ нихъ онъ вынужденъ былъ вскорѣ оставить, въ виду малочисленности русскаго отряда, а также въ виду того, что, подстрекаемые китайскими властями и поддерживаемые ими же, кочевники и осѣдлые таранчинцы стали собираться снова, угрожая уже русскимъ владѣніямъ.

Въ 1871 году генералъ Колпаковскій съ большимъ отрядомъ (10 ротъ, 6 сотенъ и 12 орудій) вновь вступилъ въ Китайскіе предѣлы, занявъ 7 мая съ бою крѣпость и городъ Мозаръ и, оттѣснивъ таранчинцевъ къ крѣпости Чинъ-Чаходзе, взялъ ее штурмомъ 18 іюня, а 19-го — крѣпость Сайдунъ, подойдя къ главному городу Заилійскаго края Кульджѣ, который и занятъ былъ русскими войсками 22 іюня.

Вмѣстѣ съ занятіемъ Кульджи закончились военныя дѣйствія въ Семирѣчьѣ, и область эта, образованная изъ Алатавскаго округа и Заилійскаго края, получила возможность мирно развиваться, входя въ составъ Россіи.

Позднѣе Кульджа и прилегающій къ ней раіонъ, занятые исключительно въ цѣляхъ умиротворенія населенія, послѣ полнаго успокоенія его были возвращены обратно Китаю.

Изъ завоеванныхъ же земель образована одна изъ богатѣйшихъ областей Россіи—Семирѣченская, съ главнымъ городомъ Вѣрнымъ, гдѣ на стражѣ русской границы съ Китаемъ поселены казаки вновь учрежденнаго Семирѣченскаго казачьяго войска. Съ назначеніемъ въ 1864 году начальникомъ Западно-Сибирской линіи полковника М. Г. Черняева и съ усиленіемъ войскъ Заилійскаго края, началось болѣе быстрое движеніе впередъ, благодаря особой энергіи и предпріимчивости новаго начальника, признавшаго необходимымъ возможно скорѣе сомкнуть Заилійскую и Сыръ-Дарьинскую линіи. Между крайними пунктами ихъ оставалось уже незначительное пространство, куда проникали шайки кокандцевъ, производя неожиданныя нападенія и волнуя киргизское кочевое населеніе, покорно подчинявшееся русскимъ до перваго появленія кокандцевъ. Дикіе наѣздники пустыни находили это положеніе особенно удобнымъ, какъ дававшее имъ возможность производить безнаказанно набѣги и грабежи враждебныхъ имъ родовъ и приносившее имъ наживу. Рѣшивъ прекратить такое ненормальное положеніе и признавъ для этого необходимымъ, продвинувшись еще впередъ, оттѣснить кокандцевъ, полковникъ Черняевъ съ отрядомъ изъ 5 ротъ 8-го Зап.-Сиб. бат., 4 роты 3-го Зап.-Сиб. бат., стрѣлковыми ротами 3-го Зап.-Сиб. батальона, полубатареей казачьей артил. и 1 Сибирскимъ казачьимъ полкомъ двинулся изъ Пишпека по направленію Ауліэата и, появившись неожиданно подъ стѣнами этой крѣпости, расположенной на значительной возвышенности, 4 іюня взялъ ее штурмомъ. Спустя двѣ недѣли имъ былъ высланъ летучій отрядъ подполковника Лерхе (2 роты, $^1/_2$ сотни, 2 горн. орудія и 1 ракетный станокъ), который, перейдя съ страшными трудностями снѣжный хребетъ Кара-Бура, спустился въ долину рѣки Чирчикъ, напавъ на кокандцевъ, разбилъ ихъ скопища и покорилъ кара-киргизовъ, кочевавшихъ въ долинѣ Чирчика. Главный

же отрядъ Черняева снова продвинулся впередъ къ Ясъ—Кичу, занявъ 11 іюля Чимкентъ, и прошелъ съ 13-го по 15 іюля съ боемъ до Кишъ-Тюменя.

16 іюля отрядъ подполковника Лерхе (3 роты, 1 рота кон. стрѣлковъ и 2 кон. орудія) уже былъ высланъ къ урочищу Акъ-Булакъ, противъ кокандцевъ и для соединенія съ войсками Оренбургскаго отряда, который изъ Перовска вышелъ подъ командою полковника Веревкина (въ составѣ $4^1/_2$ ротъ, 2 сотенъ, 10 орудій, 6 мортиръ и 2 ракетныхъ станковъ) и 12 іюля, взявъ съ бою кокандскій городъ Туркестанъ и укрѣпившись въ немъ, выслалъ летучій отрядъ капитана Мейера (2 роты, 1 сотню, 3 орудія и 1 ракетный станокъ) къ Чимкенту и далѣе къ урочищу Акъ-Булакъ навстрѣчу войскъ Черняева.

Кокандцы же, получивъ свѣдѣнія о движеніи русскихъ отрядовъ съ двухъ сторонъ, приняли самыя рѣшительныя мѣры, чтобы воспрепятствовать этому соединенію, стянувъ къ Акъ-Булаку болѣе 10,000 человѣкъ; съ этими массами 14 и 15 іюля пришлось вступить въ бой отряду капитана Мейера, которому вскорѣ подалъ помощь подошедшій на выстрѣлъ отрядъ подполковника Лерхе. По соединеніи оба отряда, подъ общей командою принявшаго начальство подполковника Лерхе, выдержавъ 17 іюля нѣсколько атакъ кокандцевъ, направились къ урочищу Кишъ-Тюмень, гдѣ находились главныя силы отряда генерала Черняева.

Черезъ пять дней, давъ людямъ небольшой отдыхъ, 22 іюля полковникъ Черняевъ направился къ Чимкенту, произведя рекогносцировку этой сильной крѣпости, но, встрѣтивъ огромныя массы кокандцевъ — до 25,000 человѣкъ—и выдержавъ съ ними жестокій бой, отрядъ его, въ виду неравенства силъ, долженъ былъ отступить въ Туркестанъ.

Лишь спустя два мѣсяца, приведя части въ полный порядокъ и дождавшись прихода подкрѣпленій, 14 сентября генералъ Черняевъ снова направился въ Чимкентъ (3 роты, $1^1/_2$ сотни и 2 кон. орудія); въ это же время въ томъ же направленіи былъ выдвинутъ подъ командою полковника Лерхе отрядъ (6 ротъ, 1 рота кон. стрѣлковъ и 2 орудія). Соединившись 19 сентября, оба отряда встрѣтили войска кокандцевъ и, вступивъ съ ними въ бой, опрокинули ихъ, взявъ съ бою крѣпость Сайрамъ.

22 сентября, подойдя къ Чимкенту, несмотря на сильный гарнизонъ и высокія его стѣны, начатъ былъ штурмъ этой считавшейся неприступною кокандцами крѣпости, расположенной на значительномъ возвышеніи, господствовавшимъ надъ окружающей мѣстностью.

Жестокій артиллерійскій и ружейный огонь кокандцевъ не остановилъ штурмовую колонну, во главѣ съ полковникомъ Лерхе ворвавшуюся въ крѣпость и, по овладѣніи ея стѣнами и воротами, выбившую отчаянно защищавшихся кокандцевъ.

Вѣсть о взятіи русскими Чимкента штурмомъ быстро разнеслась вокругъ, и всѣ кокандскіе отряды спѣшно стали отступать къ Ташкенту, ища защиты за его крѣпкими стѣнами.

Генералъ же Черняевъ, желая использовать моральное впечатлѣніе нашихъ успѣховъ, на шестой день послѣ взятія Чимкента, давъ лишь время разнестись молвѣ, 27 сентября направился къ Ташкенту съ отрядомъ въ 1,550 человѣкъ при 12 оруд.—всего $8^1/_2$ ротъ и $1^1/_2$ сотни казаковъ.

Движеніе это, благодаря быстротѣ и внезапности, обѣщало успѣхъ, тѣмъ болѣе, что среди жителей Ташкента было много сторонниковъ русскихъ, желавшихъ прекращенія войны, разорительной для торговаго населенія.

1 октября, остановившись подъ стѣнами Ташкента, насчитывавшаго до 100,000 населенія съ 10,000 гарнизономъ и стѣнами въ 24 версты длины, Черняевъ, выбравъ самое слабое мѣсто, началъ бомбардировку стѣнъ, съ цѣлью образовать въ нихъ брешь; это повидимому и удалось сдѣлать, но затѣмъ, когда была двинута штурмовая колонна подъ начальствомъ подполковника Обуха, то оказалось, что сбита лишь верхушка стѣны, а самая стѣна, закрытая складкою мѣстности и невидимая издали, стояла непоколебимо, такъ что подняться на нее безъ штурмовыхъ лѣстницъ было немыслимо.

Понеся значительныя потери, въ томъ числѣ убитымъ подполковника Обуха, генералъ Черняевъ, вслѣдствіе невозможности взять крѣпость безъ осадныхъ работъ, принужденъ былъ отступить обратно къ Чимкенту. Войска же рвались въ бой на новый штурмъ, считая, что они отражены не кокандцами, а высотою Ташкентскихъ стѣнъ и глубиною его рвовъ, что вполнѣ подтверждалось отсутствіемъ всякаго преслѣдованія со стороны кокандцевъ при возвращеніи отряда до Чимкента.

Послѣ неудачнаго штурма Ташкента, кокандцы воспрянули духомъ, считая, что побѣда осталась на ихъ сторонѣ. Мулла-Алимъ-Кулъ, распустивъ слухъ о своемъ уходѣ въ Кокандъ, въ дѣйствительности, собравъ до 12,000 человѣкъ, направился, минуя Чимкентъ, прямо къ Туркестану, предполагая неожиданнымъ нападеніемъ захватить эту крѣпость.

Но комендантъ Туркестана подполковникъ Жемчужниковъ, желая провѣрить дошедшіе до него слухи о движеніи кокандцевъ, сейчасъ же выслалъ на развѣдку сотню Уральцевъ подъ командою есаула Сѣрова.

Не разсчитывая встрѣтить непріятеля близко, сотня 4 декабря выступила съ однимъ единорогомъ и небольшимъ запасомъ продовольствія. Лишь по дорогѣ отъ встрѣчныхъ киргизовъ Сѣровъ узналъ, что селеніе Иканъ, отстоящее въ 20 верстахъ отъ Туркестана, уже занято кокандцами.

Считая необходимымъ провѣрить этотъ слухъ, онъ повелъ свой отрядъ на-рысяхъ и, не доходя 4 верстъ до Икана, замѣтилъ вправо отъ селенія огни. Предполагая, что это непріятель, отрядъ остановился, выславъ для сбора свѣдѣній одного изъ бывшихъ при отрядѣ киргизовъ, который почти сейчасъ же возвратился, встрѣтивъ кокандскій разъѣздъ. Не зная еще ничего опредѣленнаго о силахъ непріятеля, Сѣровъ рѣшилъ на всякій случай отойти на ночь къ выбранной имъ позиціи, но не успѣлъ отрядъ пройти версты, какъ былъ окруженъ толпами кокандцевъ.

Приказавъ казакамъ спѣшиться и сбатовать лошадей, устроивъ изъ мѣшковъ съ провіантомъ и фуражемъ закрытіе и выставивъ на одномъ изъ фасовъ своего укрѣпленнаго лагеря единорогъ, Сѣровъ встрѣтилъ атаку кокандцевъ выстрѣлами изъ единорога и винтовокъ, моментально охладившихъ пылъ атакующихъ.

За первою и слѣдующія атаки также были отбиты съ большимъ урономъ. Кокандцы, отойдя версты на три, въ свою очередь открыли пальбу

изъ трехъ орудій и фальконетовъ, продолжавшуюся всю ночь и причинившую много вреда и людямъ и лошадямъ.

Утромъ 5 декабря огонь усилился: гранаты и ядра ложились внутри лагеря. Много казаковъ были уже переранены, а между тѣмъ пѣшія толпы кокандцевъ увеличились съ приходомъ главныхъ силъ Алимъ-Кула, общею численностью до 10,000 человѣкъ. Разсчитывая на помощь изъ Туркестана, куда отправлено было съ донесеніемъ два казака, пробравшіеся ночью черезъ непріятельское расположеніе, храбрые Уральцы продолжали весь день держаться за своими завалами. Хотя въ единорогѣ къ полудню отъ выстрѣловъ разсыпалось колесо, но фейерверкеръ Грѣховъ пристроилъ ящичное, продолжая безостановочно пальбу, а казаки помогали артиллеристамъ, которые уже всѣ были переранены.

Кокандцы, раздраженные этою стойкостью и боясь атаковать открыто, стали производить нападенія, прикрываясь арбами, нагруженными камышемъ и колючкою.

Около полудня со стороны Туркестана донеслись глухіе пушечные и ружейные выстрѣлы, на время ободрившіе казаковъ, предположившихъ, что помощь уже недалеко, но надежды скоро погасли: къ вечеру кокандцы прислали Сѣрову письмо, сообщивъ, что войска, шедшіе изъ крѣпости на выручку, ими разбиты.

Дѣйствительно, въ это время посланный на помощь съ отрядомъ въ 150 человѣкъ пѣхоты при 20 орудіяхъ подпоручикъ Сукорко подошелъ довольно близко, но, встрѣтивъ массы кокандцевъ, отступилъ обратно.

Несмотря на это извѣстіе, Сѣровъ рѣшилъ держаться до послѣдней крайности, дѣлая изъ убитыхъ лошадей новые завалы, а ночью снова пославъ казаковъ Борисова и Чернаго съ запискою въ Туркестанъ.

Пробравшись черезъ войска кокандцевъ, эти храбрецы исполнили порученіе.

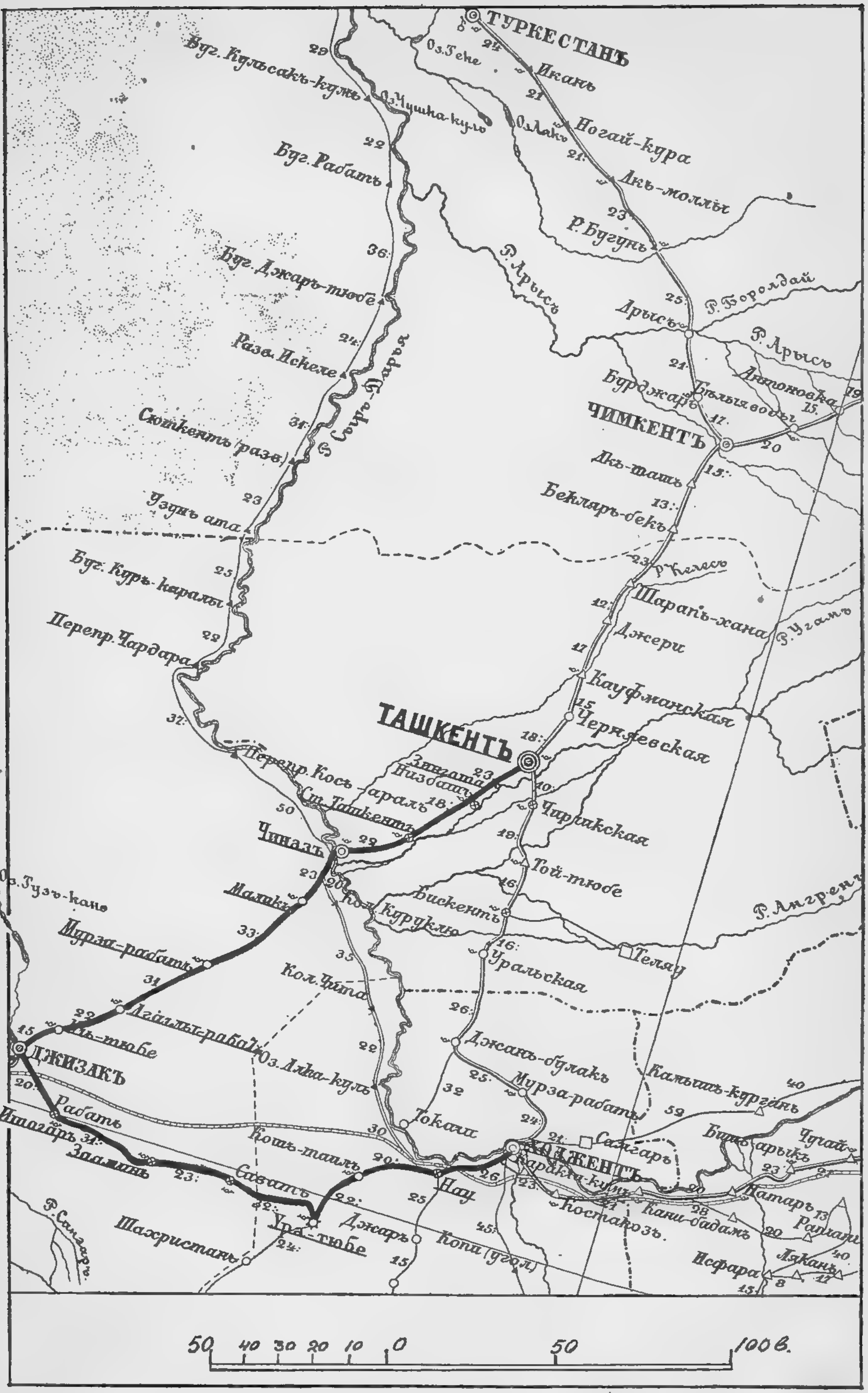
Утромъ 6 декабря Уральцамъ приходилось уже совсѣмъ плохо, а непріятель, заготовивъ 16 новыхъ щитовъ, видимо предполагалъ броситься въ атаку.

Не теряя надежды на помощь и желая выиграть время, Сѣровъ вступилъ въ переговоры съ Алимъ-Куломъ, протянувъ такимъ способомъ больше часа. Послѣ прекращенія переговоровъ, кокандцы съ еще большимъ ожесточеніемъ кинулись на завалы, но первый и три слѣдующихъ ихъ натиска были отбиты. Къ этому времени выстрѣлами кокандцевъ перебиты были всѣ лошади, а изъ людей выбыло изъ строя убитыми 37 и ранеными 10 человѣкъ. Сѣровъ видѣлъ, что дольше держаться невозможно, а потому рѣшился на послѣднее средство—пробиться во что бы то ни стало сквозь ряды тысячной непріятельской конницы, цѣлой тучей окружившей отрядъ, а въ случаѣ неудачи пасть всѣмъ въ этомъ бою, помня завѣтъ князя Святослава: „мертвые срама не имутъ».

Казаки раздѣляли взглядъ своего лихого командира и, заклепавъ единорогъ, съ крикомъ «ура» бросились на кокандцевъ. Ошеломленные этою отчаянною рѣшимостью, они разступились, пропустивъ удальцовъ и провожая ихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ.

ХИВИНСКІЙ ПОХОДЪ 1873 года.
Переходъ Туркестанскаго отряда черезъ пески Адамъ-Крылганъ.
Съ картины Н. Н. Каразина, находящейся въ Зимнемъ Дворцѣ.

ТУРКЕСТАНЪ
Иканъ
Ногай-кура
Акъ-моллы
Р. Бугунь
Р. Арысь
Арысь
Р. Бороддай
Антоновка
Бурджаръ
ЧИМКЕНТЪ
Акъ-ташъ
Бекляръ-бекъ
Р. Келесъ
Шарапъ-хана
Р. Угамъ
Джери
Кауфманская
ТАШКЕНТЪ
Черняевская
Чирчикская
Той-тюбе
Бискентъ
Р. Ангренъ
Теляу
Уральская
Джанъ-булакъ
Мурза-рабатъ
Камышъ-курганъ
Сангаръ
ХОДЖЕНТЪ
Костакозъ
Кани-бадамъ
Исфара
Буг. Рабатъ
Буг. Джаръ-тюбе
Разъ. Искеле
Сыръ-Дарья
Узунъ ата
Перепр. Чардара
Перепр. Кось-аралъ
Ст. Ташкентъ
Чиназъ
Мурза-рабатъ
Акъ-тюбе
ДЖИЗАКЪ
Рабатъ
Заамин
Ура-тюбе
Шахристанъ
Нау
Копи (угол.)
50 40 30 20 10 0 50 100 в.

Больше 8 верстъ шли Уральцы, сбросивъ съ себя одежду и отстрѣливаясь, ежеминутно теряя убитыми и ранеными своихъ товарищей, у которыхъ тутъ же на глазахъ подскакивавшіе кокандцы отрубали головы. Раненые, сохранившіе свои силы, нѣкоторые имѣя по 5, 6 ранъ, шли, поддерживая другъ друга, пока не падали совершенно обезсиленные, становясь тотчасъ же добычей разъяренныхъ враговъ. Казалось, что конецъ близокъ и вся эта горсточка храбрецовъ ляжетъ костьми въ глухой пустынѣ. Но въ этотъ послѣдній моментъ среди нападавшихъ произошло движеніе, и они разомъ отхлынули, а изъ-за холмовъ показался наконецъ русскій отрядъ, высланный изъ Туркестана на выручку. Перераненыхъ и истомленныхъ казаковъ, не ѣвшихъ уже два дня, посадили на телѣги и повезли въ крѣпость. За три дня боя сотня потеряла: 57 убитыми и 45 ранеными—всего 102 ч., уцѣлѣло лишь 11 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 4 контуженныхъ.

Между тѣмъ Алимъ-Кулъ, видя подошедшій на помощь отрядъ, быстро отступилъ. Дѣло подъ Иканомъ, помимо моральнаго значенія, подтвердило наглядно непобѣдимость русскихъ и помѣшало Алимъ-Кулу неожиданно напасть на Туркестанъ. Всѣ участники Иканскаго боя, оставшіеся въ живыхъ, были награждены знаками отличія Военнаго Ордена, а есаулъ Сѣровъ орденомъ Св. Георгія и слѣдующимъ чиномъ за подвиги, являющіеся примѣромъ рѣдкой стойкости, мужества и храбрости.

Вслѣдъ за этимъ дѣломъ, постепенно кокандцы очистили весь раіонъ, благодаря чему генералъ Черняевъ, считая необходимымъ овладѣть главнымъ опорнымъ пунктомъ кокандцевъ—крѣпостью Ташкентомъ, подошелъ вторично къ его стѣнамъ.

Послѣ рекогносцировки Ташкента, выяснившей, что самымъ удобнымъ мѣстомъ для штурма являются Камеланскія ворота,—былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ Черняевымъ былъ указанъ порядокъ штурма этой сильной крѣпости; серьезное дѣло требовало личнаго воздѣйствія и передачи своей рѣшимости подчиненнымъ; для того Черняевъ и прибѣгнулъ къ созыву совѣта.

Произведя бомбардировку городскихъ стѣнъ, Черняевъ въ 2 часа ночи съ 14-го на 15-е іюля двинулъ штурмовыя колонны подъ командою: первую—полковника Абрамова, вторую—маіора де-Кроа и третью—подполковника Жемчужникова. Въ то же время былъ выстроенъ особый отрядъ полковника Краевскаго къ противоположной сторонѣ крѣпости для производства демонстраціи, съ цѣлью отвлечь вниманіе кокандцевъ отъ Камеланскихъ воротъ. Взявъ штурмовыя лѣстницы и обернувъ колеса орудій войлокомъ, штурмовая колонна подошла къ стѣнѣ, имѣя впереди стрѣлковъ.

Городъ весь еще спалъ, и лишь около самой стѣны снаружи крѣпости оказался кокандскій караулъ, бросившійся при видѣ русскихъ бѣжать внутрь сквозь небольшое отверстіе въ крѣпостной стѣнѣ, закрытое кошмою. По ихъ слѣдамъ охотники ворвались внутрь крѣпости и поднялись на крѣпостныя стѣны первыми: унтеръ офицеръ Хмѣлевъ и юнкеръ Завадскій, гдѣ, переколовъ штыками прислугу, сбросили внизъ орудія. Нѣсколько минутъ спустя, ворота были уже открыты, и рота за ротою входили въ крѣпость, захватывая сосѣднія ворота и башни; втягиваясь затѣмъ по узкимъ улицамъ

внутрь города, онѣ брали одно укрѣпленіе за другимъ, подвигаясь впередъ, несмотря на ружейную и артиллерійскую стрѣльбу, открытую со всѣхъ сторонъ кокандцами.

Въ узкихъ улицахъ города, войскамъ приходилось пробиваться подъ огнемъ выстрѣловъ, сыпавшихся изъ-за зданій и заборовъ. Наконецъ цитадель была занята колоннами Жемчужникова и де-Кроа. Но изъ сосѣднихъ садовъ, окруженныхъ заборами, по ней продолжалась безпрерывная стрѣльба.

Выбить изъ закрытій непріятельскихъ стрѣлковъ было крайне трудно, такъ какъ выходъ изъ цитадели подвергался жестокому обстрѣлу, но по счастію среди русскихъ оказался сильный духомъ военный священникъ протоіерей Маловъ. Видя, что нуженъ примѣръ, чтобы подвинуть людей на выполненіе опаснаго предпріятія, онъ высоко поднялъ крестъ и съ крикомъ: «Братцы, за мной» выбѣжалъ за ворота, а за нимъ послѣдовали стрѣлки, быстро перебѣжавъ опасное мѣсто и переколовъ штыками всѣхъ засѣвшихъ въ садахъ и ближайшихъ зданіяхъ кокандцевъ. И не только въ этомъ случаѣ, но и въ теченіе всего штурма выдѣлился своимъ беззавѣтнымъ мужествомъ старый протоіерей.—Красивый старикъ, съ совершенно серебряными волосами и бородой, о. Маловъ раздѣлялъ съ войсками всѣ труды походной жизни, всегда личнымъ примѣромъ воодушевляя въ трудныя минуты горячо любившихъ его солдатъ. Пастырь-воинъ остался вѣренъ себѣ до конца своихъ дней, участвуя позднѣе во всѣхъ походахъ при завоеваніи Средней Азіи.

Держа крестъ въ рукахъ и имѣя на груди дароносицу, протоіерей Маловъ съ самаго начала шелъ во главѣ штурмовой колонны, спокойно подъ градомъ пуль ободряя раненыхъ, напутствуя умирающихъ и, принимая ихъ послѣдніе вздохи, давалъ имъ причастіе, тутъ же совершая глухую исповѣдь. Вторично о. протоіерею пришлось подать примѣръ въ одной изъ узкихъ улицъ, гдѣ рота, сжатая со всѣхъ сторонъ вооруженной толпою, замялась и часть людей повернула назадъ. И въ этомъ случаѣ не растерялся о. Маловъ. Снова поднявъ высоко распятіе, бросился онъ впередъ съ криками: «Братцы, неужели этотъ крестъ отдадите на поруганіе!» Опомнившіеся люди кинулись за нимъ и штыками пробились къ своимъ черезъ тысячную толпу. Въ глубокой старости, около 80 лѣтъ отъ роду, скончался кумиръ и любимецъ туркестанскихъ войскъ, оставивъ по себѣ память во всей Средней Азіи.

Между тѣмъ отрядъ полковника Краевскаго, замѣтивъ непріятельскую конницу, подходившую къ Ташкенту, бросился въ атаку и быстро ее разсѣялъ, а затѣмъ сталъ предслѣдовать толпы бѣгущихъ изъ Ташкента кокандцевъ.

Собравъ къ вечеру отрядъ около Камеланскихъ воротъ, генералъ Черняевъ отсюда послалъ небольшія команды по улицамъ города, выбивавшія засѣвшихъ кокандцевъ; такъ какъ послѣдніе продолжали стрѣльбу, то была выдвинута артиллерія, вновь открывшая огонь по городу, въ которомъ вскорѣ начались пожары.

Ночью войска тревожили небольшія партіи, но на другой день отрядъ полковника Краевскаго снова обошелъ весь городъ и, взявъ съ бою и разрушивъ баррикады, взорвалъ цитадель.

17-го іюля явилась депутація отъ жителей и просила пощады, сдаваясь на милость побѣдителя. Трофеями были 63 орудія, 2,000 пуд. пороха и до 10,000 снарядовъ. Особенно отличились при взятіи Ташкента сотникъ Ивасовъ и поручикъ Макаровъ.

Занятіе Ташкента упрочило окончательно положеніе Россіи въ Средней Азіи, въ которой этотъ городъ являлся однимъ изъ самыхъ крупныхъ политическихъ и торговыхъ центровъ; сохранивъ свое значеніе и въ дальнѣйшемъ, онъ сдѣлался главнымъ городомъ вновь образованной Сыръ-Дарьинской области.

4. Покореніе Бухарскаго ханства.

Дѣйствія русскихъ войскъ въ 1864 и 1865 гг. въ отношеніи завоеванія края были особенно удачны.

Въ короткое время овладѣвъ огромною территоріею отъ Перовска и Вѣрнаго до Ташкента, Россія невольно уже стала угрожать непосредственно Коканду и Бухарѣ, направившимъ всѣ свои силы къ задержанію русскаго движенія. Ихъ попытки въ этомъ направленіи были безрезультатны и парализованы частью генераломъ Черняевымъ, вынужденнымъ вслѣдствіе нападенія бухарцевъ на новую русскую линію снова перейти въ наступленіе; дойдя при этомъ до бухарской крѣпости Джизакъ, онъ нанесъ нѣсколько пораженій бухарскимъ войскамъ, а затѣмъ вновь назначенный послѣ него военнымъ губернаторомъ Сыръ-Дарьинской области генералъ Романовскій взялъ и эту крѣпость. Однако, несмотря на понесенныя пораженія, Бухарскій эмиръ все еще не вѣрилъ, что русскіе навсегда заняли мѣстности за рѣкой Сыръ-Дарьей, принадлежавшія раньше Бухарѣ. Благодаря окружающимъ его сановникамъ, скрывавшимъ истинное положеніе дѣлъ, увѣренность эмира въ своихъ силахъ была такъ велика, что, ведя переговоры съ русскими въ цѣляхъ лишь выиграть время, эмиръ вмѣстѣ съ тѣмъ собиралъ войска, поощряя въ то же время нападенія киргизскихъ шаекъ на новыя русскія границы.

Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Д. И. Романовскій.

Вслѣдствіе такого положенія, генералъ Романовскій съ отрядомъ въ 14 ротъ, 5 сот., 20 оруд. и 8 ракетныхъ станковъ двинулся къ урочищу Ирджару, гдѣ была сосредоточена армія эмира численностью до 38,000 чел. ополченія, при 5,000 сарбазовъ и 21 оруд.

Появленіе русскаго отряда 8 мая было для бухарцевъ большою неожиданностью, и, атакованные отрядами полковниковъ Абрамова и Пистолькорса, бухарцы сейчасъ же отступили, потерявъ до 1,000 ч. убитыми, 6 оруд. и весь артиллерійскій паркъ.

Давъ небольшой отдыхъ войскамъ, генералъ Романовскій рѣшилъ одновременно съ тѣмъ и обезсилить кокандцевъ, направившись къ кокандской крѣпости Ходженту, куда онъ подошелъ 18 мая.

Расположенная на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, со стѣнами въ окружности въ 11 верстъ и многочисленнымъ гарнизономъ, Ходжентъ представлялъ собою очень сильную крѣпость, взять которую штурмомъ безъ подготовки было невозможно; вслѣдствіе этого 20 мая была назначена бомбардировка города, продолжавшаяся съ перерывами по 24-е мая.

Въ этотъ день былъ начатъ штурмъ Ходжентскихъ стѣнъ двумя колоннами подъ начальствомъ капитана Михайловскаго и ротмистра Баранова; хотя при этомъ штурмовыя лѣстницы, къ несчастью, оказались ниже стѣнъ, но все-таки, несмотря на это и на страшное сопротивленіе кокандцевъ, рота поручика Шорохова поднялась на нихъ, сбросивъ и переколовъ защитниковъ.

Въ то же время ротмистръ Барановъ со своими ротами подъ градомъ пуль, картечи, камней и бросаемыхъ со стѣнъ бревенъ поднялся на стѣны и выломалъ ворота.

И снова, какъ и при штурмѣ Ташкента, въ переднихъ рядахъ штурмовой колонны шелъ съ крестомъ въ рукахъ протоіерей Маловъ, ободряя людей своимъ примѣромъ.

Разбивъ ворота второй внутренней стѣны, войска вошли въ городъ, встрѣтивъ на улицѣ большое сопротивленіе и выбивая кокандцевъ изъ каждаго дома.

Лишь къ вечеру затихла стрѣльба, а на другой день явились депутаты съ изъявленіемъ полной покорности. При защитѣ Ходжента кокандцы потеряли до $3^1/_2$ тысячъ человѣкъ убитыми, трупы которыхъ хоронили потомъ цѣлую недѣлю, мы же потеряли 137 чел. убитыми и ранеными. Почти сейчасъ же послѣ взятія Ходжента съ цѣлью разсѣять скопища бухарцевъ, собравшихся снова въ городъ Ура-Тюбе и представлявшихъ большую опасность при движеніи отряда къ Джизаку, генералъ Крыжановскій подошелъ къ этому городу, который послѣ бомбардировки пришлось также брать штурмомъ на разсвѣтѣ 20 іюля.

Сильный артиллерійскій и ружейный огонь бухарцевъ со стѣнъ крѣпости не остановилъ штурмующихъ колоннъ, шедшихъ подъ командою подполковника Глуховского, Шауфуса и Баранова; такъ же какъ и при взятіи Ходжента, онѣ взяли стѣны съ бою и затѣмъ заняли крѣпость, наткнувшись внутри на колонну бухарскихъ войскъ, съ которыми выдержали при этомъ жестокую рукопашную схватку. Трофеями были 4 знамени, 16 оруд. и 16 вьючныхъ пушекъ. Потери непріятеля достигали до 2,000 чел., а наши потери заключались въ 10 офицерахъ и 217 н. чин. убитыми и ранеными.

Со взятіемъ Ура-Тюбе въ рукахъ бухарскаго эмира оставался еще одинъ пунктъ — Джизакъ, владѣя которымъ онъ еще могъ надѣяться удержать за

собою долину рѣки Сыръ-Дарьи, благодаря расположенію этой крѣпости при выходѣ изъ ущелья на единственной дорогѣ въ Самаркандъ и Бухару.

Въ виду неполученія къ этому времени отъ эмира отвѣта на предложенныя условія, генералъ Романовскій направилъ свои войска къ Джизаку, къ которому они подошли 12 октября.

Крѣпость эта, окруженная тремя параллельными стѣнами, считалась особенно сильною, а потому штурмъ ея безъ подготовки являлся предпріятіемъ слишкомъ рискованнымъ, въ особенности принявъ во вниманіе, что гарнизонъ въ ней доходилъ до 11,000 чел. Послѣ рекогносцировки и постройки батареи, съ 16 октября была начата бомбардировка Джизака, всѣ пріемы обороны котораго указывали на присутствіе въ ней большого числа бухарскихъ регулярныхъ войскъ, дѣлавшихъ неоднократно вылазки.

Произведя обвалы стѣнъ и бреши, наши войска стали готовиться къ штурму. Но такъ какъ замѣчено было, что къ разсвѣту, когда обыкновенно русскіе начинали штурмъ, у бухарцевъ усиливался огонь, то рѣшено было измѣнить время и штурмовать въ полдень.

18-го октября двѣ колонны капитана Михайловскаго и подполковника Григорьева, благодаря внезапности, быстро заняли стѣны, поднявшись на нихъ по лѣстницамъ.

Бухарцы, повидимому, совершенно неожидавшіе штурма днемъ, были застигнуты врасплохъ и столпились массами между внутренними двумя стѣнами; несмотря на отчаянное сопротивленіе и сильный, но безпорядочный огонь, крѣпость уже черезъ часъ была въ нашихъ рукахъ.

Бухарцы потеряли при штурмѣ Джизака до 6,000 убитыми и ранеными, въ то время, какъ наши потери выразились въ 98 человѣкъ.

Трофеями были 43 орудія, 15 знаменъ и множество оружія.

Большая часть бухарцевъ Джизакскаго гарнизона сдалась въ плѣнъ, но часть ихъ успѣла, выбравшись изъ крѣпости, бѣжать по направленію къ Самарканду.

Но и это страшное пораженіе не образумило эмира, и на русскія войска, стоявшія у Джизака, снова начались нападенія, а самъ эмиръ вновь сталъ собирать войска, высылая небольшія партіи къ Джизаку и побуждая населеніе къ войнѣ съ невѣрными.

Нападенія на новую русскую линію вскорѣ настолько участились, что не видя возможности склонить эмира къ прекращенію военныхъ дѣйствій, вновь назначенный въ это время Туркестанскій генералъ-губернаторъ генералъ фонъ-Кауфманъ рѣшилъ покончить съ Бухарою, вызывающее поведеніе которой требовало, для укрѣпленія русскаго положенія въ Средней Азіи, нанесенія полнаго пораженія бухарскимъ войскамъ. Въ виду этого русскій отрядъ въ составѣ 19½ ротъ, 5 сот. и 10 оруд., выйдя изъ Джизака, направился къ Самарканду, считавшемуся не только столицей Бухарскаго ханства, но священнымъ городомъ въ глазахъ всѣхъ мусульманъ. Эмиръ между тѣмъ, собравъ огромную армію, около 60,000 человѣкъ, выслалъ ее къ Самарканду, гдѣ бухарцы заняли находившіяся впереди города Чапанъ-Атинскія высоты.

Мусульманское духовенство въ это время призвало всѣхъ правовѣрныхъ къ защитѣ священнаго города.

1-го мая 1868 года русскія войска подъ командою генерала Головачева стали переходить рѣку Заравшанъ.—По грудь въ водѣ, борясь съ сильнымъ теченіемъ, подъ сильнымъ огнемъ бухарцевъ переправлялись роты на противоположный берегъ, гдѣ, выстраиваясь, двинулись въ атаку на высоты Чапанъ-Ата и штыками выбили бухарцевъ изъ занятыхъ ими позицій.

Не выдержавъ этого быстраго и рѣшительнаго натиска, бухарскія войска стали отступать; большая часть ихъ бросилась бѣжать по направленію Самарканда, ища спасенія за высокими стѣнами этой сильной крѣпости, но здѣсь ихъ постигло жестокое разочарованіе.

Жители Самарканда, занимавшіеся торговлей и земледѣліемъ, уже давно тяготились войною, разорявшей ихъ непосильными податями; поэтому, зная о полномъ успокоеніи, наступившемъ въ Ташкентѣ съ присоединеніемъ этого города къ русскимъ владѣніямъ, и о выгодахъ, пріобрѣтенныхъ мирнымъ населеніемъ, они рѣшили прекратить безполезное кровопролитіе; закрывъ ворота Самарканда и не впустивъ эмирскія войска, они послали въ то же время депутацію къ генералу Кауфману съ заявленіемъ о своемъ желаніи сдаться на милость побѣдителей.

На другой день русскія войска вошли въ Самаркандъ, жители котораго открыли ворота и поднесли ключи крѣпости генералу Кауфману.

Но несмотря на то, что главный городъ ханства былъ во власти русскихъ, все же нельзя было признать пораженіе бухарцевъ полнымъ, такъ какъ эмиръ снова собиралъ свои войска въ Ката-Курганѣ, куда присоединились къ нему и части, потерпѣвшія неудачу подъ Самаркандомъ.

18 мая русскія войска направились къ Ката-Кургану; взяли его штурмомъ и, атаковавъ затѣмъ 2 іюня массы бухарцевъ, занявшихъ высоты около Зерабулака, они опрокинули ихъ быстрымъ и рѣшительнымъ натискомъ.

Этотъ кровопролитный бой закончился полнымъ пораженіемъ бухарцевъ, обратившихся въ безпорядочное бѣгство; только теперь Бухарскій эмиръ, признавъ свое дѣло окончательно проиграннымъ, вскорѣ подписалъ мирныя условія.

Между тѣмъ, въ тылу русскихъ войскъ произошли крупныя событія. Воспользовавшись наступленіемъ русскихъ къ Зерабулаку, Шахризябскіе беки собрали до 15,000 ч. войскъ и осадили Самаркандъ, въ которомъ находился небольшой гарнизонъ (до 250 человѣкъ) и больные со слабосильными (до 400 ч.) подъ общею командою коменданта маіора фонъ-Штемпеля.

Цѣлую недѣлю продолжалась эта осада.

Незначительное число орудій и необходимость беречь патроны создавали во время отраженія штурмовъ особенно трудное положеніе: слабый огонь нашъ не въ силахъ былъ останавливать непріятеля, подвигавшагося къ крѣпостнымъ стѣнамъ, а затѣмъ даже взбиравшагося на самыя стѣны, откуда его приходилось выбивать штыками. Приступъ слѣдовалъ за приступомъ, и шахризябцы лѣзли на стѣны, какъ бѣшеные.

Лишь ручныя гранаты, бросаемыя защитниками, на время останавливали эти натиски. Нѣсколько разъ непріятель пытался зажечь деревянныя

ворота, а также пробовалъ, сдѣлавъ подкопъ подъ низъ стѣнъ, опрокинуть ихъ, открывъ такимъ образомъ проходъ. Видя критическое положеніе, комендантъ через вѣрнаго джигита, переодѣвшагося нищимъ, послалъ донесеніе генералу Кауфману.

Ожиданіе выручки снова подняло духъ гарнизона, въ ряды защитниковъ котораго стали всѣ больные и раненые; но уже 4 іюля непріятель, сдѣлавъ проломъ въ стѣнѣ, ворвался въ крѣпость, хотя былъ выбитъ.

Въ первые же два дня гарнизонъ потерялъ до 150 человѣкъ, но несмотря на это маіоръ Штемпель твердо рѣшилъ не сдаваться, а въ случаѣ захвата крѣпостныхъ стѣнъ—запереться въ зданіяхъ ханскаго дворца.

Для поддержанія же духа гарнизона, онъ постоянно производилъ вылазки, поджигая ближайшіе дома, которыми прикрывались шахризябцы.

Уже на пятый день положеніе осажденныхъ сдѣлалось отчаяннымъ: мясо было израсходовано, люди не спали пятыя сутки, а въ водѣ ощущался крайній недостатокъ. Сдѣлавъ вылазку подъ командою полковника Назарова, при помощи вѣрныхъ самаркандцевъ, удалось получить небольшое количество барановъ и воды.

Наконецъ 7 іюля, когда, казалось, минуты защитниковъ были уже сочтены, пришло извѣстіе о приближеніи отряда Кауфмана къ Самарканду, а на другой день утромъ шахризябцы быстро отступили отъ крѣпости. 8 іюля окончилась славная защита Самарканда горстью русскихъ людей, отбившихъ до 40 приступовъ и потерявшихъ въ бояхъ четвертую часть своего состава.

Въ числѣ особенно отличившихся были извѣстные впослѣдствіи художники Верещагинъ и Каразинъ, въ то время служившіе офицерами въ Туркестанскихъ батальонахъ.

28 іюля съ Бухарскимъ эмиромъ былъ заключенъ мирный договоръ, по которому всѣ земли до Зерабулака отошли къ Россіи, но и послѣ этого военныя дѣйствія еще не окончились; возстаніе наслѣдника Бухарскаго престола Катта-Тюры и необходимость наказать шахризябцевъ за нападеніе на Самаркандъ понудило отправить отрядъ генерала Абрамова для подавленія разгоравшагося возстанія.

Разбивъ вначалѣ скопища Катта-Тюры подъ городомъ Карши, а затѣмъ въ слѣдующемъ году выдержавъ жестокій бой съ шахризябцами у Кули-Калянскихъ озеръ, Абрамовъ двинулся къ г. Шахризябсу, взялъ города Шахризябсъ и Китабъ штурмомъ и низложилъ мятежныхъ бековъ, бѣжавшихъ въ Кокандъ.

Этими послѣдними военными дѣйствіями русскихъ войскъ было закончено завоеваніе Бухарскаго ханства. Со смертью эмира Музафера-Хана Бухара окончательно успокоилась, и въ 1879 году былъ заключенъ новый договоръ о дружбѣ, по которому Бухарское ханство было включено въ русскія границы, утративъ свою независимость и признавъ протекторатъ Россіи.

5. Покореніе Хивинскаго ханства.

Послѣ занятія русскими войсками лѣваго берега Сыръ-Дарьи, на которомъ былъ устроенъ цѣлый рядъ нашихъ укрѣпленій, Хивинскій ханъ, все

ХИВИНСКІЙ ПОХОДЪ 1873 года.
Переправа Туркестанскаго отряда черезъ р. Аму-Дарья.
Съ картины Н. Н Каразина, находящейся въ Зимнемъ Дворцѣ.

еще вѣря въ силу своихъ войскъ и народа и подстрекаемый духовенствомъ, вновь открылъ военныя дѣйствія противъ русскихъ.

Партіи хивинцевъ-туркменъ и киргизовъ, поощряемыя имъ, стали переходить черезъ Сыръ-Дарью, нападая на кочевки киргизовъ, числившихся русскими подданными; грабя и отбивая у нихъ скотъ, онѣ создали невозможное для мирной жизни положеніе.

Постоянно сѣя смуту и подстрекая русскихъ подданныхъ киргизовъ къ возстанію противъ Россіи, хивинцы наконецъ достигли своей цѣли: среди киргизовъ Оренбургскаго края возникли крупныя волненія и безпорядки, стали грабить всѣ караваны, слѣдовавшіе изъ Оренбурга въ Персію и другія азіатскія государства.

Къ концу 1873 г. грабежи каравановъ хивинскими туркменами навели такой ужасъ на купцовъ, что караванное движеніе почти совершенно прекратилось и набѣги на русскую линію и уводъ плѣнныхъ достигли огромныхъ размѣровъ.

Для того, чтобы положить предѣлъ этому, Туркестанскій генералъ-губернаторъ обратился сначала къ Хивинскому хану съ письменнымъ требованіемъ: возвратить всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, запретить своимъ подданнымъ вмѣшиваться въ дѣла нашихъ киргизовъ и заключить торговый договоръ съ Россіей.

Мирныя предложенія не увѣнчались успѣхомъ, ханъ даже не отвѣтилъ на письмо генерала Кауфмана, а набѣги хивинцевъ настолько участились, что имъ стали подвергаться даже русскія почтовыя станціи.

Вслѣдствіе такого положенія, весною 1873 года русскія войска выступили въ походъ противъ Хивы одновременно изъ четырехъ пунктовъ, въ составѣ особо сформированныхъ отрядовъ:

1) Туркестанскаго (генералъ Кауфманъ)—22 роты, 18 сот. и 18 оруд.—изъ Ташкента,

2) Оренбургскаго (генералъ Веревкинъ)—15 ротъ, 8 сот. и 8 оруд.—изъ Оренбурга,

3) Мангишлакскаго (полковникъ Ломакинъ)—12 ротъ, 8 сот. и 8 оруд.,

4) Красноводскаго (полковникъ Маркозовъ)—8 ротъ, 6 сот., 10 оруд.—изъ Красноводска

5) и кромѣ того къ дѣйствующимъ противъ Хивы войскамъ была придана Аральская флотилія, состоявшая изъ пароходовъ „Самаркандъ“, „Перовскій“ и 3 баржей.

Общее руководство было возложено на генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, выступившаго въ походъ съ Туркестанскимъ отрядомъ.

Тяжелый походъ предстоялъ войскамъ по необозримымъ песчанымъ пустынямъ, среди которыхъ встрѣчались рѣдкіе колодцы съ горько-соленою водою. Сыпучіе барханы, вѣтры пустыни и палящія жары были союзниками хивинцевъ, владѣнія которыхъ отдѣлены тысячеверстнымъ пространствомъ безлюдныхъ мертвыхъ пустынь, разстилавшихся до самой Хивы; невдалекѣ отъ нея всѣ отряды должны были соединиться вмѣстѣ и одновременно подступить къ Хивинской столицѣ.

Бодро двинулись туркестанскія и кавказскія войска, насчитывавшія въ своихъ рядахъ многихъ участниковъ прежнихъ экспедицій и степныхъ походовъ, сроднившихся съ горячимъ средне-азіатскимъ солнцемъ и пустынями.

Красноводскому отряду съ самаго начала пришлось углубиться въ пески, встрѣчая на каждомъ шагу страшныя непреодолимыя препятствія.

Разбивъ туркменъ у колодца Игды 16 марта и преслѣдуя ихъ при палящей жарѣ свыше 50 верстъ, казаки въ этомъ бою, взявъ около 300 плѣнныхъ, отбили у непріятеля до 1000 верблюдовъ и 5000 барановъ.

Но этотъ первый успѣхъ больше не повторился и дальнѣйшее движеніе къ колодцамъ Орта-Кую было неудачно. Глубокіе пески, недостатокъ воды и знойный вѣтеръ явились врагами, съ которыми не подъ силу было справиться людямъ, а 75-верстная песчаная пустыня до Орта-Кую оказалась преградою, которую не удалось перешагнуть; отрядъ вынужденъ былъ, чтобы не погибнуть совершенно, возвратиться въ Красноводскъ; все же своимъ движеніемъ онъ принесъ большую пользу общему дѣлу, удержавъ текинцевъ отъ участія въ защитѣ хивинскихъ владѣній.

Туркестанскій отрядъ вышелъ въ походъ двумя колоннами—изъ Джизака и Казалинска—13 марта, и съ первыхъ же переходовъ начались для него тяжелые дни.

Весна была особенно холодная. Сильные дожди съ вѣтрами и снѣгомъ при вязкой размокнувшей почвѣ дѣлали передвиженіе необычайно труднымъ.

Увязая по колѣно въ вязкой глинѣ, промокшіе насквозь, коченѣя отъ леденого вѣтра, едва брели люди до ночлеговъ, надѣясь согрѣться у огней костровъ. Но налеталъ вихрь со снѣжной мятелью и разомъ тушилъ костры, а однажды весь отрядъ едва не погибъ отъ мороза, сковавшаго своимъ ледянымъ дыханіемъ всю одежду.

На смѣну весеннимъ непогодамъ съ апрѣля мѣсяца начались жары и, какъ будто защищая хивинцевъ, понеслись навстрѣчу отряду горячіе вѣтры пустынь, осыпавшіе мелкимъ пескомъ и затруднявшіе дыханіе.

21 апрѣля Казалинская и Джизакская колонны соединились у колодцевъ Хала-Ата, гдѣ первый разъ передъ отрядомъ показались хивинцы.

Вѣтеръ дулъ ежедневно со страшною силою, взметая облака песчаной пыли, застилавшей весь горизонтъ. У людей кожа лопалась на лицѣ и, несмотря на назатыльники, появились ожоги на шеѣ, а позднѣе — глазныя болѣзни. На ночлегахъ вѣтеръ срывалъ палатки и засыпалъ пескомъ.

Въ особенности былъ ужасенъ переходъ къ колодцамъ Адамъ-Крылганъ по огромнымъ песчанымъ бараханамъ, при палящей жарѣ, доходившей свыше 50° и полномъ отсутствіи растительности, благодаря чему эта мѣстность и носила у туземцевъ названіе Адамъ-Крылганъ, что въ переводѣ значитъ погибель человѣка.

Лошади и верблюды отъ страшной жары и утомленія стали падать и среди людей начались солнечные удары. Съ большимъ трудомъ достигъ отрядъ до этихъ колодцевъ, гдѣ, отдохнувъ и запасшись водою, пошелъ дальше, углубляясь въ безводную въ полномъ смыслѣ пустыню. Край ея примыкалъ къ берегамъ многоводной Аму-Дарьи, протекавшей не дальше

АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Мѣсто стоянки судовъ съ 2го Мая
КУНГРАДЪ
12го Мая
13го Мая
Чимбай
Кара-байлы
14го Мая
Ходжейли
15,16 и 17го Мая
Нукусъ (Укрѣп.)
Куня-Ургенчъ
Кипчакъ
Мангытъ
20 Мая
21го Мая
Ильялы
Ташаузъ
Гурженъ
Кятъ
24 Мая
Кош-купыръ
25го Мая
26го и 27го Мая
Ургенчъ
ХИВА
28 Мая
Ханки
Хазаръ Аспъ
Петро-Александровскъ
Шейх-Абаз-вали
Кельте-минаръ
Базаръ кала
Ший базаръ
Оз. при Хякъ-тау
Оз. Ходжа-куль
Майли-куль
Чаршалы-куль
Мамудъ-бай-кала
Оз. Кара-уй
Оз. Чанды-куль
Оз. Камышлы
Оз. Каратеренъ
Кунградъ-куль
Урoч. Бозъ-ганакъ
Кол. Бай-Шуакъ
Предполагаемое сух. русло
Коп. Біонъ-Ксакъ
Коп. Удаеай
Коп. Джангилды-какъ
Кол. Кара-батырь
Кол. Тойджи-казганъ
Кол. Кукча (сол.)
Кол. Ваисъ-бай
Кол. Бисекты
Коп. Кара-калпакъ-казганъ
Кол. Бузау-бай
Кол. Атантай-казганъ
Кол. Бугутты
Сары-булакъ
Коп. Сокъ-куль
Урoч. Ак-камыш
Базарганъ-тугай
Раз. Кр. Мечеклы
Урoч. Ичке-яръ
Кол. Аятъ-кудукъ
Урoч. Уч-учакъ
Кол. Адамъ-Крылганъ
Коп. Акъ-тамъ
Кол. Ханъ-ата
Коп. Джангизъ-ата
(Укр. Св. Георгія)
Дикъ-Суатъ
Урoч. Гокекранъ
Урoч. Кумалаклы
Даншеръ
Садыоаръ
Питнякъ
Кол. Сагаджа (прѣс.)
Кол. Ханъ-куи
Дор. укр. Ханъ-оюкъ
50 40 30 20 10 0 50 в.

60 верстъ. Но и это незначительное сравнительно разстояніе оказалось не подъ силу измученнымъ людямъ.

Жара стояла нестерпимая, а сыпучіе бараханы поднимались все выше и выше. Скоро запасы воды были израсходованы и страшная жажда начала мучить людей.

Казалось уже, что гибель отряда неизбѣжна и смерть носилась надъ храбрецами, готовая похоронить русскихъ людей въ сыпучихъ пескахъ хивинской пустыни. Но къ счастью туземные джигиты, бывшіе при отрядѣ, нашли въ сторонѣ отъ дороги засыпанные колодцы.

Шагъ за шагомъ, растянувшись на огромное разстояніе, шелъ отрядъ шесть верстъ до колодцевъ, теряя массу людей, лошадей и верблюдовъ, погибавшихъ отъ солнечныхъ ударобъ и жажды.

Достигнувъ найденныхъ колодцевъ Алты-Кудукъ (шесть колодцевъ), всѣ разомъ бросились къ водѣ, производя страшный безпорядокъ.

Воды въ колодцахъ оказалось мало, и войска вынуждены были прождать около нихъ шесть дней, чтобы оправиться.

Сдѣлать же запасъ воды на дальнѣйшую дорогу пришлось снова въ колодцахъ Адамъ-Крылганъ, куда высылалась цѣлая колонна съ бурдюками.

Лишь 9 мая, уничтоживъ лишнія тяжести, отрядъ направился къ Аму-Дарьѣ; переходъ этотъ снова былъ страшно тяжелымъ, а на ночлегахъ внезапно нападали туркмены, очевидно рѣшившіеся во чтобы то ни стало не допустить русскихъ до Аму-Дарьи и къ хивинскимъ городамъ.

11 мая уже днемъ показались на горизонтѣ огромныя массы конныхъ туркменъ, охватывавшія отрядъ со всѣхъ сторонъ, бросаясь на него то цѣлыми толпами, то въ одиночку, посылая при этомъ несчетное число пуль.

Выстрѣлы туркменскихъ ружей раздавались безпрерывно. Не доходя озера Сардоба-Куль, почти около Аму-Дарьи, массы туркменъ, въ числѣ до 4,000 всадниковъ, пытались вновь преградить дорогу, бросившись въ атаку, но, отбитые картечью, принуждены были съ большимъ урономъ отступить. Переправившись на лодкахъ черезъ Аму-Дарью, отрядъ тотчасъ же занялъ съ бою Ходжа-Аспа.

Непоколебимое мужество и сила воли генерала Кауфмана помогли русскимъ преодолѣть съ успѣхомъ всѣ страшныя препятствія и пройти черезъ мертвыя хивинскія пустыни, перенеся съ особою твердостью всѣ страшныя невзгоды и лишенія.

Оренбургскій отрядъ подъ командою генерала Веревкина въ половинѣ февраля, ранней весною, выступилъ въ походъ, когда въ степяхъ еще стояли морозы до 25° и лежали глубокіе снѣга, вызывавшіе необходимость расчищать дорогу и много перетерпѣть отъ морозовъ и мятелей.

За рѣкою Эмбою погода измѣнилась, и благодаря начавшемуся таянію снѣговъ вся почва превратилась въ вязкое болото, затруднявшее движеніе и вызывавшее большія потери въ лошадяхъ и верблюдахъ.

Лишь отъ Угры начались сравнительно легкіе переходы и достаточное количество воды.

Занявъ городъ Кунградъ, около котораго отрядъ встрѣтилъ незначительное сопротивленіе хивинцевъ, войска направились далѣе, уже все время отбивая неожиданныя нападенія.

За Кунградомъ обозъ былъ атакованъ партіей въ 500 чел. туркменъ.

Конвойровавшая обозъ сотня оренбургскихъ казаковъ есаула Пискунова лихо понеслась во главѣ со своимъ командиромъ въ атаку, а затѣмъ, спѣшившись передъ непріятелемъ, произвела нѣсколько залповъ, разсѣявъ партію. Въ Карабойли Оренбургскій отрядъ 14 мая соединился съ Мангишлакскимъ, который подъ начальствомъ полковника Ломакина выступилъ въ походъ на Хиву позже всѣхъ другихъ.

Съ 14 апрѣля ему пришлось перенести также всѣ ужасы безводныхъ песчаныхъ пустынь, совершая переходы при страшныхъ палящихъ жарахъ и пройдя въ теченіе мѣсяца до 700 верстъ.

Но эти тяжелыя условія не отразились на людяхъ, сохранившихъ бодрость, и лишь огромная убыль въ верблюдахъ, костями которыхъ была усѣяна вся пройденная дорога, указывала перенесенныя войсками лишенія.

15 мая оба отряда выступили подъ общей командой генерала Веревкина изъ Карабойли въ Ходжейтли.

Войска хивинцевъ пытались преградить наступленіе русскихъ въ началѣ передъ Ходжейтли, а затѣмъ 20 мая передъ городомъ Мангытомъ. Огромныя массы туркменъ у Мангыта двинулись противъ русскаго отряда, стойко выдержавшаго натискъ многочисленнаго врага, встрѣтивъ его артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Стремительныя атаки нашей конницы заставили туркменъ отступить, оставивъ городъ, въ который вошли русскія войска, встрѣченныя совершенно неожиданно выстрѣлами изъ домовъ.

Въ наказаніе Мангытъ былъ сожженъ до тла.

Общая потеря хивинцевъ въ бояхъ послѣднихъ двухъ дней достигала до 3,000 чел. убитыми, но, несмотря на это, ханскія войска, въ числѣ до 10,000 чел., вновь собрались и 22 мая при выходѣ отряда изъ Кята снова напали на русскихъ съ большимъ ожесточеніемъ, бросаясь въ атаку.

Сильный огонь головныхъ частей отряда разсѣялъ эти скопища, и хивинцы, устилая своими трупами всю мѣстность, быстро отступили, а затѣмъ выслали пословъ отъ имени хана съ мирными предложеніями. Генералъ Веревкинъ, недовѣрявшій Хивинскому хану и не получившій инструкцій о мирныхъ переговорахъ, пословъ не принялъ.

26 мая отрядъ подошелъ къ столицѣ Хивинскаго ханства—Хивѣ, подъ стѣнами которой до 28 мая сталъ выжидать извѣстій отъ туркменскаго отряда.

Но туркмены перехватили русскія бумаги, посылавшіяся съ джигитами, въ силу чего, не получая никакихъ приказаній, генералъ Веревкинъ утромъ 28 мая двинулся къ городу, за стѣнами котораго хивинцы приготовились къ отчаянной защитѣ, открывъ сильный огонь изъ ружей и пушекъ.

Нѣсколько хивинскихъ орудій было вывезено изъ-за стѣнъ, и хивинцы, стрѣляя изъ нихъ, мѣшали отряду подойти къ воротамъ.

Тогда роты Ширванскаго и Апшеронскаго полковъ бросились въ атаку и отбили два орудія, а часть Ширванцевъ подъ командою капитана Алиханова, кромѣ того, взяла еще одно орудіе, стоявшее въ сторонѣ и обстрѣливавшее нашъ флангъ.

Въ это время былъ раненъ генералъ Веревкинъ.

Огонь русскихъ орудій и рвавшіяся за стѣнами гранаты наконецъ заставили хивинцевъ очистить стѣны. Немного спустя прибыла изъ Хивы депутація съ предложеніемъ сдать городъ, сообщившая, что самъ ханъ, испугавшись русскихъ, бѣжалъ, а жители желаютъ окончанія кровопролитія и лишь одни туркмены - юмуды хотятъ еще продолжать защиту столицы.

Депутація была отправлена къ генералу Кауфману, который 28 мая вечеромъ съ туркестанскимъ отрядомъ приблизился къ Хивѣ.

На другой день 29 мая полковникъ Скобелевъ, взявъ приступомъ ворота и стѣны, очистилъ Хиву отъ непокорныхъ туркменъ.

Произведя затѣмъ смотръ всѣмъ отрядамъ и поблагодаривъ людей за службу, главнокомандующій во главѣ русскихъ войскъ вступилъ въ древнюю хивинскую столицу.

Явившійся по требованію русскихъ ханъ былъ снова возведенъ въ прежнее достоинство, при чемъ немедленно же были освобождены всѣ рабы, томившіеся въ неволѣ въ числѣ болѣе 10,000 чел., черезъ объявленіе отъ имени хана слѣдующаго приказа:

«Я Сеидъ-Мухаметъ-Рахимъ-Богодуръ-Ханъ во имя глубокаго уваженія къ Русскому Императору повелѣваю всѣмъ моимъ подданнымъ предоставить немедленно всѣмъ рабамъ свободу. Отнынѣ рабство въ моемъ ханствѣ уничтожается на вѣчныя времена. Пусть это человѣколюбивое дѣло послужитъ залогомъ вѣчной дружбы и уваженія всего моего народа къ великому народу русскому».

Одновременно съ тѣмъ всѣ хивинскія земли на правой сторонѣ Аму-Дарьи отошли къ Россіи, образовавъ Аму-Дарьинскій отдѣлъ, а на Хивинскаго хана наложена была контрибуція въ 2.200.000 рублей военныхъ издержекъ Россіи и русскимъ подданнымъ въ Хивинскомъ ханствѣ предоставлено было право безпошлинной торговли. Но съ занятіемъ Хивы, военныя дѣйствія на хивинской землѣ не окончились; туркмены, владѣвшіе преимущественно рабами, трудами которыхъ они пользовались для полевыхъ работъ, не захотѣли подчиниться приказу хана объ освобожденіи рабовъ и, собравшись огромными массами, намѣревались откочевать, отказавшись также отъ уплаты наложенной на нихъ контрибуціи.

Находя необходимымъ заставить туркменъ признать силу Россіи и подвергнуть ихъ наказанію за неисполненіе требованій, генералъ Кауфманъ выслалъ противъ непокорныхъ туркменъ два отряда, которые, настигнувъ ихъ скопища 14 іюня у аула Чандырь, вступили съ ними въ бой. Туркмены защищались отчаянно: сидя по двое на коняхъ съ шашками и топорами въ рукахъ, они подскакивали къ русскимъ частямъ и, спрыгнувъ съ лошадей, закрывъ глаза папахами, кидались въ бой.

Но стремительныя атаки конницы, а затѣмъ ракеты и ружейный огонь быстро охладили пылъ дикихъ наѣздниковъ; обратившись скоро въ безпорядочное бѣгство, они оставили до 800 тѣлъ убитыхъ и огромный арбяной обозъ съ женщинами, дѣтьми и всѣмъ своимъ имуществомъ. На другой день 15 іюля туркмены сдѣлали новую попытку атаковать русскихъ у Кокчука, но и здѣсь ихъ постигла неудача, и они стали спѣшно отступать. Во время переправы черезъ глубокій протокъ ихъ настигъ русскій отрядъ, открывшій по нимъ огонь.

Въ этомъ дѣлѣ погибло болѣе 2,000 ч. туркменъ и кромѣ того въ наказаніе русскимъ отрядомъ было сожжено 14 селеній.

Получивъ такой страшный урокъ, туркмены запросили пощады.

Выславъ депутацію, они просили разрѣшенія вернуться на свои земли и начать уплату контрибуціи, что и было имъ разрѣшено.

Замѣчательно, что русскія войска, нанеся такое страшное пораженіе туркменамъ у Мангыта, Чандыря и Кокчука, совершенно не знали, къ какимъ именно родамъ они принадлежали; но сама судьба въ этомъ случаѣ очевидно направляла оружіе: потомки туркменъ предательски истребившихъ отрядъ князя Бековича Черкасскаго въ Порсу, какъ оказалось впослѣдствіи, были истреблены почти поголовно русскими войсками, вселивъ въ туркменовъ непоколебимую увѣренность, что русскіе знали, кто были ихъ враги, и за предательское нападеніе предковъ отомстили 150 лѣтъ спустя потомкамъ.

Хивинское же ханство, хотя и было оставлено самостоятельнымъ подъ управленіемъ своихъ хановъ, но, выполняя завѣтъ Петра, Россія приставила къ нему особаго часового, въ видѣ выстроеннаго на правомъ берегу Аму-Дарьи укрѣпленія Петро-Александровскаго съ сильнымъ гарнизономъ для наблюденія за страною.

Блестящіе же результаты хивинскаго похода заключались, помимо уничтоженія рабства и возвращенія русскихъ плѣнныхъ, въ окончательномъ усмиреніи хивинскихъ туркменъ и въ полномъ подчиненіи ханства Россіи; Хивинское ханство постепенно превратилось въ огромный рынокъ для сбыта русскихъ товаровъ.

6. Завоеваніе Кокандскаго ханства.

Рядомъ съ новыми русскими областями Туркестанскаго края, примыкая къ нимъ непосредственно, находились земли Кокандскаго ханства, въ теченіе продолжительныхъ войнъ съ Россіей въ 60-хъ годахъ потерявшаго всѣ свои сѣверные города и области—присоединенными къ русскимъ владѣніямъ.

Окруженное съ востока и юго-запада высокими снѣговыми хребтами горъ, высоко подымавшимися надъ окрестными низменностями, кокандскія владѣнія занимали мѣстность, носящую названіе Ферганы, или желтой земли, являвшейся однимъ изъ самыхъ богатыхъ мѣстъ Средней Азіи; подтвержденіемъ этого служитъ преданіе, что въ Ферганѣ находился даже рай, устроенный Богомъ для первыхъ людей.

Многочисленное населеніе ханства состояло съ одной стороны изъ осѣдлыхъ жителей городовъ и селеній, занимающихся торговлей и земледѣліемъ, а съ другой—изъ кочевниковъ, разселившихся по горнымъ долинамъ и склонамъ горъ, гдѣ они кочевали со своими безчисленными табунами и стадами овецъ.

Всѣ кочевники принадлежали къ племенамъ кара-киргизовъ и кипчаковъ, признававшихъ ханскую власть лишь номинально; сплошь и рядомъ, недовольные управленіемъ ханскихъ чиновниковъ, они производили возмущенія, являясь опасными даже для самихъ хановъ, которыхъ иногда низлагали, выбирая другихъ по своему усмотрѣнію.

Не признававшіе никакихъ границъ и считавшіе грабежи особымъ подвигомъ, кара-киргизы были крайне нежелательными сосѣдями для русскихъ, съ которыми у нихъ были старые счеты, вслѣдствіе ихъ участія въ защитѣ

всѣхъ сѣверныхъ областей и городовъ, принадлежавшихъ ханству до присоединенія къ русскимъ владѣніямъ.

Самъ же Кокандскій ханъ, утративъ значительную часть своей территоріи, прекратилъ послѣ взятія Ходжента военныя дѣйствія противъ русскихъ, а потому на русской линіи временно наступила тишина; зато внутри ханства начались страшныя неурядицы, въ особенности когда среди кипчаковъ и кара-киргизовъ появилось движеніе противъ Худояръ-Хана.

Въ 1873 году самозванецъ Пулатъ-Ханъ, объявивъ себя ханомъ Кокандскимъ, привлекъ на свою сторону всѣхъ недовольныхъ. Испугавшійся этого движенія и видя, что своими силами нельзя справиться съ разгорѣвшимся возстаніемъ, Худояръ-Ханъ обратился первоначально за помощью къ русскимъ, а затѣмъ, послѣ отказа въ ней, собралъ свои войска, оттѣснившія Пулатъ-Хана въ горы.

Позднѣе къ Пулатъ-Хану примкнули ближайшіе сановники Худояра; мятежъ разгорѣлся съ новою силою, а безпорядки въ ханствѣ, создавъ общую внутреннюю неурядицу, стали также отражаться и на кочевыхъ киргизахъ въ пограничныхъ уѣздахъ новой Сыръ-Дарьинской области. Постепенно возстаніе охватили все ханство и даже наслѣдникъ престола присоединился къ мятежникамъ, вслѣдствіе чего Худояръ-Ханъ принужденъ былъ бѣжать въ Ташкентъ.

Въ цѣляхъ воспрепятствованія движенію кокандцевъ въ русскіе предѣлы, были придвинуты къ границамъ ханства русскія войска.

Не довольствуясь грабежами внутри ханства, киргизы по заранѣе обдуманному плану произвели рядъ нападеній на русскія почтовыя станціи, между городами Ходжентомъ и Ура-Тюбе, сжигая и разрушая ихъ и повидимому желая прервать сообщеніе между этими городами.

Одна изъ киргизскихъ шаекъ внезапно подошла къ станціи Мурза-Рабатъ [1]), на которой находился старостою запасный стрѣлокъ 3 стрѣлковаго батальона Степанъ Яковлевъ. Всѣ ямщики киргизы, узнавъ о приближеніи кокандцевъ, тотчасъ же ускакали, а Яковлевъ остался одинъ на станціи, рѣшивъ защищать ввѣренное ему казенное имущество.

Почтовая станція имѣла видъ небольшого укрѣпленія съ двумя башнями по угламъ. Заперевъ и заваливъ ворота и загородивъ окна, Яковлевъ сталъ поджидать враговъ, зарядивъ два ружья и винтовку и расположившись на башнѣ, откуда были видны окрестности. Двое сутокъ отстрѣливался храбрый стрѣлокъ, поражая мѣткими выстрѣлами осадившихъ станцію киргизовъ и устилая ихъ тѣлами все свободное пространство около стѣнъ.

Наконецъ, увидя полную невозможность взять станцію открытою силою, киргизы закидали со всѣхъ сторонъ ея стѣны сухимъ клеверомъ и подожгли его. Сознавая, что окутавшій дымъ можетъ его задушить, Яковлевъ рѣшилъ тогда пробиться къ стоявшей невдалекѣ надъ родникомъ башнѣ.

Бросившись черезъ ворота и работая штыкомъ, онъ уложилъ нѣсколько человѣкъ, но, не добѣжавъ шаговъ 15 до цѣли, палъ самъ подъ ударами, сыпавшимися на него со всѣхъ сторонъ.

---

1) См. карту на стр. 81.

На мѣстѣ, гдѣ погибъ славный стрѣлокъ, впослѣдствіи поставленъ былъ памятникъ съ надписью: «Стрѣлку Степану Яковлеву, доблестно павшему 6 августа 1875 года послѣ двухдневной защиты станціи Мурза-Рабатъ противъ кокандцевъ».

Послѣ нападенія на почтовыя станціи 8 августа до 15.000 кокандцевъ неожиданно подошли къ городу Ходженту, но были отбиты русскими съ большимъ урономъ.

Необходимость отбросить скопища кокандцевъ заставила тогда же генерала Кауфмана двинуть войска въ Кокандскіе предѣлы изъ Ташкента и Самарканда, что и было выполнено 11 августа. Генералъ Головачевъ разбилъ шеститысячное скопище у Зюльфагара, а 12 августа выступили русскія главныя силы подъ начальствомъ самого Кауфмана, направляясь къ Ходженту; впередъ былъ высланъ летучій отрядъ полковника Скобелева изъ 2 сотенъ съ ракетнымъ станкомъ, выдержавшій цѣлый рядъ небольшихъ стычекъ, пока всѣ русскія войска собрались подъ Ходжентомъ въ числѣ 16 ротъ пѣхоты, 8 сот., 20 орудій и 8 ракетныхъ станковъ.

Начальникомъ всей кавалеріи былъ полковникъ Скобелевъ.

22 августа кокандская конница у Карочкума атаковала русскій отрядъ на бивакѣ, но, отбитая съ большимъ урономъ, принуждена была отступить. Когда же войска снялись съ бивака и только что двинулись съ мѣста, появились со всѣхъ сторонъ огромныя скопища кокандцевъ, стремившихся охватить русскія конныя части, которыхъ они боялись несравненно меньше, чѣмъ пѣхоты. Отстрѣливаясь на всѣ стороны, отрядъ подошелъ къ берегу Сыръ-Дарьи, гдѣ находилась сильная кокандская крѣпость Махрамъ, съ примыкавшей къ ней сильно укрѣпленной позиціей, съ которой необходимо были выбить непріятеля.

Для подготовки штурма крѣпости былъ открытъ огонь изъ 12 орудій, на который стали отвѣчать кокандскія пушки изъ амбразуръ. Отлично пристрѣлявшаяся артиллерія скоро заставила замолчать непріятельскую, послѣ чего были двинуты два батальона подъ командою генерала Головачева на штурмъ укрѣпленной позиціи; 3-я рота 1-го стрѣлковаго батальона штабсъ-капитана Федорова, перебравшись черезъ ровъ съ водою, вскочила въ укрѣпленіе и, переколовъ штыками защитниковъ, взяла 13 орудій; а 3 роты 2 стрѣлковаго батальона маіора Ренау взяли 8 орудій.

Направленный для штурма самой Махрамской крѣпости 1-й стрѣлковый батальонъ выдержалъ сильный ружейный огонь съ крѣпостныхъ стѣнъ.

Бросившись къ воротамъ и выломавъ ихъ, роты этого батальона быстро заняли фасы крѣпости и открыли частый огонь по бѣжавшимъ къ берегу рѣки толпамъ кокандцевъ. Черезъ часъ уже вся крѣпость была въ нашихъ рукахъ и надъ нею развѣвался значокъ стрѣлковаго батальона.

Трофеями были орудія, взятыя съ бою: 24—на укрѣпленной позиціи и 16—въ крѣпости, всего 40 орудій.

Одновременно съ движеніемъ пѣхоты на штурмъ позиціи для обезпеченія ея праваго фланга была выдвинута кавалерія, обстрѣлявшая непріятельскую позицію съ фланга, а ракетами—показавшіяся конныя толпы кокандцевъ.

Послѣ этого полк. Скобелевъ направился въ тылъ непріятельскаго расположенія, чтобы отрѣзать путь отступленія пѣхотнымъ частямъ кокандцевъ.

Оставивъ полусотню для прикрытія артиллеріи, Скобелевъ съ дивизіономъ быстро подошелъ къ Махрамскимъ садамъ, перейдя черезъ широкій и глубокій оврагъ.

Въ это время на берегу Сыръ-Дарьи показалась масса отступавшихъ кокандцевъ съ орудіями и значками. Ни на минуту не задумываясь, Скобелевъ во главѣ дивизіона бросился въ атаку на эти огромныя толпы, врубившись первымъ въ середину кокандской пѣхоты вмѣстѣ съ войсковымъ старшиною Рогожниковымъ и старшимъ вахмистромъ Крымовымъ.

Этотъ лихой налетъ произвелъ страшную панику въ рядахъ кокандцевъ, обратившихся въ безпорядочное бѣгство. Взявъ съ бою два орудія, казаки гнали кокандцевъ болѣе десяти верстъ, но, наткнувшись внезапно на новыя скопища, числомъ до 12,000 человѣкъ, Скобелевъ, пустивъ нѣсколько ракетъ по нимъ, долженъ былъ вернуться къ Махраму, такъ какъ силы были неравны, а люди и лошади слишкомъ утомлены.

Трофеями боя подъ Махрамомъ были 40 орудій, 1,500 ружей, до 50 бунчуковъ и знаменъ и много пороху, снарядовъ и запасовъ продовольствія.

Впослѣдствіи оказалось, что подъ Махрамомъ были сосредоточены всѣ силы кокандцевъ, общею численностью до 60,000 человѣкъ.

Самъ Абдурахмана-Автобачи, командовавшій этами войсками подъ Махрамомъ, потерпѣвъ такое ужасное пораженіе, бѣжалъ съ незначительными силами.

Моральное значеніе Махрамскаго боя было чрезвычайно велико, наглядно показавъ кокандцамъ силу русскихъ войскъ.

Махрамская крѣпость была обращена въ опорный и складочный пунктъ для дальнѣйшихъ дѣйствій и въ ней былъ оставленъ русскій гарнизонъ изъ 2-хъ ротъ и 20 казаковъ.

Пораженіе кокандскихъ войскъ открыло дорогу къ Коканду, и 26 августа генералъ Кауфманъ двинулся къ столицѣ ханства, которая и была занята 29 августа; ханъ Насръ-Эддинъ, изъявивъ полную покорность, въ теченіе всего пребыванія генерала Кауфмана являлся къ нему ежедневно съ докладомъ о полномъ спокойствіи, наступившемъ среди городского населенія.

Въ то же время изъ восточной части ханства приходили крайне тревожныя вѣсти, подтвердившія, что впереди еще предстоитъ много труда къ подавленію безпорядковъ въ краѣ; въ городахъ Маргеланѣ, Асаке и Ошѣ вновь собирались мятежники подъ предводительствомъ Абдурахмана-Автобачи. Съ прибытіемъ въ Кокандъ транспорта съ запасами, генералъ Кауфманъ направился къ Маргелану, жители котораго не только выслали депутацію, но и привезли 9 пушекъ.

Въ ту же ночь Абдурахманъ ушелъ изъ-подъ Маргелана, бросивъ весь свой лагерь. Для преслѣдованія его былъ высланъ отрядъ изъ 6 сотенъ, 2 ротъ пѣхоты и 4 орудій подъ общей командою полковника Скобелева.

Сильный духомъ несокрушимой энергіи и безумной смѣлостью, будущій полководецъ быстро пошелъ за мятежниками, преслѣдуя ихъ безостановочно по долинамъ и горнымъ ущельямъ до урочища Мингъ-Булакъ; здѣсь

произошла первая стычка съ войсками Абдурахмана-Автобачи. Не выдержавъ натиска, кокандцы сейчасъ же отступили, а казаки, преслѣдуя ихъ на разстоянiи болѣе 10 верстъ, захватили много ружей и арбъ съ имуществомъ.

Лишь крайнее утомленiе лошадей и людей, сдѣлавшихъ передъ этимъ до 70 верстъ, принудило Скобелева на время прiостановить преслѣдованiе и послѣ отдыха двинуться къ Ошу.

Этотъ рѣшительный налетъ произвелъ огромное впечатлѣнiе на туземцевъ, въ глазахъ которыхъ разомъ упало все обаянiе Автобачи и рѣзко обнаружилось его безсилiе; изъ городовъ Андижана, Балыкчи, Шарыхана и Асаке одна за другой стали прибывать къ генералу Кауфману депутацiи съ изъявленiемъ полной покорности.

Общее миролюбивое настроенiе жителей и переходъ на нашу сторону главныхъ помощниковъ Автобачи служили доказательствомъ, что возстанiе почти окончено; признавъ цѣль похода уже достигнутою, генералъ Кауфманъ заключилъ договоръ съ кокандскимъ ханомъ, по которому вся мѣстность по правому берегу рѣки Нарына съ г. Наманганомъ отошла къ Россiи, образовавъ Наманганскiй отдѣлъ, куда и были отодвинуты русскiя войска.

Но рѣшенiе это оказалось преждевременнымъ, и какъ только ушли русскiя войска, снова начались въ ханствѣ еще бо́льшiя волненiя, въ особенности въ Андижанѣ, гдѣ объявленъ былъ газаватъ, т. е. священная война противъ невѣрныхъ. Въ виду такого положенiя пришлось снова почти сейчасъ же выслать русскiя войска подъ командою генерала Троцкаго къ Андижану; здѣсь сосредоточивалось до 70,000 защитниковъ подъ начальствомъ Абдурахмана-Автобачи, кромѣ киргизовъ Пулатъ-Хана въ числѣ 15,000 ч., расположившихся за городомъ. Поручивъ Скобелеву сдѣлать рекогносцировку, Троцкiй подошелъ къ Андижану 1 октября, и быстрымъ рѣшительнымъ натискомъ его передовой отрядъ, несмотря на страшный ружейный огонь и отчаянную защиту, занялъ первые холмы, а три штурмовыя колонны подъ командою полковниковъ: Скобелева, Аминова и Меллеръ-Закомельскаго были двинуты въ городъ, выбивая защитниковъ штыками изъ-за каждой стѣны города, куда втянулись русскiя войска.

Этимъ обстоятельствомъ сейчасъ же воспользовался Пулатъ-Ханъ, бросившiйся въ атаку со своими киргизами на беззащитный по его мнѣнiю вагенбургъ.

Встрѣченные выстрѣлами изъ 2-хъ орудiй, а потомъ залпами ротъ, оставленныхъ для защиты обоза подъ командою подполковника Травло, киргизы, не выдержавъ, показали тылъ и на время разсѣялись.

Во главѣ первой штурмовой колонны ѣхалъ самъ Скобелевъ, не обращая никакого вниманiя на страшный ружейный огонь изъ крѣпости. Пороховой дымъ клубился на улицахъ, закрывая впереди лежавшую мѣстность, вслѣдствiе чего колонна совершенно неожиданно очутилась передъ заваломъ, изъ-за котораго кокандцы осыпали войска картечью.

Съ крикомъ «ура» бросились стрѣлки на завалъ и, переколовъ штыками его защитниковъ, взяли орудiе, открывъ дорогу въ крѣпость.

Андижанцы дрались со страшнымъ ожесточенiемъ, пользуясь каждымъ закрытiемъ и стрѣляя съ крышъ домовъ изъ-за деревьевъ, съ мечетей, защищая каждый дворъ и садъ.

Это упорное сопротивленіе еще больше возбудило солдатъ.

Колонна полковника Аминова также пробивалась съ большимъ трудомъ, при чемъ ей пришлось все время отбивать еще и натиски непріятельской конницы, нападавшей съ тылу.

Колоннѣ же Меллеръ-Закомельскаго послѣ взятія нѣсколькихъ заваловъ, сложенныхъ изъ арбъ и брусьевъ, долго затѣмъ пришлось выбивать андижанцевъ, занявшихъ отдѣльно стоявшую большую мечеть.

Около 2 часовъ дня всѣ три колонны сошлись къ ханскому дворцу, а затѣмъ, выйдя изъ города, генералъ Троцкій бомбардировалъ его, произведя въ немъ большіе пожары и уничтоживъ значительную часть оставшихся въ различныхъ мѣстахъ защитниковъ.

Ночью всѣ окрестности были освѣщены заревомъ пожара и всю ночь продолжалась бомбардировка, заставивъ послѣдніе остатки андижанцевъ обратиться въ бѣгство, послѣ того, какъ среди собравшихся у Абдурахмана-Автобачи на совѣщаніе лопнула русская граната, перебивъ многихъ участниковъ.

Плѣнные впослѣдствіи разсказывали, что въ Андижанѣ были собраны почти всѣ войска ханства, призванныя къ защитѣ мусульманства противъ невѣрныхъ урусовъ, и что всѣ участники передъ боемъ дали клятву защищать Андижанъ до послѣдней капли крови, вслѣдствіе чего кокандцы дрались съ такимъ воодушевленіемъ и упорствомъ.

Но этотъ погромъ не образумилъ андижанцевъ, и послѣ ухода русскихъ войскъ новый мятежъ, руководимый Пулатъ-Ханомъ противъ Кокандскаго хана, разгорѣлся со страшною силою.

Назначенный начальникомъ Наманганскаго отдѣла генералъ Скобелевъ принужденъ былъ, спустя короткое время, подойти къ городу, разбивъ скопища кокандцевъ подъ Асаке; самъ Пулатъ-Ханъ успѣлъ бѣжать, а затѣмъ снова собрать много сторонниковъ.

Въ это время киргизы, пользуясь смутами, сдѣлали нападеніе на русскій Курошинскій уѣздъ.

Для прекращенія возстанія Скобелевъ, признавъ необходимымъ покончить съ Пулатъ-Ханомъ во что бы то ни стало, 24 октября выступилъ противъ него изъ Намангана къ г. Чусту съ 3 ротами, $1^1/_2$ сотнями и 4 орудіями. Съ уходомъ русскихъ войскъ уже въ самомъ Наманганѣ началось народное возстаніе и жители его при помощи подошедшихъ кипчаковъ осадили наманганскую крѣпость и русскій лагерь при ней со всѣхъ сторонъ.

Три дня русскія войска отражали приступы непріятеля на еще не вполнѣ приведенную въ оборонительное состояніе крѣпость, дѣлая постоянныя вылазки.

Къ счастью 27 октября возвратился генералъ Скобелевъ, узнавшій о начавшемся возстаніи.

Подойдя къ Намангану, онъ сейчасъ же бомбардировалъ мятежный городъ, жители котораго, понеся большой уронъ (до 3,000 человѣкъ убитыми и ранеными), просили пощады.

Но и этотъ урокъ мало подѣйствовалъ на кипчаковъ, и они снова вскорѣ начали собираться, сосредоточившись въ числѣ до 20,000 человѣкъ около города Балыкчи, подъ начальствомъ Вали-Хана-Тюры.

Перейдя въ бродъ рѣку Нарынъ, генералъ Скобелевъ направился навстрѣчу этимъ скопищамъ со 2 ротою 2 стрѣлковаго батальона и полусотней конныхъ стрѣлковъ, двинувшись на штурмъ Балынчинскихъ заваловъ; артиллерія открыла огонь, а кавалерія была послана въ обходъ города, чтобы преградить отступленіе непріятелю.

Быстро взявъ съ бою три завала, штурмовая колонна заняла базаръ, гдѣ наткнулась на конную толпу кипчаковъ, задержанную своимъ же заваломъ.

Подъ огнемъ стрѣлковъ въ этой тѣснотѣ кипчаки падали рядами, запрудивъ всю улицу.

Общая потеря непріятеля доходила до 2,000 человѣкъ убитыми и ранеными. Очистивъ затѣмъ край отъ бродившихъ въ немъ шаекъ, Скобелевъ направился къ Маргелану, въ которомъ собралась снова масса кипчаковъ.

Желая выместить свое пораженіе на нашихъ плѣнныхъ, ихъ вывели въ Маргеланѣ на площадь, потребовавъ принятія мусульманства, но такъ какъ русскіе солдаты остались глухи ко всякимъ соблазнамъ, то и были всѣ звѣрски зарѣзаны; унтеръ-офицера же 2 стрѣлковаго батальона Ѳому Данилова при этомъ подвергли продолжительной, мучительной пыткѣ, отрубая пальцы, вырѣзая ремни изъ спины и поджаривая на угольяхъ. Несмотря на страшную боль, мученикъ остался непреклоненъ и умеръ, оставивъ яркую память о своемъ непоколебимомъ мужествѣ даже среди враговъ, разсказывавшихъ долго спустя о твердости русскаго солдата.

Въ это время Пулатъ-Ханъ, торжественно въѣхавъ въ Кокандъ, началъ собирать тамъ новыя массы приверженцевъ, для продолженія борьбы, все еще надѣясь на успѣхъ.

Разоривъ по дорогѣ всѣ кишлаки, брошенные жителями, Скобелевъ выслалъ сильный отрядъ въ горы, куда вывезены были мятежниками ихъ семьи. Видя тогда свое безвыходное положеніе, часть кипчаковъ выслала депутацію съ просьбой о пощадѣ.

Наложивъ контрибуцію и потребовавъ выдачи вожаковъ газавата, Скобелевъ 4 января вновь подошелъ къ Андижану и, произведя въ слѣдующіе дни рекогносцировку подступовъ, рѣшилъ штурмовать городъ, для чего были заготовлены штурмовыя лѣстницы, тараны, топоры и зажигательный матеріалъ.

Передъ штурмомъ два раза предложено было андижанцамъ сдаться, но изъ высланныхъ парламентеровъ первый вернулся безъ отвѣта, а второй былъ зарѣзанъ и голова его выставлена на стѣнѣ.

Утромъ 8 января послѣ молебна и залпа изъ 12 орудій передовой отрядъ есаула Штакельберга (1 рота и $1/_2$ сотни казаковъ) взялъ штурмомъ пригородній кишлакъ Екимскъ, а затѣмъ начата бомбардировка Андижана во время которой выпущено было до 500 снарядовъ.

Ровно въ полдень огромныя конныя массы кипчаковъ внезапно напали сзади на нашъ вагенбургъ, но командовавшій имъ маіоръ Ренау отбилъ ружейнымъ огнемъ это нападеніе.

Въ это же время подъ ревъ летѣвшихъ снарядовъ колонны полковниковъ барона Меллера-Закомельскаго и Пищемуки и капитана Іонова двинулись на штурмъ.

Непріятель, повидимому, ждалъ атаки со стороны оврага Андижанъ-Сая, по которому шли русскія войска на штурмъ три мѣсяца тому назадъ, и поэтому особенно сильно укрѣпилъ въ этомъ мѣстѣ свою позицію.

Замѣтивъ свою ошибку, андижанцы стали наскоро строить новые завалы и укрѣпленія, осыпая въ то же время русскія войска градомъ пуль.

Колонна капитана Іонова была направлена на высоту Гуль-Тюбе, сильно укрѣпленную, господствовавшую надъ городомъ и являвшуюся какъ бы цитаделью.

Беря одинъ завалъ за другимъ, лихо поднялись стрѣлки 1 батальона на высоту и, переколовъ ея защитниковъ, утвердили свой значокъ на ней.

Но самый городъ еще приходилось брать съ бою, такъ какъ каждая сакля, а въ особенности медресе и мечети, окруженныя высокими стѣнами и занятыя засѣвшими андижанцами, представляли собою рядъ маленькихъ крѣпостей; поэтому съ вечера и всю ночь наши батареи посылали свои снаряды по тѣмъ мѣстамъ, откуда раздавались выстрѣлы.

Масса летѣвшихъ снарядовъ, съ воемъ разсѣкавшихъ воздухъ и осыпавшихъ дворы, производя пожары, заставила большую часть кипчаковъ вмѣстѣ съ Абдурахманомъ искать спасенія въ бѣгствѣ.

9 января улицы города очищались отъ заваловъ посланными ротами, а 10 января Андижанъ уже окончательно былъ въ нашихъ рукахъ и Скобелевъ занялъ ханскій дворецъ, на дворѣ котораго былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. На высотѣ Гуль-Тюбе устроенъ редюитъ на 17 орудій и поставленъ русскій гарнизонъ. На андижанцевъ же наложена контрибуція.

Но и послѣ занятія Андижана, до полнаго умиротворенія края было еще далеко.

Разсѣявшіяся по всему ханству шайки кипчаковъ волновали мирное населеніе, нападая въ то же время на русскіе отряды, благодаря чему началась чисто партизанская война.

Рѣшивъ окончательно очистить ханство отъ мятежниковъ, Скобелевъ съ отрядомъ изъ 2 ротъ, сотни конныхъ стрѣлковъ, 5 сотенъ казаковъ, 4 орудій и ракетной батареи, направился къ городу Асаке, около котораго сосредоточились до 15,000 кипчаковъ подъ начальствомъ Абдурахмана-Автобачи, повидимому въ послѣдній разъ рѣшившаго вступить въ бой съ русскими войсками.

Обстрѣлявъ Асаке и высоты, занятыя непріятелемъ, отрядъ, переправившись черезъ глубокій оврагъ, полѣзъ на высоты и быстрымъ натискомъ выбилъ непріятеля, а казаки лихою атакою разсѣяли колонну въ 6,000 сарбазовъ, составлявшихъ резервъ.

Потерпѣвъ полное пораженіе, Абдурахманъ-Автобачи 28 января сдался на милость побѣдителей.

12 февраля русскія войска снова заняли городъ Кокандъ, а Кокандскому хану Насръ-Эддинъ-Хану было объявлено, что ханство присоединяется навсегда къ Россіи.

Успѣвшій бѣжать съ небольшой частью своихъ приверженцевъ Пулатъ-Ханъ все еще пытался продолжать возстаніе, уйдя въ горы, пока не былъ

пойманъ и по распоряженію генералъ-губернатора казненъ въ Маргеланѣ на мѣстѣ его звѣрской расправы съ русскими плѣнными.

Бывшій же Кокандскій ханъ Насръ-Эддинъ-Ханъ и Абдурахманъ-Автобачи высланы въ Россію.

Но кара-киргизы, привыкшіе въ ханскія времена къ своеволію, долго еще не могли успокоиться; для прекращенія волненій Скобелевъ выступилъ къ Гульчѣ съ 3 сотнями и 1 ракетнымъ станкомъ, рѣшивъ разсѣять скопища, что и выполнилъ.

Затѣмъ, занявъ выходы изъ горъ въ Ферганскую долину небольшими отрядами и сформировавъ нѣсколько летучихъ отрядовъ подъ командою полковника Меллеръ-Закомельскаго, самъ съ 2 ротами стрѣлковъ, 1/2 сотней казаковъ, 1 горнымъ орудіемъ и 2 ракетными станками двинулся изъ г. Оша къ Алайскому хребту, направивъ въ обходъ двѣ колонны—маіора Іонова и полковника князя Витгенштейна.

Кара-киргизы, оказавшіе вначалѣ сильное сопротивленіе, стали быстро отступать, понеся большой уронъ. Во время одного изъ поисковъ, отрядомъ князя Витгенштейна была взята въ плѣнъ царица Алая Мармонджокъ-Датха, управлявшая Алайскими киргизами.

Съ помощью Алайской царицы, признавшей власть Россіи и пользовавшейся большимъ вліяніемъ, кара-киргизы изъявили вскорѣ полную покорность, и такимъ образомъ закончено фактическое присоединеніе Кокандскаго ханства къ русскимъ владѣніямъ.

Изъ Фергана была образована Ферганская область съ назначеніемъ первымъ военнымъ губернаторомъ области ея завоевателя генерала М. Д. Скобелева; въ память его впослѣдствіи главный городъ Ново-Маргеланъ переименованъ въ г. Скобелевъ.

Вмѣстѣ съ покореніемъ Кокандскаго ханства окончено было завоеваніе Туркестана, давшее Россіи возможность окончательно и прочно утвердиться въ Средней Азіи.

7. Характеристика главнѣйшихъ дѣятелей по завоеванію Туркестанскаго края.

Генералъ-адъютантъ генералъ-отъ-инфантеріи М. Д. Скобелевъ. Есть счастливыя имена, которыя, получивъ извѣстность еще при жизни самихъ дѣятелей, послѣ ихъ смерти передаются отъ одного поколѣнія къ другому, вставая въ памяти народной во весь свой гигантскій ростъ, а подвиги такихъ лицъ, окруженные легендарными разсказами, оттѣняются особенно сильно въ представленіи народа; это какіе-то богатыри, стоящіе не только головою выше своихъ современниковъ, но и имѣющіе особыя свойства, выдѣляющія ихъ изъ числа всѣхъ остальныхъ людей, получившихъ извѣстность.

Къ такимъ именамъ несомнѣнно принадлежитъ имя генералъ-адъютанта М. Д. Скобелева.

Молодымъ штабсъ-ротмистромъ, по окончаніи академіи, пріѣхавъ въ Туркестанскій край въ самый разгаръ военнымъ дѣйствій, онъ скоро даже среди обстрѣленныхъ, бывавшихъ въ бояхъ туркестанцевъ, выдѣлился своимъ поразительнымъ самообладаніемъ и храбростью.

Способность къ инициативѣ, большая сила воли, быстрота въ принятіи опредѣленныхъ рѣшеній уже отмѣтили первые годы службы молодого офицера.

Командуя казачьей сотней и выполнивъ рядъ отвѣтственныхъ порученій, Скобелевъ затѣмъ въ Хивинскомъ походѣ за выдающуюся по смѣлости и лихости рекогносцировку отъ г. Хивы и до колодцевъ Игды и Ортакую, произведенную на территоріи, занятой враждебными намъ туркменами, былъ награжденъ знакомъ отличія храбрецовъ—крестомъ Св. Георгія 4 степени.

То состоя начальникомъ кавалеріи, то исполняя самостоятельныя отвѣтственныя порученія, Скобелевъ съ наступленіемъ русскихъ войскъ на Кокандское ханство уже командуетъ отдѣльнымъ отрядомъ.

Въ цѣломъ рядѣ дѣлъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, началъ уже развертываться талантъ будущаго полководца, а неизмѣнный успѣхъ, ихъ сопровождавшій, служилъ нагляднымъ подтвержденіемъ правильности его взглядовъ и принятыхъ рѣшеній.

Поражая непріятеля быстрымъ и рѣшительнымъ ударомъ, Скобелевъ производилъ своей безумною храбростью особое впечатлѣніе не только на свои войска, но и на враговъ.

На бѣлой лошади, одѣтый всегда въ бѣлый китель, М. Д. въ бою былъ всегда впереди, ободряя всѣхъ своимъ личнымъ примѣромъ, поразительнымъ спокойствіемъ и полнымъ презрѣніемъ къ смерти. Солдаты боготворили своего начальника и готовы были идти за нимъ въ огонь и воду.

Изумительное счастіе, благодаря которому бывавшій сотни разъ подъ огнемъ Скобелевъ никогда раненъ не былъ, создали въ Туркестанскихъ войскахъ легенду, что онъ заговоренъ отъ пуль. И эта легенда, разрастаясь, окружила его имя особымъ ореоломъ.

Всей душой любившій военное дѣло, покорившій Кокандское ханство, онъ впослѣдствіи участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ, а еще позднѣе завоевалъ Россіи Закаспійскую область.

Награжденный орденами Георгія 3 и 2 степени, достигнувъ на службѣ чина полнаго генерала, онъ въ 38 лѣтъ внезапно скончался, повергнувъ всю Россію въ глубокую скорбь, оставивъ по себѣ яркую память среди войска и русскаго народа. Коротка была военная дѣятельность Михаила Дмитріевича. Какъ блестящій метеоръ, мелькнулъ онъ своими яркими подвигами, освѣтивъ ими народную жизнь, и затѣмъ исчезъ въ вѣчности. Но память о немъ, живя въ русскомъ народѣ, не умретъ въ русскихъ войскахъ, которыя онъ водилъ къ побѣдамъ, золотыми буквами записавъ свое имя на страницахъ исторіи Русской Арміи, какъ одинъ изъ лучшихъ ея полководцевъ, завоевавшій Россіи значительную часть ея Средне-Азіатскихъ владѣній, а въ памяти народной во весь свой колоссальный ростъ, окруженная цѣлымъ рядомъ легендъ, встаетъ фигура непобѣдимаго Бѣлаго Генерала, какъ прозвалъ М. Д. русскій народъ и войска. И въ глухихъ кочевьяхъ Средней Азіи имя того же Акъ-Паши, грознаго русскаго военачальника, съ уваженіемъ вспоминается потомками его враговъ хивинцами, кипчаками и кара-киргизами.

Здѣсь онъ особенно выдѣляется въ роли начальника Наманганскаго отдѣла. Партизанская война, рядъ крупныхъ возстаній, священная война, объ-

явленная въ кокандскомъ ханствѣ, заставили М. Д. вести продолжительную и неустанную борьбу со всѣмъ населеніемъ ханства. Воинственные кипчаки, кара-киргизы и нафанатизированные кокандцы представляли сплошь вооруженный народъ; М. Д. находился какъ бы среди костра, гдѣ онъ могъ жить, работать и устраивать новое русское владѣніе лишь благодаря быстрымъ и страшнымъ ударамъ, которые съ безподобнымъ искусствомъ умѣлъ наносить только одинъ М. Д. Скобелевъ.

Окружая дымкою таинственности боевые подвиги и жизнь М. Д. Скобелева, разсказы о немъ, передаваемые изъ поколѣнія въ поколѣніе, уже давно выдѣлили его изъ среды обыкновенныхъ людей, причисливъ къ числу богатырей земли русской, которымъ онъ и былъ въ дѣйствительности по духу, исключительному мужеству, храбрости и замѣчательнымъ военнымъ талантамъ.

Есть люди-легенды. Къ нимъ никакъ не прикинешь будничную мѣрку. Судить ихъ вблизи трудно. И ихъ доблести и ихъ слабости не укладываются въ обычныя рамки. Это гиганты по сравненію съ остальнымъ человѣчествомъ, и такимъ, по справедливости, надо признать М. Д. Скобелева, Бѣлаго Генерала, завоевавшаго себѣ безсмертную славу въ памяти русскаго народа и среди русской арміи. И воздвигнутый нынѣ для увѣковѣченія его подвиговъ скромный памятникъ въ г. Москвѣ, лишь въ слабой степени напоминаетъ потомкамъ подвиги этого героя, увѣнчаннаго славою при жизни и оставившаго о себѣ вѣчную память послѣ смерти.

Генералъ-адъютантъ К. П. фонъ-Кауфманъ. Генералъ К. П. фонъ-Кауфманъ принадлежитъ къ числу немногихъ лицъ, заслужившихъ почетную извѣстность своими трудами на пользу Россіи въ дѣлѣ завоеванія и устройства Средне-Азіатскихъ владѣній. Богато одаренный отъ природы, К. П. былъ незауряднымъ военноначальникомъ, вдумчивымъ администраторомъ и добрымъ и отзывчивымъ человѣкомъ.

Только что покоренный Туркестанскій край требовалъ много труда и умѣнія, чтобы справиться съ тѣмъ тяжелымъ положеніемъ, которое онъ занималъ, находясь между Бухарой, Хивой и Кокандомъ, впослѣдствіи покоренными по указаніямъ ген.-адъютанта фонъ-Кауфмана и при его непосредственномъ участіи русскими войсками.

Въ качествѣ начальника края генералъ фонъ-Кауфманъ сумѣлъ прочно утвердить въ Средней Азіи то обаяніе русскаго имени, которое было внесено въ нее впервые М. Г. Черняевымъ.

Какъ человѣкъ всесторонне образованный, онъ, управляя Туркестанскимъ краемъ, обращалъ громадное вниманіе на изученіе страны, и его время было особенно богато научными изслѣдованіями.

Настойчивый, онъ доводилъ всегда начатое дѣло до конца, не взирая на препятствія, благодаря чему, даже такой страшный по трудностямъ, какъ Хивинскій походъ, гдѣ войскамъ пришлось вести борьбу съ самой природой, былъ оконченъ съ полною удачею, несмотря на неимовѣрныя трудности, которыя пришлось перенести войскамъ.

Показывая личный примѣръ даже въ питаніи, которое въ этомъ походѣ было у главнокомандующаго совершенно одинаковое со всѣми солда-

тами, генералъ Кауфманъ этимъ поддерживалъ бодрое настроеніе войскъ, видѣвшихъ его несокрушимую энергію и готовность перенести всѣ невзгоды, лишь бы достигнуть цѣли.

Доступный для всѣхъ, онъ оставилъ по себѣ свѣтлую память въ далекомъ Туркестанѣ, который первый почтилъ память своего завоевателя и

Генералъ-адъютантъ К. П. фонъ-Кауфманъ.

устроителя возбужденіемъ вопроса о постановкѣ генералу фонъ-Кауфману памятника въ Ташкентѣ.

Продолжительный почти 30-лѣтній періодъ его административной дѣятельности въ Туркестанѣ далъ крупные результаты, внеся въ эту страну, долгое время находившуюся въ состояніи почти полной анархіи, послѣ деспотическаго управленія хановъ, постоянныхъ междоусобицъ и войнъ изъ-за ханскихъ престоловъ, начала гражданственности, давъ возможность многочисленному населенію спокойно заниматься мирнымъ трудомъ, не боясь за свое благосостояніе и даже жизнь.

Вся же дѣятельность генерала фонъ-Кауфмана должна быть признана обширной, плодотворной и національной, способствовавшей России прочно утвердиться въ своихъ новыхъ владѣніяхъ, превратившей всю почти Среднюю Азію въ нераздѣльную часть русскаго государства и поднявшей ореолъ русской власти до недосягаемой высоты.

Генералъ-лейтенантъ М. Г. Черняевъ. Среди именъ, ревниво сохраняемыхъ въ памяти не только арміи, но и русскаго народа, имя завоевателя Ташкента М. Г. Черняева занимаетъ видное мѣсто.

Генералъ-лейтенантъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ.

Несмотря на сравнительно небольшой періодъ времени пребыванія въ Средней Азіи, генералъ Черняевъ оставилъ по себѣ яркій слѣдъ въ этомъ далекомъ краѣ.

Скромный, знавшій себѣ цѣну, крайне самостоятельный, съ несокрушимою силою воли, М. Г. Черняевъ былъ особенно близокъ сердцу русскаго народа, какъ кровный русскій по происхожденію, сумѣвшій завоевать большую часть Средней Азіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ незначительнымъ числомъ войскъ и поразительно малыми затратами на это другихъ средствъ.

Отдѣленный отъ России тысячами верстъ, предоставленный самому себѣ, велъ онъ свои войска къ намѣченной цѣли, устраняя самъ всѣ препятствія.

Близко ознакомившись съ характеромъ средне-азіатскихъ народовъ и видя, что для достиженія успѣха надо поразить ихъ воображеніе храбростью, стойкостью и неутомимостью русскихъ войскъ, онъ неудержимо шелъ впередъ, вполнѣ опредѣленно сознавая, что въ его положеніи можно лишь или побѣдить или умереть.

И эта поразительная рѣшимость дала огромные результаты, создавъ обаяніе русскому имени и облегчивъ послѣдующимъ начальникамъ завоеваніе края. Нельзя не отмѣтить исключительной черты въ характерѣ М. Г.—особой заботливости о сохраненіи своихъ войскъ, благодаря которой онъ иногда предпочиталъ, какъ это было подъ Джизакомъ, пожертвовать своею славой, своимъ именемъ, переносить ропотъ и недовольные взгляды подчиненныхъ, еще больше неудовольствіе начальства, чѣмъ ставить на карту жизнь войскъ, попавшихъ въ тяжелое положеніе.

М. Г. Черняевъ пользовался особою любовью своихъ войскъ, гордившихся начальникомъ и постепенно пріурочившихъ къ участникамъ его походовъ славное названіе Черняевцевъ, къ которымъ причислялись люди испытанной храбрости, опытные въ средне-азіатскихъ войнахъ и знакомые съ пустынями и степными походами. «Генералъ, котораго прислалъ русскій Царь— Акъ-Падишахъ вмѣсто своего глаза»—такъ звали Черняева бухарцы, а Бухарскій эмиръ въ особенности всегда съ почтеніемъ вспоминалъ впослѣдствіи это славное имя.

Слишкомъ большая самостоятельность характера, широкое пониманіе задачъ Россіи дѣлали генерала Черняева опаснымъ для англійской политики въ Средней Азіи, а боязнь за свои Индійскія владѣнія и вліяніе въ Афганистанѣ повели къ тому, что происками англійской дипломатіи Черняевъ былъ отозванъ изъ Средней Азіи, въ то время, когда ему оставалось уже покорить одну лишь долину рѣки Заравшана.

Вышедшій въ отставку, генералъ Черняевъ снова скоро сталъ во главѣ арміи, на этотъ разъ отстаивая независимость Сербіи противъ Турціи.

Въ этой новой борьбѣ онъ пріобрѣлъ еще бóльшую популярность и извѣстность въ Россіи.

Лишь въ царствованіе Императора Александра III генералъ Черняевъ былъ снова призванъ къ дѣятельности въ Средней Азіи, получивъ назначеніе на должность Туркестанскаго генералъ-губернатора.

Памятникъ въ Ташкентѣ и Черняевскій домикъ около Ташкентской крѣпости, въ которомъ онъ жилъ при покореніи этого города, тщательно охраняются его почитателями.

Ревниво оберегается его память въ войскахъ Туркестана, а среди мусульманскаго населенія Средней Азіи до сихъ поръ съ особеннымъ уваженіемъ вспоминаютъ храбраго, рѣшительнаго, твердаго на своемъ словѣ русскаго военачальника, пришедшаго во главѣ русскихъ войскъ и завоевавшаго эту страну Россіи.

Генералъ Г. А. Колпаковскій. Покоритель Семирѣчья и Заилійскаго края генералъ Колпаковскій былъ типичнымъ представителемъ Туркестанскихъ войскъ, проведшимъ почти всю свою жизнь въ степныхъ туркестанскихъ походахъ.

Какъ первый устроитель Семирѣченской области, Колпаковскій оставилъ по себѣ свѣтлую память во всемъ Семирѣчьѣ.

Суровый съ виду, но мягкій сердцемъ, рѣшительный, съ непреклонною волею, человѣкъ умѣвшій все время, дѣлая большое Государево дѣло, при-

нимать на свою отвѣтственность вызываемыя исключительною обстановкою рѣшенія, признаваемыя имъ необходимыми для пользы дѣла.

На войска генералъ Колпаковскій производилъ обаятельное впечатлѣніе своею смѣлостью, способностью найти выходъ изъ самаго труднаго положенія и поразительною неутомимостью.

Предоставленный почти самому себѣ, за тысячи верстъ отъ Россіи, безъ всякихъ поддержекъ, окруженный враждебно настроеннымъ населеніемъ, онъ

Генералъ Г. А. Колпаковскій.

все же велъ войска впередъ, сознавая, что лишь беззавѣтная смѣлость создастъ среди туземцевъ то обаяніе, которое окружало русское имя въ лицѣ русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Семирѣчьѣ и Заилійскомъ краѣ и покорившихъ этотъ край не своею численностью, а исключительно лишь храбростью и готовностью умереть, но не отступить и не сдаться врагу.

Съ храбростью и выносливостью, поражавшими даже кочевниковъ киргизовъ, генералъ Колпаковскій соединялъ таланты военачальника и государственнаго дѣятеля съ широкимъ кругозоромъ.

Спокойный въ бою, хладнокровный въ минуты страшной опасности, онъ велъ войска къ побѣдамъ, покоривъ Россіи обширный Заилійскій край, Семирѣчье и Кульджу, впослѣдствіи возвращенную Китаю. Будучи вмѣстѣ съ

тѣмъ первымъ устроителемъ этого края, онъ не только прочно прикрѣпилъ его къ Россіи, но и внесъ среди кочевниковъ русскую культуру путемъ заселенія Семирѣчья русскими людьми—казаками, изъ которыхъ было образовано Семирѣченское войско, и поселенцами, разселенными на всемъ пространствѣ Семирѣченской области.

Безъ особыхъ связей и поддержки, онъ достигъ высшихъ чиновъ лишь одними своими заслугами. Награжденный высшими русскими орденами, среди которыхъ самое видное мѣсто занималъ крестъ Св. Георгія, полученный имъ за Узунъ-Агачское дѣло, участвуя въ завоеваніи Кокандскаго ханства и исполняя временно обязанности главнокомандующаго и генералъ-губернатора Туркестана, генералъ Колпаковскій всѣ свои силы отдавалъ любимому имъ Туркестанскому краю, а съ Семирѣченскою областью и Семирѣченскимъ казачьимъ войскомъ установилась у него неразрывная связь на всю жизнь до самой смерти.

И нынѣ 1-й конный полкъ этого войска носитъ имя своего перваго Наказнаго Атамана генерала Г. А. Колпаковскаго, водившаго предковъ нынѣшнихъ казаковъ къ побѣдамъ и твердо укоренившаго среди семирѣченцевъ сознаніе долга быть всегда оплотомъ Россіи на этой отдаленной восточной окраинѣ; здѣсь, стоя на стражѣ Россіи противъ многочисленнаго Китая, казаки болѣе полустолѣтія выполняютъ этотъ долгъ передъ родиной, устроившей ихъ благополучіе среди необозримыхъ равнинъ Семирѣчья.

Умеръ генералъ Колпаковскій въ 1896 году и похороненъ въ Петербургѣ, но въ дальней Семирѣченской области жива память о Герасимѣ Алексѣевичѣ, близкомъ и родномъ для казаковъ всего войска.

8. Характеръ войнъ въ Средней Азіи. Организація и тактика войскъ.

Всѣ войны и походы русскихъ войскъ въ Средней Азіи имѣютъ много характерныхъ особенностей, дѣлающихъ ихъ совершенно несхожими съ войнами на Европейскомъ театрѣ.

Преодолѣвая огромныя, безводныя пространства, при палящемъ зноѣ, по сыпучимъ пескамъ и солончаковымъ пустынямъ, русскія войска сплошь и рядомъ должны были вести борьбу не только съ врагами, но и съ самою природою. Отсутствіе дорогъ, корма для лошадей, населенныхъ пунктовъ и колодцевъ въ совершенно безводныхъ пустыняхъ дѣлало эти походы чрезвычайно трудными, благодаря постоянной необходимости не только двигаться впередъ, но нести и везти съ собою запасы продовольствія, воду и дрова для людей и фуражъ для лошадей.

Безчисленное количество верблюдовъ, нужныхъ для перевозки всѣхъ войсковыхъ грузовъ, невольно превращало русскіе отряды въ громадные караваны; сопровождавшія ихъ войска должны были принимать постоянно мѣры предосторожности противъ нечаянныхъ нападеній кочевниковъ, скрывавшихся за каждой складкой мѣстности и неожиданно появлявшихся, тревожившихъ войска и на походѣ и на отдыхѣ.

Небольшія партіи туземцевъ, вслѣдствіе своей малочисленности, въ въ безбрежныхъ степяхъ были положительно неуловимы, а климатическія

условія, непривычныя для русскихъ, дѣлали степные походы особенно трудными во всѣ времена года.

Лѣтомъ томила невозможная жара, раскалявшая почву до степени пылающей печи, что при отсутствіи воды дѣлало жажду нестерпимой.

Зимою навстрѣчу неслись снѣжные бураны съ морозами, наметавшими огромные сугробы снѣга.

Ко всему этому надо добавить отсутствіе хорошихъ проводниковъ, малое знакомство со страною и языкомъ ея населенія. Рѣзкія колебанія въ температурѣ создавали вмѣстѣ съ дурной по своему качеству водою эпидеміи, свирѣпствовавшія среди войскъ; изъ строя выбывала масса людей, заболѣвавшихъ тифомъ, маляріей и цынгою, помимо многочисленныхъ случаевъ пораженія солнечными ударами. Болѣзненность была развита особенно сильно на передовой линіи, въ особенности при движеніи на Бухару, когда въ 1868 году въ Джизакѣ изъ двухъ батальоновъ, здѣсь стоявшихъ, едва можно было собрать одну роту здоровыхъ людей. Къ тому же докторовъ было крайне мало, а при постоянныхъ заболѣваніяхъ маляріей въ хинѣ часто ощущался недостатокъ.

Средняя цифра смертности доходила до 130 человѣкъ: изъ 12,000 чел. больныхъ, поступившихъ въ лазаретъ въ теченіе 8 мѣсяцевъ въ 1867 году, умерло 820 чел.

Не мало обезсиливала туркестанскія войска необходимость производить работы по постройкѣ крѣпостей, а позднѣе и казармъ для жилья.

Командированіе же людей въ лѣчебныя и хозяйственныя учрежденія, на почтовыя станціи и денщиками къ различнымъ гражданскимъ чиновникамъ выводила массу людей изъ строя.

Постоянное изъ года въ годъ движеніе впередъ въ глубину средне-азіатскихъ степей выработало у туркестанскихъ войскъ особые пріемы веденія войны и сноровки для перенесенія походовъ, закаливъ въ то же время войска, а невозможность передвигать крупныя войсковыя части заставили перейти къ дѣйствіямъ небольшими отрядами; во всѣхъ войнахъ въ Средней Азіи счетъ войсковыхъ частей производился не на полки и батальоны, а на роты и сотни, которыя, являясь тактическими единицами, благодаря превосходству вооруженія, представляли собою части вполнѣ достаточныя по своему численному составу для выполненія самостоятельныхъ задачъ.

Какъ основной принципъ, въ Средней Азіи были приняты дѣйствія сомкнутымъ строемъ противъ непріятеля мало дисциплинированнаго, дѣйствовавшаго въ одиночку или небольшими кучками, недостаточно послушнаго волѣ предводителя, неспособнаго, несмотря на свою подавляющую многочисленность, къ единству дѣйствій и маневрированію массами. Дружные мѣткіе залпы и штыковой ударъ сомкнутымъ строемъ оказывали всегда страшное дѣйствіе на кочевниковъ.

Видъ сомкнутыхъ ротъ въ бѣлыхъ кепи съ назатыльниками и бѣлыхъ рубахахъ, въ которыя была одѣта русская пѣхота — линейцы и стрѣлки — производилъ впечатлѣніе на дикихъ наѣздниковъ, и конныя, зачастую даже весьма многочисленныя толпы туркменъ и киргизовъ, бросавшіяся въ атаку

въ шашки, поражаемыя мѣткими залпами, принуждены бывали сейчасъ же отступать, устилая всю мѣстность тѣлами убитыхъ и раненыхъ.

Независимо этого, для дѣйствій противъ иррегулярныхъ скопищъ при туркестанскихъ войскахъ были сформированы ракетныя команды, придававшіяся къ казачьимъ частямъ и выпускавшія ракеты съ особыхъ станковъ въ непріятельскія конныя толпы. Шумъ ползущихъ, въ видѣ огромныхъ огненныхъ змѣй, ракетъ производилъ подавляющее впечатлѣніе на людей и на лошадей. Испуганные кони шарахались и несли толпу наѣздниковъ, калѣча и убивая ихъ, порождая страшную сумятицу, которою пользовались затѣмъ казаки, преслѣдуя и рубя бѣгущаго въ паническомъ ужасѣ непріятеля. Артиллерійскія орудія — легкія и горныя пушки и единороги — производили также большое впечатлѣніе, въ особенности своимъ разрушительнымъ дѣйствіемъ при осадѣ туземныхъ укрѣпленій.

Штурмъ городовъ являлся дѣломъ очень труднымъ. Скученность построекъ, узкія улицы и высокіе глинобитные заборы давали возможность жителямъ защищаться продолжительное время; каждый садъ, дворъ или мечеть представляли собою отдѣльныя укрѣпленія, изъ которыхъ приходилось выбивать противника, занимая такимъ образомъ городъ шагъ за шагомъ и ведя бой на каждой улицѣ. При расположеніи войскъ на отдыхѣ и сторожевомъ охраненіи не послѣднюю роль играли ротныя собаки, выходившія съ нижними чинами на посты; онѣ часто предупреждали часовыхъ о появленіи подкрадывавшихся враговъ, стремившихся за вознагражденіе халатомъ или золотою монетою во что бы то ни стало достать голову русскаго солдата. Интересно отмѣтить, что во время атакъ на туземную пѣхоту, ротные псы съ остервенѣніемъ кидались на сарбазовъ, помогая своимъ хозяевамъ въ рукопашномъ бою.

Проводниками въ степи служили преимущественно киргизы, поступавшіе на службу въ качествѣ джигитовъ и переводчиковъ, при чемъ многіе изъ нихъ за свою вѣрную службу были производимы въ офицеры по милиціи; кромѣ того въ нѣкоторыхъ отрядахъ изъ надежныхъ киргизовъ, туркменовъ и афганцевъ были сформированы особыя команды, принимавшія участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Продолжительный 25-лѣтній срокъ службы при непрерывномъ движеніи впередъ отъ Оренбурга вглубь Средней Азіи воспиталъ туркестанскія войска на постоянной степной войнѣ, пріучивъ ихъ къ степнымъ походамъ въ пустыняхъ и выработавъ поразительную неутомимость, благодаря которой пѣхота иногда дѣлала переходы до 60—70 верстъ въ сутки.

Нѣкоторые батальоны, сформированные въ Оренбургѣ, выйдя въ походъ, двигались въ теченіе 25 лѣтъ, переходя съ мѣста на мѣсто, и ихъ составъ, участвуя во всѣхъ бояхъ, представлялъ изъ себя закаленныхъ и обстрѣленныхъ людей, привычныхъ и къ походамъ, и къ свисту пуль, и къ внезапнымъ нападеніямъ туземцевъ; всѣ эти условія создали изъ туркестанскихъ войскъ едва ли не самыя лучшія въ боевомъ смыслѣ части русской арміи; по боевой закалкѣ, по проявленію частнаго почина эти войска больше всего подходили къ кавказской арміи временъ Ермолова, Воронцова и Барятинскаго. Необходимость имѣть все при себѣ выработала особые пріемы для походной, бивачной и сторожевой службы.

Высматриваютъ.

Съ картины В. В. Верещагина въ Третьяковской геллереѣ.

Вооружена была пѣхота нарѣзными винтовками системы Карле, и небольшая часть стрѣлковъ имѣли винтовки системы Бердана № 1 и штуцера.

Отсутствіе иногда нужнаго числа погонщиковъ верблюдовъ вынуждала привлекать къ уходу за ними нижнихъ чиновъ, при чемъ неумѣніе послѣднихъ вьючить и ухаживать за этими животными приводило часто къ порчѣ и убыли верблюдовъ и лишь впослѣдствіи долголѣтнее пребываніе въ походахъ пріучало людей къ верблюдамъ, которые постепенно замѣнили въ туркестанскихъ войскахъ лошадей.

По отношенію же войскъ противника надо сказать, что регулярныя войска бухарцевъ, кокандцевъ и хивинцевъ содержались въ небольшомъ числѣ; такъ называемые сарбозы — пѣхота, обмундированная однообразно, была плохо обучена. Пѣшіе сарбозы вооружены были: первая шеренга — фитильными ружьями на сошкахъ, но встрѣчались также всевозможные образцы кремневыхъ, ударныхъ и охотничьихъ двуствольныхъ ружей; вторая шеренга вооружена была преимущественно холоднымъ оружіемъ: батиками, топорами (ай-балтами) и пиками и только немногіе имѣли пистолеты.

Конные сарбозы были вооружены пиками и саблями, а первая шеренга сверхъ того имѣла и винтовки. Артиллерія состояла главнымъ образомъ изъ чугунныхъ и мѣдныхъ орудій персидской и мѣстной отливки. Обучались эти войска преимущественно русскими бѣглыми солдатами, изъ которыхъ пріобрѣлъ извѣстность урядникъ Сибирскаго войска Османъ.

Главный же контингентъ въ туземныхъ войскахъ составляла иррегулярная конница, сидѣвшая на отличныхъ лошадяхъ, крайне выносливыхъ и могущихъ проходить огромныя разстоянія, а всадники прекрасно владѣли холоднымъ оружіемъ. Комплектуясь киргизами, юмудами, кара-киргизами, прекрасно знавшими мѣстность, конница сильно тревожила русскія войска неожиданными нападеніями, преимущественно по ночамъ, но, налетѣвъ на отрядъ, немедленно же при первыхъ залпахъ разсыпалась по степи, уходя быстро изъ-подъ выстрѣловъ, и, обыкновенно атакуя большими массами, стремилась задавить небольшія по составу русскія части своею численностью.

Русская конница — казаки, — вслѣдствіе неравенства силъ обыкновенно предпочитали мѣряться съ туземцами, отражая ихъ огнемъ изъ сомкнутаго строя и атакуя также въ сомкнутомъ строю; при встрѣчѣ съ болѣе сильнымъ противникомъ они спѣшивались, батовали или стреноживали лошадей и, устроивъ закрытіе изъ нихъ, мѣшковъ, запасовъ фуража, дружными залпами поражали скопища враговъ изъ своихъ нарѣзныхъ винтовокъ; послѣ отступленія начинали преслѣдованіе, хотя въ нѣкоторыхъ бояхъ лихо атаковали и въ конномъ строю.

Пѣхота же дѣйствовала всегда въ сомкнутомъ строѣ, выстраивая каре, о которое вслѣдствіе мѣткихъ залповъ и разбивались обыкновенно атаки туземцевъ.

Нанося пораженія во всѣхъ крупныхъ бояхъ, русскія войска терпѣли иногда уронъ лишь въ небольшихъ стычкахъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе отсутствія въ этихъ случаяхъ мѣръ охраненія, развѣдки и нѣкоторой безпечности при движеніи и на отдыхѣ среди враждебно относившагося къ русскимъ туземнаго населенія.

Но все же твердая преданность долгу, непоколебимая стойкость и храбрость брали верхъ, и туркестанцы, сломивъ одно за другимъ войска кокандцевъ, хивинцевъ и бухарцевъ, одерживали надъ ними побѣды, благодаря которымъ включили земли покоренныхъ государствъ въ число русскихъ владѣній, давъ возможность подъ своею защитою населенію обширной территоріи Туркестанскаго края начать мирную жизнь, занимаясь земледѣліемъ и торговлею, открывъ въ то же время средне-азіатскіе рынки для русскихъ товаровъ.

Такимъ образомъ было закончено завоеваніе Туркестана, Хивы, Бухары и Коканда, вмѣстѣ съ тѣмъ выполнены завѣты Великаго Петра. Россія, приблизившись къ далекой Индіи, пріобрѣтя новыя богатыя области, по справедливости носящія названіе жемчужины въ русской коронѣ, имѣетъ возможность черпать въ будущемъ неисчислимыя богатства изъ этихъ странъ, гдѣ такъ ярко свѣтитъ солнце, согрѣвающее земли, въ которыхъ похороненъ прахъ тысячъ представителей арміи, положившихъ жизнь за русское дѣло.

Завоеваніе Средней Азіи.

(*Продолженіе*).

Очеркъ генеральнаго штаба полковника
А. Д. Шеманскаго.

1. Ахалъ-текинская экспедиція 1880—81 г.г.

1. Краткій очеркъ дѣйствій, предшествовавшихъ послѣдней экспедиціи, до походовъ Лазарева и Ломакина включительно.

А. Причины Туркменской войны.

Послѣ покоренія киргизъ, хивинцевъ, бухарцевъ и кокандцевъ и послѣ мирнаго водворенія нашего среди туркменъ-іомудовъ на восточномъ берегу Каспія настала очередь улаженія нами сосѣдскихъ отношеній съ текинской Туркменіей, ставшей пограничной съ нами, раздѣлявшей клиномъ наши среднеазіатскія владѣнія и пересѣкавшей всѣ караванные пути отъ насъ на югъ, къ Индіи, къ ея «Океану и Солнцу», куда стремились мечтой наши былинные богатыри и богатырь нашей исторіи—Петръ Великій [1]).

Къ текинцамъ мы предъявили тѣ же требованія добрососѣдскихъ отношеній, съ какими неизмѣнно обращались ко всѣмъ предыдущимъ покореннымъ среднеазіатскимъ народамъ [2]). Но и текинцы оказались столь же неисправимо дики, какъ и ихъ предшественники; перебравъ и съ ними «всѣ мѣры кротости и строгости», мы смогли осуществить свои желанія только войной и полнымъ ихъ покореніемъ.

Къ текинской дикости присоединились противоборствующія намъ теченія въ Ср. Азіи—панъ-исламитское, англійское, персидское и затаенныя надежды покоренныхъ уже нами средне-азіатцевъ... Это видно изъ слѣдующихъ строкъ тогдашняго нашего виднаго дипломата Зиновьева: «не слѣдуетъ забывать, что одною изъ причинъ, побудившихъ насъ къ движенію на востокъ отъ Каспійскаго моря (въ Туркменію) послужила признанная нами необходимость произвести впечатлѣніе на Англію и помѣшать направленнымъ противъ насъ замысламъ ея въ Средней Азіи»... Такъ

---

[1]) По свидѣтельству Волынскаго, Петръ Вел. собирался въ 1725 году „по спадѣ водъ, самъ персонально“, продолжать проложеніе пути отъ Каспія въ Индію, и только „единая смерть пресѣкла“ этотъ широкій полетъ русскаго Орла.

[2]) Эти справедливыя требованія: 1) не грабить нашихъ каравановъ и дать имъ свободный ходъ черезъ свои земли; 2) дать свободу путешествія, торга, жительства и собственности для нашихъ подданныхъ; 3) не брать съ насъ лишнихъ пошлинъ; 4) не держать рабами нашихъ людей; 5) прекратить разбои и грабежи у нашихъ границъ; 6) завести съ нами правильныя дипломатич. сношенія и 7) обращаться съ нами, какъ подобаетъ съ великой міровой державой.

что, надо помнить—какой пестрый букетъ отношеній представляла причина войны съ текинцами, поставленная такъ:

— «Хотя бы, на первый разъ, положить предѣлъ необузданному своевольству текинскаго народа въ Туркменіи».

Поводомъ же борьбы послужило соперничество текинцевъ съ нами изъ-за обладанія землями туркменъ-іомудовъ, обитавшихъ въ южной половинѣ восточнаго берега Каспія на 150—200 верстъ вглубь страны.

Текинцы, какъ могущественнѣйшій, наиболѣе свободолюбивый и воинственный изъ народцевъ Закаспійскаго края Средней Азіи, искали гегемоніи среди единоплеменниковъ сосѣдей: іомудовъ, гокланъ, сарыковъ и солоровъ... А эти племена, избѣгая тяжелой текинской зависимости, искали опоры у сосѣдей... И еще со временъ Петра Великаго и походовъ Бековича-Черкасскаго въ Хиву, іомуды рвались въ наше подданство [1]). Съ 1859 по 1867-й іомудовъ сильно жмутъ за это хивинцы и текинцы, и ихъ ханъ Атта-Мурадъ у Красноводскаго залива молитъ насъ о возобновленіи тамъ крѣпости [2]) и помогаетъ ее построить въ 1869 году.

Красноводскъ, рѣшенный окончательно въ 1865 г., былъ отложенъ до 1870 г. изъ-за «разстройства дѣлъ въ Туркестанѣ» и ускоренъ постройкой въ 1869, какъ угроза Средней Азіи, охваченной «англійской», говорятъ, идеей «общаго возстанія средне-азіатцевъ противъ Россіи» [3]).

Возведеніе Красноводска и послужило casus'омъ belli между нами, Хивой и Свободной (текинской) Туркменіей.

Первая стычка съ текинцами произошла 20 ноября 1869 г., когда они внезапно сдѣлали налетъ на передовые посты Красноводскаго отряда (Михайловскій постъ). Это событіе нужно и считать началомъ Туркменской войны. Случилось это черезъ мѣсяцъ почти послѣ занятія (29 окт.) нами Красноводска. Мы отвѣчали походомъ-набѣгомъ въ Кизилъ-Арватъ (30 нояб.—20 дек.), на ближайшій край текинскаго оазиса; но текинцы

---

[1]) Они помогали Бековичу строить на своемъ берегу Красноводскъ (Шагадамъ), видя въ немъ защиту отъ хивинцевъ и текинцевъ, и провозгласили тогда же себя нашими подданными. Въ 1745, 1767, 1798, 1800, 1803 и 1805 гг. они упрашиваютъ насъ вернуться въ брошенныя нами Закаспійскія крѣпостцы, а въ 1805 г. помогаютъ намъ искать для нихъ лучшихъ мѣстъ. Въ 1813 г. они съ гокланами рѣшаютъ помочь намъ въ войнѣ съ Персіей. Лишь немногіе «дурные люди» изъ нихъ участвовали всегда въ морскихъ разбояхъ на Каспіи, вмѣстѣ съ хивинскими и другими выходцами («огурджели»). Въ 1819 г. на совѣтѣ іомуды положили «всячески помогать пришествію русскихъ». Въ 1819, 1820 и 1821 гг. они помогаютъ нашимъ посольствамъ въ Хиву и развѣдкамъ ихъ берега, а въ 1832 г. помогаютъ истреблять пиратовъ. Въ 1834 г. они недовольны осѣдлостью нашей не у нихъ, а на киргизскомъ Мангишлакѣ, заявляя это и въ 1846 г. Въ 1836 г. они страшно рады нашей мысли водвориться въ Ашуръ-аде, осуществленной въ 1842 году. Въ 1840 г. они привѣтствуютъ нашего станціонера у ихъ береговъ и запрещеніе персамъ имѣть военный флотъ на Каспіи и фортъ на остр. Огуречномъ. Съ 1859 г. они ропщутъ на отсрочку въ постройкѣ Красноводска, конченную въ 1869 году.

[2]) Онъ пишетъ: „Наша давнишняя мечта, чтобы Царь пришелъ къ намъ отъ Красноводска (Шагадамъ)“.

[3]) Тогда, по внушенію изъ Индіи, Ширъ-Али-Ханъ-Авганскій повліялъ на возникновеніе противъ насъ возстаній въ Бухарѣ, на Мангишлакѣ у киргизъ и нападеній хивинцевъ и текинцевъ.

уклонились отъ боевыхъ встрѣчъ. Хивинскія дѣла помѣшали намъ расправиться въ этотъ разъ съ Ахалъ-теке. Съ 1870 по 1873 г. занимались мы здѣсь походами демонстративными, рекогносцировочными и другими противъ хивинцевъ, текинцевъ и ихъ союзниковъ изъ нашихъ іомудовъ. Это утвердило наше положеніе въ Іомудіи, хотя и раздражило до послѣдней степени Ахалъ-теке объявленіемъ нами въ 1874 году Іомудіи русской провинціей («Закаспійскій воен. отдѣлъ, приписанный къ Кавказу") съ городами Красноводскомъ и Чикишляромъ и съ начальникомъ, генераломъ Ломакинымъ, однимъ изъ покорителей Хивы.

Получивъ объявленіе о прочномъ русскомъ сосѣдствѣ и приглашеніе вступить въ дружбу съ нами, текинцы прислали въ Красноводскъ притворное посольство (черезъ два мѣсяца, т.-е. безъ всякой учтивости!) изъ лучшихъ своихъ военачальниковъ, больше для развѣдки, чѣмъ для «замиренія», которое (вмѣстѣ съ ханскими письмами) увѣряло, что не можетъ склонить въ нашу пользу народъ неисправимо-своевольный: «текинцы подобны птицамъ степнымъ, для которыхъ постель есть песокъ»... Отказъ въ караванныхъ путяхъ черезъ ихъ земли; не прекращеніе разбоевъ; заложеніе въ Мервѣ сильной текинской крѣпости (Коушутъ-Ханъ-кала) сношенія съ англичанами...—были дерзкимъ отвѣтомъ на нашъ призывъ къ добрососѣдству.

Б. Походы Ломакина и Лазарева.

Кокандскія дѣла и Турецкая война помѣшали намъ какъ слѣдуетъ отвѣтить, въ свою очередь, на это. Остановились на полумѣрѣ: приказали Ломакину въ 1877 г. утвердиться на самомъ краю Ахалъ-текинскаго оазиса въ Кизилъ-Арватѣ. Но Ломакинъ испортилъ это дѣло, не сдѣлавъ достаточной подготовки, отсутствіемъ которой онъ погубилъ впослѣдствіи и первый штурмъ Геокъ-тепе въ слѣдующемъ, второмъ, походѣ въ оазисъ, начатомъ ген. Лазаревымъ.

Хотя съ 1874 г., особенно съ 1875 г., Іомудія и начала приспособляться нами какъ база для движенія въ Ахалъ-теке [1]), но она была еще въ зародышѣ. Поэтому Ломакинъ, занявъ «налегкѣ» Кизилъ-Арватъ 7-го мая 1877 г. и новоровъ большое скопище текинцевъ въ кровопролитномъ для текинцевъ столкновеніи 12-го числа, не смогъ продержаться (прокормиться) въ Кизилъ-Арватѣ послѣ усмиренія текинцевъ и «отступилъ» въ Красноводскъ, подорвавъ къ намъ страхъ въ оазисѣ; текинцы рѣшили, что русскіе могутъ жить только у моря. Эту увѣренность мы укрѣпили въ слѣдующемъ (1878) году рекогносцировочнымъ походомъ въ оазисъ по долинѣ р. Атрека со стычками противъ текинцевъ, іомудовъ и гокланъ, окрещеннымъ молвой, какъ «новой неудачной попыткой стать на текинской землѣ».

Наконецъ, къ этой увѣренности слѣдующій нашъ походъ (1879 г. прибавилъ убѣжденіе всей Средней Азіи, что текинцевъ никто на свѣтѣ не въ состояніи побить, даже русскіе...

---

[1]) Намѣчались этапы на двухъ дорогахъ, сходившихся къ Кизилъ-Арвату отъ Красноводска и отъ Чикишляра по Атреку; развѣдывался путь въ обходъ Ахальскаго оазиса съ сѣвера, къ Туркестану.

Это случилось такъ.

Говорятъ (Зиновьевъ), что насмѣшки персовъ, что намъ никогда не расправиться такъ съ туркменами, какъ это сдѣлали англичане съ авганцами, повліяли на нашу рѣшимость. И наша дипломатія рѣшила:

— «Полное покореніе текинцевъ и прочное занятіе ихъ страны необходимо, даже для возстановленія нашего обаянія въ Персіи»...

Съ этимъ согласилось «Особое совѣщаніе» въ Петербургѣ 23-го янв. 1879 г., а Государь утвердилъ походъ. Кавказское начальство составило планъ. Не довѣряя Ломакину, ввѣрили походъ одному изъ корпусныхъ командировъ (на Кавказѣ) ген. Лазареву. Планъ, врученный экспедиціи изъ Тифлиса, имѣлъ много пробѣловъ по части организаціи штаба, тыла и чрева экспедиціи. Ген. Лазаревъ хотя и развилъ большую дѣятельность и многое улучшилъ, однако недостаточно постигалъ обстановку, полагая, что «займетъ страну безъ выстрѣла».

Это было крупное заблужденіе, и оно сказалось съ первыхъ шаговъ похода—недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, главнымъ образомъ, а затѣмъ и—денегъ, сухарей, одежды [1])...

Лазаревъ торжественно объявилъ войну текинцамъ. Они отвѣчали дерзкимъ набѣгомъ въ нашу область, захватили стада, женщинъ, экспедиціонныхъ верблюдовъ и смѣло атаковали въ шашки двѣ роты, посланныя противъ нихъ, убивъ четверыхъ и ранивъ у насъ 12. Затѣмъ они, по примѣру Мерва, начали постройку большой крѣпости, значительно впереди Асхабада, ведя ее съ рѣдкой энергіей (не безъ помощи инженеровъ иностранцевъ) съ участіемъ даже женщинъ и дѣтей. Это и было Геокъ-тепе.

Расчеты плана экспедиціи по сбору верблюдовъ не оправдались. И Лазареву пришлось идти, уменьшая постепенно силы, назначенныя [2]) для вторженія въ оазисъ, оставляя лишніе рты на попутныхъ этапахъ. Ужъ онъ велъ только половину отряда... Изъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ ужъ везли не то, что было нужно, а то, что могли поднять!

И походъ явно обращался изъ «прочнаго занятія оазиса» въ «набѣгъ», въ «налетъ»...

Это все видѣли текинскіе послы [3]), которые шли съ нами, яко бы перейдя на нашу сторону.

Крупное текинское скопище неуловимо двигалось впереди нашего авангарда, съ небольшими стычками, и поведеніемъ своимъ поддерживало легкомысліе многихъ о легкости расправы съ нимъ.

Сдѣлалъ ли бы что-либо Лазаревъ позже? поборолъ ли бы онъ всѣ недочеты? неизвѣстно, потому что онъ скончался въ началѣ похода отъ карбункула и похороненъ на этапѣ Чатъ, на р. Атрекѣ... Во время погребальнаго салюта

---

[1]) Каспійскія бури и мелководье Чикишляра были также виновны въ этомъ.

[2]) Было предназначено до 11 тыс.=7,310 пѣх., 2,900 кон. и 34 орудія.

[3]) Софи-ханъ и Тыкма-сердарь, будущій талантливѣйшій противникъ Скобелева.

ему, у орудія разсыпались колеса и въ этомъ потомъ видѣли явный знакъ неудачи и его похода.

О препятствіяхъ и недочетахъ, оставленныхъ въ наслѣдство Лазаревымъ, можно заключить изъ его же словъ:

—«Это настоящая школа терпѣнія!» Но Ломакинъ въ хаосъ нерасчетливости добавилъ еще торопливость.

Хотя и отняли силою у попутныхъ іомудовъ вьюки (верблюдовъ), но мало, и привели къ стѣнамъ Геокъ-тепе лишь $^{1}/_{3}$ бойцовъ (3,024 ч.), не оставивъ на 200 верстъ позади себя ни этаповъ, ни складовъ, и имѣя 2,350 изможденныхъ верблюдовъ при себѣ.

Съ послѣдняго ночлега, 28-го августа, Ломакинъ пошелъ прямо на штурмъ крѣпости въ походныхъ колоннахъ, имѣя по комплекту снарядовъ на орудіе и по 120 патроновъ на винтовку. Въ обозѣ везлось продовольствіе на 15 дней; по 2 дачи провіанта съ кускомъ баранины на людяхъ и по 3 гарнца овса на лошадяхъ.

Въ авангардѣ колонна князя Долгорукова=3$^{1}/_{4}$ батал., 5 эск. и с., 6 ор. и 6 ракетныхъ станковъ. Во «второй» колоннѣ графа Борха=3 батал., 1 с., 4 ор., вода и патроны, и въ «третьей» — обозъ съ прикрытіемъ=1$^{1}/_{2}$ батал., 2 ор. (капит. Кегамова).

Геокъ-Тепе была неокончена какъ разъ со стороны подхода русскихъ: южный фасъ былъ въ зародышѣ, а западный и сѣверный—наполовину. Но съ налета и такая крѣпость трудна, ибо ея низкая еще оборонительная стѣнка стояла на толстомъ и высокомъ земляномъ валу...

Въ 8-ми верстахъ отъ крѣпости сильная текинская конница понеслась на наши колонны... Ломакинъ, шедшій во главѣ войскъ, приказалъ двумъ заднимъ колоннамъ соединиться, и онѣ отбили, послѣ трехъ часовъ дня, конную атаку. А съ 11 час. дня первая колонна уже атакуетъ крѣпость съ запада, открывъ пушечный огонь съ 700 саж. и развернувшись съ 350 саж. Взявъ нѣсколько сильныхъ передовыхъ пунктовъ, она «захлебнулася» на штурмѣ главной ограды, отбитая огнемъ съ нея. Однако она мужественно выждала подхода прочихъ колоннъ и начало общаго штурма всѣхъ 3-хъ тыс. нашихъ силъ, съ 5 ч. 30 м. дня:

Всего 3.024 ч. {
1) На сѣвер. фасъ = 2 б. и 6 ор.
2) » запад. » = 3$^{1}/_{4}$ » » 2 »
3) » вост. » = 2 сот. » 2 »
и 4) въ общ. рез.=6 ротъ и 2 ор.

Всего 6—8 пушекъ готовило эту атаку. Но текинцы не выносили и такого огня и очистили было западный фасъ, да послали къ намъ переговорщиковъ съ просьбой о прекращеніи огня. Но торопливый Ломакинъ, не дослушавъ пословъ, счелъ это желаніемъ затянуть дѣло до близкой уже темноты короткаго дня, и въ 5 ч. дня устраиваетъ общій ударъ, по залпу изъ 4-хъ орудій, стремясь использовать панику текинцевъ. Но неодолимость стѣнъ, жестокій отвѣтный огонь текинскихъ ружей и отсутствіе помощи нашей могучей артиллеріи повергаютъ въ панику войска Ломакина, которые, смѣшавшись отъ большихъ потерь и оставляя на полѣ боя много трофеевъ, въ безпорядкѣ отошелъ къ обозу.

Ярость преслѣдованія осадила наша артиллерія, вмѣстѣ со встрѣчной атакой резерва такъ, что текинцы были вновь жестоко ошеломлены [1]) и, вѣря въ новый штурмъ, шлютъ новую депутацію для сдачи. Но и эту депутацію не выслушиваютъ и задерживаютъ на аванпостахъ. Уронъ нашъ былъ огроменъ [2])... Но онъ ничтоженъ въ сравненіи съ упадкомъ духа отряда, который ночью, тихонько, сталъ уходить отъ крѣпости, бросивъ безъ уборки поле боя...

Утромъ текинцы не вѣрятъ своимъ глазамъ — они побѣдили! Безумная радость ихъ окрыляетъ; они бросаются въ массовое преслѣдованіе, вновь осаженое русской артиллеріей... Тогда они возвращаются въ крѣпость, на сплошной пиръ, на выставку богатыхъ трофеевъ боя и звѣрски мучатъ нашихъ раненыхъ-плѣнныхъ, сдирая съ нихъ кожу и оскверняютъ наши трупы, а головы отрѣзываютъ и солятъ для разсылки сосѣдямъ... Съ 30 августа до 3 сентября Ломакинъ уходилъ безостановочно, преслѣдуемый все слабѣе и слабѣе, а 16-го онъ уже на Атрекѣ.

Текинцы разошлись по домамъ, а къ закаспійскимъ злосчастнымъ войскамъ ѣдетъ новый начальникъ съ Кавказа, генералъ Тергукасовъ [3]).

Этотъ походъ намъ стоилъ: 1.872.540 руб., полтысячи жизней и неисчислимаго урона нашего обаянія не только въ Средней Азіи, но и во всемъ свѣтѣ. Персы оказались на этотъ разъ правы: — «даже русскіе, казалось, были не въ силахъ одолѣть текинцевъ!»

Передъ Россіей вырастала нравственная и роковая необходимость—«раздавить скорпіона въ закаспійской пустынѣ», раздавить, во что бы то ни стало, дерзкій народецъ, который разсыпалъ по всей Азіи свои страшные трофеи и хвастался массой отбитаго цѣннаго оружія.

Іомуды—атрекскіе—послѣ неудачи 1879 г. «драли носъ» и обратились изъ «боязливыхъ халатниковъ 1871 г.» въ «нахаловъ», по словамъ будущаго героя этой эпопеи...

Мы стали получать обидные совѣты—какъ воевать съ текинцами— отъ бухарскаго эмира, отъ хивинскаго хана, отъ сосѣднихъ персидскихъ губернаторовъ изъ курдовъ... Первый увѣрялъ, что нужна стотысячная армія для разгрома туркменъ, безъ чего насъ снова постигнетъ неудача; второй былъ убѣжденъ въ неодолимости для насъ Туркменіи съ ея храбрецами, маловодіемъ, крѣпостью... Оба они — «поэтому» — смотрѣли сквозь пальцы на продажу ихъ купцами въ Ахалъ-теке пороха, свинца, оружія, патроновъ...

Англичане же, бывшіе тогда на большой высотѣ своего престижа въ Азіи, приняли рядъ мѣръ, дабы использовать нашу неудачу въ этихъ краяхъ: они ловко распустили базарный слухъ, что теперь въ Европѣ собрался совѣтъ (маслахатъ!), въ которомъ засѣдаетъ на первомъ мѣстѣ Англія, чтобы не дать Россіи «ходу». Англичане прислали текинцамъ подарки, письма, поздравленія, восхваляя ихъ мужество, побуждая къ упорству и обѣщая даже помощь. Англія толкала Персію мѣшать намъ, обѣщала вернуть ей Гератъ [4]),

---

[1]) У нихъ болѣе 2,000 убитыхъ и раненыхъ, б. ч. отъ огня артиллеріи.

[2]) 453 убит. и раненыхъ=27 офиц., 418 н. ч., 8 плѣнныхъ.

[3]) Командиръ 2-го кавк. корпуса и герой войны 1877—78 гг.

[4]) Она побуждала персовъ собирать войска въ Хоросанѣ, яко бы для будущей окупаціи Герата.

учила требовать отъ насъ Каракала, дабы стѣснить нашъ обходный, южный путь къ Геокъ-тепе персидскими горами...

Для насъ же начался длинный и томительный путь новой подготовки къ удару на Геокъ-тепе...

Полился дождь плановъ, проектовъ, совѣтовъ... Трудились: ген. Тергукасовъ за Каспіемъ; штабъ округа—въ Тифлисѣ; въ Петербургѣ—Главный штабъ, «Особое совѣщаніе» при немъ, изъ знатоковъ Средней Азіи, занимавшихъ въ свое время важные тамъ посты: Крыжановскій, Мейеръ, Глуховскій, графъ Борхъ... Въ Туркестанѣ—Кауфманъ...

Послѣ ген. Тергукасова, съ декабря 1879 г. трудился за Каспіемъ ген. Муравьевъ и ген. Петрусевичъ...

Много было высказано и дѣльныхъ и шаблонныхъ соображеній, имѣвшихъ свою долю вліянія на новую экспедицію.

Тергукасовъ поднялъ духъ участниковъ неудачнаго похода раздачей орденовъ (по 2 креста на роту, сотню и полубатарею), объявленіемъ благодарности за службу, улучшеніемъ быта войскъ, обѣщаніемъ скораго разгрома противника... Онъ перестроилъ заново всю Атрекскую военно-этапную дорогу. Онъ ликвидировалъ долги и дѣла прежней экспедиціи, распустилъ дорогую и ненужную милицію, сократилъ огромный штатъ экспедиціонныхъ управленій; началъ удалять за море лишніе рты и сократилъ тѣмъ таяніе запасовъ. Онъ улучшилъ сообщенія моремъ съ Кавказомъ и Европ. Россіей. Онъ началъ заводить охотничьи команды для партизанской борьбы съ туземцами [1]). Совмѣстно съ ген. Петрусевичемъ онъ разработалъ свой проектъ новаго похода, забракованный за дороговизну (40 милліон.), за долгій срокъ (4 года), за большое требованіе войскъ, перевозочныхъ средствъ, за пренебреженіе средствами Персіи и театра борьбы... Вдобавокъ, по болѣзни, онъ не смогъ быть исполнителемъ своего плана...

Штабъ округа (Кавказъ) собралъ толстое дѣло объ изслѣдованіи прежнихъ неудачъ въ прежній походъ и составилъ обширный свой проектъ похода, состоявшій изъ нѣсколькихъ комбинацій военныхъ дѣйствій при разныхъ предположеніяхъ хода политики, затратъ, времени...

Подготовка уже велась въ крупныхъ чертахъ по плану Кавказа...

Недоставало полководца. Кавказъ проектировалъ избрать одного изъ героевъ Турецкой войны, «если онъ согласится съ Кавказскимъ планомъ». Въ Петербургѣ называли многихъ кандидатовъ, при чемъ настоящій не былъ угаданъ, его выбралъ самъ Государь. Это былъ—Скобелевъ.

2. Подготовительныя операціи ген. Скобелева къ разгрому Геокъ-тепе.

А. Назначеніе Скобелева.

Государь объяснилъ свой выборъ тѣмъ, что Скобелевъ представлялся ему хорошо знакомымъ съ борьбой въ Средней Азіи, по участію въ Кокандскихъ походахъ, и какъ вождь, сочетавшій умъ и рѣшительность съ большой расчетливостью или осторожностью.

---

[1]) „Съ цѣлью имѣть людей знающихъ окрестности и чтобы отучить мелкія, хищныя партіи бродить подлѣ нашихъ этаповъ и пользоваться всякой нашей оплошностью“.

Несомнѣнно это былъ удачнѣйшій выборъ и наилучшее опредѣленіе способностей Скобелева, какъ показало мастерское исполненіе экспедиціи. Скобелевъ представлялся даже слишкомъ крупной величиной для небольшой экспедиціи, что можно видѣть изъ самой формы извѣщенія его Главнымъ штабомъ:

— «Такъ какъ экспедиція принимаетъ болѣе обширные размѣры, то можетъ быть ввѣрена Вамъ»...

10-го января 1879 г. Скобелевъ получилъ призывъ въ Петербургъ, а 12-го, въ знаменательный день будущаго (ровно черезъ годъ) взятія имъ Геокъ-Тепе, онъ удостоился долгой бесѣды съ Государемъ, который преподалъ ему цѣлую инструкцію. Государь сказалъ, что хотя и желательно сдѣлать походъ возможно дешевле, но войска должны быть широко обезпечены всѣмъ необходимымъ. Онъ совѣтовалъ не набирать въ управленіе отряда лишнихъ людей. Въ планахъ и дѣйствіяхъ прежней экспедиціи онъ нашелъ черты безпечности, пренебреженія противникомъ, столь доблестнымъ, какъ текинцы. Онъ предостерегалъ отъ разброски войскъ, приведшей такъ мало бойцовъ 28 августа 1879 г. къ стѣнамъ текинской твердыни. Онъ полагалъ, что даже отъ такихъ войскъ, какъ Кавказскія, нельзя требовать болѣе того, что они могутъ дать, штурмуя крѣпость съ голыми руками... Скобелевъ всегда съ волненіемъ говорилъ объ этой рѣдкой оцѣнкѣ нашей первой неудачи подъ Геокъ-тепе.

Закаспійскій край весьма отличенъ по свойствамъ своимъ отъ Туркестана, гдѣ Скобелевъ пріобрѣлъ передъ Турецкой войной свой наибольшій «средне-азіатскій» опытъ. Но и съ Закаспіемъ онъ прочно познакомился въ 1871 г., когда сдѣлалъ геройскій пробѣгъ въ 760 в. (со съемкой) всего съ 6-ю всадниками по одному изъ маршрутовъ въ Хиву (до Сарыкамыша-хивинскаго) черезъ страшную пустыню, отъ Красноводска.

Б. Планъ экспедиціи Скобелева.

Не въ характерѣ Скобелева было терять время, поэтому уже при составленіи скелета своего плана дѣйствій въ Петербургѣ онъ проявилъ стремительную дѣятельность.

Въ основу его онъ положилъ слѣдующую директиву правительства: безповоротно воевать съ Туркменіей; покорить край совершенно, но не увлекаться наступленіемъ дальше ахальскихъ предѣловъ; быстро, но систематично идти къ цѣли; начать сборы въ походъ немедля; разсчитывать на всяческое содѣйствіе экспедиціи со стороны Туркестана и Оренбургскаго края; база—Кавказъ и экспедиція—подъ руководствомъ главнокомандующаго Кавказской арміей; Скобелеву—полная мочь...

Скобелевъ много хлопоталъ, чтобы директива прошла въ выгоднѣйшемъ для экспедиціи видѣ и отозвался о ней, какъ о «не затрудняющей развитіе въ немъ всей его энергіи и способностей». Одно было ему не по душѣ—ограниченіе похода предѣлами земель ахалъ-текинцевъ, когда оставался еще огромный кусокъ Свободной Туркменіи—Мервъ съ его вассалами—сарыками и солорами.

Планъ свой Скобелевъ выковывалъ постепенно, по мѣрѣ хода самой экспедиціи, начиная съ подготовки...

Его противникъ располагалъ до 50-ти тыс. бойцовъ, въ числѣ коихъ $^1/_{10}$ доброконныхъ. Ихъ ручное оружіе—шашки, пики, тяжелыя азіатскія ружья на сошкахъ, вредоносныя съ 2 тыс. шаговъ, да до 600 штукъ скорострѣльныхъ. Ихъ артиллерія состояла всего изъ одной старой персидской пушки (6-фунт. калибра) и нѣсколькихъ крѣпостныхъ ружей (замбуреки). Эти силы опирались на крѣпость азіатскаго типа, около версты въ квадратѣ съ 4-саж. землянымъ валомъ, увѣнчаннымъ стѣной, до 5-ти саж. толщиной. Щитомъ ахалъ-текинцевъ были сотни верстъ дикой и пустынной страны, отдѣлявшей ихъ отъ насъ. Ихъ оазисъ давалъ имъ достаточные запасы для продовольствія, а привозный торгъ и собственное мастерство обезпечивало имъ боевой запасъ... Тяжкія условія жизни за Каспіемъ и подвоза туда запасовъ не позволяли намъ развернуть тамъ значительныхъ силъ; приходилось драться во много разъ меньшимъ, чѣмъ противникъ, числомъ, налегая на другіе коэфиціенты могущества—на наше регулярство, оружіе, духъ....

Скобелевъ взялъ «туркестанскую» пропорцію силъ, считая роту (200 ч.) равной тысячѣ нестройныхъ азіатцевъ ($^1/_5$); онъ приказалъ въ этомъ походѣ вести счетъ не на батальоны, а на роты, полагая, что въ степи наша рота для средне-азіатцевъ—«подвижной Страсбургъ».

Поэтому онъ довольствовался отрядомъ въ 7—12 тысячъ: $11^1/_2$ батал., 11 эск. и сот., при 64 орудіяхъ, считая здѣсь все и для удара, и для тыла.

О силѣ и разнообразіи артиллеріи онъ особенно хлопоталъ, даже по указанію опыта неудачнаго штурма Геокъ-тепе 28 августа 1879 г., и на основаніи туземной тактики, считавшей силу пушки въ тысячу бойцовъ. Онъ готовъ былъ подарить своему противнику нѣсколько старыхъ пушекъ, потому что потерю ихъ азіаты считаютъ гибельнымъ несчастіемъ и сильно падаютъ духомъ.

Расходы Скобелевъ намѣчалъ самые умѣренные, сравнительно съ другими прожёктерами, не болѣе $13^1/_2$ мил. руб., а съ постройкой участка ж. дороги—не болѣе 22 мил. руб.

Срокъ для похода онъ намѣчалъ въ 1—$1^1/_2$ года.

При этомъ онъ назначалъ самое полное, даже роскошное снабженіе всей экспедиціи, считаясь съ трудностями походной жизни въ столь тягостномъ для европейца краѣ.

Онъ хотѣлъ привлечь въ походъ всѣ новинки техники: опрѣснители, дековильку, рутьеры, геліографъ, пулеметы, ракеты, ручныя гранаты, консервы, предварительный контроль и широкую эксплоатацію мѣстныхъ средствъ Туркменіи и сосѣдней Персіи и даже изъ Хивы [1])... Санитарныя средства онъ намѣтилъ обильныя. А продовольственный режимъ опредѣлилъ фразой: «кормить до отвалу и не жалѣть того, что испортится».

Для сокрушенія текинской твердыни онъ бралъ съ собой осадный (инженерный и артил.) паркъ, сдѣлавъ расчетъ (брешированіе) съ помощью участника осады Джизака (въ Туркестанѣ).

Онъ проектировалъ цѣлую тактику, тактику прикладную для Закаспія: походные и боевые порядки, укрѣпленные этапы, вожденіе каравановъ, пар-

---

[1]) Дававшей ему отличную охватывающую базу.

тизанская война, тактика кавалеріи, огневая тактика пѣхоты... Развивая эти вопросы, по мѣрѣ нужды, въ теченіе всей экспедиціи, онъ составилъ себѣ имя этимъ оригинальнымъ прикладнымъ творчествомъ... Сноровки эти—часть его плана дѣйствій.

Ему нужно было до 20 тыс. верблюдовъ. Онъ не остановился передъ операціей доставки ихъ изъ Туркестана и Оренбургскихъ степей, за тысячи верстъ.

Для ускоренія подготовки экспедиціи, особенно наступленія послѣдняго ея акта—осады и штурма Геокъ-тепе, онъ раздѣлилъ накопленіе запасовъ за моремъ отъ сосредоточенія тамъ ртовъ, удаливъ до времени всѣ лишнія войска на Кавказъ и оставивъ только необходимое для прикрытія складовъ и для «пробныхъ» военныхъ дѣйствій.

Онъ оборудовалъ свою базу пристанями, дорогами, укрѣпленіями, телеграфами, этапами, рѣшивъ создать этотъ могучій «трехугольникъ средствъ»: Красноводскъ, Чикишляръ, Бами.... [1]) со вспомогательнымъ персидскимъ магазиномъ въ Гермабѣ, близъ самаго Геокъ-тепе...

Съ помощью знаменитаго моряка Макарова [2]) онъ доказалъ доступность длиннаго Михайловскаго залива, какъ подступа на сотню верстъ въ страну... Отъ него поползли къ оазису ж. дороги (обыкновенная и переносная).

Онъ рѣшилъ ввести въ планъ экспедиціи приходъ изъ Туркестана подъ Геокъ-тепе вспомогательнаго отряда, дабы поразить средне-азіатцевъ преодолѣніемъ русскими огромной Закаспійской пустыни.

Онъ проектировалъ Куропаткина себѣ въ начальники штаба, подчеркивая тѣмъ его лучшее военное назначеніе... Но послѣдній поспѣлъ подъ Геокъ-тепе изъ Семирѣчья только въ начальники туркестанской вспомогательной колонны. Профессоръ тактики, Гудима-Левковичъ, вслѣдствіе нездоровья, не смогъ быть начальникомъ штаба экспедиціи и Скобелевъ замѣнилъ его Гродековымъ, удивительно оборудовавшимъ «боковую персидскую базу экспедиціи» и составившимъ самое полное описаніе этого похода.

Такъ какъ Скобелевъ не былъ еще лично въ бояхъ съ текинцами, то въ число подготовительныхъ дѣйствій онъ включилъ и «пробный» походъ на нихъ.

Словомъ расчеты Скобелева были полны и надежны, что и не замедлило подтвердиться.

В. Подготовительная дѣятельность Скобелева въ Петербургѣ, Тифлисѣ и за Каспіемъ на первыхъ порахъ.

Изъ Петербурга Скобелевъ послалъ штабъ-офицера въ киргизско-оренбургскія степи для покупки и привода въ Красноводскъ пустыннымъ берегомъ Каспія 6-ти тыс. верблюдовъ подъ конвоемъ 5-ти сотенъ казаковъ.

Въ своихъ обращеніяхъ къ разнымъ правительственнымъ учрежденіямъ онъ поднялъ тьму вопросовъ, касательно деталей сборовъ въ экспедицію.

31-го марта 1880 г., отслуживъ напутственный молебенъ въ Казанскомъ

---

[1]) Бами—голова всей базы.

[2]) Прославился въ Турецкую войну на Черномъ морѣ и погибъ въ Японскую, въ Портъ-Артурѣ, на «Петропавловскѣ».

соборѣ въ Петербургѣ, Скобелевъ отправился въ экспедицію, заѣхавъ по дорогѣ въ Минскъ проститься со своимъ 4-мъ корпусомъ. Онъ заѣхалъ потомъ въ Тифлисъ явиться своему главнокомандующему и переговорить по массѣ вопросовъ съ окружными управленіями, питавшими его экспедицію. Отъѣздъ его изъ этого города былъ задержанъ на девять дней (14—25 апрѣля) завалами на Военно-Грузинской дорогѣ черезъ Кавказскій хребетъ. Въ Петровскѣ (портъ) и въ ближайшихъ къ нему мѣстахъ онъ очутился уже среди войска, лицъ и запасовъ, назначенныхъ въ экспедицію. На пароходѣ «Вел. Кн. Константинъ» отбылъ онъ за море на театръ экспедиціи, начавъ обходъ его съ самыхъ глухихъ угловъ—съ Мангишлака... Съ 1-го мая онъ сталъ объявлять по экспедиціи свои знаменитые приказы, отличающіеся огненнымъ стилемъ, лаконичностью, мѣткостью выраженій и цѣлой школой по всяческому военному обиходу. Въ этихъ приказахъ онъ объявлялъ о хорошемъ и о дурномъ; грозилъ, кому слѣдовало, и хвалилъ, кого было надо; преподавалъ правила и сноровки, старался поднять духъ участниковъ экспедиціи на значительную высоту. Приказы полны литературныхъ достоинствъ и изъ нихъ бьетъ фонтаномъ, такъ сказать, знаніе солдатскаго и офицерскаго сердца и умѣнье управлять имъ. Со Скобелевымъ былъ и штабъ его изъ 6-ти отборнѣйшихъ работниковъ.

Правительство присылало Скобелеву копіи донесеній своихъ агентовъ о ходѣ міровыхъ дѣлъ, особенно англо-азіатскихъ. Онъ былъ въ оживленнѣйшихъ сношеніяхъ съ нашими дипломатическими агентами въ Персіи.

Цензура извѣстій о дѣлахъ экспедиціи была установлена Скобелевымъ столь же строго, какъ въ наши дни у болгаръ въ ихъ борьбѣ съ турками.

Прежде всего Скобелевъ налегъ на транспортировку грузовъ для экспедиціи изъ-за моря, начатую еще 1-го апрѣля по его телеграммѣ изъ Петербурга. Къ его прибытію успѣхъ этой операціи былъ уже великъ, но великъ былъ и остатокъ, равный 1.324.694 пудамъ! На каждую перевозку составлялись точнѣйшіе планы...

Появленіе Скобелева за Каспіемъ составило цѣлую новую эпоху въ н а с т р о е н і и нашемъ и нашихъ ближнихъ и дальнихъ сосѣдей и к р у т о повернуло всѣ дѣла къ н е с о м н ѣ н н о м у успѣху. Уже скобелевскія телеграммы изъ Питера приказывали: «войскамъ подтянуться, подучиться, ускорить прохожденіе курса стрѣльбы; ревизовать магазины; отправить все неспособное и лишнее за море, въ томъ числѣ и лишніе — до времени — рты и пушки». Теперь онъ требовалъ «плоды» своихъ распоряженій: онъ расхвалилъ Мангишлакскія войска; установилъ изъ ихъ удалыхъ джигитовъ связь черезъ Хиву съ далекимъ Туркестаномъ. Онъ пожурилъ Красноводцевъ, говоря: «Войска Красноводскаго гарнизона! стоя вблизи непріятеля, вамъ нужно болѣе строгое воинское обученіе и болѣе солдатскій видъ!!» Досталось и передовому посту этого гарнизона у Михайловскаго залива, куда Скобелевъ приплылъ съ Макаровымъ по «новому» фарватеру, обставленному уже вѣхами, и гдѣ онъ осмотрѣлъ уже шедшее подъ руководствомъ Анненкова жел.-дорожное строительство вглубь текинскихъ степей и пустынь. Пожурилъ онъ и Чикишляръ, куда высадился 7-го мая 1880 г., п у с т и в ъ с ъ 4-х ъ в е р с т ъ о т ъ б е р е г а в п л а в ь с в о е г о б о е в о г о к о н я...

Такъ какъ пробное плаваніе Макарова по р. Атреку (9—17 мая) убѣдило Скобелева въ невозможности использовать сотни верстъ этой водяной артеріи для внѣдренія внутрь текинскаго материка, то онъ сталъ совершенствовать оба старые сухопутные пути, сходившіеся къ текинскому оазису (у Кизилъ-Арвата) отъ Красноводска и Чикишляра.

Первымъ стремленіемъ его было захватить прочно голову этихъ путей — Кизилъ-Арватъ или Бами. И къ 25-му мая, черезъ 16 дней по своей высадкѣ, онъ уже изготовился для экспедиціи съ этой ближайшей цѣлью. Но своимъ наступленіемъ онъ хотѣлъ достигнуть и другихъ выгодъ, въ томъ числѣ и произвести на весь край полезное для насъ впечатлѣніе, уже произведенное отчасти однимъ его появленіемъ. Текинскіе соглядатаи уже распространили всюду, что «новый генералъ—человѣкъ молодой, одинъ изъ героевъ Турецкой и Туркестанской войнъ, участникъ и командиръ многихъ боевыхъ лихихъ дѣлъ; онъ покорилъ сильное Кокандское ханство и шутить не любитъ!»

Скобелевъ зналъ, что это всполошило текинцевъ, которые собрали совѣтъ и, вмѣсто задуманнаго было (вмѣстѣ съ мервцами) нападенія на насъ, занялись усовершенствованіемъ своей крѣпости, а мервцы отправились восвояси. Въ то же время текинскій правительственный и военный совѣтъ послалъ тысячу всадниковъ сгонять свой народъ къ крѣпости для работъ и войны. Около этого времени Нуръ-верды-ханъ-текинскій умеръ, отъ усиленныхъ трудовъ по борьбѣ съ русскими, а новый — Кули-ханъ, какъ менѣе талантливый, былъ снабженъ четырьмя совѣтниками-помощниками. Самъ ханъ вовсе еще не имѣлъ боевого опыта.

И англичане были взволнованы назначеніемъ и дѣятельностью Скобелева. Для контръ-вліянія они послали новому хану ободреніе: письмо, подарки и увеличили число своихъ агентовъ (тайныхъ, военныхъ, политическихъ, консульскихъ...) близъ самаго раіона борьбы въ предѣлахъ Персіи, дабы лучше слѣдить и лучше вліять.

Скобелевъ, съ своей стороны, не пустилъ къ себѣ извѣстнаго англійскаго журналиста О'Донавана, старавшагося затѣмъ черезъ Персію попасть въ Геокъ-тепе.

Въ то же время англичане подбивали шаха дать Мерву субсидію, за которую тотъ обѣщалъ объявить себя вассаломъ Персіи и не дѣлать набѣговъ въ Хоросанъ и Сеистанъ.—Насколько персидскіе поселяне желали разгрома текинцевъ, настолько этого не хотѣли персидскіе пограничные губернаторы, объяснявшіе всегда умаленіе шахскихъ доходовъ (въ свою пользу) разбоями текинцевъ и даже входившихъ съ ними въ тайныя соглашенія, для полученія наградъ и подарковъ за пышныя реляціи по отраженію текинскихъ аламановъ.

Оцѣнивая всю эту пеструю обстановку, Скобелевъ рѣшилъ сдѣлать переломъ въ ней, шагомъ въ наступленіе... для водворенія въ самомъ оазисѣ врага, для прикрытія тѣмъ строительства своихъ военныхъ дорогъ, для толчка своимъ войскамъ изъ неподвижности, пассивности, унынія—къ полевой оживленной дѣятельности.

ОТЧЕТНАЯ КАРТА
ТУРКМЕНІИ.
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
КУНГРАДЪ
ХОДЖЕЙЛИ
УКР. ПЕТРОАЛЕКСАНДРОВСКЪ.
ХИВА
БУХАРА
КРАСНОВОДСКЪ
КАЗАНДЖИКЪ
КЫЗЫЛЪ-АРВАТЪ
БАМИ
КР. ДЕНГИЛЬ-ТЕПЕ (ГЕОКЪ-ТЕПЕ)
АСХАБАДЪ
ЧЕКИШЛЯРЪ
БУДЖНУРЪ
АСТРАБАДЪ
МЕШЕДЪ
СЕБЗЕВАРЪ
МЕРВЪ
МАЗАРЪ-И-ШЕРИФЪ
Текинцы
Киргизы
Устьюртъ
Сарыки
р. Аму-Дарья
Чарджуй
Бухара

Все это учелъ онъ въ такой формулѣ: «Пойдемъ впередъ, хотя частью отряда. Боевой успѣхъ дастъ намъ все. Если такъ, то вырвемъ его зубами...— всѣмъ для этого жертвуя»...

И онъ съ 23-го числа началъ этимъ «впередъ!» перелицовку всей обстановки въ Средней Азіи.

Г. Походъ въ Кизилъ-Арватъ, кончившійся занятіемъ Бами.

Еще въ Петербургѣ онъ намѣтилъ онъ эту операцію и еще въ мартѣ приказалъ готовить все для нея на головномъ этапѣ Атрекской дороги (Дузъ-олумъ) на 2 тыс. человѣкъ и 800 коней; онъ справляется объ этомъ, будучи въ Тифлисѣ и посылаетъ повѣрить наличіе тотчасъ по своей высадкѣ на берегъ Туркменіи. Сборъ верблюдовъ тормозитъ, но Скобелевъ, арестовавъ 11 іомудскихъ старшинъ, достаетъ этимъ $2^1/_2$ тыс. животныхъ. Съ 23-го мая началось движеніе отъ самаго Чикишляра. Скобелевъ съ конницей обогналъ эшелоны. Онъ инспектировалъ этапы Атрекской дороги, вводилъ тамъ новые —«скобелевскіе»—порядки, заложилъ новый этапъ (Ходжа-кала) и, перешагнувъ «Текинскій хребетъ» горъ двумя легкими колоннами, пошелъ по ихъ оазису искать мѣсто для стыка Красноводской и Атрекской дорогъ. Онъ облюбовалъ Бами и занялъ его 31-го числа [1]), потомъ продвинулся еще на переходъ (20 в.) впередъ и занялъ временно с. Беурму [2]), которую сжегъ...

Жители бѣжали. Силуэты текинской конницы маячили на горизонтѣ. Бами было выгоднѣе Кизилъ-Арвата, какъ болѣе близкій (всего 112 в.) къ Геокъ-тепе. Скобелевъ лично вернулся къ морю. Итакъ, на 34-й день своего прибытія Скобелевъ твердо и безповоротно помѣстилъ свои аванпосты въ 400 вер. отъ моря и всего въ 112—90 вер. отъ твердынь противника, на исконной текинской землѣ, и туда же сталъ перекатывать свою базу. Это было въ разгаръ богатой жатвы въ оазисѣ, и Скобелевъ сталъ тамъ хозяйничать, добывая такіе мѣстные запасы, о которыхъ и не мечтали его предмѣстники.

Онъ послалъ текинцамъ ультиматумъ: 1) покорность; 2) русская окупація; 3) контрибуція въ $^1/_2$ мил. руб., 1000 племенныхъ жеребцовъ и выдача всѣхъ старинныхъ грамотъ, рукописей, документовъ и книгъ ахалъ-текинскаго народа; 5) отказъ отъ рабовъ.

Текинцы отвѣчали налетами на наши аванпосты и этапы. Скобелевъ разработалъ этапную, транспортную и аванпостную тактику для мѣстныхъ условій. Несмотря на руководство налетами талантливѣйшаго вождя текинцевъ, Тыкма-сердаря, послѣдніе имъ мало удавались, вслѣдствіе строгихъ порядковъ, заведенныхъ Скобелевымъ.

Въ Бами — базу для движенія къ Геокъ-тепе—въ продовольственномъ смыслѣ «накачивали» запасы, подвигавшіеся изъ-за моря по двумъ этапнымъ путямъ и собираемые въ здѣшнемъ краѣ. Скобелевъ раздѣлилъ трудъ этапныхъ дорогъ — изъ Красноводска шло все «несъѣдобное», а продовольствіе текло по атрекской дорогѣ, гдѣ шелъ и сборъ мѣстныхъ

---

1) Окончательно мы обосновались тамъ къ 9-му іюня.

2) Тамъ сталъ помѣщаться нашъ авангардъ.

Генералъ-адъютантъ

МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ.

Съ фотографіи, снятой въ Геокъ-тепе 12 февраля 1881 года.

средствъ. Эксплоатацiя последнихъ составила, положительно, эпоху въ нашихъ закаспiйскихъ операцiяхъ: пустыня кормила уже войну. Кромѣ сбора текинскихъ запасовъ, кромѣ подрядовъ, взятыхъ жителями персидскаго склона горъ (сѣнокосы), Скобелевъ завелъ въ Бами свое хозяйство: огороды, посѣвы... Всѣ увидѣли, что русскiе шагнули къ текинцамъ не на время. Самъ Скобелевъ не могъ нахвалиться быстротой сбора мѣстныхъ средствъ. И Государь отмѣтилъ это въ своей резолюцiи: «Походъ быстрый, но не зря, а съ большимъ расчетомъ».

Всѣ заботы Скобелева въ этотъ перiодъ сводились къ быстрому наполненiю Бами; онъ говорилъ: — «вообще, какъ принципъ — выдвигать все впередъ — въ этомъ весь планъ!»

Налеты текинскихъ партизанъ наносили намъ не столько матерiальный, сколько моральный вредъ — они мутили нашихъ подданныхъ iомудовъ, и безъ того «подогрѣваемыхъ» давно англо-персидскими эмиссарами. Послѣднее Скобелевъ выразилъ такъ: — «Здѣсь болѣе, чѣмъ въ отдаленномъ Туркестанѣ, влiяютъ враждебные намъ европейскiе элементы». Скобелевъ усердно боролся съ партизанами, и это локализировало массовыя возстанiя атрекскихъ iомудовъ на нашихъ сообщенiяхъ съ моремъ.

Одна изъ стычекъ съ текинцами на сообщенiяхъ съ Бами, 21-го iюня 1880 г., на Бендесенскомъ перевалѣ прославилась на весь свѣтъ массой боевого упорства, выказаннаго обѣими сторонами, а въ особенности нами. Это подвигъ партiи доктора Студитскаго—блестящая страница героизма русской армiи. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ.

19-го числа на перевалѣ погибъ отъ залпа текинской засады казакъ-почтарь, а подозрѣнiе пало на двухъ туземцевъ—джигитовъ, съ которыми онъ ѣхалъ.

21-го посланъ былъ осмотрѣть этотъ трупъ докторъ Студитскiй съ конвоемъ въ 12 казаковъ изъ Бами.

Эта партiя сама попала въ новую текинскую засаду и въ томъ же мѣстѣ.

Горсть нашихъ, одолѣваемая во много разъ превосходнымъ [1]) противникомъ, геройски отбивалась восемь часовъ подъ рядъ, въ самомъ неудобномъ (тактически) положенiи... И только случайный подходъ нашихъ выручилъ партiю изъ тягчайшаго положенiя. Текинцы понесли огромный уронъ, а наша партiя буквально истекла кровью: трое убито, въ томъ числѣ докторъ Студитскiй, да одинъ вскорѣ умеръ отъ ранъ; четверо ранено оружiемъ, а пятеро — камнями, сброшенными съ горъ. У текинцевъ однихъ убитыхъ болѣе 14 человѣкъ. Раненыхъ они увезли, оставивъ трофеями шесть предметовъ вооруженiя. Въ послѣднiя минуты огневой бой шелъ съ 30 шаговъ и разъ семь текинцы бросались въ шашки. Закаспiйцы были весьма воодушевлены этимъ подвигомъ, ощущая въ себѣ тѣ же силы. Уцѣлѣвшiе бойцы получили по золотому знаку Военнаго Ордена и по 100 рублей.

---

[1]) Въ 20 разъ.

Лучшимъ средствомъ отогнать текинскихъ партизанъ Скобелевъ считалъ наступленіе къ Геокъ-тепе. А такъ какъ онъ не былъ готовъ еще къ его осадѣ, то рѣшилъ предпринять наступленіе учебное, чтобы дать себѣ и войскамъ посмотрѣть каковы «текинцы» въ полевомъ бою. Такъ произошелъ пробный походъ-рекогносцировка подъ Геокъ-тепе съ крохотными силами, чтобы никто не счелъ этого движенія за новую, неудачную попытку похода для взятія крѣпости.

Д. Пробный походъ подъ Геокъ-тепе.

Это былъ давно обдуманный и расчитанный Скобелевымъ шагъ. Онъ давно твердилъ: —«Жаль, что я не былъ въ дѣлѣ съ этимъ непріятелемъ. Безъ этой данной я все-таки, въ концѣ-концовъ, въ потемкахъ».

— «Увы, недостаетъ мнѣ данной главнѣйшей, для рѣшенія: знанія этого непріятеля»...

— «Среди участниковъ прошлаго боя 28-го авг. 1879 г. сложились противорѣчивыя мнѣнія о боевыхъ качествахъ текинцевъ,—надо ихъ провѣрить»...

Это и двинуло Скобелева въ развѣдочный набѣгъ подъ Геокъ-тепе...

Съ другой стороны, наступая, онъ удерживалъ инипіативу въ своихъ рукахъ или, какъ говорилъ онъ: «оставался дирижеромъ оркестра».

— «Мы не должны (пояснялъ онъ) отвѣчать текинцамъ пассивнымъ выжиданіемъ»... Потомъ это движеніе должно было помѣшать текинцамъ убрать урожай, въ ущербъ запасамъ ихъ крѣпости.

Да и дипломатія, и генералъ Кауфманъ-Туркестанскій просили надавить на Геокъ-тепе, дабы сократить текинскіе разбои и базарную болтовню о нашемъ безсиліи.

Но беря съ собой горсточку силъ, чтобы не преувеличивали нашихъ намѣреній, Скобелевъ зналъ страшный рискъ такого предпріятія, съ возможностью быть раздавленнымъ огромными массами противника. Рискуя собой, онъ рисковалъ всей экспедиціей.

Выйти изъ этого испытанія съ честью, съ драгоцѣнными развѣдочными свѣдѣніями могъ только виртуозъ-вождь, и имъ оказался Скобелевъ въ этой «прогулкѣ въ осиное гнѣздо». Поискъ велъ онъ самъ. Съ нимъ было всего: $3^3/_4$ роты, 4 сот., 10 орудій и пулеметовъ, 8 ракет. станковъ = 344 штыка, 311 шашекъ, 128 артиллеристовъ и 13 повозокъ. Боевой запасъ— 80—120 патроновъ на ружье и по 3000 на пулеметъ; снарядовъ—80—108—300 на орудіе разныхъ системъ. Продовольствіе—на 6—12 дней. Ни палатокъ, ни фуража, а вмѣсто водки—чай...

Пошли съ 1-го іюля, послѣ молебна въ Бами. Шли въ походно-боевомъ степномъ порядкѣ (съ обозомъ въ серединѣ), значительно усовершенствованномъ Скобелевымъ. Послѣдній первые переходы шелъ съ конницей далеко впереди. У попутныхъ селеній были короткія перестрѣлки. Жители бѣжали. Арчманъ занятъ 1-го іюля; Дурдунъ—3-го; Акъ-кала—4-го; Егянъ-батыръ-кала—5-го, въ 12 верстахъ отъ Геокъ-тепе. Въ послѣднемъ собралось болѣе 25.000 воиновъ и число ихъ все росло, да пришло 800 мервцевъ и 150 ч. разныхъ племенъ. Хивинцы не скрывали своего сочувствія текинцамъ. Послѣдніе, по величинѣ отрядца Скобелева, тотчасъ угадали цѣль похода. Они

также поняли, что лучшій огонь, регулярство и талантливое предводительство дали русскимъ право на подобную дерзость... И это ихъ бѣсило.

Ночныя нечаянныя нападенія были наибольшимъ шансомъ для текинцевъ. Ожидая ихъ, Скобелевъ далъ знаменитую инструкцію—диспозицію своему отряду. Въ ней онъ объявилъ, между прочимъ, что только знаніе имъ исключительныхъ качествъ русскихъ войскъ позволило ему предпринять эту «дерзкую развѣдку».

Но текинцы, послѣ дневной перестрѣлки, не рѣшились ночью обрушиться на насъ, а съ $3^1/_2$ ч. утра Скобелевъ самъ пошелъ на нихъ, оставивъ обозъ съ прикрытіемъ въ попутной «калѣ» [1]).

Онъ хотѣлъ обойти крѣпость Геокъ-тепе кругомъ, внѣ ея огня, начиная съ юга, оглядѣть мѣстность, верки и въ неминуемыхъ столкновеніяхъ удостовѣриться, точно ли «русская рота въ Средней Азіи—подвижной Страсбургъ», если ею хорошенько руководить.

Съ 4-хъ час. утра начался бой съ большимъ коннымъ скопищемъ противника, во время котораго мы чуть-было не попали на крупную текинскую засаду, хорошо расположенную. Казачьи дозоры ее открыли. Нашъ огонь держалъ текинцевъ въ отдаленіи и прокладывалъ намъ дорогу. Они вредили намъ изъ небольшого числа своихъ тяжелыхъ ружей (фальконеты) и берданокъ, имѣвшихся въ ограниченномъ числѣ. Смѣльчаки изъ нихъ дѣлали наскоки на самую цѣпь и не безъ успѣха. Наши ракеты, какъ всегда, часто «капризничали»; одна упала среди своихъ... Тогда Скобелевъ, чтобы предотвратить панику, наѣхалъ на нее своимъ конемъ. Разрывъ ея ранилъ лошадь, но вызвалъ бурю восторга.

Высыпавъ съ пѣхотою въ большихъ массахъ изъ южныхъ воротъ крѣпости, текинцы заняли с. Янги-кала и преградили дорогу Скобелеву. Послѣдній, для пробы, разыгралъ бой за взятіе одного изъ передовыхъ пунктовъ («садъ»). Часть своей пѣхоты, замявшуюся было при этомъ, Скобелевъ муштруетъ подъ огнемъ (ружейные пріемы). Потомъ онъ мѣняетъ маршрутъ, бросаетъ въ крѣпость 120 снарядовъ съ западнаго фаса и, не желая болѣе дразнить текинцевъ, отходитъ стройно, съ музыкой, въ ногу, въ порядкѣ, не торопясь. Текинцы весьма насѣли на отрядъ, жалѣя, что добыча уходитъ изъ рукъ; приходилось пускать въ дѣло даже револьверы. Обозъ былъ тоже атакованъ, но безуспѣшно. Пять первыхъ верстъ длилось лихое дѣло, и группа текинскихъ наѣздниковъ показала безшабашность, зарубивъ у насъ въ самой цѣпи урядника и унеся его тѣло.

У обоза — цѣлая ночь напряженнаго ожиданія... Фальшивая тревога... Но толпы текинцевъ, пѣшія (2,000) и конныя (1,000), не рѣшились броситься на отрядъ, бодрствовавшій въ большомъ порядкѣ и большой готовности... Они также тихо отошли, какъ подкрались, и только съ разсвѣтомъ были преслѣдуемы дальнимъ пушечнымъ огнемъ. Ихъ арьергардные, на предгорьяхъ, прекратили даже огонь, пораженные величественностью русской утренней «зори съ церемоніей»... Далѣе насъ преслѣдуютъ лишь слегка. И 8-го Скобелевъ уже въ Бами, полонъ новыхъ выводовъ: текинцы лучше вооружены

[1]) Брошенная текинская крѣпостца.

и предводимы, чѣмъ мы думали; они, безусловно, учатся у насъ и имъ помогаютъ богатыя ихъ природныя дарованія. Крѣпость весьма усовершенствована съ 1879 года [1]).

Походъ былъ въ 230 в. туда и назадъ. Наша потеря ничтожна (3 ч. убиты, 7 коней погибло; 8 ч. и 13 коней ранено и 8 ч. контужено, да 2 повозки сожжено). Истрачено патроновъ 13—51 на ружье, по 190 на пулеметъ и 175 пушечныхъ снарядовъ. У текинцевъ выбито 4 знатныхъ и болѣе 200 простыхъ воиновъ. Но молва увеличила эту потерю до 15.000 ч., показывая тѣмъ размѣръ впечатлѣнія на Азію «прогулки» Скобелева. Духъ текинцевъ былъ угнетенъ, и только новыя одобренія «друзей» и тайная помощь оружіемъ и боевыми припасами изъ сосѣднихъ мусульманскихъ странъ вновь дали имъ импульсъ противоборства.

Они даже хотѣли въ массахъ напасть на насъ 31-го іюля. Но небольшое движеніе нашего авангарда (изъ Баминскаго отряда), растолкованное, какъ новая «прогулка» въ Геокъ-тепе, вернула ихъ назадъ. Тогда разразился новый пароксизмъ партизанской войны, на что Скобелевъ отвѣчалъ развитіемъ нашихъ «охотничьихъ» командъ и посылкой «летучихъ отрядовъ».

Для опоры охотникамъ и летучимъ отрядамъ, Скобелевъ воздвигъ промежуточные этапы (Бендесенъ, Кизилъ-Арватъ...), а среди населенія ищетъ пособниковъ (сел. Нухуръ), тамъ, гдѣ, какъ въ предгорьяхъ персидскихъ кряжей, есть смѣшанныя селенія туркменъ, курдовъ, персовъ... Много цѣннаго оставилъ намъ Скобелевъ въ своихъ инструкціяхъ охотникамъ. Общее его правило, по организаціи поисковъ, гласило: «команду въ рукахъ, въ смыслѣ готовности для серьезнаго столкновенія съ непріятелемъ, при бойкомъ офицерѣ, можно рѣшиться послать впередъ; только надо держать ухо востро—мало пройти впередъ, надо молодцомъ и вернуться».— Мы не будемъ слѣдить за ходомъ этой партизанской войны, въ числѣ видныхъ героевъ которой оказался любимецъ Скобелева, шт.-кап. Славочинскій [2]).

Е. Объѣздъ Скобелевымъ области; покушеніе на жизнь Скобелева и ускореніе имъ хода подготовки.

Вернувшись изъ-подъ Геокъ-тепе, Скобелевъ съ новыми данными въ рукахъ еще ревностнѣе сталъ двигать подготовку осады и штурма этой твердыни, пустившись въ объѣздъ своихъ 400-верстныхъ артерій военно-этапныхъ дорогъ. Работы шли въ разгарѣ по транспортировкѣ грузовъ моремъ и сушей, по постройкѣ пристаней, опрѣснителей, ж. дороги, по сбору и приводу издалека верблюдовъ, по созданію каботажа по Михайловскому заливу...

Но слухъ о новомъ движеніи текинскихъ массъ внезапно вернулъ его къ утру 13-го авг. въ Бами. Насъ предупредили наши агенты черезъ Персію и, дѣйствительно, 4—6 тыс. текинцевъ шло въ обходъ Бами съ юга горами, но—

---

[1]) Онъ донесъ, что взятіе Геокъ-тепе—дѣло серьезное.

[2]) Нынѣ видный генералъ на Кавказѣ.

какъ мы уже выше сказали—аналогичный слухъ о нашемъ походѣ вернулъ ихъ пѣхоту, а конница ихъ пустилась тогда партизанить на нашихъ сообщеніяхъ (2, 4, 12, 14, 19, 24 авг. и 10, 12, 13, 14, 23 и 27 сент.). Въ одно изъ такихъ нападеній они даже увели одного изъ боевыхъ коней Скобелева, знаменитую лошадь—«Шейново», которую вели къ нему по этапамъ. По замиреніи текинцы вернули ему этого коня.

Видя, что вся сила русскихъ въ этотъ разъ базируется на личности Скобелева, текинскіе вожди рѣшили испытать покушеніе на его жизнь и увлекли въ это предпріятіе одного изъ жителей с. Нухура, среди коихъ не было недостатка въ двойныхъ шпіонахъ. Покушеніе произошло въ ночь на 14-е авг. въ Бами, во время бивачнаго пиршества, во время котораго Скобелевъ раздавалъ кресты героямъ его пробнаго поиска подъ Геокъ-Тепе и говорилъ горячую рѣчь. Во время послѣдней раздался выстрѣлъ со стороны базара пріѣзжихъ нухурцевъ и пуля просвистѣла возлѣ головы Скобелева. Послѣдній имѣлъ мужество кончить сперва рѣчь, а потомъ распорядиться розыскомъ злоумышленника. Но послѣдній скрылся, хотя и былъ опредѣленъ.

Партизанскія состязанія продолжались. Для отдаленія партизанскихъ гнѣздъ отъ нашихъ этаповъ, Скобелевъ сталъ засыпать ближайшія группы степныхъ колодцевъ, что и возымѣло свое дѣйствіе.

Изъ контръ-дѣйствій нашихъ партизанъ, выдался подвигъ полусотни казаковъ сотника Алейникова (28-го сент. 1880 г.), настигшей большую шайку текинцевъ, отбившей ограбленный ею нашъ транспортъ и нанесшей ей полное пораженіе.

На этомъ же случаѣ Скобелевъ подчеркнулъ войскамъ необходимость большой осторожности и бдительности противъ текинцевъ, у которыхъ даже верховные ихъ предводители (Тыкма-сердарь) способны бросаться съ шашкой на штыки.

Съ новой энергіей полетѣлъ Скобелевъ по своей области ускорять конецъ «Баминскаго сидѣнія». Гродекова онъ послалъ въ Персію заложить вспомогательный магазинъ противъ самаго Геокъ-тепе, чтобы откинуть на него свой тылъ во время осады, если бы то потребовалось. Эта прозорливость насчетъ «откидыванія» тыла еще Наполеономъ звалась «божественной частью военнаго искусства». Гродековъ блестяще исполнилъ дѣло; но магазинъ пригодился намъ только послѣ взятія Геокъ-тепе.

Блестяще удался и приводъ верблюдовъ за тысячи верстъ съ сѣвера (Оренбургскіе киргизы) и съ с.-востока (Туркестанъ). Они сдѣлали съ сѣвера 970 в. въ количествѣ 6.600 штукъ, потерявъ только 1,01%. Ихъ конвоировало 882 казака. Всего же въ эту экспедицію «обернулось» у Скобелева 12.596 верблюдовъ, изъ коихъ пало 12.246!!

Не теряя часа даромъ, все болѣе и болѣе совершенствуя и выковывая свой планъ, Скобелевъ почти окончательно устанавливаетъ сроки конца подготовки къ осадѣ Геокъ-тепе, въ видѣ переброса къ его стѣнамъ своей базы.

Въ Бами уже было всего нужнаго для осады на 5 мѣс., для 7-ми тыс. челов. и 3-хъ тыс. коней; всѣ этапы до моря обезпечены на 7 мѣс.; военные транспорты могутъ постепенно перемѣщать по 30 тыс. пуд. въ мѣсяцъ; въ

Дузъ-олумѣ магазинъ «на случай неудачи» на 8 тыс. человѣкъ, да въ Гермабѣ-персидскомъ, близъ Геокъ-тепе, вспомогательный «Гродековскій» магазинъ на 8 тыс. чел. и на 3 тыс. коней на $2^1/_2$ мѣс. Быстрота ж.-дор. строительства открывала горизонты «устойчивости» подвоза въ будущемъ. Помогая изъ суммъ экспедиціи ген. Глуховскому, Скобелевъ получалъ новый обводняемый имъ путь на Хиву, откуда не прочь былъ установить подвозъ запасовъ.

Самъ Скобелевъ сказалъ въ то время, что тылъ его былъ не только безъ крупныхъ недостатковъ, но даже обладалъ «запасомъ прочности» въ количествѣ запасовъ и въ механизмѣ ихъ подвоза и размѣщенія.

Покончивъ съ запасами, Скобелевъ принялся за сосредоточеніе войскъ, спущенныхъ за море, разсредоточенныхъ по этапамъ и ожидаемыхъ изъ Туркестана.

Съ 28-го августа потекли сюда войска съ Кавказа. Съ 12-го сентября пошли и туркестанцы съ Аму-Дарьи, выйдя 8-го ноября уже въ окрестности Бами, на главную артерію операціи.

26-го сентября только въ Бами собралось: 26 ротъ, $3^1/_2$ с. и 6 орудій (не считая орудій осады). Туркестанцы пришли въ составѣ: 472 чел. пѣх., 318 чел. кон., 36 чел. артиллеристовъ при 2-хъ горныхъ орудіяхъ и 2-хъ ракетныхъ станкахъ, съ 900 верблюдами и 153-мя погонщиками, сдѣлавъ въ благопріятное время 673 версты по пустынѣ, верстъ по 36 въ сутки въ среднемъ.

Скобелевъ еще разъ объявилъ, что эта помощь изъ Туркестана нужна была для нагляднаго удивленія всей Средней Азіи, что «пустыня Туркменіи больше не разъединяетъ тамъ русскихъ силъ».

Ж. Наступленіе войскъ и запасовъ къ самому Геокъ-тепе.

Собравъ большую часть войскъ и запасовъ въ Бами, Скобелевъ двинулъ ихъ подъ Геокъ-тепе, для рѣшенія тамъ судьбы экспедиціи.

Силы пошли сперва двумя дорогами — прямо степью и по предгорьямъ, къ югу, какъ бы въ охватъ. Съ этимъ «охватомъ» пошелъ и Скобелевъ, выйдя (24-го ноября) не изъ Бами, а изъ Дузъ-Олума съ 803 чел., 923 конями при 2-хъ орудіяхъ (всего съ нимъ 6 сот. и 2 орудія). Пройдя предгорьями всего 165 вер., эта колонна отъ с. Нухура спустилась въ равнину и слилась съ авангардомъ гл. силъ. Во время послѣдняго перехода «на это сліяніе», въ ночь на 28-е ноября, Скобелевъ, смѣло отдѣлившись отъ своей колонны съ горстью людей, охотниковъ, казаковъ и мѣстныхъ жителей (22 челов. съ 7-ю винтовками), заблудился и до разсвѣта былъ въ большой опасности. Его могли захватить текинцы. Онъ проявилъ при этомъ большое мужество и видную распорядительность. Гибель его могла бы накренить на бокъ судьбу всей операціи. Онъ выразился, что былъ: «на рубежѣ успѣха и — всегда возможной — катастрофы».

Соединенie колоннъ произошло у Келате. Здѣсь мы захватили много скота, нѣсколько (10 ч.) жителей селенiя съ запасами (11.000 барановъ, 180 гол. крупн. рог. скота), убили 14 текинцевъ и потеряли сами двухъ.

Погода шла къ зимѣ, которая здѣсь бываетъ, разъ въ 4 года, довольно суровой. Но отрядъ Скобелева былъ обезпеченъ теплымъ платьемъ (полушубки, фуфайки, суконныя портянки, кашнэ на каждаго).

Отъ Бами строились новые этапы (Арчманъ, Келате, Егянъ-батыръ-кала).

Текинскiе развѣдчики мчались въ Геокъ-тепе съ извѣстiемъ, что Скобелевъ идетъ брать крѣпость.

Слухъ о готовящемся сопротивленiи Егянъ-батыръ-кала не подтвердился, и нашъ маневръ къ ней произошелъ въ пустую: текинцы отошли. Здѣсь, въ 12-ти верстахъ отъ крѣпости, Скобелевъ заложилъ «б а з у о с а д ы».

Тревожный выстрѣлъ единственной пушки текинцевъ возвѣстилъ 30-го числа это событiе. У калы мы отбили 6 тыс. барановъ. Густая цѣпь текинцевъ до темноты обстрѣливала наши биваки, а часть ихъ въ 3 час. дня устроила было огневую засаду [1]).

Роль Бами совершенно кончилась, и Скобелевъ написалъ прочувствованный приказъ Баминскому гарнизону:

— «Ихъ грудью удержано Бами... рѣдкая ночь проходила безъ перестрѣлки и тревогъ, часто по нѣскольку разъ въ ночь; не мало раненыхъ и убитыхъ было изъ среды небольшой кучки баминцевъ».

29-го текинскiе всадники стали выкрикивать издали намъ, что у Казанджика разбитъ нашъ транспортъ, который, какъ потомъ оказалось, былъ лихо отбитъ подошедшей нашей подмогой.

2-го декабря подтянулся къ Егянъ-батыръ-кала и хвостъ отряда «вторженiя». Собралось 2,000 чел. съ довольствiемъ на 15 дней. Для осады тутъ имѣлось 2,000 штукъ шанцеваго инструмента; 700,000 патроновъ и 6,704 снаряда.

Калу окрестили «Самурскимъ» этапомъ и довели его запасъ до 2-хъ мѣс. пропорцiи; до полнаго боевого комплекта (по 300 патроновъ на ружье и по 3 компл. снарядовъ) съ парками — инженернымъ и артиллерiйскимъ, съ подвижнымъ лазаретомъ и отдѣленiемъ госпиталя.

Отрядъ Скобелева, постепенно усиливаясь вновь подходящими эшелонами, выросъ къ этому же времени до 4 тыс. пѣх., 11 эск. и сот. при 47 пушкахъ (къ $^1/_2$ декабря).

Все это не обходилось безъ тренiй, по поводу которыхъ Скобелевъ выразился:

— «Конечно, война безъ лишнихъ усилiй и случайностей — не мыслима...».

Все точнѣе и точнѣе дѣлая свои расчеты, Скобелевъ уже съ начала наступленiя изъ Бами твердилъ:

— «Между 5 и 10 декабря усиленное обстрѣливанiе Геокъ-тепе должно быть въ полномъ ходу! Впередъ! пора рѣшительно наступать!»

---

[1]) Обнаруженную казачьей лавой.

3. Текинцы, ихъ сосѣди и доброжелатели къ началу осады.

Съ 4-го декабря Скобелевъ началъ свои дѣйствія для осады Геокъ-тепе съ рекогносцировокъ послѣдняго. Къ этому времени у текинцевъ прекратились колебанія относительно упорства обороны, начавшіяся было съ наступленіемъ Скобелева. Жизнь, полная лишеній, вслѣдствіе скученности въ Геокъ-тепе, экономія въ запасахъ, даже голодовка — были причиной ихъ колебаній. Въ крѣпости на тѣсномъ пространствѣ, всего до 1 кв. версты, съ приходомъ 21-го декабря 2,000 мерьцевъ, собралось до 30,000 человѣкъ бойцовъ съ 10,000 конями, а съ семьями—до 45,000 человѣкъ [1]).

Хотя въ пескахъ были зарыты у текинцевъ большіе запасы хлѣба, но онъ выдавался весьма скупо, а стада держались къ востоку отъ крѣпости, верстахъ въ 150—200, что лишало жителей молока и мяса [2]). Запасовъ фуража и топлива въ крѣпости вовсе не было — за ними ѣздили тоже въ пески.

Поднялся было ропотъ. Даже часть защитниковъ ушла (въ октябрѣ) — $1^1/_2$ тыс. въ Мервъ и 1 тыс. въ Серахсъ. Для борьбы съ этимъ текинцы нарядили 800 чел. — ловить бѣглецовъ, конфисковать ихъ имущество.

Борьба партій войны и мира опять обострилась, но осилила первая. Однако текинцы стали облумывать и мѣры на случай неудачи — куда уйти. Для повѣрки правильности своихъ рѣшеній и для просьбы содѣйствія и помощи, они двинули посольства: 1) въ Хиву, 2) въ Мервъ, 3) къ пограничнымъ персидскимъ властямъ, 4) къ англійскому агенту въ Мешедѣ. Въ то же время партія мира была не прочь войти съ русскими въ тайныя сношенія. Само «четверовластіе», управлявшее Теке, раскололось тайно на склонныхъ къ миру.

Хивинскій ханъ и хивинскіе туркмены съ сожалѣніемъ отказали въ помощи, боясь репрессій русскихъ изъ близкаго Петро-Александровска. Ханъ даже сообщилъ о текинскомъ посольствѣ намъ офиціально и, по нашему указанію, совѣтовалъ текинцамъ смириться.

Мервцы снова обѣщали помощь. Но запасъ персидскихъ пушекъ, бывшій въ Мервѣ (съ 1861 г.), не могъ быть посланъ въ Теке «по неисправности лафетовъ и колесъ». Вѣрнѣе, что мервцы берегли пушки для себя. Они послали только 2 тыс. конныхъ воиновъ (Каджаръ-Топасъ-ханъ).

Движеніе этихъ силъ, во второй половинѣ ноября, преувеличенныхъ молвой до 6 тыс. и нѣсколькихъ орудій, встревожило Персію. Шелъ слухъ, что мервцы (6 тыс.) съ 3 тыс. текинцевъ хотятъ напасть на Хоросанъ, чтобы добыть запасы. Правители персидскихъ провинцій двинулись съ войсками изъ курдовъ для защиты своихъ границъ [3]). Скобелевъ узналъ о движеніи мервцевъ 27-го ноября. Мервцы вступили въ Геокъ-тепе въ ночь съ 20-го на 21-е декабря, когда осада уже началась и нашъ лагерь стоялъ въ

---

[1]) Ружей—30 тыс. (сабель и пикъ до 5 тыс.), изъ коихъ до 600 скорострѣлокъ и одно 6-ти фунтовое мѣдное орудіе, да 2 чугунныхъ крѣпостныхъ ружья (замбуреки) на станкахъ.

[2]) Въ крѣпости содержалось лишь немного скота на текущее довольствіе.

[3]) Магометъ-Али-ханъ дерагезскій. Это какъ бы подтверждалъ случай вторженія 3 тыс. туркменъ въ ноябрѣ въ Джамскій округъ; вторженіе 150 чел. въ другую мѣстность.

$1^3/_5$ версты отъ его стѣнъ. Въ то же время и у персовъ явилось желаніе пограбить оазисъ, столь связанный по рукамъ и ногамъ. Раньше Скобелевъ былъ не прочь разрѣшить это персамъ. Но теперь, когда въ Фирюзѣ собралось до $3^1/_2$ тыс. персовъ для набѣга въ оазисъ, онъ запретилъ его, чтобы не было случая «щекотливой помощи намъ отъ персидскихъ войскъ». Посольство текинцевъ къ воинственному персидскому губернатору Яръ-Магомету-хану привело только къ уклоненію того отъ воздѣйствія на закупки текинцами хлѣба и боевыхъ припасовъ въ его владѣніяхъ. Скобелеву же этотъ ханъ объявилъ, что онъ «безсиленъ противъ текинцевъ». Но курды Кучанскаго виллаета по собственному почину сдѣлали нѣсколько набѣговъ въ оазисъ, и разъ убили 22-хъ текинцевъ. «Благодаря приходу русскихъ», говорили они, «мы ободрились и каждый день уводимъ у текинцевъ людей и скотъ».

Двое членовъ четверовластія, страшась исхода борьбы съ русскими, пытались завести со Скобелевымъ черезъ купца-текинца Оразъ-Клыча (у Гродекова) и Яхья-бека-Таирова (бывшаго нашимъ агентомъ въ Персіи) тайныя сношенія. За деньги они обѣщали «испортить дѣло текинцевъ». Но изъ сношеній этихъ, сочтенныхъ за уловку, ничего не вышло.

Англійскіе агенты старались ободрить текинцевъ къ упорной борьбѣ. Мешедскій ихъ агентъ, — мусульманинъ Абасъ-ханъ,—послалъ въ концѣ октября зажигательное письмо, которое «произвело огромный подъемъ въ Ахалѣ». Послѣ него много разногласій прекратилось: поля къ востоку отъ Геокъ-тепе засѣяны, вода распредѣлена, семьи не ушли на зиму въ пески, было рѣшено драться до крайности. Другимъ агентамъ удалось меньше. О'Донаванъ продвинулся къ границѣ оазиса въ Дерагезъ и тамъ нашелъ гостепріимство у персидскихъ властей (въ Мугометабадѣ) и возможность пересылаться письмами съ Геокъ-тепе. Онъ пытался было, переодѣвшись, уѣхать туда, но былъ задержанъ персами по нашему настоянію. Впрочемъ, страхъ смерти удерживалъ англичанъ отъ поѣздки въ Геокъ-тепе, такъ какъ текинцы не желали ихъ, а желали «присылки англійскихъ войскъ». 12-го ноября въ Мугометабадъ прибылъ, переодѣтый индійскимъ купцомъ («Ибрагимъ-Саибъ»), капитанъ Стюартъ. Потомъ въ Хороссанѣ объявились капитаны Гилль и Ботлеръ. Послѣдній былъ выгнанъ изъ англійской арміи за ложное, будто бы, утвержденіе, что Геокъ-тепе укрѣплено по его указанію. Въ то же время въ Персіи шло соперничество англичанъ съ нами, требовавшими для своихъ офицеровъ такого же свободнаго передвиженія по Хоросану, какое было для партіи Гродекова. Англичане не жалѣли денегъ. По словамъ нашихъ агентовъ: «тѣ деньги, которыя они бросаютъ въ Персіи, могутъ совратить и родного брата».

План ъ текинцевъ. На всѣ возраженія о трудности борьбы текинцы отвѣчали: «а все-таки будемъ драться». На ихъ рѣшимость биться вліяла и уменьшившаяся способность ихъ кочевать, вслѣдствіе сокращенія количества верблюдовъ, подвижность еще сохраняли только зажиточные. Кромѣ того они говорили: «теперь наша крѣпость сильнѣе; семьи хорошо укрыты въ глубокихъ жилыхъ ямахъ; полнаго окруженія русскіе не въ силахъ сдѣлать и отрѣзать насъ отъ большихъ запасовъ, спрятанныхъ въ пескахъ, отъ стадъ, отъ подкрѣпленій изъ Мерва и отъ возможности, въ случаѣ неудачи, уйти»...

Личность Скобелева, знаменитаго генерала, прозваннаго ими «Кровавые глаза» («Гёзъ-канлы») однако внушала имъ суевѣрный страхъ.

Они рѣшили, что въ дальнемъ огневомъ боѣ русскіе сильнѣе во всѣхъ отношеніяхъ: «на дальнее разстояніе русскіе просто жгутъ людей днемъ, поэтому нѣтъ возможности днемъ броситься въ рукопашную схватку съ ними».

Съ другой стороны, текинцы были увѣрены, что они сильнѣе въ рукопашкѣ и что «русскіе въ ней не устоятъ». Поэтому они рѣшили «не выходить въ открытое поле, пока русскіе не подойдутъ близко къ стѣнамъ и не займутся осадой. Тогда текинцы будутъ дѣлать по ночамъ отчаянныя вылазки крупными силами и биться въ рукопашную. Отнимемъ нѣсколько пушекъ—и тогда дѣло будетъ другое».

Вышеупомянутый талантливый военный персидскій губернаторъ Яръ-Магометъ-ханъ говорилъ намъ:

— «Ради Бога, не идите прямо на штурмъ. Повѣрьте мнѣ, я текинцевъ знаю лучше васъ, я съ ними воюю всю жизнь. Храбрѣе этого народа нѣтъ въ мірѣ. А теперь, когда въ Геокъ-тепе находятся семьи, и текинцамъ некуда дѣться, храбрость ихъ удесятерится. Попомните мое слово—они будутъ биться на сабляхъ и вамъ будетъ очень трудно».

Гродековъ добавляетъ:

— «Изъ всѣхъ источниковъ получались свѣдѣнія, что непріятель будетъ нападать по ночамъ и биться въ рукопашную».

И намъ кажется, что мы на это мало обратили вниманія, пренебрегли этимъ, что и обусловило рѣдкіе ихъ успѣхи въ этихъ вылазкахъ въ декабрѣ. Расчеты текинцевъ удивительно оказались правильными, вплоть до отнятія у насъ орудій, во время этихъ вылазокъ.

Устройство текинской крѣпости было уже извѣстно Скобелеву. Подробности доставилъ канониръ Петинъ, бѣжавшій изъ плѣна въ концѣ лѣта 1880 г., послѣ двухлѣтняго тамъ пребыванія (1878—1880 г.). Онъ вылѣпилъ изъ глины эту крѣпость и довольно вѣрно, какъ послѣ оказалось [1]).

Скобелевъ 4 декабря повторилъ свой іюльскій выводъ: «взятіе Геокъ-тепе есть дѣло крайне серьезное, требующее: 1) достаточныхъ средствъ, 2) осмотрительности и 3) счастья».

И. Приступъ къ осадѣ Геокъ-тепе.

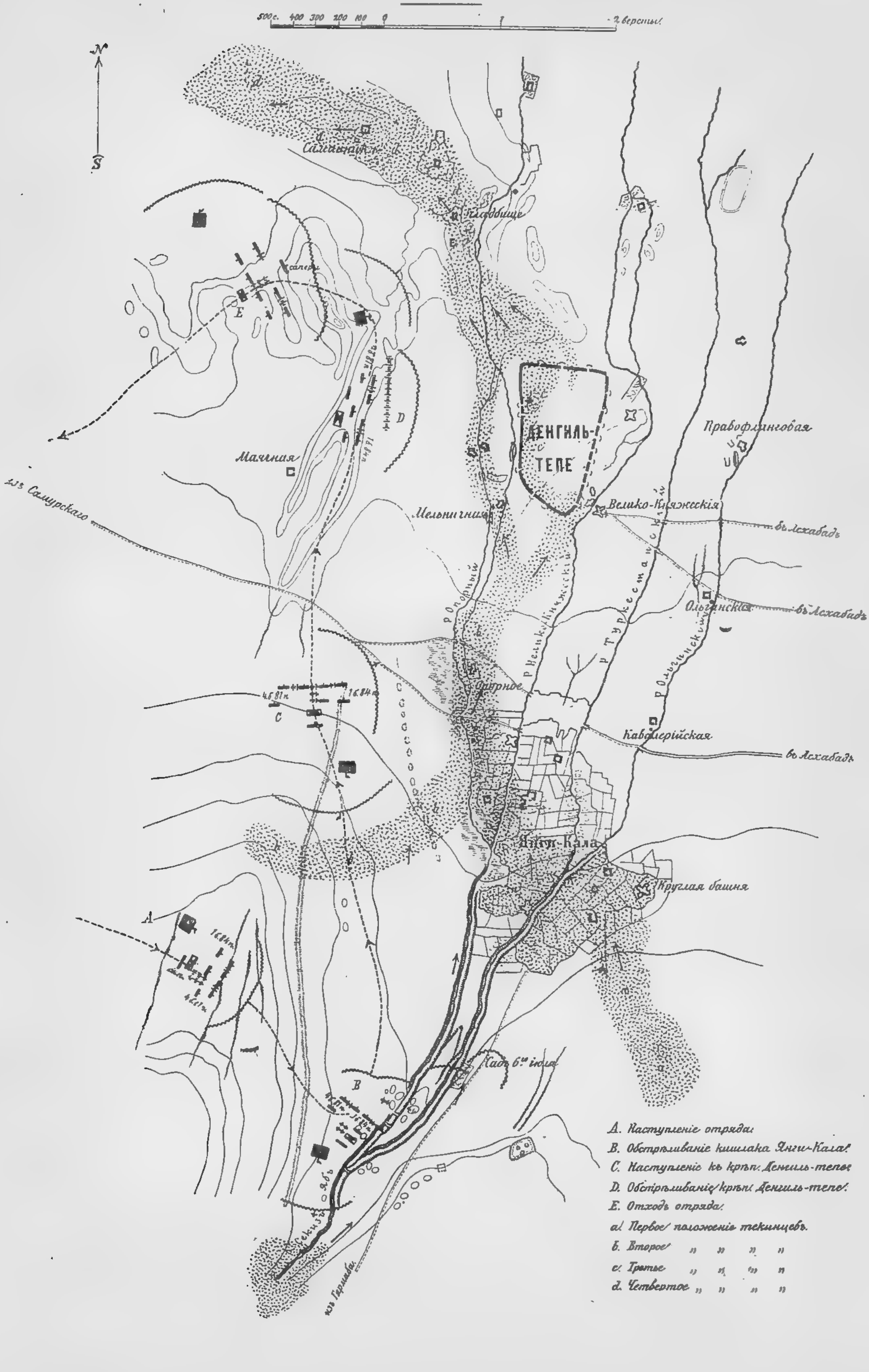
Дабы отвадить текинцевъ отъ предпріятій на нашъ тылъ, Скобелевъ поспѣшилъ съ дѣйствіями осады, къ которымъ относилась и развѣдка для выбора фронтовъ атаки. Она была произведена 4 декабря съ такой же дерзостью, какъ и 6 іюля. Скобелевъ взялъ всего 9 р., 3 с., 16 орудій и пулеметовъ—1,040 штык., 337 шашекъ и 120 артиллеристовъ. Зато добавилъ два оркестра музыки, а запасы на сутки. Онъ самъ начальствовалъ. Пошли въ $5^1/_2$ ч. утра изъ Самурскаго укрѣпленія, Егянъ-батыръ-кала тожъ, отъ ко-

---

[1]) Эта твердыня состояла изъ земляного вала ($675^с \times 420^с \times 120^с \times 240^с = 4$ в. 55 с.), высотой въ $2^с$ и толщиной до $5^с$ съ глиняной надбавкой сверху столь же почтенныхъ размѣровъ, съ передовой и задней стѣнками съ бойницами, нишами и траверсами. Выходовъ—21 (указаніе на активность борьбы).

РЕКОГНОСЦИРОВКА ГЕОКЪ-ТЕПЕ

4го декабря 1880 года

тораго было до Геокъ-тепе 12 верстъ. Пошли по предгорьямъ и дошли до того мѣста, гдѣ изъ горъ вырывается ручей Сакизъ-Ябъ, орошающій затѣмъ окрестности Геокъ-тепе 4 протоками [1]).

Весь бой такъ отчетливо виденъ изъ чертежа, гдѣ обозначены густыя толпы текинцевъ и ихъ перемѣщеніе.

Текинцы, едва отрядъ прошелъ отъ своего бивака 4 версты, дали тревожные пушечные выстрѣлы изъ своего орудія съ холма Денгиль-тепе. У Сакизъ-яба на отрядъ стали насѣдать текинскія массы отъ Янги-кала и съ тылу, изъ ущелья Сакизъ-яба. Шрапнель хорошо отодвигала толпы на почтительное разстояніе. Скобелевъ прошелъ мимо Янги-калы съ запада внѣ ружейнаго огня и пошелъ въ боевомъ порядкѣ къ западному фронту и сѣв.-западному углу Геокъ-тепе, держась отъ стѣнъ тоже внѣ ихъ огня. Съ удобнаго мѣста (около 3 ч. 40 м. дня) внутренность крѣпости и толпы, усыпавшія ея стѣну, были обстрѣляны артиллеріей и пѣхотой. Текинцы, стрѣлявшіе уже въ насъ изъ пушки и изъ ружей, утишили свой огонь. Затѣмъ Скобелевъ, пройдя еще вдоль верковъ крѣпости, повернулъ къ Самурскому. Осаженые артиллеріей, текинцы не преслѣдовали насъ $3^1/_2$ в., а затѣмъ бросились окружать и насѣдать, подвозя на крупахъ стрѣлковъ по складкамъ мѣстности на 300-400 шаговъ. Такъ шло до 5-ти верстъ. Лунное затменіе, случившееся тогда, ошеломивъ текинцевъ, остановило ихъ азартъ, и въ $8^1/_2$ ч. Скобелевъ спокойно вернулся на ночлегъ, потерявъ за день 4 убит., 21 ран. и 31 коня.

Онъ остановился на планѣ—«ускоренная осада [2]), какъ только въ Самурское соберутся всѣ войска и запасы».

Эта развѣдка доказала, что: текинцы имѣютъ уже въ бóльшомъ числѣ оружіе дальняго боя, для котораго они усердно собирали наши пустыя ружейныя гильзы, и что непріятель выучился воевать. Скобелевъ рѣшилъ увеличить отрядъ вторженія за счетъ своихъ этаповъ [3]). Онъ для этого даже сократилъ перевозки съ ихъ канвоями, считая, что подвезено уже достаточно и что есть персидскій магазинъ подъ бокомъ. Кризисъ устройства базы уже прошелъ [4]).

На другой день, обширной прокламаціей, Скобелевъ обратился къ текинцамъ съ увѣщеваніемъ покориться: «Бѣлый Царь столь же великодушенъ, многомилостивъ къ покорнымъ, сколько страшенъ врагамъ».—Текинцы зарѣзали персіянъ, возившихъ прокламацію.

Чтобы занять съ пользой время, пока шло устройство Самурскаго, подвозъ къ нему и сосредоточеніе, Скобелевъ сталъ практиковать войска въ

---

[1]) Этимъ протокамъ мы дали послѣ, считая съ запада, свои имена: „Опорный", „Великокняжескій", „Туркестанскій" и „Ольгинскій".

[2]) „Поведу дѣло настойчиво и насколько возможно быстро".

[3]) Здѣсь „всякій штыкъ на счету, всякій штыкъ дороже всего". «Несомнѣнно, что бой изъ-за завѣтнаго Геокъ-тепе дѣло не шуточное...; намъ безъ серьезныхъ потерь не обойтись, какъ мы не разсчитывай на артиллерію"...

[4]) Кромѣ того онъ считалъ, что конница найдетъ всегда фуражъ въ оазисѣ.

дѣйствіяхъ, полезныхъ для будущаго штурма. Для этого служила одна старая кала въ тылу лагеря. Дѣлались эскалады ея стѣнъ (съ помощью штурмовыхъ лѣстницъ) и бреши, спеціально для этого пробитой, дѣлались и тревоги.

Занятію Самурскаго Скобелевъ приписывалъ отвлеченіе текинцевъ отъ набѣговъ въ нашъ тылъ: «имъ не до набѣговъ въ тылу—они свое собственное рыло берегутъ». Остановку же здѣсь онъ считалъ вынужденной: «какъ только все подтянется, я рѣшился дѣйствовать безъ малѣйшей проволочки времени».

8 декабря донесли, что къ текинцамъ подходитъ подкрѣпленіе изъ Мерва. 11-го донесли, что въ крѣпости большой шумъ и большое движеніе со стороны песковъ. Для повѣрки слуховъ Скобелевъ послалъ колонну въ 6 р., $1^1/_2$ с., 6 ор., хотя было уже довольно поздно для такого предпріятія. Около 5 часовъ вечера, приблизившись версты на 4 къ крѣпости, колонна сдѣлала 8 орудійныхъ выстрѣловъ по ея внутренности. Текинцы въ невиданномъ доселѣ числѣ усѣяли ея стѣны, и большія массы ихъ конныя и пѣшія вышли въ поле. Сдѣлавъ осмотръ массъ, выказанныхъ непріятелемъ, колонна отошла въ $5^1/_2$ часовъ и въ $8^1/_2$ час. вечера вернулась безъ потерь.

Текинцы кричали, что они готовы и не примутъ предложенія о мирѣ.

Для еще большаго раскрытія силъ текинцевъ Скобелевъ послалъ 12-го новую колонну (3 рот., 1 ком. охот., 3 оруд. и 2 пулемета, 1 сот. и 2 геліограф. станка) Съ $2^1/_2$ час. дня, передовой конный отрядъ ея (1 сот. и 1 орудіе) съ 1000 саж. обстрѣлялъ с.-з. уголъ Геокъ-тепе. Текинцы высыпали и конные, и пѣшіе, прикрываясь буграми. Съ 3 час. дня развернулась вся колонна. Массы непріятеля все прибывали. Тогда Скобелевъ геліографомъ вызвалъ подкрѣпленіе (3 роты, 2 пулемета и нѣсколько казаковъ) и въ 4 часа дня сталъ отходить на него, а въ $5^1/_2$ час. вернулся. Текинскіе джигиты насѣдали вплотную. Скобелевъ не приказалъ стрѣлять въ нихъ, любуясь ихъ молодечествомъ. Они кричали, что получили подмогу отъ Мерва, что они «готовы», не отдадутъ себя дешево и просятъ не томить ихъ болѣе развѣдкой. У насъ потеря: 1 убит., 4 ран., 10 лошадей выведено изъ строя.

Скобелевъ жалѣлъ о необходимости оттягивать развязку и говорилъ, что текинцы «совсѣмъ правы». Текинцы объявили, что ждутъ насъ, объ отступленіи и мирѣ не думаютъ. У нихъ былъ провозглашенъ газаватъ. Къ 18 декабря, по развѣдкамъ 4-го, 6-го и 12-го, былъ составленъ, налитографированъ и розданъ войскамъ планъ Геокъ-тепе съ южными окрестностями и по нему былъ написанъ проектъ инженерной атаки [1]).

18-го декабря съ отрядомъ изъ $5^1/_4$ сот. кон. съ ракетами и геліографами, Скобелевъ со всѣми полковыми, батальонными и батарейными командирами сдѣлалъ рекогносцировку с. Янги-кала. Съ 4-хъ—$3^1/_2$ верстъ, въ виду текинцевъ, спѣшившихъ массами занять Янги-кала, Скобелевъ прочелъ диспозицію для будущаго ея взятія. Въ $3^1/_2$ часа дня стали отходить назадъ подъ натискомъ текинцевъ (съ 1200 шаг.). У насъ 5 ранено и два коня выведено.

А 11-го дек. и Скобелевъ получилъ подкрѣпленіе изъ Туркестана въ видѣ отряда Куропаткина (3 р., 2 с., 2 пушки). Съ 30-го ноября по 20-е де-

---

[1]) Масштабъ 250 с. въ дюймѣ.

кабря въ Самурское было перевезено 105,134 пуда грузовъ и тамъ собралось 38 р., 11 с. и эск., 72 ор. и пулемета, 11 ракетн. станковъ (всего до 7,110 чел.). Это была бо́льшая часть силъ отряда.

Не дожидаясь остальныхъ эшелоновъ войскъ и грузовъ, Скобелевъ 20-го декабря пошелъ осаждать южный фронтъ крѣпости.

Осаждать крѣпость съ юга мѣшало обширное сел. Янги-кала. Скобелевъ назначилъ его взятіе на 20-е. Самъ Скобелевъ управлялъ этимъ боемъ. Онъ ввелъ въ бой до 6,300 человѣкъ, т.-е. почти весь свой отрядъ ($^6/_7$).

Онъ предписалъ войскамъ и тактику, приличную той, своевременной обстановкѣ. Цѣпи онъ замѣнилъ сомкнутымъ строемъ, одиночный огонь—огнемъ залповымъ, «чтобы бить противника тѣмъ, чего у него нѣтъ—европейскимъ боевымъ порядкомъ—сомкнутымъ, послушнымъ, гибкимъ боевымъ порядкомъ, дружными мѣткими залпами и штыкомъ всегда страшнымъ въ рукахъ людей, сбитыхъ дисциплиной, чувствомъ долга и круговой порукой въ могучее тѣло—колонну»... «Потому, что текинцы, несмотря на подавляющія массы, дѣйствуютъ вразсыпную, вразбродъ или отдѣльными кучами, мало послушными волѣ предводителя, а потому неспособными къ единству дѣйствій и маневрированію массами».

Бой за Янги-кала. Въ 7 час. утра войска построились у Самурскаго для движенія къ Янги-кала. Тотчасъ у текинцевъ былъ данъ выстрѣлъ тревоги, и защитники Янги-кала, въ числѣ 1500 стрѣлковъ, заняли свои мѣста. Послѣ молебна (въ $8^1/_2$ часовъ утра), въ $9^1/_2$ часовъ Скобелевъ пошелъ. Колонна полковника Куропаткина атаковала сел. Янги-кала съ юга, въ охватъ съ восточной стороны, а колонна Козелкова съ запада. Бой длился съ $8^1/_2$ ч. до 3-хъ и кончился взятіемъ селенія, представлявшаго огромную площадь изъ лабиринта глиняныхъ стѣнокъ, небольшихъ крѣпостицъ, плотинъ, глубокихъ руслъ и канавъ. Артиллерія и пѣхотный огонь заставили противника отойти къ Геокъ-тепе подъ натискомъ нашей конницы. Массы текинцевъ, вышедшія было имъ на помощь оттуда, были прогнаны за стѣны нашей артиллеріей. Скобелевъ сталъ лагеремъ въ 800 саженяхъ отъ южн. фаса крѣпости, между средними протоками Сакизъ-яба, занявъ по флангамъ двѣ калы [1]) («Опорная» и «Кавалерійская») и прикрывшись аванпостами, въ которыхъ до утра была перестрѣлка. За день у насъ 1 уб., 10 ран., 5 контуж. и 19 коней выведено изъ строя. А 21-го въ Самурское посланъ транспортъ за лагеремъ и вещами отряда.

21-го Скобелевъ для осмотра восточнаго и сѣвернаго фронтовъ крѣпости послалъ съ $7^1/_2$ час. утра всю конницу (6 с. и 2 оруд.) съ генераломъ Петрусевичемъ [2]) обойти Геокъ-тепе съ востока и сѣвера и оттуда пройти въ Самурское за фуражемъ и для конвоированія къ Скобелеву оттуда транспорта. Текинцы въ пѣшихъ и конныхъ массахъ завязали съ нашей конницей горячій бой на сѣверномъ фронтѣ Геокъ-тепе. Обезпокоенный гуломъ боя, Скобелевъ повелъ въ обходъ западнаго фронта крѣпости 1 б., 1 с. и 8 ор. на поддержку и навстрѣчу ген. Петрусевичу. Колонны соединились противъ

---

[1]) Стѣны 18 фут. выш. и 4 фут. толщины.

[2]) Съ нимъ два топографа и инженеръ.

с.-з. угла крѣпости въ 2 час. дня. По пути Скобелевъ обстрѣлялъ изъ пушекъ ея внутренность. Конница наша пошла въ Самурское, а Скобелевъ — въ новый свой лагерь. У насъ—1 убитый и 5 ранено.

Фронты были осмотрѣны и сняты.

22-го имущество лагеря было привезено и цѣлый городъ выросъ изъ кибитокъ подъ стѣнами Геокъ-тепе. Для блокады крѣпости, къ востоку отъ лагеря, для перехвата Асхабадской дороги была занята кала «Правофланговая» (послѣ занятія 21-го калы Кавалерійской и Ольгинской) колонной полковника Куропаткина ($2^1/_2$ р., 1 с., 4 ор.), бывшей противъ восточнаго фаса. Это произошло безъ кровопролитія. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ калу «Садъ Петрусевича» [1]) противъ с.-в. угла Геокъ-тепе, для чего Куропаткинъ былъ подкрѣпленъ. Произошелъ бой. Мы заняли и эту калу; текинцы изъ калы бѣжали. Взявъ оттуда богатый запасъ фуража, Куропаткинъ отошелъ, отбиваясь отъ текинскихъ массъ, съ потерей 12 уб., 7 раненыхъ.

22-го декабря же вечеромъ ген. Скобелевымъ, ген. Гродековымъ, полк. Куропаткинымъ, подполк. Рутковскимъ, инженеръ-капитаномъ Яблочковымъ съ нѣсколькими нижними чинами была сдѣлана инженерная рекогносцировка мѣста противъ ю.-в. угла крѣпости, выбрана линія первой параллели и анфиладныхъ батарей для южнаго и восточнаго фасовъ.

23-го начались осадныя инженерныя работы. Планъ этихъ работъ былъ въ числѣ первыхъ заботъ Скобелева по пріѣздѣ въ Закаспій. Первымъ шагомъ осады онъ считалъ «построеніе плана крѣпости». Осенью, бѣгство изъ геокъ-тепинскаго плѣна Петина и Мамедъ-Али-Атъ-Маметъ-Оглы сильно этому помогло, какъ мы сказали уже. Развѣдки 4-го ноября, 6-го и 12-го декабря тоже. Скобелевъ тогда же усилилъ себя артиллеріей (мортирами), готовился также къ минной войнѣ и брешированію стѣнъ.

Общую идею ускоренной инженерной атаки со стороны горъ и Янги-кала Скобелевъ намѣтилъ уже послѣ 6-го іюля. Взятіе Янги-кала полевымъ боемъ сократило на половину этотъ планъ.

Атаку рѣшили вести двумя участками по обѣимъ сторонамъ капитали ю-.в. угла. Начальники участковъ—полк. Куропаткинъ и полк. Козелковъ. Программа осады была составлена 22-го декабря, на недѣлю впередъ. До конца декабря рѣшено: устроить—1-ю параллель и двѣ анфил. батареи 23-го; 2-ю параллель – 24-го; 25-26-го—мортирную батарею; 27-го—занять контръапроши противника передъ восточнымъ фасомъ («Великокняжеская позиція») и 28-29-го—ихъ упрочить, а съ 25-го по 29-е продвигать впередъ и лѣвое крыло. До конца декабря дѣйствія артиллеріи должно посократить для экономіи снарядовъ [2]).

Начали работу 23-го 12 ротъ (1,250 человѣкъ).

---

[1]) Джулы-кала.

[2]) Ихъ было 20 т.; изъ нихъ Скобелевъ назначилъ $12^1/_2$ т. на Геокъ-тепе, а прочія $7^1/_2$ т. на Асхабадъ, куда полагали, что текинцы перенесутъ свою борьбу. Поэтому велась рѣдкая орудійная пальба, а ружейный огонь «лучшими стрѣлками».

Конницѣ приказано быть противъ восточнаго фронта, «висѣть» на путяхъ въ Асхабадъ и въ пески и кормиться фуражировками, да слѣдить за текинцами, если бы они рѣшили бросить крѣпость и уйти въ пески. Она должна была 23-го, съ 9-ти часовъ утра, идти съ генераломъ Петрусевичемъ къ каламъ «Правофланговой» и «Саду Петрусевича». Но шумъ въ крѣпости ночью заставилъ Скобелева двинуть ее уже въ 4 часа ночи. Къ $5^1/_2$ час. она была уже у «Правофланговой». А въ $6^3/_4$ ч. у. генер. Петрусевичъ пошелъ занять и «Садъ», полагая, что онъ, послѣ нашего взятія 22-го, не занятъ, тогда какъ онъ, на самомъ дѣлѣ, былъ занятъ крѣпко (400 чел.), особенно его редюитъ (30 чел.). Колонна изъ 150 казаковъ, встрѣченная огнемъ оттуда, спѣшилась и пошла на штурмъ, но была отбита, а ген. Петрусевичъ убитъ. Изъ крѣпости же показались толпы на помощь «Саду». Въ послѣднемъ мы не могли взять редюита. Съ помощью подошедшей отъ «Правофланговой» поддержки, наша конница отошла на колонну, посланную ей на выручку изъ лагеря. Выѣхалъ и самъ Скобелевъ. У насъ потери: 15 уб., 39 ран. и 20 коней. Противникъ потерялъ много больше, человѣкъ 300, да на работахъ 1-й параллели мы потеряли за день—7 убит. и 11 ранеными, да 8 коней.

Этотъ бой у «Сада» отвлекъ текинцевъ отъ нашихъ дневныхъ работъ на 1-й параллели, въ 450—520 с. отъ стѣнъ, а въ частяхъ, прикрывавшихъ работы—въ 450—230 шаг. отъ стѣнъ. Только съ 10-ти час. утра текинцы стали стрѣлять по рабочимъ, особенно изъ своихъ контръ-апрошей, находившихся противъ южнаго ихъ фронта [1]).

1-я параллель вышла очень длинной (800 саж.), для наряда караула отъ слабыхъ, сравнительно, силъ Скобелева, почему послѣдній и приказалъ засыпать часть ее на лѣвомъ флангѣ въ ту же ночь. Нарядъ на работы опредѣленъ впредь по 800 чел. въ день. Оставивъ въ резервѣ въ лагерѣ 7 ротъ, Скобелевъ далъ по 16 ротъ каждому изъ двухъ участковъ осады [2]).

«Хотя осада и была краткая, но служба войскъ была до крайности тяжелая».

I. Наши (усиленныя) фуражировки и конвоированія транспортовъ.

Почти ежедневно конница (а потомъ отряды разныхъ родовъ войскъ) ходила къ сторонѣ Асхабада на фуражировки, заходя верстъ за 15 и ночуя тамъ, а къ Самурскому и обратно, тоже верстъ 25, постоянно двигались наши транспорты. Текинцы выводили изъ этого заключеніе, что мы сильны, имѣя возможность это дѣлать, вмѣстѣ съ осадой. Они же, связанные ею, только дѣлали слабыя попытки намъ мѣшать.

Съ 24-го декабря текинцы мало стрѣляли и показывались изъ-за стѣнъ, отчего и нашъ огонь былъ тихъ [3]).

---

[1]) Траншея въ 300 саж. паралл. южному фасу, за ней подкова передъ ю.-в. угломъ крѣпости и редутъ («Ледорѣзъ») противъ средины южнаго фаса.

[2]) Къ вечеру 23-го на правомъ участкѣ: 410 с. траншеи; анфилад. батар. (№ 1), редуты №№ 1 и 2 въ постройкѣ. А на лѣвомъ—250 с. траншеи, анфил. батар. № 2 и еще одна; редутъ № 3 въ постройкѣ.

[3]) 24-го у насъ выпущ. 2070 пуль и ни одного снаряда.

НАПАДАЮТЪ ВРАСПЛОХЪ.

Съ картины В. В. Верещагина, находящейся въ Третьяковской галлереѣ.

К. Осадныя работы.

24-го—2-я паралл. докончена, улучшена съ ея батареями и редутами и вооружена.

25—26 ночью—сдѣланъ ходъ сообщенія въ лагерь и ходы къ мѣсту для 2-й параллели. 26-го всѣ эти работы улучшались. 26—27—заложена 2-я паралл. и батареи №№ 3—6, а днемъ калы «Кавалерійская» и «Ольгинская» приведены въ оборонительное состояніе (съ артил.). Пѣхота давала въ день по 6—9 залповъ перекиднымъ огнемъ съ прицѣлами 600—2000. Съ 24-го по 28-е выпущено всего 387 снаряд. Наши потери—2 убит., 3 ран.

27—28 ночью открыта 2-я паралл. съ ходами. Днемъ 28—обычная слабая перестрѣлка.

Л. Первая знаменитая вылазка текинцевъ, 28-го декабря.

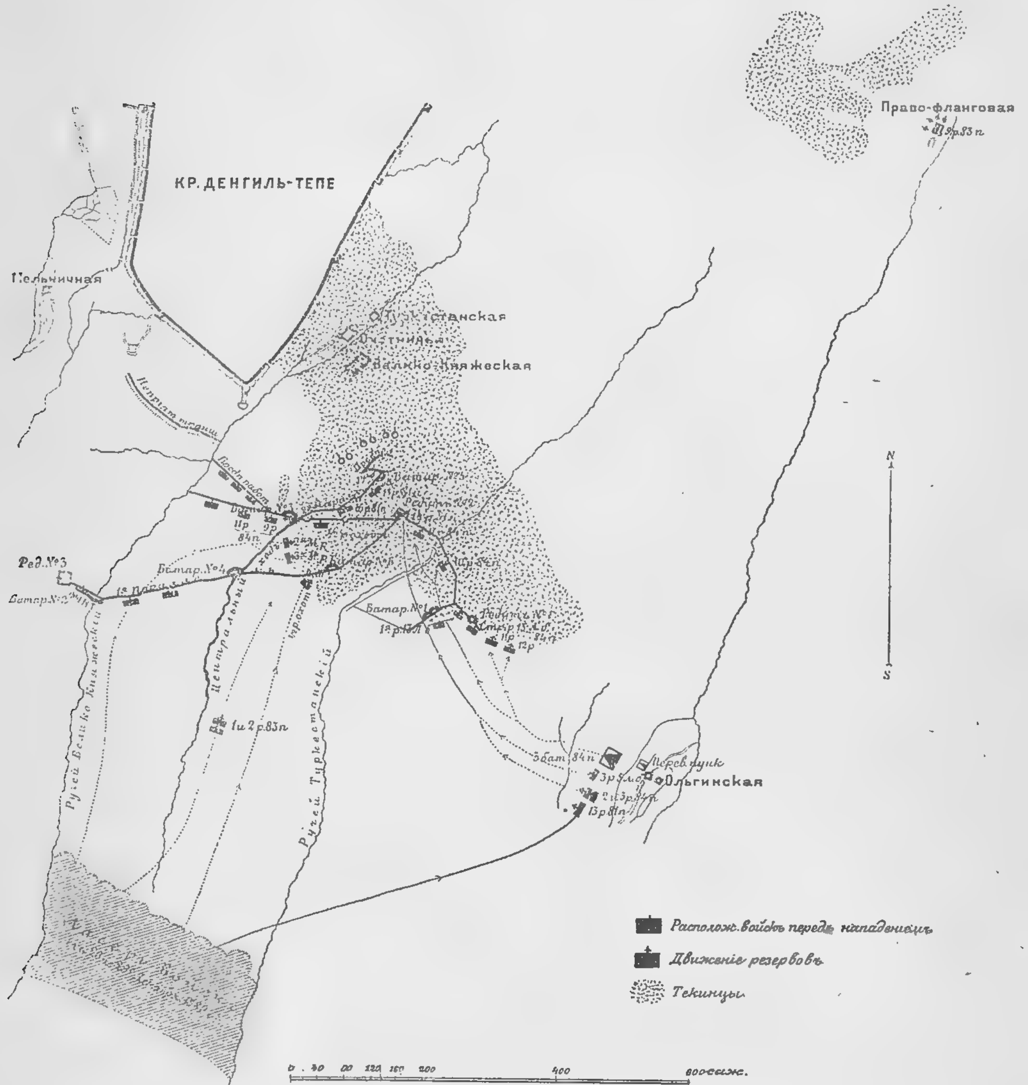
28-го декабря у текинцевъ на совѣтѣ рѣшена вылазка (4,000) подъ управленіемъ Тыкма-сердаря. Въ ней участвовали мервцы и нѣсколько женщинъ. Рѣшено—съ темнотой скрытно, безъ выстрѣла обрушиться на нашъ правый флангъ и на калу «Правофланговую» и въ охватъ его. Они были налегкѣ въ однѣхъ рубахахъ и штанахъ, босикомъ, съ засученными рукавами. Несмотря на вышеупомянутыя предупрежденія лазутчиковъ, это для насъ оказалось неожиданностью [1]). Доблесть наша сказалась въ томъ, что мы быстро оправились и сами перешли въ нападеніе.

Еще смеркалось, когда партія ихъ трехъ инженерныхъ офицеровъ подъ прикрытіемъ 10 ниж. чиновъ, дѣлавшая разбивку одного изъ зигзаговъ сообщенія къ «Великокняжеской позиціи» впереди праваго фланга осады, увидала густыя массы текинцевъ, выходившія изъ рва крѣпости, услыхала гулъ топота тысячъ бѣгущихъ людей. Наши бросились къ своимъ траншеямъ, крича—«не стрѣляйте—это свои». Это еще болѣе ослабило готовность трехъ ротъ, занимавшихъ параллели и готовившихся, какъ разъ въ это время, къ смѣнѣ. Огонь былъ открытъ поздно, суетливо, большею частью «перелетѣлъ черезъ головы текинцевъ», которые и обрушились на траншеи, батареи и редуты всего праваго фланга. Роты траншейнаго караула (14-я, 15-я и 16-я 81-го Апшеронскаго полка) потеряли: убит. 4 офиц. и 74 ниж. чина, да 28 ниж. чин. ранеными и знамя (4-го батальона). А всего выбыло у насъ повсему фронту осады: убит. 5 офицер. и 91 ниж. чин., да ранено 1 офиц. и 30 ниж. чиновъ, или всего убыло изъ строя 127 человѣкъ. Текинцы овладѣли 8-ю пушками (3 морт., 4 горн. и 1 полевое, четырехъ-фунтовое), но увезли съ собой только одно горное съ двумя зарядными ящиками. Они взяли бо́льшую часть 2-й и 1-й параллелей праваго участка осады, двѣ батареи (№№ 5 и 6) и одинъ редутъ № 2. Остальныя части отъ нихъ отбились, съ помощью подошедшихъ подкрѣпленій. Прислуга мортирной батареи (№ 5) дралась револьверами и шашками, а взятыя текинцами 4 мортиры были стащены ими съ батареи въ траншею. Изъ редута № 2 полевое орудіе успѣло дать картечный выстрѣлъ, а затѣмъ гарнизонъ вступилъ въ рукопашный бой, при

---

[1]) «Необыкновенная быстрота и скрытность удара».

чемъ погибла прислуга горнаго орудія и всѣ чины, защищавшіе знамя. Распространеніе текинцевъ по 2-й параллели на лѣвый участокъ осады остановила команда охотниковъ близъ батареи № 3. Въ тылъ ихъ бѣжали остатки 2-хъ ротъ изъ 2-й параллели. Редутъ № 1-й отбилъ атаку огнемъ орудія и пѣхоты, но отдѣльныя кучки текинцевъ ворвались въ редутъ [1]). Отбилась и

Вылазка 28 декабря 1880 года.

батарея № 1-й. Разбѣгъ текинцевъ остановили также подкрѣпленія: отрядъ полковника Куропаткина (8 ротъ) отъ «Ольгинской» калы, 3 роты маіора Халыча изъ лагеря, команда охотниковъ оттуда же и еще 2 роты. Текинцевъ опро-

---

[1]) Впереди текинцевъ на редутъ № 1-й бѣжали отъ редута № 2-й наши люди. Эти послѣдніе пали отъ нашихъ же выстрѣловъ потому, что кричали чтобы ихъ не жалѣли, чтобы не опоздать съ огнемъ. Это было большое геройство неизвѣстныхъ нижнихъ чиновъ 14-й роты Апшеронскаго полка.

кинули и отбили у нихъ орудія, еще ими не увезенныя, но не всѣ. Текинцы доходили на 4 шагадо строя частей, отбивавшихъ ихъ натискъ. Переломъ боя длился 7—10 минутъ. Отъ «Правофланговой» калы текинцы были отбиты. Во время нападенія у Скобелева было въ лагерѣ совѣщаніе. Скобелевъ съ двумя ротами резерва, ставъ впереди лагеря, выжидалъ—не будетъ ли атаки въ другомъ мѣстѣ. Музыка, которой приказано было играть для ободренія людей, сильно повліяла на текинцевъ. «Музыки они не выносили, она наводила на нихъ страхъ; ихъ ишаны въ это время произносили молитвы». Скобелевъ настоялъ также на выполненіи всѣхъ работъ, положенныхъ на эту ночь, особенно по устройству подступовъ къ «Великокняжескимъ каламъ», подлежавшимъ нашей атакѣ. Это было большое напряженіе силъ отряда. Работы сопровождались навѣснымъ артиллерійскимъ огнемъ и перекидными залпами пѣхоты. На другой день Скобелевъ перенесъ и лагерь ближе къ крѣпости на $^1/_2$ версты, повторяя: «впередъ! впередъ!» [1]).

Такъ произошелъ самый удачный для текинцевъ бой въ эту войну, въ которомъ они понесли ничтожныя потери. Духъ ихъ былъ поднятъ этимъ обстоятельствомъ высоко. Они думали, что перебили половину русскихъ. Они стрѣляли по насъ изъ взятаго у насъ орудія, но они не постигли установки дистанціонной части на разрывъ: съ утра въ нашъ лагерь стали долетать эти снаряды, не приносившіе намъ вреда.

М. Взятіе „Великокняжескихъ“ калъ,—контръ-апрошъ противника.

Съ цѣлью же взять опять «починъ нападенія» въ свои руки, Скобелевъ 29-го декабря атаковалъ и взялъ контръ-апроши противника у восточнаго фаса («Великокняжескія») [1]), въ 50 — 100 саж. отъ крѣпости. Атака была назначена въ два часа дня, а передъ тѣмъ полчаса крѣпость бомбардировали и били по стѣнамъ калъ. Операція взятія поручена полковнику Куропаткину. Онъ двинулъ на это 6 ротъ и 1 охотн. команду. Въ 3 часа дня, когда бреши были готовы, началась атака. Первая, «Главная», кала была въ 300 шагахъ отъ нашихъ траншей. Атакующіе были встрѣчены сильнымъ огнемъ изъ крѣпости и прочихъ двухъ калъ, потому что «Главная» была уже очищена. Потомъ взяли «Охотничью» и «Туркестанскую». Огонь нашъ не далъ противнику массой броситься на выручку изъ ближайшихъ воротъ крѣпости, а вылазки мелкихъ партій были отбиты. Въ 5 час. мы утвердились въ занятыхъ калахъ. Бой кончился въ 6 час. вечера. У насъ 15 убит. и 46 ран., всего 61. Этотъ бой вырвалъ иниціативу изъ рукъ текинцевъ и разочаровалъ ихъ послѣ опьяненія успѣхомъ 28-го декабря. Калы были солидно нами приспособлены, сильно заняты 10-ю ротами, вооружены 2 горными пушками и 2 пулеметами, соединены ходами сообщеній (въ ту же ночь) другъ съ другомъ и съ параллелью.

Но мы учили воевать и текинцевъ. Когда мы продѣлали бойницы въ стѣнахъ взятыхъ калъ, тогда и они сдѣлали бойницы въ своей стѣнѣ противъ нихъ и 30-го сильно обстрѣливали изъ нихъ. Съ угловой башни «Охот-

---

[1]) «Въ сферу огня противника».

[1]) Это было три калы—«Главная», «Охотничья» и «Туркестанская».

ничьей» калы видна была большая часть крѣпости, которую и стали наблюдать: считать кибитки, убыль животныхъ, бойцовъ, слѣдить за передвиженіями защитниковъ, снимать планъ внутренности, наблюдать паденіе нашихъ снарядовъ... Свѣдѣнія добывались обстоятельныя и весьма полезныя. Такъ, вечеромъ 30-го, оттуда донесли, что очевидно готовится ночью новая вылазка: были видны скопленія во рвахъ и были слышны крики: «пойдемъ опять всѣ, пойдемъ вмѣстѣ!»... Стрѣльба текинцевъ усилилась.

Н. Вылазка текинцевъ 30 декабря.

На этотъ разъ пошло на насъ 6 т. и много женщинъ и дѣтей съ мѣшками за добычей. Они были увѣрены, что русскіе отступятъ. Были посланы

Вылазка 30 декабря 1880 года.

изъ крѣпости и разъѣзды посмотрѣть, гдѣ будетъ удобно бросить на насъ съ тыла конницу, когда мы «пойдемъ назадъ». Ударъ намѣчался теперь на нашъ лѣвый флангъ, а на правый флангъ [1]) и въ тылъ намъ посланы мервцы,

---

[1]) Къ каламъ «Правофланговой», «Туркестанской» и «Кавалерійской».

для демонстраціи. Нападеніе началось съ $9^1/_2$ час. вечера; объ этомъ возвѣстила пальба у насъ на лѣвомъ флангѣ, а затѣмъ и пронзительное гиканье текинскихъ массъ. Послѣднія широко охватили насъ слѣва и даже съ тылу. Не обошлось у насъ безъ нѣкоторой суматохи, стрѣльбы по своимъ... Опять текинцы взяли редутъ (№ 3) и увезли одно [1]) изъ двухъ горныхъ орудій. Рота, оборонявшая редутъ, послѣ долгаго, горячаго боя и потери командира, не выдержала и очистила его. Но резервы ударили на текинцевъ и взяли редутъ и одно орудіе назадъ. Траншеи, лагерь и калы отбились отъ текинцевъ огнемъ. Артиллерія била по толпамъ и по внутренности крѣпости до разсвѣта. Текинцы, ободрившись, пытались повторить атаку, которая тоже не удалась. Текинцы пали духомъ. Слышались возгласы: «Пропала наша земля!!» Многіе стали готовиться къ бѣгству въ пески. Наши тайные развѣдчики, заглянувъ въ крѣпость, донесли объ этомъ Скобелеву. Послѣдній разсчитывалъ уже преслѣдовать. Но развѣдка конницы съ утра не подтвердила бѣгства текинцевъ.

И этотъ разъ Скобелевъ настоялъ, чтобы всѣ работы ночныя были кончены къ утру. На лѣвомъ флангѣ построили полупараллель и огнемъ изъ нея 31-го потѣснили противника изъ его здѣшнихъ контръ-апрошъ («Подкова» и «Траншеи»). У насъ потеря большею частью отъ холоднаго оружія= убито 53, ранено 98, всего 151 челов. У нашихъ труповъ большею частью отрѣзаны и унесены головы. Текинцы потеряли много. Они все же надѣялись, что русскіе уйдутъ, и были очень ошеломлены переносомъ нами нашего лагеря 31-го еще ближе къ крѣпости, въ первую параллель. «Русскій сердарь», говорили они, «присталъ къ намъ, какъ рубашка къ тѣлу». Но теперь весь отрядъ нашъ былъ подъ сильнымъ огнемъ; до конца осады лагерь несъ большія потери, особенно лошадьми.

Передовые подступы нашей атаки были къ 1-му января въ 40 саж. отъ крѣпости справа и въ 75 саж. слѣва.

Скобелеву пришлось торопиться со штурмомъ. Слухъ объ удачныхъ вылазкахъ текинцевъ, объ отбитіи у насъ знамени и 2-хъ пушекъ уже мутилъ Среднюю Азію, особенно іомудовъ. Пришлось отказаться отъ настоятельной потребности употребить недѣлю на усовершенствованіе нашихъ траншей и редутовъ; пришлось стремиться къ развязкѣ.

Съ 20-го по 31-е декабря отрядъ усилился 1 т. человѣкъ и 8-ю орудіями, а потерялъ 455 человѣкъ; это были послѣдніе рессурсы. Тянуть осаду было невыгодно: «всякій день велъ къ потерямъ», а желѣзная дорога была еще очень далека для пользъ экспедиціи.

Отрядъ утомился, а слабые духомъ стали колебаться [2]).

О. Минныя работы и подготовка штурмового матеріала.

Съ 31-го декабря по 3-е января усовершенствовались наши траншеи и начато веденіе мины отъ Великокняжеской позиціи (50 саж. отъ крѣ-

---

[1]) А съ нимъ увели и знаменитаго бомбардира Агафона Никитина, отказавшагося стрѣлять изъ взятаго орудія и подвергнутаго за это жестокимъ мученіямъ и казни со стороны текинцевъ.

[2]) Скобелевъ писалъ (1. янв. 1881 г.): «Всѣ мнѣнія, клонящіяся къ отсрочкѣ осады, я отвергаю, и всѣ дѣйствія, которыя могутъ отклонить приближеніе штурма, я не допускаю! Впередъ, впередъ и впередъ! Съ нами Богъ!! Никакой литературы, а бой!»

пости), но брошено, вслѣдствіе почвенныхъ водъ. Надо было подвинуться съ укрѣпленіями еще ближе къ стѣнѣ. Для этого и были послѣдовательно построены «Ширванскій» (въ 25 саж. отъ стѣны) и «Саперный» редуты. Первый занятъ 3-го съ потерей у насъ 2 убитыхъ и 15 раненыхъ.

Съ 4-го стали дѣлать въ тылу фашины, туры, штурмовыя лѣстницы.

П. Третья вылазка 4 января и тщетные сборы на новую.

4-го дали знать съ наблюдательнаго пункта, что вновь готовится вылазка. Мы приняли мѣры. Приказано отражать атаку, стоя сзади траншей, представлявшихъ препятствіе для эскалады текинцевъ.

На эту новую вылазку текинцы возлагали всѣ надежды. Всѣ лучшіе бойцы пошли на нее, и съ ними всего до 12 т. Они шли на фронтъ и оба фланга.

Около 7 час. вечера, до восхода луны, ударили текинцы. Ударъ былъ попрежнему стремителенъ и силенъ, но и отбитъ онъ былъ блестяще. Текинцы прорвались во многихъ мѣстахъ, но были переколоты или отбиты. Бой длился съ $^1/_4$ часа. Потеря текинцевъ была громадна. Текинцы унесли у насъ одинъ ракетный станокъ съ ракетой [1]). Побросавъ свое холодное оружіе, многіе бѣжали въ крѣпость и оттуда открыли тотчасъ огонь по насъ. Непріятель собрался было къ утру опять въ массы, для новой вылазки, внутри крѣпости, но раздумалъ. Подползая, сталъ онъ уносить свои трупы. Бездна его оружія валялась впереди траншей (пики, шашки, ножи).

Скобелевъ и теперь настоялъ на окончаніи урочныхъ работъ. У насъ потери: 10 убито и 57 ранено, да 11 контужено, а коней—14.

Теперь текинцы отказываются отъ вылазокъ, но вѣрятъ еще въ бой внутри крѣпости, не допуская, чтобы тамъ русскіе взяли верхъ. Они страстно желали, чтобы русскіе пошли на приступъ.

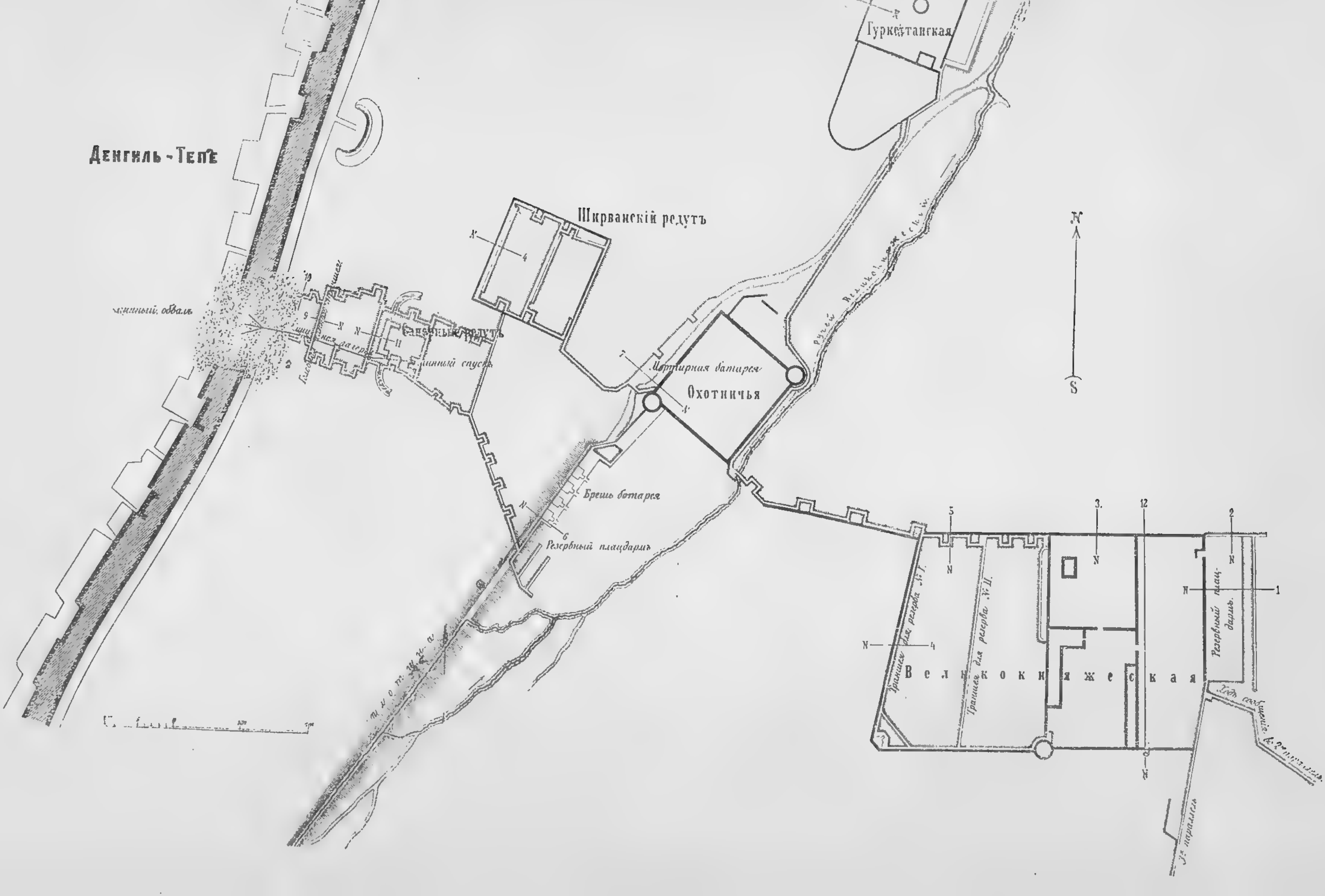
Непріятель, судя по огню, терялъ уже горячность дѣйствій. Но онъ продолжалъ перенимать у насъ лучшіе пріемы, такъ, онъ часто стрѣлялъ уже залпами.

Текинцы ждали штурма ночью. Днемъ они отсиживались въ ямахъ, уменьшавшихъ потери отъ артиллеріи. Днемъ выходить изъ ямъ безъ особой нужды имъ воспрещалось. Они нуждались въ мясѣ и горячей пищѣ. Бойцовъ было до 10.000, на половину (а съ лучшими—$^1/_6$) съ ружьями. Днемъ за гребнемъ стѣны—одни часовые. Вооруженные берданками всегда находились въ наружномъ рву противъ угла. Они даютъ по насъ залпы передъ закатомъ. На ночь много текинцевъ идутъ въ наружный ровъ для обезпеченія крѣпости отъ нападенія. Это сообщилъ персъ, выбѣжавшій изъ плѣна. Онъ добавилъ, что текинцы вѣрятъ, что Богъ не допуститъ взятія Геокъ-тепе, и что русскіе уйдутъ отъ недостатка припасовъ.

---

[1]) «Не было, кажется, кибитки, гдѣ бы женщины не оплакивали убитыхъ или раненыхъ... Пало больше чѣмъ въ суммѣ за всю предшествовавшую осаду... Былъ убитъ во время молитвы одинъ старецъ, почитавшійся святымъ (Ишанъ Ходжа-Керимъ-Берды)... Мервцы, потерявъ до 200 человѣкъ, ушли домой почти всѣ».

ПЛАНЪ
ОСАДНЫХЪ РАБОТЪ ИЗЪ ТРЕТЬЕЙ ПАРАЛЛЕЛИ.

5-го вечеромъ у текинцевъ пытались было двинуть людей на вылазку. Это породило у насъ нѣкоторую нервность и большую стрѣльбу, ставшую кое-гдѣ безпорядочной. Но текинцы не пошли, ограничившись сборами, шумомъ и пререканіями. Прожекторы (лампы Шпаковскаго) и боевыя ракеты много повліяли на отклоненіе текинцевъ отъ вылазки.

5-го же офицеръ-казакъ [1]) съ 2-мя нижними чинами, подъ выстрѣлами, сдѣлалъ дважды промѣръ отъ Ширванскаго редута до рва и измѣреніе рва подъ прицѣльнымъ, близкимъ огнемъ противника, найдя «отъ овальной траншеи—29 с. и 6 вершк. до рва, 7 арш. по рву, при глубинѣ въ 2 арш. и сухомъ днѣ». 6-го сапы наши подошли ко рву, соединились, образуя саперный редутъ (7 и 8 января). Ровъ очистили отъ текинцевъ, бросая динамитные патроны. Начали минный спускъ.

6-го, съ утра, текинцы «толкались во рвахъ», и мы ждали вылазки, особенно съ 6-ти до 10-ти час. вечера, когда бушевалъ ужасный ураганъ съ облаками пыли, затмившими все на близкомъ разстояніи. Но вылазка не состоялась и тогда.

6-го же мортирную батарею перенесли впередъ къ «Охотничьей» калѣ. Это заставило текинцевъ убрать кибитки со средины крѣпости подъ самыя стѣны (числомъ до 500 штукъ). Но даже у восточной стѣны падали наши бомбы, произведшія 7-го, въ 2 час. ночи, большой переполохъ.

6-го января Скобелеву пришло на мысль предложить текинцамъ убрать трупы, сильно намъ досаждавшіе своимъ запахомъ. Но кто бы могъ думать, что противникъ будетъ столь внимателенъ: едва съ башни Охотничьей калы подполковникъ Іомудскій, въ 1 часъ дня, крикнулъ—«прекратить огонь!»—текинцы послушались. У насъ пробили отбой. Текинцы усѣяли всѣ стѣны. Скобелевъ былъ въ 3-й параллели, близъ ю.-в. угла крѣпости. Близъ «подковы», у конца 3-й параллели, сошлись переговорщики обѣихъ сторонъ. Отъ текинцевъ спустился Хаджи-Муратъ. Скобелевъ поднялся на брустверъ. Оказалось, что ханы будто бы въ пескахъ и безъ нихъ нельзя переговариваться. На уборку тѣлъ текинцы не согласились, боясь западни. Имъ предложили сдаться или отослать семьи въ пески. Они отвѣчали, что семьи хорошо укрыты, а сдача зависитъ, будто бы, отъ Хивы. Совѣтъ же о сдачѣ въ кибиткѣ Махмудъ-Кули-Хана былъ разогнанъ молодежью; перемиріе объявлено кончившимся и около 2-хъ часовъ текинцы первые возобновили огонь.

7-го января инженеры намѣтили окончаніе мины на 9-е число. Скобелевъ обѣщалъ 3 тыс. рублей минерамъ, если они окончатъ къ 10 числу.

[1]) Уральскаго казач. войска сотникъ Кунаковскій.

Тогда артиллерійскую брешь начали 8-го въ другой сторонѣ атакованнаго угла крѣпости, а штурмъ намѣченъ былъ на 10-е, въ 7 часовъ утра; составили и диспозицію. У Скобелева была сначала мысль нѣсколько ночей утомлять текинцевъ шумомъ, музыкой, барабаннымъ боемъ. Слухъ о минѣ проникъ въ крѣпость. Но ему не придали значенія, и не видѣли опасности, не понимая того, что можетъ произойти [1]).

8-го началось брешированіе пушками. Черезъ два часа былъ обвалъ въ 10 сажень и открылись верхи кибитокъ. Текинцы самоотверженно задѣлали брешь къ утру 9-го, съ большими потерями, а впереди бреши за ночь въ наружномъ рву помѣстилась большая толпа текинцевъ. И наша команда съ пироксилиномъ, поэтому, не дошла до бреши, «для ея раздѣлки въ удобовосходимую».

Для штурмовыхъ колоннъ строились у насъ плацдармы.

Но слабость вентилятора и болѣе точное измѣреніе отсрочили окончаніе мины до 12-го числа.

Текинцы на ночь сгущали свои силы противъ атакованныхъ частей стѣны и у «Мельничной» калы, чтобы бить съ запада во флангъ атакѣ бреши. Съ пробитіемъ бреши, они перестали на ночь спускаться въ наружный ровъ. Это позволило намъ 11-го вечеромъ послать вновь партіи въ ровъ для подрыва стѣнъ около бреши пироксилиномъ. Подслушиваніе крѣпостныхъ разговоровъ дало Скобелеву основаніе полагать, что духъ текинцевъ уже подорванъ и штурмъ сталъ легче.

Въ полночь и минная галлерея прошла подъ серединой рва въ 2-хъ саженяхъ ниже горизонта. Къ утру были готовы три боевыхъ рукава. Ихъ стали заряжать 72 пудами пороха въ ночь на 12-е.

Въ это время Скобелевъ отдалъ распоряженіе для штурма (диспозиція) на 12-е.

11-го—слабая перестрѣлка; по нашему лагерю ими пущено нѣсколько ядеръ. Съ 5-го по 11-е у насъ потеря: 13 убито, 62 ранено, 7 контужено коней—73. 11-го въ 7 часовъ былъ отслуженъ у насъ молебенъ передъ штурмомъ.

Диспозиція гласила: для штурма 3 колонны [2]): справа,—Куропаткина ($11^1/_2$ ротъ, 1 ком. и 2 хора музыки), полковника Козелкова ($8^1/_4$ ротъ и 1 ком. и хоръ музыки) и Гайдарова ($4^1/_2$ роты, $1^1/_2$ сот., 2 ком. и хоръ музыки). Резервъ Скобелева (21 рота и хоръ музыки).

Сборъ въ 3 часа утра. Атака съ 7 часовъ утра въ такомъ порядкѣ: 1) брешированіе; 2) бомбардировка; 3) атака Мельничной калы Гайдаровымъ; 4) мина; 5) бомбардировка $^1/_2$ часа по югу крѣпости; 6) штурмъ обваловъ и артиллерійскій огонь по сѣверу крѣпости черезъ головы штурмующихъ.

3. Взятіе Геокъ-тепе 12 января 1881 года.

А. Штурмъ.

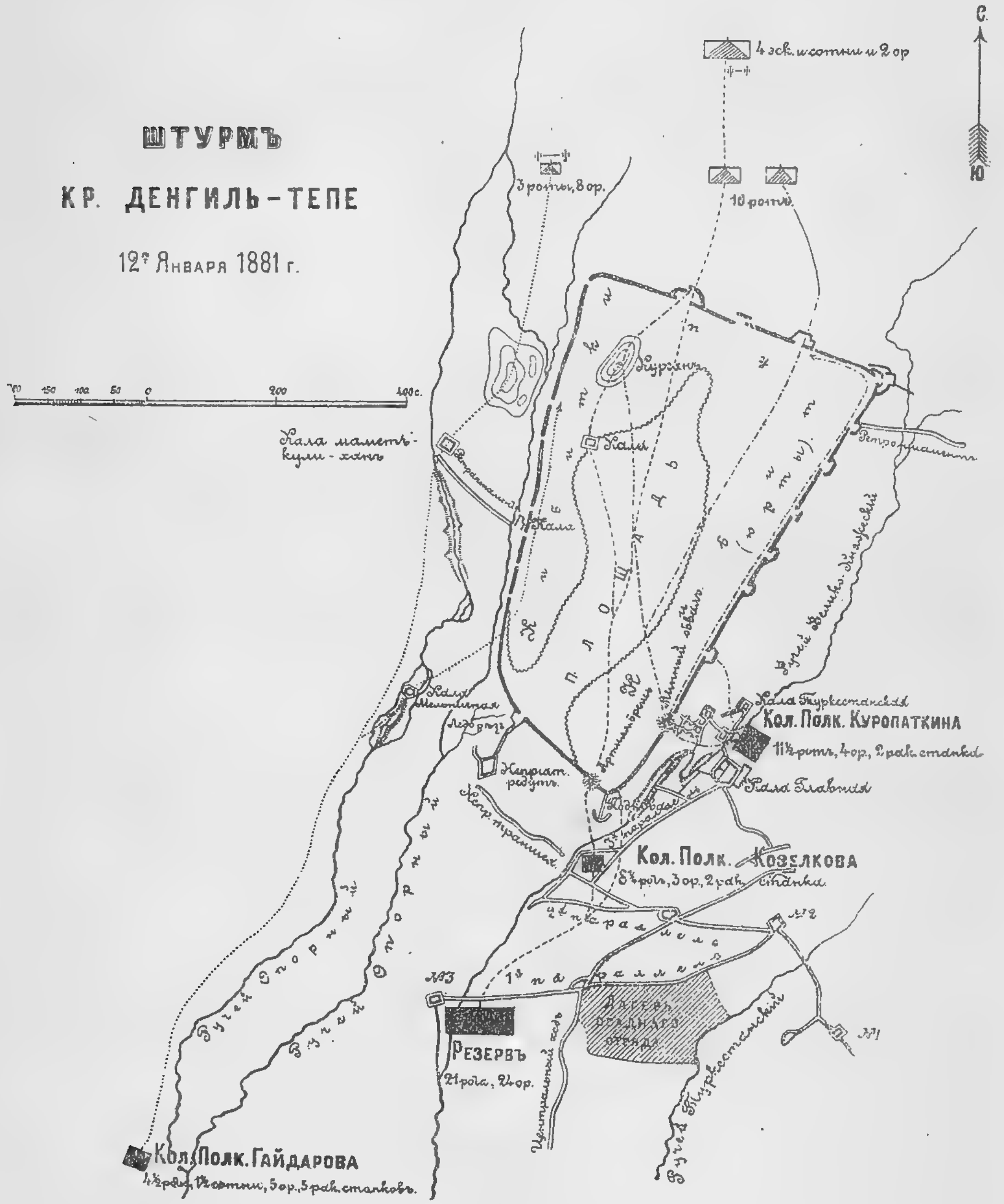
Скобелевъ думалъ въ первый день штурма утвердиться только въ южномъ углу крѣпости, ожидая колоссальнаго сопротивленія. Въ 7 час.

---

[1]) Ханы наивно объяснили, что если русскіе роютъ проходъ въ крѣпость, то они будутъ по одиночкѣ изрублены, когда полѣзутъ черезъ него.

[2]) Артиллерію мы не перечисляемъ.

утра Гайдаровъ сталъ наступать на Мельничную калу, отвлекая, по условію, туда вниманіе текинцевъ, разбивая артиллеріей ея стѣны. Въ $8^1/_2$ час. утра онъ беретъ калу штурмомъ. Всѣ текинскіе начальники встали на стѣнѣ противъ Гайдарова, хотя текинцы были бдительны и на прочихъ пунктахъ.

Въ 7 же часовъ утра артиллерія стала „совершенствовать" свою брешь, что и сдѣлала вопреки всѣмъ усиліямъ текинцевъ починить ее подъ шрапнелью.

Въ 10 часовъ утра получилось приказаніе Скобелева „взорвать мину въ 11 часовъ 20 минутъ, а артиллеріи обстрѣлять ю.-в.

уголъ крѣпости“. Такъ и случилось: минута въ минуту поднялся высоко столбъ земли и дыма, и сдѣлался удобный обвалъ въ 15 с. длины.

Впечатлѣніе отъ мины для непріятеля было ужасное. Текинцы, говорятъ, потеряли разсудокъ и не могли сообразить, что произошло; думали—землетрясеніе; трусы бѣжали изъ крѣпости, а масса храбрецовъ все-таки овладѣла собой для боя. Послѣ мины обрушилась на крѣпость артиллерія. Потомъ—штурмъ.

Въ 8 час. колонна Куропаткина, раздѣленная на три части: 1) для взятія миннаго обвала и стѣнъ вправо и влѣво; 2) для движенія внутрь крѣпости и 3) для помощи огнемъ и для резерва первымъ двумъ—заняла свои мѣста.

Большія глыбы глины отъ взрыва обсыпали этихъ людей въ передовыхъ колоннахъ и засыпали отчасти команду охотниковъ. Не успѣлъ разсѣяться дымъ взрыва, какъ первая часть силъ Куропаткина бросилась къ обвалу. Текинцы, быстро оправившіеся, встрѣтили ее на обвалѣ и на стѣнахъ огнемъ и въ рукопашную. Но они сбиты и отошли въ кибитки и землянки. Труднѣе вышелъ бой за входы на правую и лѣвую стѣны отъ обвала.

Занявъ здѣсь стѣны, мы стали бить по толпамъ, бѣжавшимъ сюда на поддержку передовымъ текинцамъ. Саперы въ это время „вѣнчали“ обвалъ турами, туда втащили горныя пушки и пулеметы. Часть силъ полковника Куропаткина сошла внутрь крѣпости, а на лѣвой стѣнѣ онъ вошелъ уже въ связь съ Козелковымъ. Груды тѣлъ противника свидѣтельствовали о его упорствѣ. Куропаткинъ продвигался уже къ „среднему проходу“ внутри въ крѣпости; бой шелъ за кибитки и землянки. Текинцы отходили къ холму Денгиль-тепе и къ сѣвернымъ воротамъ, такъ что становились очевиднымъ, что крѣпость можно взять въ одинъ этотъ день. Колонны полковника Куропаткина пошли къ цитадели—Денгиль-тепе. У западной стѣны были отбиты наши два плѣнныхъ орудія, и въ сѣв.-вост. углу стѣны взято орудіе текинцевъ; тамъ же нашли и знамя 4-го батальона Апшеронцевъ съ 4-мя текинскими значками. Уже часть силъ Куропаткина перешла въ преслѣдованіе за сѣверную стѣну, вмѣстѣ съ конницей, присланной къ нему Скобелевымъ.

Средняя колонна „застряла“ на артиллерійской бреши.—Вмѣстѣ со взрывомъ, пошелъ Козелковъ на брешь, гдѣ его встрѣтили сильнымъ огнемъ, камнями. Отъ потерь голова колонны залегла на обвалѣ въ перестрѣлкѣ въ упоръ съ противникомъ. Это имѣло видъ колебанія и нерѣшительности. Скобелевъ, видѣвшій все, послалъ подкрѣпленіе изъ своего резерва. На это и ушло нѣкоторое время. Послѣ этого дружнымъ натискомъ брешь была взята. Рядомъ съ брешью стѣны эскаладировались по лѣстницамъ. Обвалъ укрѣпили; стали очищать стѣны въ обѣ стороны отъ текинцевъ, входя въ связь съ Куропаткинымъ и Гайдаровымъ; спуститься внутрь крѣпости Козелковъ запоздалъ и только небольшая часть его силъ приняла участіе въ схваткѣ у Денгиль-тепе; въ преслѣдованіе же пошелъ цѣлый батальонъ. Гайдаровъ послѣ взрыва тоже наступалъ частью вдоль фаса, частью штурмуя стѣну съ лѣстницами,—а конница старалась охватить текинцевъ съ сѣвера.

Тыкма-сердарь,—ни уговорами, ни угрозами, ни побоями,—не могъ остановить бѣгства своихъ, и былъ увлеченъ ими.

Во второмъ часу дня Скобелевъ двинулъ свою конницу изъ резерва въ преслѣдованіе и лично провелъ ее черезъ крѣпость.

Двѣ большія массы текинцевъ отходили въ пески. За ними и помчался Скобелевъ. До 15 верстъ шла погоня и рубка. Пѣхота прошла верстъ 10. Ночь и разсѣяніе противника заставили вернуться Скобелева и войска въ лагерь, ведя обратно въ крѣпость захваченныя семьи текинцевъ.

Мы потеряли убит. 54 и ран. 254, контуж. 85, коней 71, а всего 398 (Гайдаровъ—25; Козелковъ—166; Куропаткинъ—131 и резервъ—до 76 чел.).— Текинцы потеряли до 6—8 тыс. человѣкъ. Изъ „четверовластія" погибли двое.

Картина потерь текинцевъ за время осады была ужасна. Послѣднее время не успѣвали хоронить или даже стаскивать въ кучи.

Всю ночь патрули и разъѣзды дѣйствовали въ крѣпости противъ затаившихся текинцевъ.

Лагерь нашъ сперва былъ оставленъ на прежнемъ мѣстѣ въ цѣляхъ санитаріи. Войска вернулись въ него ночевать, оставивъ въ крѣпости 10 ротъ. Имущество текинцевъ было отдано Скобелевымъ солдатамъ на 4 дня [1]).

На холмѣ Денгиль-тепе былъ поднятъ большой Императорскій штандартъ.

Государь произвелъ Скобелева въ полные генералы, далъ Георгія 2-й степени. Апшеронцамъ Царь вновь пожаловалъ отбитое у текинцевъ плѣнное ихъ знамя [2]).

Б. Послѣ штурма.

До конца января въ тылу у насъ было безъ нападеній. Расходъ «силъ войскъ» былъ значителенъ, и въ концѣ января послѣдовало усиленіе съ Кавказа закаспійцевъ. Телеграфъ дошелъ до Бами, а жел. дор. «застряла» за недостаткомъ шпалъ.

Денгиль-тепе мы приспособили къ оборонѣ. До 600 персіянъ рабовъ были освобождены отъ цѣпей на волю. Женщинъ и дѣтей оказалось до 5 тыс. Кибитокъ до 12 тыс. Имущество текинцевъ въ крѣпости превосходило 6 милл. рублей.

13-го Скобелевъ объѣхалъ «поле боя 28-го августа 1879 г.» и отслужилъ внутри крѣпости молебенъ за побѣду и панихиду, по воинамъ, погибшимъ въ обоихъ штурмахъ.

Затѣмъ онъ принялъ мѣры, чтобы обезпечить семьи текинцевъ отъ лишеній, какъ уже обезпечены они были съ вечера 12-го отъ насилій.

Съ 17 января доступъ солдатамъ въ крѣпость запрещенъ; у входовъ — караулы и часовые—на стѣнахъ. Минный обвалъ задѣлали. Въ сѣв.-зап. углу сооруженъ редюитъ. Крѣпость старались дезинфекцировать.

Съ 4-го дня одиночные текинцы стали возвращаться къ семьямъ и для переговоровъ. Отъ нихъ стали собирать свѣдѣнія о томъ, гдѣ сгруппировались пѣшіе и конные текинцы. Съ ними же Скобелевъ послалъ прокла-

---

[1]) Кромѣ животныхъ, оружія, муки и фуража, отходившихъ въ казну.

[2]) Говорятъ, англійскій агентъ и корреспондентъ, О'Донаванъ, въ бинокль наблюдалъ штурмъ Геокъ-тепе съ горы въ 12 миляхъ (гора Марковъ).

маціи [1]), обѣщая сдавшимся жизнь и покой и зовя старшинъ въ Асхабадъ, куда онъ 17-го [2]) направлялся съ $15^1/_2$ рот., 6 эск. и сот., 12 оруд., 2 ракетн. станками съ полк. Куропаткинымъ. Асхабадъ, оставленный жителями, былъ занятъ 18 января безъ боя.

18-го Скобелевъ получилъ письмо текинскихъ старшинъ о покорности. Онъ послалъ отрядъ [3]) на колодцы къ сѣв. и сѣв.-вост., гдѣ ждали своей участи тысячи текинцевъ. Явившихся важныхъ лицъ Скобелевъ награждалъ медалями и халатами.

Текинцы возвращались. 22 января болѣе 1 тыс. пришло ихъ въ Геокъ-тепе.

Скобелевъ требовалъ умиротворенія края до конца февраля. Онъ проявилъ большую энергію и большое искусство въ мѣрахъ по организаціи нашего управленія у ахалъ-текинцевъ. Онъ имѣлъ въ виду «эксплоатировать для нуждъ арміи отличныя боевыя качества текинцевъ»:—«Текинцы такіе молодцы», говорилъ онъ, «что нѣсколько сотенъ такой кавалеріи сводить подъ Вѣну—не плохое дѣло» [4]).

7 февраля туркестанскій отрядъ началъ свой обратный ходъ, разсчитывая быть въ Петро-Александровскѣ къ половинѣ марта. За экспедицію онъ потерялъ всего 35 чел. убит., 81 ранеными. Обратно онъ прошелъ 662 вер. отъ Бами до Петро-Александровска, сдѣлавъ 22 перехода, обыкновенно больше 30 верстъ, съ 7-ю дневками. Тотчасъ его расформировали [5]). Въ немъ развился тифъ, занесенный изъ Ахалъ-теке. Туркестанцы принесли въ Туркестанъ слова Скобелева: «Въ трудный день 12 января горсть удалыхъ туркестанскихъ войскъ вновь вписала славную страницу на скрижали нашихъ средне-азіатскихъ войнъ».

4. Вліяніе на Среднюю Азію нашей побѣды и послѣдующихъ дѣйствій.

А. Опасенія сосѣдей.

Шахъ поздравилъ Россію съ побѣдой, указалъ ея выгоды для спокойствія Персіи и указалъ на необходимость такой же расправы и съ разбойничествомъ Мерва. Являлась возможность разграничиться съ Персіей въ предѣлахъ Ахалъ-текинскаго оазиса. Пограничные персидскіе правители спѣшили поздравить и одарить Скобелева. Хоросанъ избавился отъ военныхъ тревогъ. Туркменъ, искавшихъ тамъ укрытія, выселяли обратно.

Даже въ Индіи имя Скобелева стало быстро популярнымъ и соединялось съ легендарнымъ «Нана-саибомъ».

21 января туркмены, салоры и сарыки [6]) съ р.р. Теджена и Мургаба прислали пословъ (Ишанъ-Караулъ-Беги) и грамоту о желаніи вступить въ наше подданство. Они объявили, что отказали Мерву въ огнестрѣльномъ

---

1) На колодцы Илекъ-салешъ.

2) Догнавъ отрядъ, пошедшій туда еще 15-го и дожидавшійся Скобелева на дневкѣ.

3) Куропаткинъ (изъ Асхабада $7^1/_4$ ротъ, 5 эск. и сот., 4 оруд., 2 ракет. ст. и 1 геліографъ) и 4 роты, 2 сот., 2 оруд. и 2 рак. стан. изъ Геокъ-тепе (21-го)—на Изгентъ.

4) 21 янв. 1881 г. № 761 (Куропаткину).

5) Онъ пошелъ изъ Туркестана 12 нояб. 1880 г. и вернулся 14 мар. 1881 г.=4 мѣсяца похода, 22 дня стоянки подъ Геокъ-тепе и до 2000 верстъ пройдено.

6) Всего 14 тыс. дымовъ.

оружіи противъ русскихъ и добавили, что — «такъ какъ вы будете воевать и съ Афганистаномъ и вамъ придется проходить черезъ наши земли, то мы желаемъ принять подданство Бѣлаго Царя, чтобы наше имущество, жены и дѣти были подъ его высокимъ покровительствомъ».

Позже, изъ-за этихъ племенъ мы столкнулись съ англо-авганцами на р. Кушкѣ 18-го марта 1885 г.

Мы узнали также, что англійскіе агенты совѣтовали Мерву торопиться съ принятіемъ персидскаго подданства, дабы не испытать участи Ахалъ-теке. Но мервскіе депутаты, пораженные судьбой Геокъ-тепе, только восклицали: «во избѣжаніе такого кровопролитія, Мерву остается только идти съ повинною къ Скобелеву!..» [1]).

«Въ виду важности нашей побѣды въ Азіи и того, что неудача 1879 г. имѣла неблагопріятное для насъ значеніе даже по дѣламъ съ Китаемъ, министерство иностранныхъ дѣлъ, по мысли военнаго министра, телеграфировало о ней всѣмъ нашимъ представителямъ въ азіатскихъ государствахъ, не исключая консуловъ». Курсъ нашихъ денегъ поднялся.

Б. Занятіе Асхабадскаго оазиса.

Узнавъ, что часть вооруженныхъ текинцевъ еще группируется въ восточномъ концѣ оазиса, на р. Тедженѣ, на рубежѣ Мервскихъ владѣній, Скобелевъ собирается идти туда [2]) съ частью своихъ войскъ (8 р., 8 с., 8 ор. съ запасомъ на 15 дней, съ водой на 2 дня и съ 1500 верблюд.). Но падежъ и усталость верблюдовъ были такъ велики, что уже 24-го января нельзя было собрать транспорта для этого похода даже на половину предназначенныхъ войскъ (750 верблюд.). Съ другой стороны Скобелевъ получилъ отъ военнаго министра указаніе: «не допускать ни подъ какимъ предлогомъ движенія войскъ къ востоку, за предѣлы текинскаго оазиса». Въ то же время изъ Тифлиса былъ посланъ къ Скобелеву начальникъ штаба Кавказскаго округа генералъ Павловъ выяснить — «не вынуждаетъ ли насъ что-либо къ чрезвычайнымъ мѣрамъ въ отношеніи къ Мерву».

28-го января Скобелевъ поѣхалъ изъ Асхабада въ Бами для переговоровъ съ генераломъ Павловымъ, расхворавшимся въ дорогѣ.

Тѣмъ временемъ асхабадскій отрядъ обязанъ былъ вести развѣдки къ востоку, въ Атекъ (до Изгента, Келтачинара и Гяурса) небольшими войсковыми частями и посылать лазутчиковъ.

На Тедженѣ было до 2 тыс. кибитокъ упорствовавшихъ ахалъ-текинцевъ [3]) съ Тыкма-сердаремъ, который обѣщалъ зарѣзать всякаго изъ нихъ, кто двиается съ повинной къ Скобелеву. Шайки отъ этого скопища стали

---

[1]) Много текинцевъ собралось на р. Тедженѣ, куда Мервъ посылалъ имъ продовольствіе.

[2]) Въ прокламаціи къ текинцамъ онъ говорилъ: «есть еще слабые люди, которые слушаютъ разныхъ проходимцевъ и не селятся въ Атекѣ». (Атекъ — восточная треть ахалъ-текинскаго оазиса, которую Персія считала своей «провинціей, по пережитку былого персидскаго величія.» Въ Атекѣ было 2—3 селенія изъ персовъ).

[3]) И до 3 тыс. мервцевъ.

«шалить» по дорогѣ къ Асхабаду. Прошла молва, что имъ на поддержку идетъ 13 тыс. мервцевъ (половина пѣшихъ, половина конныхъ).

Тогда Скобелевъ стянулъ въ Асхабадъ свою кавалерію съ «мѣдной» артиллеріей, отмѣнилъ свой объѣздъ тыла и вернулся въ Асхабадъ (14-го февраля былъ уже тамъ). А 15-го Скобелевъ пошелъ съ конницей на востокъ въ Атекъ, чтобы дойти до р. Теджень, до конца земель ахалъ-текинцевъ и чтобы разогнать текинское скопище. Съ нимъ было 5 эск. и сотенъ, 4 пушки и на 5 дней довольствія. Ни обоза, ни лагеря онъ не бралъ; Асхабадъ приказалъ укрѣплять. 16-го онъ былъ уже въ 60 съ лишнимъ верстахъ отъ Асхабада (въ 38 вер. отъ Гаурга), а 17-го пришелъ въ Люфтабадъ, пройдя еще 30 верстъ. Тамъ его встрѣтили съ восторгомъ и туркмены, и персы со своимъ ближайшимъ къ этому мѣсту правителемъ (Сейдъ-Алиханъ). Послѣдній шепнулъ Скобелеву, что и «англичане просятъ дать имъ доступъ въ Атекъ».

На самомъ дѣлѣ англійскіе агенты уже работали въ Мервѣ. О'Донованъ былъ въ Мервѣ, а Абасъ-ханъ писалъ туда зажигательныя письма изъ Мешеда. Оба старались подбить Мервъ поддержать скопище ахалъ-текинцевъ на Тедженѣ, увѣряя, что англійскія войска уже вступаютъ въ Гератъ (въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ низовьевъ Теджена).

Но вступленіе русскихъ въ Атекъ [1]) «смѣшало всѣ карты». Сперва мервцы бросились строить свою крѣпость (работало до 4-хъ тыс.; у Мерва было 32 персидскихъ орудія, съ 1861 года), хотѣли взять на свою службу скопище Тыкма-сердаря «для охраны Мервы»... Потомъ, стала брать партія мира съ русскими, недовѣріе къ англичанамъ, а предложеніе Тыкма-сердаря было отвергнуто соображеніемъ, что съ нимъ бѣжали только трусы, а «всѣ храбрые погибли подъ Геокъ-тепе». Они стали «пересылаться» и съ нами.

Движеніе къ Теджену сотни казаковъ съ топографомъ повліяло и на скопище Тыкма-сердаря. Онъ рѣшилъ намъ отдаться и завелъ и стороной, и прямо переговоры. И Махмудъ-кули-ханъ собирался вернуться изъ Мерва съ бѣжавшими туда ахальцами.

Мерву Скобелевъ пригрозилъ: «если будутъ аламанить... я ихъ найду, если царь прикажетъ». Каджаръ-ханъ-Мервскій отвѣчалъ, что желаетъ мира, а «англичанина держатъ подъ стражей» [2]).

Тыкма-сердарю, подъ рукой, обѣщано сохраненіе «его лошади и оружія», о чемъ онъ условливался. Въ отвѣтъ, онъ обѣщалъ, въ свою очередь вернуть Скобелеву его коня, захваченнаго текинцами въ одинъ изъ ихъ набѣговъ на нашъ тылъ.

Видя, что дѣла наладились, съ полнымъ покореніемъ Ахалъ-теке, Скобелевъ ѣздилъ (съ 20-го февраля по 6-е марта) въ Геокъ-тепе, гдѣ былъ устроенъ имъ пышный пріемъ персидскаго Намѣстника Хоросана, Шуджаудъ-доуле.

---

[1]) Замѣчательно какъ прочно организовалъ Скобелевъ связь съ прочими своими войсками съ помощью постовъ изъ конныхъ вооруженныхъ туркменъ, на хорошихъ коняхъ, въ 20—10—5 чел. на посту.

[2]) Для борьбы съ партіей, противной намъ, онъ просилъ денегъ.

Въ это время мы старались успокоить Мервъ со стороны Туркестана, Бухары, Хивы и изъ Асхабада, мы писали: «обычай нашъ таковъ — не проливать крови тамъ, гдѣ могутъ дѣйствовать разумныя слова и добрыя увѣщанія».

Тыкма-сердарь сдался Скобелеву 27-го марта, явившись въ Асхабадъ; онъ присягнулъ Государю и получилъ назадъ свою саблю [1]).

Тогда Скобелевъ объявилъ Туркменскую войну оконченной, о чемъ и донесъ. Дѣйствительно, слова Тыкма-сердаря дышали справедливой гордостью:

— «Пусть будетъ извѣстно, что кромѣ меня никто изъ текинцевъ не можетъ сдѣлать русскимъ вреда».

Его, по его желанію, послали къ Царю съ вѣрноподданной депутаціей отъ ахалъ-текинцевъ.

Съ окончаніемъ войны начался споръ у насъ — присоединять ли оазисъ къ Имперіи, какъ ея область, или же дать текинцамъ автономію на бухарско-хивинскій образецъ.

За автономію былъ министръ иностранныхъ дѣлъ. За полное подчиненіе были Скобелевъ, Зиновьевъ... и Государь.

Взялъ верхъ доводъ — «текинцы не составляютъ государства, подобно Бухарѣ и Хивѣ». Къ этому прибавился и другой — «только прочное занятіе нами Ахалъ-теке смиритъ Мервъ». Доказательствомъ послужилъ фактъ: едва мы очистили Люфтабадъ [2]) съ Атекомъ, какъ мервцы, сочтя это нашимъ ослабленіемъ въ Ахалъ-теке, начали грабежи. Пришлось въ Атекъ послать сотню изъ 160 отборныхъ туркменскихъ воиновъ для кордонной стражи по мервской границѣ у низовьевъ р. Теджена. Скобелевъ тогда же объявилъ и донесъ, что — Мервскій вопросъ нераздѣленъ и неразрывенъ съ Ахалъ-текинскимъ.

Къ доводамъ политическимъ и «ближнимъ» боевымъ присоединились и другіе «дальніе воинскіе взгляды», «пока на пути нашемъ будетъ существовать независимо текинское населеніе (о чемъ такъ хлопочетъ Англія), никакая диверсія противъ Англіи не можетъ имѣть успѣха въ Средней Азіи... (А вѣдь) «не слѣдуетъ забывать, что одною изъ причинъ, побудившихъ насъ къ движенію на востокъ отъ Каспія, послужила признанная нами необходимость произвести впечатлѣніе на Англію и помѣшать направленнымъ противъ насъ замысламъ ея въ Средней Азіи... Связанный надежными путями сообщенія съ базою на Каспійскомъ морѣ, передовой постъ нашъ на сѣверо-восточной окраинѣ Хоросана, безъ сомнѣнія, заставитъ англичанъ быть сдержаннѣе въ ихъ честолюбивыхъ замыслахъ, такъ какъ для насъ будутъ открыты всѣ пути на востокъ и юго-востокъ»...

---

[1]) Онъ вернулъ и коня Скобелева — «Шейново».

[2]) Вслѣдствіе слуха, что мервцы въ числѣ 6 тыс. пришли на Тедженъ, во второй половинѣ марта, Скобелевъ усилилъ войска въ Люфтабадѣ (2 р., 2 с., 2 горн. орудія), далъ имъ боевую инструкцію. Но слухъ оказался ложнымъ, и по распоряженію изъ Тифлиса отрядъ изъ Люфтабада былъ убранъ 1-го апрѣля. Скобелевъ переѣхалъ оттуда 18-го марта въ Асхабадъ.

Тогда участь Ахалъ-теке была рѣшена—оно стало нашимъ. Скобелеву было поручено намѣтить здѣсь границу нашу съ Персіей [1]). Мы получили 28.000 кв. верстъ земли, до 50.000 подданныхъ, могущихъ дать до 10.000 отличной кавалеріи. Скобелевъ говорилъ, что «сводить подъ Вѣну текинцевъ— не послѣднее дѣло».

Весь отторгнутый нами за Каспіемъ туркменскій край обратился изъ «отдѣла» въ «область» (6 мая 1881 г.),—но все еще въ составѣ Кавказскаго военнаго округа.

Войска области были сокращены на половину и полевыя управленія стали закрываться. Асхабадъ сталъ центромъ области и средоточіемъ и до него дотянулся телеграфъ. Скобелевъ началъ насажденіе нашего управленія въ области, помогая даже деньгами устройству населенія [2]). Подводились итоги экспедиціи. Скобелевъ выразился: «Русская держава, слава Богу, вноситъ съ собой въ Азію миръ, начала равноправности и имущественной свободы...» [3]).

В. Отъѣздъ Скобелева съ театра бывшей экспедиціи и мнѣнія его о причинахъ нашего успѣха.

28-го марта Скобелевъ сдалъ весь край съ войсками генералу Рербергу, новому начальнику области, и занялся до 12-го апрѣля объѣздомъ персидской границы новыхъ нашихъ владѣній. 13-го апрѣля изъ Геокъ-тепе, черезъ Бами и Красноводскъ [4]) (пробылъ два дня), онъ отбылъ въ Петербургъ (на пароходѣ «Чикишляръ»), пробывъ въ Туркменіи «1 годъ безъ трехъ дней» [5]).

Въ приказѣ 16-го мая Скобелевъ скромно приписалъ успѣхъ экспедиціи—«терпѣнію и мужеству войскъ и неутомимому усердію и чувству долга всѣхъ чиновъ, служащихъ въ краѣ»... Онъ опредѣлилъ степень успѣха работы своихъ помощниковъ и исполнителей, указавъ на опредѣленіе этой экспедиціи августѣйшимъ Главнокомандующимъ, какъ «одно изъ самыхъ трудныхъ, когда-либо нами предпринятыхъ».

Особенно лестно отзывался онъ о работѣ Гродекова, необычайно быстро, дешево и прочно устроившаго боковую продовольственную базу въ Персіи съ «крайне смѣлымъ» выдвиженіемъ ея головного магазина «къ самому Геокъ-тепе», въ с. Гярмабъ. Это дало намъ возможность кормиться послѣ взятія Геокъ-тепе и разстройства нашихъ верблюжьихъ перевозокъ. Скобелевъ выразился: «Не будетъ преувеличеніемъ, полагаю, отдать справедливость: персидская операція есть самая блестящая изъ всей ахалъ-текинской экспедиціи, хотя лица, занимавшіяся ею, никогда коммерціей не занимались».

Онъ отдалъ должное и работѣ «тыла» экспедиціи, говоря: «Неимовѣрныя трудности тыловой службы въ странѣ, еще непокоренной, при климатическихъ и продовольственныхъ условіяхъ столь неблагопріятныхъ, заставля-

[1]) Конвенція о границѣ подписана послѣ отъѣзда и смерти Скобелева, 9 дек. 1881 г.

[2]) Правительство наше помогало деньгами при возстановленіи искусственнаго орошенія области, мельницъ и т. д.

[3]) Письмо къ Зиновьеву 11-го сент. 1880 г. № 5053.

[4]) Отбылъ изъ него 27 апрѣля.

[5]) 1 мая 1880 г.—27 апрѣля 1881 г.

ютъ меня, по долгу службы, благодарно упомянуть о всѣхъ служившихъ въ тылу, коимъ не далось счастье непосредственно сразиться съ непріятелемъ»...

Про содѣйствіе посла нашего въ Персіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника И. А. Зиновьева Скобелевъ всегда вспоминалъ съ большой пылкостью:

«Его указаніямъ и содѣйствію мы въ значительной степени обязаны успѣхомъ экспедиціи. Безъ этого я, можетъ быть, на многое не рѣшился бы (закладка боковой вспомогательной базы въ Персіи)».

Скобелевъ исполнилъ, какъ обѣщалъ въ своемъ планѣ, завоеваніе ахалтекинцевъ безъ лишнихъ расходовъ людьми, деньгами и временемъ. Денегъ израсходовали мы 13.545.341 руб., не считая желѣзной дороги, которую Скобелевъ считалъ нужной не для экспедиціи, а для эксплоатаціи ея результатовъ. Дорога была окончена черезъ $6^1/_2$ мѣс. послѣ конца войны и обошлась въ 7.580.715 руб. Еще дешевле стоила экспедиція людьми и временемъ.

Шумный успѣхъ нашъ подъ Геокъ-тепе и «образцовыя» дѣйствія, признанныя во всѣхъ стадіяхъ этой экспедиціи военными авторитетами какъ отечественными, такъ и заграничными, дали Скобелеву всеобщее признаніе «талантливѣйшаго изъ современныхъ ему генераловъ Европы». Популярность же Скобелева въ Россіи еще болѣе возросла. «Бѣлый генералъ» сталъ окончательно и «кумиромъ арміи». Государь наградилъ Скобелева чиномъ полнаго генерала (генералъ отъ инфантеріи) и Георгіемъ 2-й степени.

Въ первую же годовщину «Геокъ-тепе» (12. янв. 1882 г.) на банкетѣ среди офицеровъ Скобелевъ сказалъ свою знаменитую рѣчь, направленную противъ нѣмцевъ Германіи и Австріи, «давившихъ въ это время славянъ». Онъ повторилъ еще ярче свои задорныя мысли въ средѣ сербскихъ студентовъ (въ Парижѣ). Всѣ ждали крупной опалы на Скобелева. Но послѣ бесѣдъ съ Государемъ, Скобелевъ пріобрѣлъ у Императора Александра III «еще большее расположеніе и довѣріе».

Ненависть нѣмцевъ противъ Скобелева росла неимовѣрно. Нѣмецкая печать была выразительницей этого движенія. И, правда или нѣтъ, но и до сихъ поръ на внезапную смерть Скобелева (26 іюня 1882 г.) смотрятъ какъ на нѣчто таинственное, граничащее съ политическимъ убійствомъ.

Знаменитѣйшій изъ русскихъ военныхъ ученыхъ (Лееръ) сказалъ про Скобелева, что «ахалтекинская экспедиція опредѣлила его, какъ полководца».

5. Состояніе войскъ, ихъ тактика и вооруженіе во время экспедиціи.

Если сравнивать с о с т о я н і е нашихъ войскъ, т а к т и к у и в о о р у ж е н і е въ періодъ Скобелевской экспедиціи, съ таковыми у противниковъ, то, конечно, мы превосходили ихъ во всемъ значительно и значительно... Это былъ тотъ коэффиціентъ р е г у л я р с т в а и п р е в о с х о д с т в а въ огнѣ, которыми мы всегда били Среднюю Азію м е н ь ш и м ъ числомъ. Еще московскіе воеводы доносили, что они бьютъ киргизъ въ Ср. Азіи (на границахъ ея съ Сибирью) «с т р о й с т в о м ъ», т.-е. регулярствомъ.

Если же сравнивать войска экспедиціи съ прочей нашей арміей, то получимъ слѣдующее. Они состояли изъ трехъ частей: 1) войска, жившія за

Каспіемъ, 2) войска, временно двинутыя съ Кавказа и 3) войска, приходившія изъ Туркестана. Туркестанскія и Кавказскія войска были въ блестящемъ видѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Закаспійцы были слабѣе по стрѣльбѣ, строю и выправкѣ, только потому, что трудность жизни въ дикомъ, неустроенномъ краѣ не давала возможности такъ же прочно наладить ихъ муштровку, какъ въ другихъ болѣе насиженныхъ нами мѣстахъ. Болѣзни, караулы у огромныхъ складовъ экспедиціи и пораженіе въ 1879 г. «расшатали» устои закаспійцевъ... Но Скобелевъ, этотъ магъ и волшебникъ солдатскаго сердца, быстро поднялъ духъ закаспійцевъ на должную высоту.

Въ общемъ же, всѣ войска экспедиціи были все тѣ же доблестныя русскія войска, побѣдоносныя и неодолимыя... если ими руководитъ военный талантъ...

Снабжены они были во время экспедиціи всѣмъ съ избыткомъ. Вели себя примѣрно. Но съ климатомъ Закаспія они ладили съ трудомъ и дали на 12.000 человѣкъ 29.000 заболѣваній, несмотря на то, что—по свидѣтельству санитарнаго отчета — «самымъ энергичнымъ санитаромъ въ экспедиціи былъ самъ Скобелевъ, вѣчно являвшійся всюду, лично все видѣвшій, все знавшій, всѣхъ будившій и первой заботою всѣхъ и каждаго ставившій сбереженіе солдатскаго здоровья и жизни»...

Одной изъ причинъ большой заболѣваемости отчетъ считаетъ то, что «работа войскъ видимо превышала солдатскія силы»,—но это условіе, неизбѣжное въ такихъ экспедиціяхъ, гдѣ приходится балансировать между слишкомъ малымъ и слишкомъ большимъ числомъ участниковъ, одинаково гибельнымъ для дѣла.

Состояніе отряда Скобелева было состояніемъ частицы Русской Арміи, посланной на новое средне-азіатское испытаніе, которое она выдержала съ честью... И свидѣтельство объ этомъ такого знатока военнаго дѣла, какъ Скобелевъ, есть лучшій аттестатъ для состоянія Русской Арміи въ эту эпоху; онъ говорилъ:

«Я вспоминаю съ чувствомъ безпредѣльнаго уваженія о своихъ дорогихъ сослуживцахъ въ Закаспійскомъ краѣ...

«Возложенная на насъ въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ экспедиція, которую Августѣйшій главнокомандующій Кавказской арміей назвалъ одною изъ самыхъ трудныхъ, когда-либо нами предпринятыхъ, доведена до конца, благодаря терпѣнію и мужеству... войскъ и неутомимому усердію и чувству долга всѣхъ вообще служившихъ въ краѣ какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ чиновъ»...

Состояніе нашего вооруженія сказалось въ экспедиціи слѣдующимъ образомъ. Ружье — берданка — по простотѣ и безотказности дѣйствія показала себя съ отличной стороны. Наличіе у текинцевъ нѣсколькихъ сотенъ берданокъ дало себя намъ почувствовать, со стороны хорошихъ свойствъ этого ружья. Но для патроновъ въ Средней Азіи оказался потребнымъ болѣе трудно-плавкій просальникъ, въ чемъ мы легко убѣдились, имѣя во время экспедиціи тѣ и другіе патроны. Пулеметы того времени, морскія картечницы, показали себя, при всѣхъ тогдашнихъ несовершенствахъ оружіемъ необходимымъ, особенно во впечатлительной Азіи... Наши ракеты,

хотя и капризничали постоянно, производили въ текинскихъ рядахъ всегда панику. Наши орудія вопіяли о замѣнѣ всѣхъ своихъ деревянныхъ частей металлическими, а равно и повозки, ибо средне-азіатскій континентальный климатъ съ его сушью и рѣзкими перемѣнами температуры, заставлялъ разсыпаться деревянные лафеты, короба и остовы лафетовъ, передковъ и ящиковъ пушекъ и повозокъ

Наше холодное оружіе должно бы перенять въ свой обиходъ, для Средней Азіи, формы текинскихъ сабель, боевыхъ ножей и кинжаловъ, показавшихъ себя не хуже нашихъ образцовъ.

Огонь нашъ былъ подавляющимъ въ Средней Азіи; и здѣсь, какъ въ Туркестанѣ, наши залпы оцѣнивались туземцами фразой: «русскій солдатъ плюетъ огнемъ!»

Наша тактика показала себя въ эту экспедицію въ отличномъ видѣ. Во-первыхъ, она вся была національна, ибо была выработана совершенно самостоятельно во время долгой возни нашей въ Средней Азіи со степняками, съ крѣпостями своеобразнаго устройства. Здѣсь дѣйствовалъ на походѣ нашъ степной «походно-боевой» порядокъ. Здѣсь въ приказахъ Скобелева все было пересыпано ссылками на случаи недавняго боевого опыта нашего въ Туркестанѣ.

Своимъ русскимъ опытомъ дошли мы до той же системы горныхъ и степныхъ опорныхъ пунктовъ, этаповъ, блокгаузовъ съ ихъ своеобразной тактикой, столь подробно развитой Скобелевымъ...

Но въ бояхъ пѣхотныхъ за мѣстные предметы, мы уже держались перебѣжекъ, принесенныхъ нами съ Турецкой войны, изъ-подъ Шейнова... А въ войнѣ крѣпостной прилагали пріемы общей всему свѣту «крѣпостной» войны, ускореннаго типа...

Наша продовольственная тактика была самыхъ новѣйшихъ воззрѣній по утилизаціи мѣстныхъ средствъ и даже во время осады наша кавалерія питалась сборомъ фуража на мѣстѣ... Наша отчетная тактика широко использовала въ эту экспедицію новинку—«предварительный контроль»...

Все это, оцѣненное по достоинству нами и нашими соперниками въ Ср. Азіи, давало нашей силѣ на тамошнемъ боевомъ фронтѣ хорошій, надежный, могучій колоритъ.

6. Характеристика главнѣйшихъ дѣятелей экспедиціи.

Эта экспедиція, трактуемая всюду, какъ высокій образецъ искусства во всѣхъ отношеніяхъ, является результатомъ усилій многихъ лицъ, начиная съ Государя, который: 1) рѣшилъ безповоротно покорить текинцевъ; 2) лично избралъ Скобелева; 3) далъ ему полную мочь и 4) не переставалъ ободрять его въ трудныхъ случаяхъ. Много сдѣлалъ для экспедиціи и Главнокомандующій Кавказской арміи, Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ. Но центральной фигурой событія былъ, безспорно, ген. Скобелевъ.

Онъ явился въ экспедицію уже «кумиромъ арміи», талантливымъ и счастливымъ вождемъ туркестанскихъ и балканскихъ боевъ... При самомъ назначеніи его въ экспедицію уже поднимался вопросъ—не слишкомъ ли онъ крупная величина для такого дѣла. Но самъ Скобелевъ, подобно

Суворову, считалъ всякое боевое порученіе своимъ призваніемъ. Это былъ генералъ, по нашему разумѣнію, лучшій въ то время на свѣтѣ, кандидатъ въ великіе полководцы, какъ полагаютъ многіе...

Не мудрено, что онъ все заполнилъ своей фигурой въ этой экспедиціи, успѣвая работать и въ роли полководца, и въ роли каждаго изъ промежуточныхъ начальниковъ, и среди рядовыхъ героевъ. Онъ былъ всегда и вездѣ впереди войскъ и событій, и суевѣрные азіатцы не могли помириться съ мыслью, что онъ человѣкъ обыкновенный, а не сверхъестественное существо, особенно когда послѣ неудавшагося покушенія на его жизнь и постояннаго картиннаго позированія подъ пулями, у нихъ сложилось мнѣніе, что онъ заколдованъ, неуязвимъ...

Никогда еще въ Средней Азіи война не была для туземцевъ столь кровопролитна, какъ въ борьбѣ со Скобелевымъ, почему они и прозвали его: «Гёзъ-канлы» — кровавые глаза, глазъ мстителя. Но обликъ его, какъ богатыря, какъ воина, не могъ не очаровать сердце его противниковъ, прирожденныхъ военныхъ людей... Вотъ почему они такъ безповоротно покорились ему послѣ разгрома.

Съ талантами Скобелева не трудно было всякій случай практики, представлявшійся на его разрѣшеніе во время хода экспедиціи, обратить въ классическое поученіе... Вотъ отчего, каждая его помѣтка, каждая резолюція и строчка, оброненныя во время этой экспедиціи, составляютъ перлъ для поученія, для подражанія въ нашемъ дѣлѣ.

Всѣмъ извѣстна разносторонняя талантливость Скобелева и въ своемъ мѣстѣ мы уже подчеркивали какой обширный взглядъ, взглядъ незауряднаго государственнаго человѣка, выказалъ онъ относительно нашихъ задачъ въ Средней Азіи.

Печать геніальной прозорливости лежала на выборѣ имъ лицъ себѣ въ помощники, по главнымъ отраслямъ экспедиціи... Но если тогда кто-либо не оправдывалъ его надеждъ, онъ—свободный отъ вліяній—безъ сожалѣнія и колебаній—разставался съ нимъ.

Имена Гродекова, Анненкова, Макарова, Куропаткина, Черeванскаго нераздѣльно сплелись съ именемъ Скобелева въ эту экспедицію. Но ошибочно было бы считать, что Скобелевъ видѣлъ въ нихъ фигуры подобныя своей; нѣтъ, онъ цѣнилъ въ нихъ одну, двѣ-три стороны характера спеціальнаго, съ чѣмъ и надо было считаться при ихъ послѣдующихъ назначеніяхъ, въ періодъ русской арміи «послѣ-Скобелевскій».

Повидимому онъ только Гродекова считалъ способнымъ себя замѣстить до нѣкоторой степени. Во время дерзкой прогулки своей въ іюлѣ 1880 г. [1]) подъ Геокъ-тепе онъ такъ это выразилъ своимъ войскамъ:

— «Въ случаѣ моей смерти на предстоящей рекогносцировкѣ 6 іюля, я поручаю командованіе отрядомъ полковнику Гродекову; онъ вполнѣ способенъ вывести цѣлымъ отрядъ и ему извѣстны всѣ мои соображенія».

Мы уже говорили, какъ блестяще справился Гродековъ со своей командировкой въ Персію для образованія «боковой охватывающей базы»

[1]) Егянъ-батыръ-калъ, 5/VII 1880 г., въ 5 ч. веч.

(магазинъ въ Гермабѣ), что Скобелевъ считалъ самой яркой страницей въ экспедиціи, по искусству выполненія [1]).

Безъ помощи Макарова на Каспіи у береговъ Туркменіи и безъ содѣйствія Анненкова съ его жел.-дор. строительствомъ на линіи Красноводскъ—Кизилъ-Арватъ, Скобелевъ считалъ бы себя «какъ безъ рукъ». Анненкову онъ ввѣрилъ главнѣйшую тыловую артерію экспедиціи Красноводскъ—Геокъ-тепе и впослѣдствіи этому человѣку выпала на долю рѣдкая извѣстность побѣдителя всѣхъ необозримыхъ песчаныхъ пустынь Средней Азіи съ помощью жел.-дор. колеи. Макаровъ же слишкомъ чувствителенъ своимъ именемъ русскому сердцу вплоть до трагической его гибели въ Портъ-Артурѣ, вмѣстѣ съ гибелью надежды на морскую побѣду нашу, съ которой онъ только одинъ и могъ бы тогда справиться. Куропаткина Скобелевъ цѣнилъ, какъ боевого офицера и какъ служаку [2]).

Черeванскій, своимъ талантливо поставленнымъ предварительнымъ полевымъ контролемъ, помогъ много экспедиціи, давая быстрое движеніе денежныхъ и экономическихъ дѣлъ и въ зародышѣ уничтожая ту темную полоску, которую рады были бы провести недоброжелатели Скобелева подъ его свѣтлымъ именемъ, какъ это имъ удавалось устроить не разъ съ именемъ Черняева. Скобелевъ былъ геніально предусмотрителенъ, пригласивъ этотъ видъ контроля въ экспедицію и онъ говорилъ, что «не понимаетъ, какъ можно вести военныя дѣйствія безъ него и какъ можно не испытывать къ нему чувства безпредѣльнаго уваженія со стороны всѣхъ, дорожащихъ интересами службы и ставящихъ ихъ выше личныхъ».

Наконецъ, нашъ дипломатъ Зиновьевъ, представитель нашъ въ Персіи въ это время, являлся «добрымъ ангеломъ экспедиціи и всего русскаго дѣла въ этой части Средней Азіи»... Такія лица у насъ рѣдки на дипломатическихъ постахъ, рѣдки, какъ алмазы. Всегда становился онъ на сторону самаго смѣлаго, самаго прямого рѣшенія для пользы Россіи; компромиссы онъ не любилъ... Скобелевъ такъ ему это выразилъ:

«Со дня вступленія въ командованіе, я имѣлъ возможность оцѣнить и испытать на дѣлѣ то сердце, то патріотическое участіе, которое вы принимаете въ успѣхѣ ввѣреннаго мнѣ труднаго дѣла»...

Но все же главнѣйшимъ дѣятелемъ въ походѣ являлась «Русская Держава», про которую Скобелевъ выразился, что Она «слава Богу, вноситъ съ собой въ Азію миръ, начало равноправности, личной имущественной свободы...», опорой которымъ былъ незамѣтный герой—туркестанскій солдатъ, про котораго Скобелевъ и подъ Геокъ-тепе выразился, что: «туркестанцы на дѣлѣ доказали, что они остались тѣ же молодцы, какими я ихъ зналъ во время (прежней) моей службы въ Средней Азіи».

---

[1]) Честность, проявленная Гродековымъ въ персидской командировкѣ, служила предметомъ молвы на востокѣ, которая въ стоустой молвѣ повторяла, что «Гродековъ явился къ Скобелеву съ бѣлымъ лицомъ».

[2]) Про Куропаткина Скобелевъ писалъ: «съ нимъ судьба породнила меня боевымъ братствомъ, со второго штурма Андижана, въ траншеяхъ Плевны и на вершинахъ Балканскихъ и нынѣ въ дни тяжелыхъ боевъ подъ Геокъ-тепе».

Со стороны текинцевъ, главными дѣятелями во время Скобелевской экспедиціи были ихъ вожди, члены «четверовластія», а среди нихъ талантливѣйшій въ военномъ дѣлѣ—Тыкма-Сердарь.

Тыкма-сердарь, какъ вождь—противникъ Скобелева.

Изъ всѣхъ вождей текинцевъ естественно выдѣлялся талантами Тыкма-сердарь, какъ мы уже подчеркивали. Онъ былъ изъ знатныхъ и богатыхъ людей, и земли, на которыхъ мы обосновались въ оазисѣ (Беурма), принадлежали ему. Ему было 55 лѣтъ, а съ 13 лѣтъ началась его военная практика.

Имъ были испытаны и раны, и тяжелый персидскій плѣнъ съ выкупомъ за 6000 тумановъ, которые онъ принужденъ былъ потомъ вернуть набѣгами же. Характеръ его былъ независимый. Память на мѣстность — исключительная, а искусство разбирать слѣды — неподражаемо. Онъ являлся рыцаремъ среди разбойниковъ, вслѣдствіе своей справедливости. Крупнѣйшіе аламаны въ Персію принадлежали ему. Онъ проникалъ до Белуджистана и чуть ли не до Персидскаго моря. Но и у него были въ оазисѣ могучіе враги и это заставило его искать службы у русскихъ при Ломакинѣ, и онъ хорошо изучилъ насъ. Говорятъ, что онъ, въ качествѣ тайнаго агента, провелъ насъ и вернулся къ текинцамъ съ цѣнными свѣдѣніями. Онъ же самъ говорилъ, что сталъ врагомъ нашимъ послѣ оскорбленія, нанесеннаго ему шт.-кап. Трегубовымъ.

Въ Скобелевскомъ походѣ Тыкма-сердарь сперва явился предводителемъ передовой ихъ конницы, потомъ устроителемъ аламановъ, а затѣмъ сталъ и главнымъ повелителемъ операцій противъ насъ, выказывая не мало таланта. Скобелевъ это сознавалъ, но всячески стремился замалчивать имя своего противника, разумно полагая, «что въ Азіи опасно создавать имена предводителей». Таковъ былъ знаменитый Тыкма-сердарь, которому только одному Скобелевъ вернулъ послѣ замиренія оазиса оружіе. Сдаваясь, онъ писалъ Скобелеву: «надѣюсь на милость правительства Бѣлаго Царя и прошу возвратить мнѣ мою лошадь и мое оружіе. Вашу же лошадь, когда пріѣду, возвращу вамъ. Служить буду съ усердіемъ».

Правой рукой его и замѣстителемъ былъ Курбанъ-Мурадъ-ишанъ, завѣдывавшій складомъ оружія и боевыхъ припасовъ. Онъ былъ съ большимъ даромъ слова, характеромъ, храбростью; славился отсутствіемъ жадности и великой справедливостью.

Но онъ не былъ такимъ крупнымъ военнымъ дарованіемъ, какъ Тыкма-сердарь, поистинѣ «великій полководецъ Туркменіи», ибо не безъ искусства онъ состязался съ талантливѣйшимъ изъ современныхъ ему европейскихъ генераловъ. И это ужъ высокій аттестатъ его, какъ вождя.

7. Наше тогдашнее политическое положеніе въ Средней Азіи.

Текинцы были покорены и граница наша съ Персіей была прочно намѣчена, причемъ только часть іомудовъ осталась въ общемъ пользованіи обоихъ государствъ, ибо лѣто они проводили у насъ, а зиму въ Персіи, за Атрекомъ. Но безъ содѣйствія нашего комиссара (живетъ въ Гумбетъ-Кабулѣ,

въ 50-ти вер. къ югу отъ Атрека) персы никогда не могли заставить слушаться этихъ «двоеданниковъ».

На востокѣ наши владѣнія протянулись до р. Теджена, теряющагося въ пескахъ у предѣловъ хивинскихъ.

Далѣе на востокъ простирались остатки Свободной Туркменіи: текинскій Мервъ со своими вассалами — Серахсомъ (солоры) и Пенде, съ Іолатанью (сарыки). Это былъ остатокъ клина, раздѣлявшаго еще нашъ Туркестанъ отъ нашего Закаспія. Это, очевидно, была сфера нашего вліянія, которой мы были въ правѣ овладѣть вплоть до границъ Авганистана, этого буфера [1]) между нами и Англіей въ Индіи.

Судьба этой остальной Свободной Туркменіи и составила очередной «вопросъ» нашего положенія тогда въ Средней Азіи.

Снова соперничество у насъ съ Англіей разгорѣлось, а предлогъ — неопредѣленность, будто бы, авганской границы между р. Тедженомъ (Гери-рудъ) и р. Аму-Дарьей... Мы имѣли неосторожность признать ее, гдѣ-то, близъ мысленной линіи Серахсъ (на Тедженѣ) — Ходжа-салехъ (на Аму-Дарьѣ). Еще было условлено, что она должна была идти такъ, какъ шла при авганскомъ эмирѣ Ширъ-Али... Это, какъ оказалось потомъ, верстъ на 150—200 къ югу отъ «мысленной» нашей линіи!.. Послѣдняя отсѣкала половину мервскихъ владѣній б. ч. Пенде, земли солоровъ по среднему Теджену.

Англичане поручились, что эмиръ не будетъ здѣсь расширять границы на счетъ степей Свободной Туркменіи (1869—1873 г.). За это обѣщаніе мы уступили Авганистану свое право на Бадахшанъ и Ваханъ, наслѣдіе наше отъ Бухары и Коканда. [2])

Съ самаго покоренія ахалъ-текинцевъ, мы приступили къ осуществленію своего права «объединить и умиротворить подъ своимъ вліяніемъ всю остальную Свободную Туркменію».

И когда въ сентябрѣ 1881 г. Мервъ съ вассалами—сарыками и солорами прислалъ къ намъ депутацію о желаніи вассальныхъ къ Россіи отношеній, то мы имъ между прочимъ объявили:

«Кромѣ русскихъ посланцевъ, не допускать въ свои земли агентовъ другихъ правительствъ».

Мервъ тогда же подписалъ соглашеніе съ нами и пересталъ было разбойничать, держать рабовъ и чужихъ эмиссаровъ (1881—1882 г.)...

Но скоро (1883 г.) это ему «наскучило»... И онъ не только пріютилъ у себя тайнаго англійскаго агента (подъ видомъ дервиша «сія-пуша» или черноризца), но и поддался его дурному вліянію... Мервъ сталъ поступать наперекоръ намъ и посылать свои шайки въ Персію черезъ восточный край Ахалъ-текинскаго оазиса (Атекъ), который мы было очистили отъ своихъ войскъ. Теперь пришлось намъ посылать туда сторожевой отрядъ, а потомъ

---

[1]) По соглашенію съ Англіей (1869 г.) было рѣшено не допускать непосредственнаго соприкосновенія нашихъ и британскихъ владѣній въ Ср. Азіи, а допускалось лишь соприкосновеніе черезъ посредство вассальныхъ или раздѣленіе ихъ независимыми отъ обоихъ государствъ владѣніями.

[2]) Соглашеніе 19 (31) янв. 1873 г.

и навсегда оставить его на р. Теджене, а въ Мервъ послать для увѣщеванія подполковника Алиханова [1]), ставшаго затѣмъ душой присоединенія остальной Туркменіи, первымъ ея правителемъ и даже виднымъ бойцомъ за нее на поляхъ «Кушки» у Ташъ-Кепри 18 марта 1885 г. Мервъ раскаялся и прислалъ депутацію просить подданства. Мы согласились, но съ оговоркой, что беремъ его пока безъ вассаловъ (сарыки и солоры), до выясненія ихъ рубежа съ Авганистаномъ [2]).

Эта оговорка, продиктованная нашимъ колебаніемъ, и заварила кашу, давъ англо-авганцамъ надежду, что мы уступили имъ этотъ отрѣзокъ! Недаромъ «сія-пушъ» проживалъ въ Пенде!! Это онъ устроилъ, что сарыки изъ Пенде стали арендовать у эмира горныя пастбища. Довольно было и такой тѣни зависимости, чтобы Авганистанъ, подталкиваемый Англіей, двинулъ посты свои къ сарыкамъ и солорамъ... Въ то же время и на Памирахъ, послѣ щедрой уступки нами авганцамъ юга Памировъ (Ваханъ), эмиръ (въ 1883 г.) захватилъ и западъ Памировъ (Шугнанъ и Рошанъ). Видя въ обоихъ случаяхъ нарушеніе обязательства Англіи (1873 г.) удерживать эмира отъ перехода за границу временъ Ширъ-Али, мы протестовали... Наше положеніе было сильно скомпрометировано вновь въ Средней Азіи: насъ не слушался Мервъ, эмиръ посягалъ на наши предѣлы и Англія, не исполняя своихъ обязательствъ, явно поощряла этихъ средне-азіатцевъ къ третированію насъ, да еще старалась ввязаться въ наше разграниченіе съ Персіей... Впрочемъ, относительно разграниченія съ Персіей, мы отвѣчали твердо, что это наше домашнее дѣло. Мы требовали также удаленія авганцевъ изъ Южной Туркменіи, изъ Шугнана и Рошана, пригрозивъ силой, соглашаясь и на полюбовное установленіе границъ съ Авганистаномъ при посредствѣ Англіи...

II. Столкновеніе съ Авганистаномъ въ 1885 году.

1. Занятіе Мерва.

Мервъ, прося о подданствѣ, послалъ съ Алихановымъ, по рѣшенію своего Совѣта, посольство изъ 4 главныхъ хановъ съ 16 старшинами, кои и присягнули въ Асхабадѣ 6 февр. 1884 г.

Для ввода нашего во владѣніе Мервомъ былъ посланъ туда начальникъ Закаспійской области, ген.-лейт. Александръ Виссаріоновичъ Комаровъ [3]), который и пошелъ туда 25 февр. 1884 года съ отрядомъ въ 1 б., 2 с. и 2 ор. съ р. Теджена (с. Карры-Бендъ, въ низовьяхъ, на дорогѣ Асхабадъ—Мервъ). Онъ былъ встрѣченъ въ пустынѣ депутаціей въ 400 мервцевъ. Но

---

[1]) Алихановъ, человѣкъ большихъ военныхъ и административныхъ способностей, былъ въ молодыхъ чинахъ разжалованъ за неправильную дуэль въ рядовые, но быстро выслужился опять въ наградномъ порядкѣ за отличіе. Онъ погибъ отъ бомбы во время революціи въ 1907 г. въ Александрополѣ. Онъ кавалеристъ, по службѣ.

[2]) Принятіе въ подданство Мерва объявлено 1-го февраля 1884 г.

[3]) Послѣ Скобелева были начальниками области временно или штатно: полковникъ Аминовъ, ген. Рербергъ, потомъ ген. Комаровъ.

въ самомъ г. Мервѣ, англiйскiй эмиссаръ, вышеупомянутый «сiя-пушъ» съ нѣсколькими стами приверженцевъ (съ Топазъ-Каджаръ-ханомъ) постарался устроить намъ «вооруженное сопротивленiе», съ цѣлью обратить добровольное подданство въ—яко бы—вынужденное. Бунтовщики были разсѣяны [1]), а «сiя-пушъ» нами взятъ во время бѣгства, при помощи желавшихъ услужить намъ туркменъ. Цитадель Мерва — Коушутъ-ханъ-кала была нами занята, потомъ построено нами еще добавочное укрѣпленiе, жители обезоружены и собраны всѣ персидскiя, бухарскiя и хивинскiя пушки, гордость туркменъ всего Теке, какъ трофеи былыхъ побѣдъ.

Генералъ-отъ-инфантерiи Александръ Виссарiоновичъ Комаровъ.

Начальникомъ новаго Мервскаго округа назначенъ подполковникъ Алихановъ, которому поручено и завѣдывать присоединенiемъ къ намъ мервскихъ вассаловъ—сарыковъ и солоровъ, рвавшихся въ наше подданство со времени разгрома Геокъ-тепе, такъ какъ Мервъ ихъ сильно угнеталъ. Только вслѣдствiе прижимокъ Мерва пендинскiе сарыки были принуждены, какъ указано, арендовать въ Авганистанѣ горныя (лѣтнiя) пастбища.

Но часть сарыковъ была столь близка къ Мерву, что мы рѣшились принять ихъ немедля. Это были жители Iолатани (на р. Мургабѣ), которые 21 апр. 1884 г. приняли въ Асхабадѣ присягу. Къ нимъ посаженъ приставъ. А 25 мая мы заняли и центръ солоровъ [2])—Серахсъ, который собирались занять (по наущенiю англичанъ) персы, даже двинувшiе было туда свой

---

[1]) Перестрѣлки у auловъ Ата и Топазъ.

[2]) Около 20 тыс. человѣкъ тогда.

отрядъ изъ Мешеда 22 мая. Тамъ посаженъ второй приставъ отъ Мервскаго же округа [1]).

Остались не занятыми нами: земли сарыковъ-пендинцевъ по Мургабу съ притоками Кушкой, Кашемъ и Кайсоромъ и сѣверныя предгорья «Гератскаго» хребта, земли солоровъ съ пустынями, отдѣляющими Пенде отъ Аму-Дарьи и Теджена. Мы рѣшили ввести туда войска только послѣ опредѣленія международной комиссіей ихъ границы съ Авганистаномъ.

Комиссію рѣшено было составить изъ англійскаго делегата, генерала Сэра-Питера Лемсдена и русскаго—генерала Зеленаго. При обоихъ дозволенъ большой конвой и большой штабъ чертежниковъ, съемщиковъ и рекогносцеровъ.

2. Разграниченіе съ англо-авганцами за Каспіемъ.

Комиссія по разграниченію Авганистана отъ нашей Туркменіи должна была начать дѣйствовать съ осени 1884 года [2]). Англичане и поспѣшили послать туда (сентябрь) своихъ делегатовъ, проѣхавшихъ черезъ Кавказъ и Персію въ окрестности Герата, а конвой [3]) ихъ пришелъ туда же изъ Кветты.

Но мы воздержались отъ посылки своихъ, замѣтивъ желаніе авганцевъ и англичанъ оттягать все Пенде и югъ земель солоровъ. Тамъ появились авганскіе караулы, а британская комиссія, разъѣзжая между ними, поощряла ихъ и оправдывала. Тогда мы заявили, что не начнемъ разграниченія пока:

1) авганскіе захватчики не уйдутъ съ туркменскихъ земель,

и 2) пока Англія не согласится заранѣе считать сарыковъ и солоровъ отходящими къ намъ.

3) Разграниченіе же должно было состоять лишь въ выясненіи на мѣстѣ границъ владѣній этихъ племенъ съ Авганистаномъ.

Англичане никакъ не хотѣли согласиться на это, и переговоры поползли черепашьимъ шагомъ, а количество авганскихъ войскъ продолжало расти и на Мургабѣ (Пенде) и на Тедженѣ (выше Серахса).

Особенно сильно росъ авганскій отрядъ въ Пенде, помѣстившись въ ближайшей къ намъ окраинѣ этого оазиса, при устьяхъ р. Кушки, притока Мургаба, у Ташъ-Кепри (каменный мостъ, віадукъ черезъ Кушку) и Акъ-тепе (огромный бугоръ, близъ этого мѣста). Это былъ хорошій стратегическій пунктъ: лучшій путь въ Гератъ, съ одной стороны, и въ Авганскій Туркестанъ (Чаръ вилайетъ) шелъ отъ русскаго Мерва по долинѣ Мургаба и въ Пенде, развѣтвлялся на рядъ дорогъ по долинамъ его притоковъ (р.р. Кушка, Кашъ и Кайсаръ). Англо-авганцы, мечтая воздвигнуть у Ташъ-Кепри крѣпость, надѣялись ею хорошо прикрыть доступъ въ Авганистанъ изъ Закаспія. Это былъ единственный лазъ туда на всемъ огромномъ пространствѣ отъ Аму-Дарьи до Теджена, представлявшемъ собой «неодолимую» пустыню.

---

[1]) Занятіе Мерва, земли котораго шли до Аму-Дарьи, сомкнуло нашъ фронтъ на югѣ Средней Азіи, и сообщеніе между Закаспіемъ и Туркестаномъ началось осуществляться тогда же.

[2]) Къ 1/x 1884 г.; потомъ отложили на 28/x (8/xi), потомъ на 15 янв. 1885 г.

[3]) Болѣе 1000 ч. вооруженныхъ.

Но... авганцы, выдвинувшiеся въ Туркменiю, какъ захватчики, стали вести себя до крайности вызывающе, а многочисленные офицеры-рекогносцеры англiйской миссiи распоряжались тамъ, какъ хозяева.

Наконецъ, и въ англiйской печати, и въ базарной азiатской молвѣ, и въ дипломатической перепискѣ насъ стали пугать войной съ англо-авганцами...

Государь Александръ III проявилъ большую рѣшимость и приказалъ «ни въ чемъ не уступать» нашимъ средне-азiатскимъ противникамъ... Результатомъ этого была спѣшная разработка плана на случай войны въ Средней Азiи съ Англiей и Авганистаномъ; усиленiе (съ Кавказа и Туркестана) Закаспiйской области бо́льшими силами и средствами, съ подготовкой для нея ближайшаго «резерва» на Кавказѣ... На Мургабъ же и на Тедженъ мы выдвинули отряды съ промежуточнымъ постомъ между ними у сѣвернаго подножья Гератскихъ горъ... Цѣль отрядовъ, когда понадобится, прогнать захватчиковъ силой и быть авангардами нашего развертыванiя, если война разгорится.

А переписка о разграниченiи шла своимъ чередомъ, принимала все большiе и большiе размѣры, запутываясь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

Главныя силы нашихъ отрядовъ Мургабскаго и Тедженскаго собирались въ Мервѣ и Серахсѣ, а ихъ авангарды, сперва въ видѣ казачьихъ сотенъ, были выдвинуты впередъ, къ Iолатани и Пулихатуну вверхъ по теченiямъ этихъ рѣкъ [1]), съ передовыми постами у Ташъ-Кепри (на Мургабѣ) и у Зюльфагара (на Тедженѣ), съ промежуточнымъ постомъ у Акрабата.

Авганцы занимали Пенде противъ Мургабскаго отряда и Зюльфагаръ—противъ Тедженскаго. Разъѣзды наши встрѣчались съ авганцами.

Наскучивъ пререканiями о томъ, какъ искать границу и кого считать внутри нашей черты, мы проектировали желаемый для насъ рубежъ, предложили его Англiи и рѣшили, при несогласiи послѣдней, занять его войсками.

Какъ всегда, мы и здѣсь постарались добровольно кое-что уступить соперникамъ: ведя отъ Аму-Дарьи границу по сѣверному краю авганскихъ оазисовъ Андхоя, мы отдавали авганцамъ долины р.р. Салгалака и Кайсора, гдѣ жили отчасти и свободные туркмены; затѣмъ, оставляя Пенде за собой, мы отъ Меручака на Мургабѣ, вмѣсто того, чтобы вести границу по гребню Гератскихъ горъ, какъ бы слѣдовало [2]), отдавали авганцамъ большую часть сѣвернаго склона этихъ горъ, ведя черту къ Хаузи-хана на Кушкѣ, потомъ по ея притоку р. Егри-чемъ и колодцы Керизъ-сюйме, Керизъ-ильясъ къ р. Теджену, оставляя Зюльфагаръ у себя (въ 10 в. ниже по теченiю).

Отъ Герата эта черта проходила въ 120—206 верстахъ.

Но англичане, не цѣня нашихъ уступокъ, стояли на своемъ и требовали для Авганистана и Пенде (до Сары-язы на Мургабѣ) и долину Теджена

---

[1]) Пулихатунъ въ 60 вер. отъ Серахса къ югу.

[2]) Ибо Гератская провинцiя была за этимъ гребнемъ, что признавали еще въ 1875 г. сами англичане (Макъ-Грегоръ).

до Пулихатуна (даже до Ширъ-тепе, что еще сѣвернѣе). Это былъ явный «запросъ» торговцевъ, на основанiи принципа—«чтобы было съ чего «уступать». Свой отвѣтъ англичане затянули до 1-го марта 1885 г.!!

15-го марта мы отвѣчали новыми настоянiями. Хотя, утомившись словесной борьбой, мы готовы были уже втайнѣ согласиться на уступку Пенде, чтобы тѣмъ склонить Авганистанъ въ свою пользу столь крупной добротой...

А тѣмъ временемъ наши мѣропрiятiя по военной части, на тему «ничего не уступать», все развивались, да развивались, и каждую минуту вопросъ могъ быть поставленъ ребромъ...

Всего за Каспiемъ у насъ было въ то время до 6 т. пѣх., 2 тыс. конницы и 16 пушекъ (7 б., 14 каз. сот., одинъ ж.-дор. батальонъ и одна мѣстная команда). Не оголяя только что завоеванной страны, мы могли двинуть въ свои передовые отряды всего $^1/_4$—$^1/_3$ этихъ силъ=2 б., 6 с., 4 орудiя и не болѣе 4-хъ батальоновъ. Да еще въ области было до 3-хъ сотенъ туркменской милицiи, б. ч. которой была спѣшно набрана подполк. Алихановымъ для усиленiя передовыхъ отрядовъ.

Авганцы же уже выставили противъ этихъ силъ—до 4000 съ 8 пушками у Ташъ-Кепри и до 300 у Зюльфагара, не считая 1000 ч. индо-британцевъ въ Гюрленѣ, противъ Акрабата.

Для образованiя Мургабскаго и Серахскаго отрядовъ были двинуты войска изъ Асхабада, на 400 в. отъ него до Кушки [1]) Командованiе Мургабскимъ отрядомъ принялъ на себя самъ ген.-лейт. Комаровъ, а начальникомъ авангарда этого отряда (три кон. сотни) былъ подполк. Алихановъ.

Пока эшелоны Мургабскаго отряда медленно шли въ уроч. Имамъ-Баба на Мургабѣ (138 в. отъ Мерва и 70 в. отъ Ташъ-Кепри), авангарду Алиханова было приказано занять все пространство до р. Кушки, оттѣснивъ къ ней авганскiе посты и разъѣзды по долинѣ Мургаба. Онъ и исполнилъ это въ перiодъ отъ 2 февр. до 5 марта, въ то время какъ его помощникъ, подполковн. Татариновъ съ сотней, составлялъ авангардъ Серахскаго отряда (полк. Флейшеръ=$^1/_2$ б., 2 ор.) въ Пулихатунѣ.

Алихановъ съ главными силами своего авангарда (2 сотни, изъ коихъ одна туземная, другая казачья) 3-го февраля 1885 г. пришелъ изъ Мерва къ своей передовой сотнѣ, стоявшей въ Имамъ-Баба.

Англiйскiй полковникъ Риджвей, бывшiй при передовомъ авганскомъ отрядѣ, прислалъ ему письмо, въ которомъ остерегалъ отъ движенiя впередъ и страшалъ столкновенiемъ съ авганцами.

Алихановъ, въ отвѣтъ на это, пошелъ впередъ съ тремя сотнями къ Аймакъ-джару, чтобы побудить авганскiе разъѣзды осадить къ р. Кушкѣ. Въ инструкцiи ему совѣтовалось не нажимать на авганцевъ всѣми силами авангарда, а только разъѣздами. Но работы послѣднихъ оказалось мало.

Авганскiй ротмистръ поспѣшилъ заблаговременно ретироваться вмѣстѣ съ Риджвеемъ и своимъ отрядцемъ, оставивъ Алиханову письменную угрозу «остановить его силой сабли, ружья и пушки», если онъ пойдетъ дальше.

Конечно, Алихановъ пошелъ и дальше впередъ къ самой Кушкѣ, гдѣ

---

[1]) Асхабадъ—Мервъ=300 в. и Мервъ—Ташъ-Кепри=108 в.

стояли (за нею) главныя силы авганскаго отряда; но онъ взялъ съ собой только туземную сотню.

Гоня передъ собой авганскіе разъѣзды и пикеты, онъ 8-го февр. достигъ Ташъ-Кепри и на этой сторонѣ Кушки выставилъ свой постъ на бугрѣ Кизилъ-тепе подъ начальствомъ лихого джигита, Аманъ-Клыча [1]), а самъ отошелъ къ Аймакъ-джару.

Въ Ташъ-Кепри въ это время были и авганскій и англійскій генералы— Коусуддинъ-ханъ и Лемсденъ съ ядромъ англійской разграничительной комиссіи. Лемсденъ обратился съ надменнымъ и строгимъ письмомъ къ Алиханову по поводу его прихода. Алихановъ отвѣчалъ, что онъ «лишь солдатъ», «точный исполнитель приказаній своего начальства и въ политикѣ ничего не смыслитъ». Оставивъ при авганскомъ отрядѣ группу офицеровъ «руководителей», Лемсденъ съ остальной своей комиссіей ушелъ къ Гюрлену. Авганскій же генералъ былъ на этотъ разъ любезенъ съ Алихановымъ и даже поспѣшно вернулъ ему джигитскую лошадь, забѣжавшую въ ихъ лагерь.

Алиханову было поручено поддерживать сношенія съ населеніемъ Пенде, рвавшимся къ намъ, и установить развѣдку за авганцами въ бассейнѣ Мургаба. Такое же развѣдочное порученіе несъ поручикъ Лопатинскій въ бассейнѣ Теджена, стоя у Зюльфагара и Акрабата. Имѣя всего 31 чел. въ своемъ распоряженіи, этотъ доблестный офицеръ выказалъ большую смѣлость и ловкость въ сношеніяхъ съ авганскимъ отрядомъ у Зюльфагара, превосходившимъ его въ десять разъ.

Наши развѣдки давали намъ точныя и всестороннія свѣдѣнія объ авганцахъ: о томъ, что гарнизонъ Герата жидокъ; о томъ, что авганцами руководятъ въ ихъ упорствѣ и военныхъ дѣйствіяхъ англичане, наконецъ,— самыя точныя свѣдѣнія о числѣ, составѣ, вооруженіи и снаряженіи авганцевъ, о томъ, что болтаютъ ихъ солдаты у костровъ, и о томъ, что дѣлаютъ и гдѣ разъѣзжаютъ англійскіе офицеры-рекогносцеры. Такой успѣхъ развѣдки надо приписать главнымъ образомъ посылкѣ лазутчиками лучшихъ (болѣе видныхъ, вліятельныхъ, зажиточныхъ и развитыхъ туземцевъ) людей изъ Мерва и Іолатани.

Мы узнали, что холмъ Акъ-тепе съ авганскимъ лагеремъ укрѣпляется по европейскому образцу; что отъ него устроенъ паромъ за Мургабъ, гдѣ тоже строятъ полевыя укрѣпленія. Мы узнали, что англичане соблазняютъ сарыковъ-пенде за хорошія деньги выставить тысячу стрѣлковъ (мергеновъ) въ составъ авганскаго отряда, съ вооруженіемъ за его счетъ и что срокомъ отвѣта назначено 18-е марта...

По днямъ знали мы прибытіе крупныхъ подкрѣпленій къ Акъ-тепе изъ Герата долиной р. Кушки и отъ Маймене, долиной Кайсора, и о спѣшной починкѣ авганцами въ Пенде и близъ него старыхъ туземныхъ крѣпостей Меручакъ и Бала-мургабъ.

---

[1]) Онъ взялъ потомъ въ Кушкинскомъ бою одно изъ авганскихъ знаменъ. Стоя далеко отъ своихъ, онъ не поддавался на ихъ угрозы, ни на лесть, ни на подкупъ, ни на религіозныя внушенія авганцевъ и все доставалъ для поста изъ Пенде, изъ-за авганскаго лагеря.

Мы узнали, что у Ташъ-Кепри собралось у авганцевъ $1^1/_2$ тыс. пѣхоты и до $2^1/_2$ тыс. конницы съ 8-ю разнокалиберными пушками, половина коихъ горныя и $^1/_4$—авганской работы, а прочіе—англійской... Намъ донесли, что авганская пѣхота воодушевлена и жаждетъ боя, говоря, что «идетъ на газаватъ и не пуститъ Русь въ авганскіе предѣлы». Но конница авганцевъ, собранная изъ хазарейцевъ и джемшидовъ, ненавидя авганцевъ, склонна больше къ намъ, какъ и пендинцы. Послѣдніе хотятъ вырѣзать авганскій отрядъ нечаяннымъ на него нападеніемъ, но не рѣшились, не получая отъ насъ прямого согласія на поддержку. Англичане же щедро сыпали деньги и подарки туземцамъ, въ видѣ собственной страховки и все же случались грабежи ихъ багажа.

Ружья авганскія были плохи, много кремневыхъ, пистонныхъ, а скорозарядныхъ не больше десятка. Штыки, пики, шашки и большіе кривые ножи составляли холодное оружіе. Орудія не имѣли картечи, а одни ядра. Порохъ ихъ для ружей и пушекъ былъ плохъ. Обозъ изъ подводъ (вьюки) по наряду отъ жителей, въ зачетъ податей. Довольствіе не важное; одежда б. ч. своя, туземная, но авганскіе генералы и офицеры были въ англійскихъ костюмахъ въ парадныхъ случаяхъ. Для того чтобы повліять на нашихъ людей, подозрѣваемыхъ въ шпіонствѣ, авганцы устраивали цѣлыя представленія, заставляя однихъ и тѣхъ же своихъ людей вступать въ лагерь, будто подошедшее подкрѣпленіе...

Комаровъ получилъ задачу: «удалить авганцевъ за р. Кушку, избѣгая—по возможности—кровопролитія». Онъ донесъ, что за послѣднее «не ручается»; а въ частной перепискѣ говоритъ, что его «какъ собаку держатъ за хвостъ».

Дѣлая уступку послѣднему условію, ему пришлось ставить постоянно себя въ болѣе тяжелое военное и боевое положеніе: не спѣшить прогнать авганцевъ, пока ихъ было мало; запретить своимъ войскамъ употреблять въ дѣло первыми оружіе, даже если со стороны противника послѣдуютъ отдѣльные выстрѣлы; терпѣливо переносить заносчивость авганцевъ; въ случаѣ столкновенія и успѣха, не преслѣдовать и не вторгаться въ Авганистанъ, къ Герату и, наконецъ, не прекращать переговоровъ о разгромленіи, переплетая въ одно цѣлое и шаги дипломатическіе, и шаги стратегіи и тактики.

Мургабскій отрядъ собрался у Имамъ-Баба 5-го марта, а 7 и 8-го, двумя эшелонами перешелъ въ Аймакъ-Джаръ, гдѣ и простоялъ до 11-го марта, въ тщетной надеждѣ, что авганцы «попятятся назадъ». Потомъ 12-го числа онъ подвинулся къ нимъ еще ближе, въ Урушъ-душанъ (въ 20 в. отъ Ташъ-Кепри), а 13-го пошелъ къ р. Кушкѣ, но остановился лагеремъ, не доходя ея 5 верстъ, «дабы не раздражать авганцевъ». Наши аванпосты расположились въ 2-хъ верстахъ отъ Кушки, на линіи Кизилъ-тепе и Казачьяго бугра. Всего было пройдено въ недѣлю не болѣе 60—65 верстъ.

При подходѣ къ Кушкѣ два нашихъ офицера генер. штаба съ бугра Кизилъ-тепе рекогносцировали расположеніе авганцевъ, а въ пескахъ за Мургабомъ были задержаны авганскіе разъѣзды, пытавшіеся слѣдить за нашими движеніями. Слыша о большой нуждѣ въ авганскомъ лагерѣ и о провозѣ туда песками, контрабанднымъ путемъ, припасовъ, мы выслали въ пу-

стыню разъѣзды и объявили въ Мервѣ и Іолатанѣ, что будемъ конфисковать такіе грузы.

Авганскіе аванпосты стояли въ $^1/_2$—1 в. отъ нашихъ передъ Кушкой и даже за Мургабомъ. Ихъ лагерь, обнесенный окопами, былъ за Кушкой у подошвы бугра Акъ-тепе, на вершинѣ котораго стоялъ наблюдательный пунктъ и одно орудіе. Цѣпь постовъ охраняла ихъ лагерь и со стороны Пенде, которому они не довѣряли. Ихъ расположеніе за Мургабомъ командовало нашимъ.

При приближеніи Мургабскаго отряда, вся авганская конница (съ 2 пушками) высыпала изъ-за Кушки и построилась на гребнѣ этого берега, гдѣ тотчасъ стали рыть окопы. Видя, что мы не думаемъ нападать, конница ушла за рѣку [1]), а ея позицію заняла пѣхотная, дежурная часть. Съ тѣхъ поръ авганцы уже не оставляли этотъ берегъ и все совершенствовали его окопы, все увеличивали на немъ свои силы, пока не развернули ихъ совершенно и не были сброшены въ Кушку боевымъ нашимъ ударомъ.

Если англійскіе офицеры избирали авганцамъ эту позицію, то они могли это сдѣлать только въ насмѣшку, потому что она была съ большими недостатками. А такъ какъ одинъ изъ этихъ офицеровъ намъ сказалъ, что они «никогда не сомнѣвались въ пораженіи нами авганцевъ», то отсюда слѣдуетъ, что ведя все это дѣло къ такой развязкѣ, Англія хотѣла надолго оттолкнуть отъ насъ симпатіи авганцевъ Кушкинскимъ пораженіемъ...

Мургабъ, во-первыхъ, раздѣлялъ позицію пополамъ, а считая бушевавшую въ это время (половодье) Кушку, — позиція дѣлилась натрое, считая войска, остававшіяся въ лагерѣ и прикрывавшія его отъ пендинцевъ. Позиція впереди Кушки была совершенно узка, притиснута къ крутымъ обрывамъ берега и къ единственному мосту, узкому и длинному. Переходъ въ бродъ бурлившей Кушки былъ небезопасенъ. Лучшій, т.-е. кратчайшій и болѣе безопасный отъ туркменъ путь шелъ отъ лѣваго фланга, который, какъ выдавшійся впередъ, неминуемо долженъ былъ быть атакованъ. Другой путь болѣе длинный шелъ назадъ, за Кушку, черезъ поселенія сарыковъ и джемшидовъ.

Слѣдуя своимъ инструкціямъ, Комаровъ началъ съ переговоровъ черезъ англичанъ, чтобы авганцы ушли за Кушку и изъ-за Мургаба въ свой лагерь и тамъ смирно дожидались приговора разграничительной комиссіи — кому достанется Пенде.

Этихъ переговоровъ англичане ждали съ такимъ нетерпѣніемъ, что вызвали ихъ 13-го марта сами, сочинивъ будто кто-то изъ русскихъ начальниковъ желалъ ихъ видѣть.

На другой день, 14-го, свиданіе русскихъ и англичанъ состоялось въ 5 ч. вечера между аванпостами близъ Ташъ-Кепри. На свиданіи были ген. шт. полков. Закржевскій [2]) отъ насъ и капит. Іетъ со свитами. Мы угощали англичанъ, по русскому хлѣбосольству. Обсуждали общее

---

[1]) Уводя ее на ночь въ лагерь, авганцы каждый день съ утра вновь выдвигали ее передъ Кушкой.

[2]) Нач. штаба Мургабскаго отряда.

положеніе и событія дня: распространяясь съ обоихъ своихъ фланговъ постами и разъѣздами, авганцы охватывали насъ, что было и невыгодно намъ и дерзко съ ихъ стороны. На наше предложеніе уйти въ лагерь, за Кушку, они отвѣчали усиленіемъ своей позиціи впереди Кушки. Англичане всячески оправдывали авганцевъ.

На другой день переговоры продолжались письмами и все въ томъ же духѣ...

Отношенія же съ авганцами обострились, они крайне враждебно отнеслись къ нашимъ чинамъ и частямъ, посланнымъ на рекогносцировку на фланги. Алихановъ, поѣхавшій (на правый флангъ) съ туркменской сотней вверхъ по р. Кушкѣ, по дорогѣ къ Моръ-кала, былъ нагнанъ самимъ авганскимъ генераломъ съ нѣсколькими сотнями конницы и долженъ былъ вернуться, отплативъ авганцамъ тѣмъ, что проводилъ ихъ вплоть до Ташъ-Кепринскаго моста, сильно тѣмъ раздосадовавъ. Капитанъ Прасоловъ съ ротой, ходившій за Мургабъ, былъ остановленъ угрожающими дѣйствіями авганской роты, задержавшей одного изъ нашихъ джигитовъ до утра 16-го [1]).

Посты и разъѣзды авганцевъ все усиливались и все охватывали насъ, дерзко приближались къ намъ (къ нашему парому на Мургабѣ) и кричали разныя угрозы: «убирайтесь отсюда! мы для васъ не туркмены, мы—авганцы; бивали мы не разъ англичанъ, побьемъ и васъ, если не уйдете!» Послѣдніе факты случились 16-го. О нихъ мы заявили англичанамъ на свиданіи, состоявшемся въ этотъ день, при чемъ они кругомъ винили насъ.

Комаровъ сталъ замѣчать, что дерзкое обращеніе съ нами авганцевъ сильно роняло наше обаяніе среди милиціонеровъ туркменъ, а переговоры ровно ни къ чему не вели, шпіоны же доносили, что авганцы собираются неожиданно наброситься на насъ, и что наша терпѣливая выносливость поддаетъ имъ храбрости.

Тогда Комаровъ рѣшилъ пугнуть ихъ угрозой боя и 17-го послалъ ультиматумъ авганскому генералу: «требую, чтобы сегодня 17-го марта до вечера всѣ авганцы ушли съ лѣваго берега Кушки, а за Мургабомъ отошли бы на линію р. Кушки. Переговоровъ и объясненій болѣе по этому вопросу не будетъ. Вы обладаете умомъ и проницательностью и, вѣроятно, не допустите, чтобы я свое требованіе привелъ въ исполненіе самъ».

Въ то же время мы послѣдній разъ пригласили англичанъ на свиданіе и просили ихъ привести съ собой и делегата отъ авганцевъ. Англичане явились одни и всячески оправдывали авганцевъ.

Въ это время старшимъ авганскимъ генераломъ былъ Наибъ-Саларъ. Онъ отвѣчалъ Комарову, что не можетъ исполнить его требованій и согласенъ только на легкія исправленія положенія своихъ постовъ. Онъ мотивировалъ свой отказъ инструкціями эмира и совѣтами англичанъ.

Тогда Комаровъ попытался въ новомъ частномъ письмѣ секретно дать знать, что англичане злые совѣтники авганцевъ, что они желаютъ довести дѣло до боя. Въ заключеніе Комаровъ говорилъ: «Да поможетъ вамъ Богъ! выборъ между дружбой и враждой зависитъ отъ васъ самихъ!»

---

[1]) Джигитъ былъ перехваченъ съ донесеніемъ Прасолова Комарову. Его оскорбляли въ плѣну.

Авганскій генералъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ взяло верхъ мнѣніе [1]) дать бой. И къ утру авганцы стали «въ ружье» на своей позиціи впереди Кушки.

3. Бой на р. Кушкѣ 18 марта 1885 года.

Комаровъ также собралъ своихъ начальниковъ на совѣщаніе и объявилъ имъ диспозицію для боя на слѣдующій день, добавивъ, что онъ не теряетъ надежды, что одинъ видъ нашего наступленія удалитъ авганцевъ за Кушку, почему онъ запретилъ намъ стрѣлять первыми, отвѣчать на одиночные выстрѣлы...

Паромъ нашъ черезъ Мургабъ снимался; въ нашемъ лагерѣ оставалась небольшая команда (въ 50 чел.) нестроевыхъ для его обороны [2]). Отрядъ поднимался въ 4 час. утра и двигался въ бой подъ прикрытіемъ аванпостовъ (полурота), снимавшихся съ приближеніемъ къ нимъ нашихъ колоннъ.

У насъ всего числилось въ отрядѣ 1840 чел., 600 коней и 4 горныхъ пушки, а пошло въ бой 1660 бойцовъ съ 4-мя пушками [3]).

Планъ боя у насъ былъ простъ: съ фронта Комаровъ направилъ на окопы, занятые авганской пѣхотой и артиллеріей, 500 чел. Закаспійской пѣхоты; противъ авганской конницы, строившейся всегда на лѣвомъ флангѣ «предъ-Кушкинской» позиціи, онъ послалъ 500 своихъ кавалеристовъ, а въ охватъ лѣваго фланга авганцевъ направилъ 600 туркестанцевъ съ горными пушками. Говорятъ, что въ охватъ должна была идти конница, а не туркестанцы, но вышло такъ, какъ сказано выше, а виной тому блужданіе туркестанцевъ въ бугристыхъ пескахъ, которыми они пошли въ охватъ. Это блужданіе заставило ихъ опоздать и принять участіе уже въ концѣ боя. На буграх Кизилъ-тепе сталъ перевязочный пунктъ, а ген. Комаровъ со штабомъ держался за конной колонной. Къ послѣдней, до выхода изъ песковъ туркестанцевъ, пристроилась и артиллерія, тоже сильно запоздавшая своимъ появленіемъ на полѣ завязки боя.

Въ диспозиціи Комаровъ объявлялъ, что онъ исчерпалъ всякіе уговоры, чтобы удалить авганцевъ за Кушку, почему и приказываетъ своему отряду сбить ихъ съ позиціи впереди этой рѣки. Это и было исполнено, черезъ 2—3 часа послѣ начала боя.

---

[1]) Англичане увѣрили авганцевъ, что Комаровъ только пугаетъ и что инструкціи запрещаютъ ему вступить въ бой.

[2]) А на базу въ Аймакъ-Джаръ и по этапамъ до Мерва было дано знать о томъ чтобы соблюдалась большая оборонительная осторожность.

[3]) Туркестанскій батальонъ . . = 600 чел.
Закаспійскій батальонъ. . . = 500 »
Артиллеристовъ . . . . = 50 »
Саперъ . . . . = 10 »
Казаковъ . . . . = 300 »
Джигитовъ . . . . = 200 »

Всего . . . = 1660 чел. бойцовъ.

ПЛАНЪ—КРОКИ
Ташъ—Кепринскаго боя.
18 Марта 1885 года.

Силы авганцевъ превосходили числомъ бойцовъ насъ втрое; 4.700 чел. и 8 орудій = 3 бат., 26 сот. и 8 пушекъ Да ожидалось 1000 сарыковъ [1]).

Авганская пѣхота и артиллерія были съ ночи въ окопахъ, аванпосты ихъ были убраны, а конница построилась огромной колонной на лѣвомъ флангѣ. И все расположеніе ихъ было на командующемъ гребнѣ у самаго обрыва въ долину Кушки.

Было сыро, холодно, пасмурно, моросилъ холодный дождь вперемежку со снѣгомъ... Это не благопріятствовало авганскимъ кремневымъ и пистоннымъ ружьямъ, дававшимъ постоянныя осѣчки; тяжелая кожаная, подбитая гвоздями, обувь авганской пѣхоты поминутно застревала въ липкой грязи и слетала съ ногъ.

Темнота долго скрывала противниковъ другъ отъ друга...

Первая нарвалась на противника наша конница; она, поднимаясь на Ташъ-Кепринское плато, какъ разъ вышла противъ конной массы противника [2]):—500 ч. противъ 2.600!! Недаромъ плѣнные авганцы говорили: «*вашей конницы мы не боялись, она была, какъ муха противъ нашей*».

Увидавъ нашихъ, Наибъ-Саларъ, на своей сѣрой лошади впереди авганской конницы, крикнулъ ей—«Подвизайтесь во славу Божію!» Авганцы отвѣчали громкими криками: «Алла!!..».

Алихановъ, полагая, что за этимъ послѣдуетъ ураганъ конной атаки съ мѣста, и видя, что конница противника начала двигаться, волноваться, отъ безпокойства коней, взволнованныхъ кликомъ массъ,—быстро выстроилъ фронтъ и спѣшилъ казаковъ... Къ нимъ примкнуло человѣкъ 20 туземцевъ съ ружьями, а прочіе джигиты остались съ саблями на-голо по обоимъ флангамъ казаковъ...

Конная масса авганцевъ тѣмъ временемъ тронулась впередъ на Алиханова, но, пройдя шаговъ двадцать или болѣе, остановилась шагахъ въ 400, попавъ на лесовую пашню до того разболтанную раньше конскими копытами, что лошади стали вязнуть по-колѣно...

Это было въ $6^1/_4$ часовъ утра.

Въ это время ясно обозначилось *лѣвѣе* нашей конницы наступленіе Закаспійской пѣхоты, уже увидавшей трудное положеніе своей конницы, а силуэты туркестанской пѣхоты только что обозначились далеко назади уступомъ *вправо* отъ конницы.

---

[1]) *Командовалъ* Наибъ-Саларъ-Тимуръ-шахъ.

I. *Пѣхота*: 1. Кабульскій батальонъ . . = 600 ч.
2. Кандагарскій » . . = 600 ч.
3. Гератскій » . . = 700 ч.
} = 1900 чел.

II. *Артиллерія*: (Командовалъ Достъ-Магометъ-ханъ): 8 пуш. съ 200 ч. присл.

III. *Кавалерія*: (Джарнель-Гоусcединъ-ханъ):

1) Кабульскій полкъ . . . . = 600 ч. (Мамедъ-Гюль-ханъ Сартипъ).
2) Гератскій » . . . . = 600 ч. (Миръ-Али-Читанъ) . . . . .
3) Сводный изъ Балха, Хезаре и Фирузкусвъ. . . . . = 600 ч. (Мамедъ-ханъ-Сергенгъ). . .
4) Джемшидскій . . . . . . = 400 ч. (Елантушъ-ханъ) . . . . . .
5) Сводный (разный) . . . . = 400 ч.
} = 2600 чел.

IV. *Всего*: = 4.700 чел.

[2]) Шагахъ въ 500 отъ нея.

Въ это мгновеніе ближайшая пѣхота авганцевъ открыла по нашей конницѣ ружейный огонь... Сперва треснулъ одинъ выстрѣлъ, потомъ, секундъ черезъ десять, второй, а потомъ цѣлая группа ихъ въ родѣ залпа... Конь Алиханова сбросилъ его, ранена была еще казачья лошадь... Но, быстро оправившійся, Алихановъ открылъ огонь спѣшенными своими людьми, крикнувъ вмѣсто обычной команды—«жги! жги!!».

Огонь пошелъ по всему полю боя. Выдѣлялись рѣдкіе удары выстрѣловъ авганскихъ пушекъ и отчетливые залпы Закаспійскаго батальона, да лихой казачій огонь...

Говорятъ, кабульцы первые открыли огонь, такъ какъ имъ было поручено помогать своей кавалеріи...

Черезъ «десять минутъ» послѣ начала перепалки, нѣсколько эскадроновъ конныхъ кабульцевъ (до 300 ч.) съ праваго фланга своей кавалеріи ринулись на лѣвый флангъ Алиханова... Имъ навстрѣчу понеслись было стоявшіе здѣсь джигиты, но послѣ гибели ихъ предводителя (Сеидъ-Назаръ-Юзбаша, изъ Каахка), дали было тылъ, смѣшались... Но Алихановъ, бросившись къ нимъ, закричалъ по-туркменски: «Или побѣдите или умрите!!» и джигиты, ободрившись, кинулись въ сѣчу... Однако нѣсколько казачьихъ коней вырвались отъ коноводовъ и понеслись къ Кизиль-тепе... Все же авганская атака вмигъ была осажена огнемъ казаковъ и Закаспійской пѣхоты и разсѣялась... А вся остальная конная авганская масса, отъ казачьяго огня, пришла въ полный хаосъ, панику... и давя другъ друга и неся огромныя потери, шарахнулась съ обрывовъ Кушки въ ея бурныя воды и стала уходить врассыпную на тотъ берегъ...

Въ это время подоспѣли цѣпи туркестанцевъ и открыли губительный огонь и по конницѣ, и вдоль остальной позиціи авганцевъ, и за Кушку противъ толпъ, старающихся тамъ привести себя въ порядокъ.

Дружнымъ натискомъ всѣхъ частей, авганская пѣхота была сбита, бросилась въ бѣгство черезъ мостъ и черезъ рѣку въ бродъ... Орудія, знамена, барабаны, трубы, значки достались намъ...

Въ это время и наша артиллерія уже открыла огонь по авганцамъ, пытавшимся строиться за Кушкой... Туда пошла черезъ мостъ наша пѣхота, а конница—въ бродъ. Авганцы бѣжали, бросивъ лагерь, устлавъ поле сраженія трупами, оружіемъ, тѣлами коней, сапогами...

Комаровъ не допустилъ преслѣдованія, чтобы подчеркнуть, что онъ удовлетворенъ тѣмъ, чего желалъ, и даже перевелъ всѣ войска за Кушку.

Бой кончился въ 8 ч. утра и еще часа два раздавались отдѣльные выстрѣлы—это запрятавшіеся въ лагерѣ и у моста немногіе отдѣльные авганцы предпочли смерть въ схваткѣ плѣну...

Англійскіе офицеры (Іетъ, Оуэнъ, Смайтъ...) сначала наблюдали бой съ того берега Кушки, потомъ отъѣхали въ пендинскій аулъ Эрдень, гдѣ была ихъ квартира и багажъ...

Опасаясь дикихъ выходокъ разбитыхъ авганцевъ, они одно время хотѣли искать у насъ защиты и прислали два письма, предлагая услуги своего доктора и прося конвоя... Но посланный конвой ихъ не засталъ, они предпочли отходить съ авганской конницей.

Бой стоилъ намъ недорого: убитыми 9 человѣкъ и 7 коней; ранеными 22 ч. и 11 коней и контужеными 23 чел. Изъ офицеровъ убитъ прапорщикъ милиціи, да ранены двое. Больше всего пострадала Закаспійская пѣхота отъ пуль, ядеръ и штыковъ, потомъ казаки, потомъ милиція, наконецъ—Туркестанцы; штабъ—безъ потерь.

Авганцы понесли тяжкія потери: убитыхъ осталось на полѣ боя болѣе 500 ч.; масса коней; да умерло въ первые дни столько отъ ранъ [1]) и лишеній, что сами авганцы считаютъ свою потерю болѣе 1000 ч. погибшими. Раненыхъ всего 17, да плѣнныхъ 7. Много авганскаго начальства пострадало—убито четверо, а самъ предводитель раненъ двумя пулями въ бедро.

Мы истратили всего 28 орудійныхъ выстрѣловъ и сдѣлали 134,230 выстрѣловъ изъ ружей.

Наши трофеи и добыча: 8 пушекъ, знамена, значки, музыкальный инструментъ, весь лагерь, обозъ, запасы... Но болѣе всего пріобрѣли мы славы! Ибо авганцы считаются въ Средней Азіи самымъ серьезнымъ для европейцевъ противникомъ, послѣ ряда лихихъ боевъ съ англичанами, и самъ Робертсъ о нихъ отозвался, что:

«Имъ не хватаетъ только знающихъ предводителей, чтобы сдѣлаться грозной военной силой».

Въ Кушкинскомъ бою мы убѣдились, что имъ недостаетъ весьма многаго для столь лестной перспективы!

Вслѣдъ бѣжавшимъ Комаровъ послалъ тайныхъ развѣдчиковъ, а 21 и 22 числа по обѣимъ дорогамъ на Гератъ вверхъ по Мургабу (черезъ Пенде на Меручакъ [2]) и вверхъ по Кушкѣ [3]) посланы подполков. Алихановъ и кап. Прасоловъ съ конвоемъ. Авганцы, тáя [4]) по пути, достигли Герата на 11-ый день (28 марта), послѣ 9-и переходовъ отъ 50 до 10 в. въ сутки, съ 2-мя всего дневками. Положеніе ихъ было ужасно въ стужу — безъ платья, бѣлья, запасовъ, среди враждебнаго населенія... Въ г. Кушкѣ-авганскомъ ихъ собралось всего 1000 ч. (600 кон. и 400 пѣш.). Здѣсь ихъ встрѣтили гератскія власти (25—26) и нагналъ посланный отъ генерала Комарова съ письмомъ. Въ письмѣ мы объявили авганцамъ, что довольствуемся очищеніемъ ими лѣваго берега Кушки; что оттого и не преслѣдуемъ...; что злобы болѣе не имѣемъ и приглашаемъ забыть столкновеніе. Тамъ добавлялось, что убитые авганцы похоронены по-мусульмански, наемными рабочими, а раненые по выздоровленіи будутъ отправлены на нашъ счетъ на родину. Это письмо произвело впечатлѣніе; побѣжденные думали, что побѣдитель—по азіатски—наполнитъ его издѣвательствомъ...

Начальнику части конницы и 4-мъ офицерамъ, за то, что ихъ отрядъ подалъ примѣръ бѣгства, отрѣзали уши. Алиханова сочли главнымъ виновникомъ обострившихся отношеній. Англичане на время стушевались.

Кушкинскій бой поднялъ въ Англіи «вой» о необходимости войны съ Россіей. Абдурахманъ былъ избранъ главнокомандующимъ соединенныхъ

---

[1]) Болѣе половины бѣглецовъ были раненые.

[2]) 240 в. до Герата.

[3]) 215 в. до Герата.

[4]) Отъ ранъ, болѣзней, стужи...

силъ. Члены англійской разграничительной комиссіи принялись укрѣплять Гератъ. Въ Индіи сосредоточили большой корпусъ у Равальтиди... У насъ въ Закаспій перевезли ближайшій резервъ съ Кавказа...

Англичане затѣяли придирчивое изслѣдованіе поведенія генерала Комарова во всей этой «Кушкинской» исторіи, даже требовали третейскаго суда... Все это было отклонено Государемъ, который высказался, что по его мнѣнію «до войны, все-таки, не дойдетъ». И не дошло, вслѣдствіе его твердости.

Ближайшимъ слѣдствіемъ боя было оставленіе Пенде за нами, сильное движеніе между сосѣдними джемшидами уйти подъ нашу власть изъ-подъ власти Авганистана. Мы, конечно, отклонили это, и авганцы впослѣдствіи жестоко выместили джемшидамъ ихъ порывъ.

Разграниченіе продолжалось, а мы продолжали дѣлать уступки: отдали лабиринтъ Зюльфагарскаго прохода, одинъ изъ хорошихъ путей на Гератъ,

Памятникъ воинамъ, павшимъ въ Ташъ-Кепринскомъ бою 18 марта 1885 г. Открытъ 18 марта 1900 г. на курганѣ Кизыллы-тепе.

и отнесли нашу границу между Аму-Дарьей и Мургабомъ на 50 верстъ отъ культурной каймы Авганистана въ дикую пустыню.

Нашъ красивый памятникъ украшаетъ поле Кушкинской битвы, а въ сотнѣ верстъ къ югу выросла солидная для Азіи крѣпость Кушка; по этапамъ же Мургабскаго отряда отъ Мерва до кр. Кушки идетъ жел. дорога, станція которой «Ташъ-Кепри» пришлась какъ разъ у перваго нашего бивака въ виду авганцевъ.

Войска были щедро награждены за этотъ бой, ставшій громкой страницей родной политической и военной исторіи. Кстати, это единственный бой въ царствованіе Александра III... И до сихъ поръ не забылось историческое донесеніе Комарова, взбудоражившее міръ:

«Полная побѣда еще разъ покрыла громкой славой войска Государя Императора въ Средней Азіи. Нахальство авганцевъ вынудило меня, для поддержанія чести и достоинства Россіи, атаковать 18-го марта сильно-укрѣпленныя позиціи ихъ на обоихъ берегахъ р. Кушки. Авганскій отрядъ ре-

гулярныхъ войскъ, силой въ 4 т. челов. съ 8-ю орудіями, разбитъ и разсѣянъ, потерялъ болѣе 500 ч. убитыми, всю артиллерію, два знамени, весь лагерь, обозъ, запасы... Англійскіе офицеры, руководившіе дѣйствіями авганцевъ, просили нашего покровительства; къ сожалѣнію мой конвой не догналъ ихъ: они были, вѣроятно, увлечены бѣжавшей авганской конницей...»

Да не забудется полный спокойствія, достоинства, силы, а главное миролюбія отвѣтъ Александра III-го на это донесеніе:

— «Государь Императоръ шлетъ свое Царское спасибо Вашему Превосходительству (и всѣмъ чинамъ) храбраго (Мургабскаго) отряда за блестящее дѣло 18-го марта; повелѣлъ представить наиболѣе отличившихся офицеровъ къ наградамъ, а нижнимъ чинамъ жалуетъ 50 знаковъ отличія военнаго ордена... Вмѣстѣ съ симъ Его Величеству благоугодно знать въ подробности причины, побудившія Васъ поступить вопреки переданному Вамъ повелѣнію: всѣми силами воздерживаться отъ кровопролитнаго столкновенія...»

Добавимъ, что объясненія ген. Комарова были признаны вполнѣ правильными.

Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали, что Авганистанъ сдѣлалъ захватъ у насъ не въ одной Туркменіи, по и на Памирахъ, гдѣ онъ охватилъ было весь Западный Памиръ (Рошанъ и Шугнанъ), подстрекнутый къ тому Англіей и нашей уступчивостью, отдавшей впослѣдствіи безъ особаго спора англо-авганцамъ югъ Памира—Ваханъ и сѣверный склонъ Гиндукуша, съ перевалами нами, открытыми въ восточной его части. Удаливъ изъ Туркменіи захватчиковъ силой и развязавъ тамъ себѣ руки, мы взялись за очищеніе отъ авганскихъ же захватчиковъ и Памира, что не обошлось безъ геройскихъ стычекъ и борьбы съ тяжелыми условіями военнаго похода на этой, по истинѣ «Крышѣ міра».

III. Стычки на Памирахъ съ авганцами въ 90-хъ годахъ XIX-го вѣка.

Памирскіе походы 1891—1895 г.г. и разграниченіе на Памирахъ.

Памиры намъ достались вмѣстѣ съ покореніемъ Коканда, какъ одна изъ составныхъ его частей. Но огромныя заботы, обременявшія насъ въ Туркестанѣ, отсутствіе у насъ «англійской предпріимчивости», а равно и необычайная глушь этого края, долго оставляли его не только безъ занятія нашими войсками, администраціей, но ставили его внѣ нашего вниманія и знанія его размѣровъ, границъ, средствъ... А это былъ огромный край, гораздо большій того, чѣмъ мы сейчасъ владѣемъ подъ именемъ Памира [1]). Южный край его перегибался на индійскій склонъ Гиндукуша, гдѣ лежатъ мелкія государства—Гильгитъ, Канджутъ, Читралъ..., а западный край переходилъ за Аму-Дарью, сливаясь съ огромнымъ Бадакшаломъ, бухарской землей, о ко-

[1]) Теперешній нашъ Памиръ = 73 тыс. кв. вер., съ 223 юртами, въ коихъ живетъ 225 мужч. + 307 женщ. + 299 мальч. + 194 дѣвочки; правда, по даннымъ 1893 г. — а сейчасъ гораздо больше.

торой мы тоже мало тогда знали и которая сейчасъ составляетъ востокъ Авганистана.

Не тревожимые ни кокандцами, ни нами, обитатели Памира ужъ начинали считать, что «они ничьи, а Божьи, несмотря на памятники владычества Коканда (кала Базай-и-Гумбезъ) и не забыты его притѣсненія.

Сосѣди же — англичане, авганцы и китайцы, подмѣтивъ нашу безпечность, рѣшили втихомолку подѣлить между собою этотъ забытый край. Англія, конечно, затѣяла и руководила этой операціей.

Мы сами еще въ 1873 г. открыли ей глаза на свое полное незнаніе положенія Памировъ. Идя на англійское предложеніе провести въ Средней Азіи линію, которая бы разграничила сферы вліяній и владѣній Россіи и Англіи, мы было согласились на проектъ Форсайта, которымъ отсѣкался отъ Памировъ въ пользу Англіи и Авганистана лучшій ихъ уголъ (юго-зап.): Ваханъ (югъ), Шугнанъ (ю.-з.) и Рошанъ (зап.). Оставалось только занять то, чѣмъ мы не дорожили, — и сосѣди приступили къ этому; однако сдѣлали это столь неумѣло, что «разбудили» насъ и заставили идти и вооруженной рукой возстанавливать свои права на Памирѣ. Но много уже осталось за сосѣдями, намъ достался общипанный Памиръ.

Съ 1878 г. Англія стала прибирать къ рукамъ южный «за-Гиндукушскій» край Памира и изслѣдовать весь прочій Памиръ своими офицерами, столь большими энтузіастами въ путешествіяхъ, въ изслѣдованіяхъ глухихъ угловъ міра... А путешествія по Памиру—всегда подвигъ: это въ полномъ смыслѣ «Крыша міра», плоскогорія которой вздымаются на 12—13 тыс. фут., хребты и перевалы—на 18—19 тыс. фут., а вершины—до 21 тыс. фут. (Пикъ-Кауфмана), и гдѣ разрѣженный воздухъ порождаетъ «горную болѣзнь»... Это огромная и ужасная горная пустыня, съ головоломными дорогами-тропами, съ неукротимыми бѣшеными горными потоками, со скудной и тощей растительностью, съ зачатками первобытной культуры, съ рѣдкимъ и нищимъ, по бол. ч., населеніемъ; съ огромной разницей температуръ, временъ года и частей сутокъ, ломающей организмъ [1]), съ постоянными вѣтрами, вздымающими песчаныя и снѣжныя бури...

Англійскіе офицеры [2]) описывали свои памирскіе подвиги въ англійскихъ газетахъ — это и просвѣтило насъ на счетъ свойствъ Памировъ и ихъ значенія для насъ. Не будь англійской литературы, наше общество долго бы не хватилось Памировъ, т. к. труды нашихъ изслѣдователей [3]) Памировъ всегда держались подъ сурдинкой...

Авганцы же и китайцы, раздѣлившіе было между собой Памиръ, передрались [4]) на его срединѣ и этимъ шумомъ способствовали нашему «памирскому пробужденію».

Еще въ 1878 г., собираясь нажать на Англію, мѣшавшую въ 1877—78 гг.

---

[1]) Лѣто = + 10.3 средн.; зима = — 20.6 средн.

[2]) Іёнхенсбендъ, Эліасъ, Пичъ...

[3]) Громбчевскій, Мѣднинскій, Гермутъ, Мастериковъ.

[4]) Китайцы, придя изъ-за хребта Сарыкола, заняли постомъ окрестности оз. Рангъкуля и возвели укрѣпленіе въ центрѣ Памировъ у оз. Яшиль-куль, но были прогнаны изъ послѣдняго оружіемъ авганцевъ (1891 г.).

намъ расправиться съ Турціей, мы, группируя войска для движенія изъ Туркестана въ Индію изъ Джама черезъ Баракшанъ и изъ Ферганы черезъ Памиры, стали прозрѣвать насчетъ Памира...

Въ 1883 г., когда авганцы, наускиваемые англичанами, заняли западъ и и югъ Памировъ, жестоко обращаясь съ туземцами, то тѣ прислали ходатаевъ въ Туркестанъ, прося нашей защиты [1])... Это тоже просвѣтило насъ насчетъ Памировъ...

Въ 1890 г. къ намъ же явились послы отъ Канджута жаловаться, что ихъ край занялъ англичанинъ (кап. Іёнхенсбендъ) и укрѣпляетъ Гиндукушъ противъ русскихъ [2]) и проводитъ дороги съ юга къ гиндукушскимъ переваламъ, а серъ Эліасъ бродитъ по всѣмъ Памирамъ (Рангъ-куль...) почти вплоть до Ферганы [3]).

Мы узнали (1892 г.), что авганцы ведутъ изъ Баракшана разработку колесныхъ (для пушекъ) дорогъ къ срединѣ Памировъ и туда же двигаютъ свои посты и китайцы изъ Кашгара черезъ Сарыколъ и что англичане собираются разграничить между ними нашъ Памиръ...

Мы узнали, что мистеръ Пичъ, объѣхавшій (1891 г.) наши Памиры и радушно принятый въ Туркестанѣ, не ученый натуралистъ, какимъ онъ рекомендовался, а офицеръ 3-го полка мадрасской кавалеріи и съемщикъ-рекогносцеръ, цинично осмѣявшій насъ, за наше гостепріимство, въ англійской печати [4]).

Тогда мы стали строить дорогу (колесную и вьючную) изъ Ферганы на Памиры (1887—1893), сами стали посылать туда рекогносцеровъ и, наконецъ, рѣшили очистить Памиры отъ захватчиковъ силой оружія...

Памирскіе походы наполнили три года—1892—1895 г. Они велись до смѣхотворности малыми отрядами, потому, что только такіе отрядцы могли тогда жить и дѣйствовать на Памирѣ. Да и сейчасъ, когда почти колесный путь пересѣкъ Памиры отъ Ферганы до Индіи, больше 3-хъ тыс. не могутъ избрать Памиры театромъ похода...

Но Памирскіе походы славны для русской арміи не числомъ войскъ и не размѣромъ стычекъ, а борьбой съ огромными природными трудностями... Значеніе этихъ походовъ такъ рисуетъ одинъ ихъ изслѣдователь [5]): «Это (былъ) смѣлый вызовъ, брошенный Россіей индійскимъ сосѣдямъ, (который) взволновалъ Европу, взоры которой съ лихорадочнымъ напряженіемъ были обращены на горсточку русскихъ воиновъ, встрѣтившихъ грудью всѣ невзгоды и препятствія суровой «Крыши міра».

Изнурительный горный маршъ съ горной болѣзнью и тоской по родинѣ; убійственный климатъ, въ которомъ жару столь быстро смѣняетъ снѣгъ, что не

---

[1]) Занявъ Ваханъ, Шугнанъ и Рошанъ, авганцы изгнали изъ нихъ законныхъ правителей.

[2]) Возстановилъ крѣпостцу Шахидулла-Ходжа.

[3]) Мы узнали (1892), что англичане снабжаютъ оружіемъ при-Памирскихъ авганъ и китайцевъ для противодѣйствія намъ.

[4]) Онъ удивлялся, что мы плохо отъ него прикрывали наши государственные интересы на памирской окраинѣ.

[5]) Б. Л. Тагѣевъ (Рустамъ-Бекъ) и издатель его труда («Памирскіе походы»).

знаешь въ чемъ идти—въ рубахѣ или полушубкѣ... Ужасныя дороги, поглотившія $^1/_2$ коней отряда... Встрѣчи съ воинственными и дерзкими авганцами, вооруженными съ ногъ до головы англійскимъ оружіемъ и одѣтыми въ англійское платье... Пустынность, унылость и суровость края... Все это заполнило одну изъ блестящихъ страницъ выносливости русской арміи...

Съ весны 1891 г. начались сборы въ памирскій походъ. А 2 іюня 1901 г. выступилъ изъ Туркестана [1]) первый русскій отрядъ изъ пѣхоты (5 охотничьихъ командъ [2])) и казаковъ [3]), подъ командой полковника М. Е. Іонова, человѣка рѣшительнаго, энергичнаго, георгіевскаго кавалера Туркестанскихъ походовъ, сподвижника Скобелева... Это былъ вождь типа «Скобелева», много копировавшій съ успѣхомъ послѣдняго и стяжавшій себѣ среди тамошнихъ войскъ широкую популярность, любовь [4])... Для нравственной поддержки этой экспедиціи, самъ начальникъ Туркестанскаго края прибылъ въ то же время для осмотра Кашгарской и Памирской окраины Ферганы. Эта демонстрація удалась, и молва разнесла по Авганистану и Индіи о корпусѣ войскъ, пришедшемъ къ подножію Памировъ, вмѣстѣ съ туркестанскимъ ген.-губернаторомъ, барономъ Вревскимъ.

Задачей Іонова было: 1) осмотрѣть всѣ Памиры, 2) удалить съ нихъ, по возможности безъ столкновеній, захватчиковъ и чужихъ агентовъ и 3) фактически доказать населенію—кому оно принадлежитъ. Для съемокъ при отрядѣ былъ топографъ.

Изъ Ферганы Іоновъ пошелъ на Памиры черезъ Алайскіе хребты, по запущенной съ 1887 г. Алайской дорогѣ, неисправность которой стоила ему нѣсколькихъ вьюковъ и лошадей, особенно на перевалахъ Тенгизъ-бай (12 т. фт.) и Кизилъ-Арватъ (14,300 фт.). Онъ не могъ держать связи съ Туркестаномъ и потому цѣлый мѣсяцъ не было отъ него извѣстій... Безпокоясь, баронъ Вревскій 8-го августа послалъ (изъ Иркештама) на поиски офицера, который нашелъ Іонова уже на обратномъ пути отъ границъ Индіи, въ центрѣ Памировъ [5])...

Іоновъ, не обращая сперва вниманія на посты авганцевъ и китайцевъ и англійскихъ рекогносцеровъ, пошелъ прямо къ индійской границѣ [6]), къ гребню Гиндукуша, за которымъ лежало ханство Канджутъ. Въ сердцѣ Памировъ (р. Алигуръ и оз. Яшиль-куль) онъ оставилъ пѣхоту и часть казаковъ на промежуточномъ посту, и всего съ 20 всадниками перевалилъ въ Индію, чуть не погибнувъ отъ трехдневной метели на перевалѣ, получившемъ его имя. Въ это время англичане, занявшіе уже съ 1890 г. сосѣдній съ Канджутомъ Гильгитъ, вели оттуда къ первому дорогу, стремясь уже съ 1886 г. упро-

---

[1]) Изъ областного города Ферганы, изъ Нов.-Маргелана.

[2]) Отъ 2, 7, 15, 16 батальоновъ.

[3]) 34 казака отъ 6-го Оренб. каз. полка.

[4]) Въ 1898 г., послѣ бунтовщической вспышки въ Андижанѣ, онъ былъ (будучи уже генераломъ) временно назначенъ командовать войсками Ферганы на случай разгара бунта, и я лично былъ свидѣтелемъ обаянія Іонова среди войскъ Туркестана.

[5]) Въ долинѣ р. Алигура.

[6]) Черезъ р. Алигуръ, перев. Хоргошъ, къ р. Хоргошъ-Дарья, р. Ваханъ-Дарья, перевалъ Хедаръ-Гуръ (Суксарватъ).

чить свою тамъ власть. Узнавъ о приходѣ русскихъ, Канджутъ (его ханъ Сафдеръ-Али-ханъ) тотчасъ послалъ ходоковъ къ барону Вревскому проситься въ наше подданство, и 20-го авг. они представились ему въ Н. Маргеланѣ. Имъ отказали, соблюдая сферы вліяній Россіи и Англіи въ Ср. Азіи, и Канджутъ былъ занятъ отрядомъ полковн. Дюрана, послѣ упорнаго сопротивленія (1892 г.).

Пройдя около сотни верстъ вдоль Индійскаго склона Гиндукуша на западъ, Іоновъ, черезъ извѣстный прох. Барогиль, повернулъ на Памиры. При проходѣ близъ Ваханской крѣпостцы Сархадъ, онъ былъ свидѣтелемъ бѣгства авганскаго гарнизона, впавшаго въ панику отъ появленія русскихъ, да еще со стороны Индіи. На обратномъ пути на зимовку въ Фергану, Іоновъ захватилъ въ плѣнъ двухъ англійскихъ офицеровъ-шпіоновъ: одного (драгунск. капитанъ Іёнхенсбендъ) онъ удалилъ въ китайскіе предѣлы, взявъ подписку о невозвратѣ на Памиры, а другого вывезъ въ Фергану (мистеръ Девиссонъ). А затѣмъ онъ принудилъ китайскаго генерала съ его отрядомъ, прикрывавшимъ работы англичанъ, покинуть наши Памиры. Въ этотъ походъ, сталобыть, былъ обревизованъ нами восточный, средній Памиръ и восточная часть южнаго и все предпріятіе было выполнено блестяще, хотя и не безъ потерь [1]).

Но съ уходомъ Іонова сосѣди (авганцы и китайцы) тотчасъ вернулись на Памиры. Китайцы заняли прежніе посты и возвели за хреб. Сарыколомъ крѣпостцы Акъ-Ташъ и Ташъ-Курганъ. Слухъ объ этомъ заставилъ насъ послать, одинъ за другимъ, два офицерскихъ разъѣзда среди глухой зимы [2]). Черезъ пять дней колоссально-труднаго марша черезъ снѣжные Алайскіе хребты головной разъѣздъ достигъ китайскаго захватнаго поста (Музъ-куль) и былъ принужденъ отойти на второй разъѣздъ по настояніямъ китайскаго генерала. Соединившись, наши разъѣзды ударили на китайцевъ и однѣми нагайками заставили ихъ убраться въ Кашгаръ (за перев. Акъ-Берды).

А съ весны начались болѣе обширныя приготовленія для возвращенія отряда Іонова на Памиры. Опять 2 іюня 1892 г. Іоновъ пошелъ, но уже съ батальономъ пѣхоты [3]), съ 4 конно-горн. пушками, 3 казач. сотнями, саперной и геліографной командами, отлично снабженными одеждой, продовольствіемъ, перевозочн. средствами (1 тыс. вьюч. лошадей), врачебнымъ и интендантскимъ персоналомъ.

При Іоновѣ былъ и офицеръ ген. штаба (полк. Верещагинъ).

Въ долину Алая Іоновъ пришелъ съ двумя колоннами, достаточно натерпѣвшимися трудовъ и лишеній въ горахъ. Китайцы, вернувшіеся весной къ Рангъ-кулю, были прогнаны (за Сарыколъ) однимъ движеніемъ Іонова по дорогѣ къ этому пункту [4]). У слiянія рр. Акъ-су и Акъ-Байтала, образующихъ р. Мургабъ, былъ заложенъ первый «Памирскій постъ».

---

[1]) Отъ горной болѣзни умеръ ефрейторъ Лохматкинъ.

[2]) Февр. 1892 г. Разъѣздъ поруч. Бржезецкаго въ 32 ч. (12 казаковъ и 20 туземцевъ-джигитовъ).

[3]) 2 роты отъ 2-го Турк. лин. б—на, 6 ком. охотниковъ (2, 4, 7, 16, 18 и 20 Турк. лин. бб.).

[4]) За Сарыколомъ китайцы выставили противъ насъ «лянзъ» своей кавалеріи.

Затѣмъ, началось истребленіе китайскихъ и авганскихъ постовъ, забравшихся на Памиры.

Полусотня казаковъ и рота съ капит. Скерскимъ выгнала китайцевъ изъ крѣпостцы Акъ-ташъ на ю.-в. Памиръ и срыли ея верки до основанія.

Остальной отрядъ съ самимъ Іоновымъ, сдѣлавъ нѣсколько форсированныхъ переходовъ, окружилъ внезапно авганскій постъ въ 18 ч. у оз. Яшилькуль въ крѣпостцѣ Сумэ-Ташъ.

На предложеніе Іонова выйти для переговоровъ безъ оружія, авганскій капитанъ Гулямъ-Хайдеръ-ханъ явился съ цѣлымъ своимъ вооруженнымъ постомъ. По словамъ участника, «авганцы, одѣтые въ красные мундиры, съ заряженными снайдеровскими ружьями, имѣли весьма внушительный видъ».

Іоновъ предложилъ ему уйти съ нашихъ Памировъ.—Авганецъ объявилъ, что это авганская земля.—Іоновъ предложилъ ему положить оружіе.—Авганецъ отвѣчалъ, что никогда рабомъ не будетъ и что оружіе можно снять съ него только съ мертваго.

Тогда Іоновъ приказалъ своимъ казакамъ, которыхъ возлѣ него оказался только одинъ взводъ [1]), обезоружить авганцевъ. Произошла рукопашная свалка, въ которой наши взяли верхъ черезъ пять минутъ яростной схватки. По словамъ очевидца: «не прошло и 5 минутъ среди ружейной трескотни, лязганья шашекъ, стоновъ и криковъ, какъ авганскаго поста не стало, и начальникъ его съ пробитой головой лежалъ на камняхъ подъ яромъ», убитый изъ винтовки хорунжимъ Каргинымъ. Часть авганцевъ была перебита, а часть взята въ плѣнъ.

Надо сказать, что полковн. Іоновъ по собственной иниціативѣ рѣшилъ очистить, даже силой, ю.-зап. Памиръ (до р. Пянджа) отъ авганцевъ, потому что инструкціи, данныя ему, предлагали очистить Памиръ только къ с. отъ Мургаба, т.-е. одинъ сѣверный и часть восточнаго Памира.

Это произошло 12-го іюля 1892 года. На донесеніи полк. Іонова Государь написалъ резолюцію:—«Иногда не мѣшаетъ проучить». Однако Іонову запретили двигаться дальше въ авганскую сторону, зато разрѣшено дѣйствовать въ сторону китайцевъ.

Аборигены восточной и центральной части Памировъ, киргизы, охотно помогали намъ и противъ авганцевъ и противъ китайцевъ, донося о нихъ и мороча ихъ. Они больше симпатизировали все-таки китайцамъ, чѣмъ авганцамъ. Но малыя деньги, данныя Іонову на экспедицію, мѣшали намъ широко развернуть съ Памировъ къ сосѣдямъ развѣдки.

Китайцы всюду бѣжали отъ насъ, но по уходѣ нашемъ опять возвращались.

Тѣмъ временемъ «Постъ Памирскій» былъ обращенъ военнымъ инженеромъ, шт.-кап. Серебряниковымъ въ укрѣпленіе. Гарнизонъ помѣстился въ юртахъ, обмазанныхъ глиной, съ желѣзными печами, пока не были построены землянки, а позже и бараки изъ сырцоваго кирпича. Отрядъ, оставленный здѣсь на зимовку (160 челов. пѣх., 40 казаковъ съ ген. шт. капит. Кузне-

---

[1]) Три прочихъ взвода посланы окружить издали отрядъ авганцевъ.

цовымъ) названъ временно «Шаджанскимъ». 25 авг. остальныя силы съ Іоновымъ отошли въ Фергану, построивъ къ 1 сен. по дорогѣ промежуточный этапъ у оз. Шоръ-куля, въ видѣ укрѣпленія изъ земляныхъ мѣшковъ. У сѣвернаго края Памировъ Іонова нагналъ авганскій маіоръ съ письмомъ отъ пограничнаго съ Памирами авганскаго губернатора съ протестомъ противъ русскихъ претензій на весь Памиръ.

А съ «Памирскаго поста» между тѣмъ была организована развѣдка на всѣхъ Памирахъ, а за нею и сношенія съ сосѣдями. Оказалось, что на китайцевъ можно вліять и безъ оружія, а съ авганцами нужны мѣры болѣе суровыя.

Съ весны (1893 г.) авганцы стали усиленно хозяйничать въ ханствахъ Западнаго Памира (Шугнанъ и Рошанъ). Для повѣрки этого была послана нами развѣдочная партія С. П. Ванновскаго [1]) съ крохотнымъ конвоемъ (2 пѣхотинца и 16 каз. при 2-хъ офицерахъ). Ихъ направили въ Рошанъ и Дарвозъ, приказавъ собрать разспросныя свѣдѣнія и о Шугнанѣ. Разъѣздъ шелъ по краю, гдѣ еще не ступала нога европейцевъ, преодолѣвая невѣроятныя трудности въ дикихъ горахъ, быстрыхъ рѣкахъ, пустынности страны...

Когда Ванновскій спустился по ущелью р. Бартангъ (Мургабъ-Памирскій) почти къ Пянджу (Верхняя Аму-Дарья), авганцы (65 ч.), выступивъ ему навстрѣчу изъ крѣп. Кала-и-Вамаръ на этой рѣкѣ, 27 авг. 1893 г. преградили ему путь у с. Имца (въ дол. р. Бартанга). Три дня длились переговоры, не приведшіе ни къ чему. Авганцы стали получать подкрѣпленія, къ Ванновскому тоже было оно послано, а къ сѣв. окраинѣ Памировъ былъ даже придвинутъ резервъ памирскихъ постовъ и отрядовъ. 30-го произошла между противниками перестрѣлка, стоившая авганцамъ чувствительныхъ потерь. Но бой былъ прекращенъ полученіемъ отъ Баракшанскаго губернатора пропуска для русскихъ. Это дало возможность намъ осмотрѣть с.-зап. участокъ Памировъ, очищенный авганцами. Движеніе наше поборолo огромныя трудности пути.

Памирскій постъ ежегодно занимался смѣннымъ отрядомъ, посылавшимъ по Памирамъ разъѣзды, а къ подножію Памировъ придвигался резервный отрядъ.

Весной 1894 г. авганцы, подстрекаемые Англіей, снова заняли своими отрядами западъ Памировъ, ханства Рошанъ и Шугнанъ, сильно разоряя ихъ населеніе.

Тогда былъ снова вызванъ на сцену Іоновъ, произведенный уже въ генералы, со званіемъ начальника всѣхъ памирскихъ отрядовъ. Онъ направилъ свои разъѣзды въ ю.-зап. уголъ Памировъ внизъ по рр. Гунту и Шахъ-Дарьѣ, соединивъ ихъ постами. Другіе разъѣзды пошли по прочимъ рѣкамъ, разсѣкающимъ западный Памиръ до Пянджа—по рр. Ванчу, Язгуґаму и Бартангу въ связи съ Памирскимъ постомъ.

Разъѣздъ кап. Скерскаго и кап. Серебряникова, шедшій по р. Шахъ-Дарьѣ, былъ встрѣченъ съ восторгомъ ханомъ и населеніемъ Шугнана, въ которомъ авганцы держали постъ изъ туземцевъ и періодическіе разъѣзды. Здѣсь нога европейцевъ тоже была впервые. Пути были головоломны, вдоль по ущелью и карнизамъ надъ клокочущей Шахъ-Дарьей.

---

[1]) Причисл. къ ген. штабу, шт.-кап. лейбъ-гв. Преображенскаго полка.

Навстрѣчу всѣмъ нашимъ партіямъ двинутымъ на западный Памиръ, пошли изъ-за Пянджа партіи авганцевъ.

На послѣдней трети пути внизъ по р. Шахъ-Дарьѣ Скерскій былъ остановленъ залпомъ авганцевъ изъ ихъ крѣпости Рошъ-кала. Скерскій сталъ выжидать подкрѣпленій, подходившихъ къ нему эшелонами. Не дожидаясь ихъ, и слыша, что авганцы хотятъ напасть на отрядъ кап. Юденича, шедшій по дол. р. Гунтъ, Скерскій рѣшилъ атаковать Рошъ-калу. Авганцы поспѣшно очистили крѣпостцу и отошли на слѣдующую горную позицію, верстъ на 12 ниже по рѣкѣ, увѣряя, что не могутъ уступить края, «даннаго Авганистану Богомъ»... 4-го авг. авганцы покушались приступить къ нашей позиціи, но отступили...; 5 авг. они стали надвигаться на нашъ отрядецъ, а ихъ конный взводъ бросился было отхватить нашъ казачій дозоръ, но былъ отбитъ ловкимъ залпомъ съ позиціи въ 2.200 шагахъ! Это ошеломило авганцевъ.

Но вотъ пришло извѣстіе отъ Юденича, что онъ блокированъ авганцами на р. Гунтъ, а къ Скерскому подошло подкрѣпленіе. Узнавъ объ этомъ, авганцы въ числѣ 2-хъ ротъ (130 ч.) и 28 всадниковъ, поманеврировавъ, отступили временно на переходъ отъ Скерскаго. Съ разсвѣта авганцы снова открыли наступленіе, пославъ часть силъ въ обходъ. Этотъ обходъ на привалѣ былъ внезапно атакованъ 15 казаками хорунж. Рябова, что нѣсколько позадержало ходъ авганцевъ (съ 11 час. до 2 ч. дня). Съ перестрѣлкой авганцы, употребляя перебѣжки «по-европейски», подошли къ нашей позиціи на 1600 шаговъ. Огонь длился всю ночь, когда къ авганцамъ подошло подкрѣпленіе, и они стали строить въ 2400 шагахъ отъ насъ укрѣпленіе, но утромъ бросили его и отошли за 5 в., хотя еще усилились... Отрядецъ нашъ, работавшій съ 24 іюля по 5 августа всего съ 27 каз. и 12 пѣхот., сталъ изнемогать, да къ тому же туземцы, питавшіе отрядъ, видя, что авганцы сильнѣе, стали откочевывать, обрекая насъ на голодовку... Къ счастью пришла вѣсть, что идетъ подкрѣпленіе и самъ Іоновъ идетъ на выручку. Съ 5 на 6 пришло 30 пѣх., 3 каз., какъ разъ когда авганцы стали не давать отряду покоя ни днемъ, ни ночью. Одна вѣсть о приближеніи Іонова повернула все дѣло — авганцы поспѣшно убрались во-свояси, какъ стоявшіе противъ кап. Скерскаго, такъ и блокировавшіе подполк. Юденича [1]). Оба наши отрядца соединились въ Хорогѣ на р. Пянджѣ (Верхн. Аму-Дарья), а потомъ развѣдали долину этой рѣки вверхъ и внизъ, при чемъ кр. Кала-и-Вамаръ была занята русскимъ гарнизономъ. Въ сентябрѣ черезъ «Памирскій постъ» всѣ наши отрядцы ушли въ Фергану, потому что авганцы очистили навсегда Памиры, Шугнанъ и Рошанъ.

Въ 1895 году, послѣ 4-хъ лѣтъ возни съ захватчиками Памировъ, мы, при посредствѣ Англіи, съ помощью оффиціальнаго договора, уладили Памирскій вопросъ, весьма щедро надѣляя сосѣдей. Англія получила ю.-в. уголъ Памировъ, Авганистанъ получилъ Ваханъ, т.-е. вся горная окраина Памировъ досталась англо-авганцамъ и отдѣлила насъ отъ естественной границы съ Индіей, отъ Гиндукушскаго хребта. Рѣка Пянджъ отдѣлила насъ съ ю.-з. и за-

---

[1]) Противъ Юденича было 2 орудія и тамъ авганцы подходили къ намъ на 300 шаговъ, но все обошлось безъ боя.

пада отъ Авганистана, за что эмиръ отказался отъ претензій на часть Дарваза, соединявшую Памиръ съ Бухарой на с.-западѣ.

Участники похода получили въ память ихъ медаль съ вензелями Н. I, А. II и А. III и подписью — «за походы въ Средней Азіи 1873—1895 гг.».

У насъ осталось недовольство — перевалы Гиндукуша, открытые и посѣщенные нами, остались.

Въ заключеніе приведемъ слова участника, опредѣляющія значеніе «Памирскихъ походовъ» въ исторіи россійской арміи:

—«Памирскіе походы безспорно можно считать самымъ труднымъ походомъ въ Азіи, въ смыслѣ борьбы съ суровой природой, обезсмертившіе новою славой лихія туркестанскія войска, водрузившія русское знамя на суровой «Крышѣ міра».

IV. Современное положеніе Россіи въ Средней Азіи.

Наше положеніе на средне-азіатскомъ боевомъ фронтѣ.

Современное положеніе наше въ Средней Азіи во всѣхъ отношеніяхъ, а въ томъ числѣ и въ военномъ, есть результатъ трудовъ государства съ половины XVI-го вѣка, со времени покоренія татаръ на Волгѣ и въ Западной Сибири,—результатъ покоренія огромныхъ киргизскихъ степей, Хивы, Бухары, Коканда, Туркменіи... на протяженіи $3^1/_2$ вѣковъ.

Когда-то въ сѣдой древности нашей еще неписанной исторіи, раньше открытія морского пути Западной Европой въ Индію, Русь вела торгъ съ этой дивной страной, когда-то сухопутьемъ проникала въ нее и запечатлѣла это въ своихъ былинахъ, зовя ее «Богатой Индѣей», куда будто бы рыскалъ, обернувшись сѣрымъ волкомъ, вѣщій князь русскій Вольга Святославичъ.

Это стремленіе къ торгу съ Индіей, къ общенію съ ея дивнымъ Солцемъ, Океаномъ и Природой остается и останется навсегда главнымъ лейтъ-мотивомъ нашего стремленія въ Среднюю Азію, стремленія чисто транзитнаго пути въ Индію.

Затѣмъ изъ Средней Азіи или черезъ Среднюю Азію изъ Азіи Центральной хлынули тѣ дикари-кочевники, которые вплоть до временъ татарскаго ига принесли намъ бездну безпокойства и страданій, вмѣсто добрососѣдскихъ отношеній.

Когда, наконецъ, произошелъ переломъ и мы стали сильнѣе выходцевъ изъ Средней Азіи и ея аборигеновъ, первое, что мы отъ нихъ потребовали—это добрососѣдскихъ отношеній: не нападать, не грабить, не брать въ рабство; не мѣшать въѣзду и транзиту черезъ ихъ земли; допустить проживаніе у нихъ нашихъ подданныхъ; не брать съ насъ лишнихъ пошлинъ; а затѣмъ—войти съ нами въ дружескія сношенія, въ правильныхъ дипломатическихъ формахъ и оказывать намъ ту долю почета, который подобаетъ намъ, какъ великой державѣ.

И сейчасъ, по отношенію оставшихся въ Средней Азіи сосѣдей нашихъ, отъ Персіи, Авганистана, Кашгаріи, Индо-британской имперіи мы ничего больше не желаемъ, какъ однихъ только добрососѣдскихъ отношеній.

Мы не только требовали, но и добивались этихъ отношеній, всегда неизмѣнно примѣняя къ сосѣду всѣ возможныя средства, въ строгой постепенности отъ самыхъ кроткихъ до самыхъ строгихъ, кончающихся полнымъ разгромомъ и завоеваніемъ, если ничто другое не дѣйствовало. Такъ что арміи и флоту (на Каспіи, Аралѣ, Балкашѣ и на рѣкахъ) была постоянная работа въ Средней Азіи, вслѣдствіе большой дикости ея народовъ или серьезной конкуренціи, соперничества съ нами.

И свойства теперешнихъ сосѣдей таковы, что среди прочихъ средствъ каждую минуту можетъ требоваться обращеніе и къ военной силѣ, почему современная намъ русская Средняя Азія съ большой заботливостью обращается Россіей въ первоклассный боевой фронтъ.

Дѣйствительно, сосѣди наши въ Средней Азіи еще не вошли съ нами въ нормальныя отношенія...

Кашгарія—не то часть Китая, состоящаго въ данное время въ неопредѣленныхъ съ нами отношеніяхъ изъ-за покровительства сепаратизму Монголіи, не то вновь пріобрѣтаетъ обликъ самостоятельнаго и пока еще «варварскаго» владѣнія, могущаго быть хотя и не слишкомъ сильнымъ для насъ, но достаточно безпокойнымъ...

Авганистанъ пока все еще сосѣдъ съ отрицательнымъ знакомъ, не только въ силу нашихъ соглашеній съ Англіей на его счетъ, но и по «врожденной» суровости, дикости и замкнутости. Доступъ туда намъ пока совершенно возбраненъ и мы нигдѣ на свѣтѣ не пользуемся болѣе обиднымъ къ себѣ отношеніемъ, чѣмъ въ Авганистанѣ.

Вдобавокъ, тамъ свиваютъ издавна и до нашихъ дней себѣ гнѣздо разныя вредныя для насъ алармистическія движенія... То онъ готовится быть авангардомъ Англіи при походѣ ея на насъ въ Средней Азіи или западней, капканомъ, при нашемъ движеніи черезъ него въ Индію; то онъ является центромъ мусульманскихъ фанатизма и изувѣрства противъ насъ, и какъ во времена Ширъ-Али мечтаетъ о коалиціи мусульманъ противъ насъ, то онъ служитъ, какъ въ послѣдніе дни, пріютомъ германскихъ военныхъ инструкторовъ изъ состава турецкой арміи, мечтающихъ обратить Авганистанъ въ новую (для насъ) Японію съ молніеноснымъ военнымъ прогрессомъ и новой Манчжуріей для Россіи... Наконецъ, предсказываютъ, что это зрѣетъ для насъ второй Кавказъ, но болѣе погибельный и болѣе похожій на осиное гнѣздо.

Англія въ Индіи остается для насъ такимъ же бряцающимъ оружіемъ соперникомъ, какъ всегда, несмотря на теплую дружбу нашихъ дней и почти союзъ противъ Германіи. Кажется, что пока Англіи не понадобится наша помощь противъ нѣмцевъ, захватывающихъ эту драгоцѣнную колонію, до тѣхъ поръ ихъ намеки на возможность жел. дороги отъ насъ въ Индію, черезъ Персію или черезъ Авганистанъ, останется красивой и заманчивой сказкой.

Персія, въ своей агоніи, требуетъ постоянно отъ насъ присутствія военныхъ силъ на ея границѣ для отстаиванія въ ней крупныхъ нашихъ интересовъ отъ внутреннихъ персидскихъ смутъ.

И надо сказать по совѣсти, что военное положеніе наше растетъ тамъ не по днямъ, а по часамъ и совершенно уже не похоже на то, которое мы видѣли въ предыдущихъ главахъ нашей книги. Со времени Ахалъ-теке (1881 г.), Кушки (1885 г.) и Памировъ (1895 г.) много утекло воды въ дѣлѣ усовершенствованія нашего тамъ боевого фронта:

— Желѣзная дорога не только прорѣзала по длинѣ весь этотъ фронтъ отъ Каспія до Кашгара, параллельно персидской, авгано-индійской границамъ,—но связалась со всею ж.-д. сѣтью Имперіи и можетъ всегда наводнить войсками Среднюю Азію. Этому же способствуетъ развитіе судоходства нашего на Каспіи, Волгѣ, Аралѣ и Аму-Дарьѣ и вѣтки ж. дороги къ границамъ, построенныя (на кр. Кушку) и подлежащія постройкѣ (къ Термезу). Близится къ осуществленію и жел. дорога черезъ Семирчѣье, которая дастъ огромный потокъ дешеваго сибирскаго хлѣба въ Ср. Азію, считая здѣсь и интендантскіе интересы боевого фронта.

Наши крѣпости здѣсь—Кушка, Термезъ.. совершенствуются... наши планы на случай войны. Здѣсь улучшаются разработкой изъ года въ годъ и все болѣе и болѣе крѣпнетъ мысль, кромѣ туркменскихъ войскъ, завести еще и многочисленныя легко-конныя киргизскія войска...

Культура края, колонизація его европейскимъ элементомъ все болѣе и болѣе повышаютъ его свойства, какъ хорошей базы для боевыхъ операцій... Прошло то время, когда надо было везти сюда капусту, ячмень, муку... Мѣстныя средства теперь свободно прокормятъ здѣшнюю войну.

Задачи равноправія, которыя Россія внесла въ Среднюю Азію вмѣстѣ съ ея умиротвореніемъ, создаютъ намъ болѣе преданное здѣсь населеніе, чѣмъ у англичанъ въ Индіи. Это дѣлаетъ болѣе надежной базу нашу здѣсь въ военное время и потребуетъ у насъ оставленія меньшихъ силъ для усмиренія возможныхъ волненій.

Все это позволяетъ намъ держать (кормить и размѣщать) здѣсь все бо́льшія и бо́льшія силы, а это, въ свою очередь, позволяетъ не придерживаться, какъ раньше, только оборонительныхъ, пассивныхъ тенденцій, но переходить постепенно къ комбинаціямъ широкаго почина, т.-е. дальняго наступленія.

Изученіе сосѣднихъ театровъ съ нашимъ фронтомъ быстро улучшается и все меньше и меньше остается для нашихъ изслѣдователей-стратеговъ «Америкъ» и въ Восточной Персіи (Сеистанъ), и въ Авганистанѣ, и въ краяхъ при-Памирскихъ, и въ самой Индіи. Это тоже упрощаетъ и уточняетъ боевые расчеты нашего средне-азіатскаго фронта.

Сильное вліяніе наше на улучшеніе жизни въ такихъ варварскихъ уголкахъ Средней Азіи, какъ Бухара и Хива, располагаетъ еще болѣе къ намъ сердца зарубежныхъ народцевъ, стонущихъ подъ тяжелой рукой Авганистана и даже Британской Индіи.

Наконецъ, быстрое наверстываніе нами всѣхъ пробѣловъ, открытыхъ въ нашей арміи японской передрягой даетъ нашимъ войскамъ, въ томъ числѣ и

въ Средней Азіи, большой плюсъ *техническаго* превосходства надъ сосѣдями, Авганистаномъ и даже надъ индо-британцами...

Словомъ, наше теперешнее положеніе въ Средней Азіи, открывая съ одной стороны широкіе горизонты для *безпокойства* касательно неполноты еще добрососѣдскихъ отношеній, вселяетъ, какъ никогда, много увѣренности, что и средства тамъ для того, чтобы при надобности разрубить и эти Гордіевы узлы, уже огромны и все продолжаютъ расти.

Положеніе наше въ Средней Азіи еще *не закончено*, но и *не опасно*, а полно самыхъ хорошихъ (побѣдныхъ) надеждъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТАГО ВЫПУСКА.

Флотъ въ царствованіе Императора Александра II.

I. Отъ Парижскаго мира до войны съ Турціей.

Е. И. АРЕНСЪ. II. Очеркъ военно-морскихъ дѣйствій въ Турецкую кампанію 1877—1878 г.г.

Списокъ иллюстрацій, помѣщенныхъ въ двѣнадцатомъ выпускѣ.

Кромѣ того помѣщено чертежей, схемъ и плановъ—23.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ
АРМІИ И ФЛОТА
Т. XII
КН-ИЗД. Т-ВО «ОБРАЗОВАНІЕ»

Дефектов нет
15/VI 45г Грушевская

Дефектов нет
5/VIII 46г